

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА
КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ

Министерство культуры Российской Федерации
Фонд поддержки и развития культуры «Преображение»

Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник «Кижь»

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ

Петрозаводск
Издательский дом ПИН
2022

УДК 39
ББК 63.529(2Рос.Кар)
П 159

Рекомендовано к изданию решением научно-методического совета
Государственного историко-архитектурного и этнографического
музея-заповедника «Кижж» от 8 ноября 2022 г.

Авторы идеи, составители:

С. В. Воробьева, кандидат филологических наук;
В. А. Кирьянов, кандидат исторических наук

Под общей редакцией С. В. Воробьевой и В. А. Кирьянова

Рецензенты:

И. В. Мельников, кандидат исторических наук;
С. В. Нагурная, кандидат филологических наук

П 159 Памятная книжка Кижской волости / Министерство культуры Российской Федерации, ФГБУК «Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник „Кижж“», Фонд поддержки и развития культуры «Преображение» ; сост., общ. ред.: С. В. Воробьева, В. А. Кирьянов. — Петрозаводск : Издательский дом ПИН, 2022. — 372 с. : ил.

ISBN 978-5-904704-00-1

«Памятная книжка Кижской волости» представляет собой новый опыт создания провинциального справочника, который ежегодно издавался в XIX — начале XX в. в губерниях Российской империи. По старой традиции, в ней содержится историческая, этнографическая и краеведческая информация о конкретной территории. При этом здесь впервые реализована идея объединения истории деревень Кижской волости по письменным источникам и по воспоминаниям местных жителей. В народных мемуарах отражена динамика развития личных, семейных и общественных отношений большой группы жителей Заонежья. Хронологически это период с середины XVI в. и по нынешнее время. Книга позволит узнать о славных и трагических страницах истории родного края. Информация о деревнях и их жителях может быть использована при подготовке различных экскурсий музея-заповедника «Кижж» и стать основой для разработки дополнительных программ в районе Кижского ожерелья.

«Памятная книжка Кижской волости» адресована местным жителям, а также историкам, краеведам и этнографам.

ISBN 978-5-904704-00-1

© ФГБУК «Государственный историко-архитектурный
и этнографический музей-заповедник „Кижж“», 2022
© Фонд поддержки и развития культуры «Преображение»
© Воробьева С. В., Кирьянов В. А., составление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение директора музея-заповедника «Кижы» к читателям	5
Вступительное слово директора фонда «Преображение»	6
От составителей	8
Часть 1. КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ ИСТОРИИ КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ	10
Часть 2. ДЕРЕВНИ КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ (КИЖСКОГО СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА)	21
Раздел 1. ДЕРЕВНИ ОСТРОВА КИЖИ	21
Деревня Погост	21
Деревня Дудкин Наволок, Наволок (Окуловская)	37
Деревня Ямка (Ольхино)	43
Деревня Нестерово (Александровская)	74
Деревня Васильево (Лукинщина, Лукинская) и деревня Босарево	75
Деревня Удоев Наволок (Кяжево)	78
Деревня Бачурино (Федки Бачурина)	80
Деревня Бишево (Хорошевская)	83
Деревня Морозово (Карповская)	84
Раздел 2. ДЕРЕВНИ ОСТРОВА ЕГЛОВ, ОСТРОВА РОГАЧЕВ, ВОЛКОСТРОВА	87
Деревня Еглово	87
Деревня Рогачево	89
Остров Волкостров	92
Деревня Щепино (На Хвосте)	93
Деревня Шуйно (Ерофеевская)	96
Деревня Насоновщина (Ефимовская)	99
Деревня Посад (Хромцово)	101
Деревня Шлямино (Трофимовская)	107
Деревня Феньково (Иванцовская)	125
Деревня Сергачево (Бздюревская)	131
Раздел 3. ДЕРЕВНИ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ (МАНДЕРА)	136
Деревня Подъельники (Березовец)	138
Деревня Зубово (Рохина Менохова, Рохино Менохово)	141
Деревня Пустой Берег (Вех-Наволок)	145

Деревня Речка	147
Деревня Оятевщина (Леоновская и Вавуловская)	150
Деревня Липовицы (Новая Заживка Липовицы)	154
Деревня Ерснево (Гирцово)	158
Деревня Боярщина (Козаревщина)	177
Деревня Клиново (Виж остров)	185
Деревня Мальково (Вик остров)	195
Деревня Жарниково (Марковская)	197
Деревня Дудниково (Лопинская)	214
Деревня Телятниково (Грузиловская)	224
Деревня Сычи (Прохновская)	235
Раздел 4. ДЕРЕВНИ БОЛЬШОГО КЛИМЕНЕЦКОГО ОСТРОВА	254
Деревня Кургеницы (Севняги)	255
Деревня Лахта	287
Деревня Гивес-Наволок (Гивес новолок)	299
Деревня Ошевнево (Угриш наволок)	301
Деревня Глебово (Деревня в Паховичах на Глебове острове)	307
Деревня Маньшино (Хамшеева)	309
Деревня Воробьи (Мечаковская)	314
Деревня Потаневщина (Потаневская)	321
Деревня Посад (Перевесье)	330
Деревня Серёдка (Яковлевская)	336
Деревня Корба (Анисимовская)	343
Деревня Кузнецы (На Пахтачовской Мандери Кузнецовская)	352
Часть 3. СЕННАЯ ГУБА.	
СЕННОГУБСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО	356
Деревня Леликово (Аренцовская и Лириково)	359
Заключение	370

Обращение директора музея-заповедника «Кижь» к читателям

Дорогие друзья, вы держите в руках уникальную книгу. В ней вы найдете и выверенные результаты современных научных изысканий, и овеянное легендами наследие многовековой традиции Заонежья, из которого выросли в том числе и поразительные памятники острова Кижь.

История Заонежья уходит в прошлое на тысячелетия — к людям, оставившим всемирно известные петроглифы на прибрежных скалах, загадочные захоронения на островах Кижского архипелага, древнейшие поселения в заливе Вожмариха. Здесь скрестились пути множества народов, сплывались воедино множество культур. Этим процессам посвящено огромное количество исследований. Историки, археологи, этнографы, лингвисты, фольклористы, искусствоведы, архитекторы, геологи, биологи — трудно найти научную специальность, чьи представители не внесли бы свою лепту в изучение Кижской волости. Тем не менее раскрыты далеко не все секреты прошлого. Более того, систематизации и комплексного осмысления настойчиво требуют настоящее и будущее Заонежья.

Эта книга — первая попытка создать базис для этой работы. Здесь вы найдете данные о современном состоянии Кижской волости, о том, как живут исторические деревни, о судьбах и чаяниях местных жителей, многие из которых возводят свою родословную к первым новгородским поселенцам на заонежской земле. Поэтому сухие факты соседствуют в книге с воспоминаниями коренных обитателей Кижской волости: наука и предание взаимно дополняют и обогащают друг друга. Такой подход должен стать основой для устойчивого развития территории, когда культурное наследие является драйвером экономического процветания, а оно, в свою очередь, служит гарантией сохранения наследия для грядущих поколений.

Таким образом, говоря о «памятной книге», мы говорим и о сохранении исторической памяти, которая объединяет разные поколения в один народ и служит залогом продолжения культурной традиции.

Благодарю авторов книги за то, что мы вместе сделали еще один шаг на пути, который указали нам строители кижских храмов.

Е. В. Богданова

Вступительное слово директора фонда «Преображение»

Уважаемые читатели, дорогие заонежане, перед вами один из главных итогов проекта «Мирской сход старост деревень — как драйвер развития исторической территории Кижской волости», который был реализован фондом поддержки и развития культуры «Преображение».

Фонд «Преображение» с 2016 г. поддерживает различные проекты, направленные на сохранение культурного наследия в Республике Карелия, в том числе такие крупные и значимые для Карелии проекты, как сохранение Дома инженера Моберга в поселке Калевала, где теперь размещен этнокультурный центр «Kalevalatalo», или реконструкция защитного павильона над группой петроглифов «Бесовы следки», которые в 2021 г. стали частью нового объекта всемирного наследия ЮНЕСКО «Петроглифы Онежского озера и Белого моря».

Но территория Заонежья была всегда нам особенно близка и никогда не отпускала наше внимание. Ведь она фактически является местом рождения фонда. Здесь сохранились удивительной красоты деревни, где можно еще увидеть исторические деревянные дома и часовни, где еще живы традиции и, что немаловажно, есть активные местные жители, заинтересованные в том, чтобы их родные деревни развивались, но при этом сохраняли свое лицо, свою историю и культуру.

Фонд с самого момента создания сотрудничает с музеем-заповедником «Кижы», который также много лет всеми силами помогает местным жителям бороться за сохранение своих деревень. Музей стал надежным партнером и в реализации данного проекта.

Проект «Мирской сход старост деревень — как драйвер развития исторической территории Кижской волости» был задуман для восстановления проверенной веками традиционной системы местного самоуправления, которая до революции эффективно работала

на Русском Севере, включая Заонежье. В рамках проекта нам удалось создать юридические, организационные, информационные и технические возможности для развития института старост. Совместно с партнерами мы также проработали различные механизмы вовлечения местных жителей в управление и развитие деревень — это создание территориальных общественных самоуправлений, работа с различными государственными и грантовыми программами, взаимодействие с заинтересованными сторонами.

Ну и наконец появилось на свет издание «Памятная книжка Кижской волости», которое содержит не только исторические справки, статистические и справочные данные по каждой деревне, но и воспоминания и рассказы местных жителей.

Эта книга является данью благодарности вам, нынешние жители бывшей Кижской волости, тем, кто не покидает деревни предков, несмотря ни на какие сложности, продолжает заботиться о своей земле, о родовых домах, сохраняет семейные истории и щедро делится с нами воспоминаниями. Надеемся, что все наши усилия, в том числе в рамках данного проекта, окажутся для вас полезными, помогут вам запустить процессы развития своих деревень, самостоятельно инициировать новые проекты, найти способы преодоления всех проблем, сохранить традиции, культуру и историческую память.

Проект реализован с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов.

О. Ю. Титова

От составителей

Дорогие читатели! Задумка подготовить отдельную книгу, посвященную истории деревень с воспоминаниями местных жителей, появилась после публикации серии постов в группе «Кижская волость» в социальной сети «ВКонтакте».

Также на нашу работу повлиял трехтомник мемуаров заонежан «Сродники» (Петрозаводск; Санкт-Петербург, 2015—2019), составленный Л. В. Герасевой и ставший чрезвычайно популярным в Карелии.

Мы хотим поблагодарить всех, кто написал отзывы к очеркам о деревнях и людях, которые не оставили равнодушными никого. Как раз они и вдохновили нас подготовить проект, получивший поддержку в виде гранта Президента Российской Федерации. Один из его главных результатов вы держите в своих руках.

«Памятная книжка Кижской волости» включает в себя как исторические, статистические и справочные данные о деревнях, так и воспоминания местных жителей. Название издания отсылает нас к исторической традиции. Памятные книжки — ежегодники официальной справочной информации, выпускавшиеся в Российской империи в XIX—XX вв., теперь являются одним из наиболее ценных источников информации об истории провинциальной России.

К большому сожалению, формат данного издания не позволил вместить все, что хотелось бы. За рамками работы остались семейные легенды и предания жителей некоторых кижских и сенокубских деревень, которые не успели прислать нам свои рассказы.

Здесь мы представляем вам воспоминания, которые начинали собирать еще в советский период. А в течение 2021—2022 гг. такая работа проводилась целенаправленно в ходе взаимодействия музея-заповедника «Кижы» с местным сообществом.

В каждом рассказе народных авторов постоянно упоминаются родственники — близкие и дальние. О них нельзя не сказать.

Семейные связи поддерживают людей, оказываются крепче любых напастей. Поэтому и называют своих родных уважительно, по именам и отчествам.

Всех их объединяют не только семейные узы, но и связи с родной землей. На этой земле люди пережили много бед и трудностей, но не озлобились. Отсюда иногда уезжают по жизненным обстоятельствам, но многие стремятся вернуться к родным очагам. Объяснение простое, оно есть в отрывке из поэмы Владимира Маяковского «Хорошо!»:

Землю,
где воздух,
как сладкий морс,
бросишь
и мчишь, колеса, —
но землю,
с которою
вместе мерз,
вовек
разлюбить нельзя.

Надеемся, что эта книга сможет возбудить еще больший интерес местных жителей к истории родного края и станет стимулом для подготовки новых мемуаров. Она может быть рекомендована общественным старостам деревень буферной зоны объекта всемирного наследия «Кижский погост», научным сотрудникам и экскурсоводам музея-заповедника «Кижский погост», краеведам, а также всем, кто интересуется историей Карелии.

Часть 1. КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ ИСТОРИИ КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ

Впервые человек облюбовал здешние места для поселения более 7 тысяч лет назад. В I тысячелетии н. э. во всем Заонежье проживали древние саамы, которые не оставили следов своего пребывания, так как вели кочевой образ жизни, продвигаясь за оленьими стадами. Позже на эти земли пришли карельские и вепсские поселенцы, а первые славяне из псковско-новгородского региона появились, вероятно, во второй половине XII—XIII в. Остров Кижли лежал на водном пути новгородцев к Студеному (Белому) морю. На север уходили крестьяне в поисках свободной земли, спасаясь от татаро-монгольского нашествия на Русь. Долгое время славяне соседствовали с первопоселенцами — финно-угорскими племенами. Об этом говорят многочисленные топонимы и особенности заонежского говора. Суда новгородских купцов и бояр двигались вдоль обоих берегов Онежского озера. Вслед за ними шли монахи, искавшие в северных лесах места для устройства уединенных обителей. В XV в. Заонежье становится частью Обонежской пятины Великого Новгорода, которая начиналась от самого Новгорода и простиралась до Белого моря, охватывая Онежское озеро и восточное побережье Ладожского.

Вместе с новгородцами в Заонежье пришло православие с его великой книжной культурой, храмостроительством, иконописью. В центральных поселениях погостов — административных округов, на которые делились пятины, и территория которых, как правило, совпадала с церковными приходами, возникали ансамбли деревянных храмов. Центром одного из Заонежских погостов — Спасского Кижского — был остров Кижли.

Общественная пристань у Кижского погоста. 1926 г.

Музей-заповедник «Кижь». НВФ-15024/1

Спасо-Кижский погост являлся одним из 17 так называемых Заонежских погостов¹ Обонежской пятины Великого Новгорода. Во времена господства Великого Новгорода территория будущей Олонецкой губернии состояла из Обонежья (Обонежская пятнина) и земель по реке Онеге (часть Заволочья). После вхождения Новгорода в 1478 г. в состав централизованного Русского государства земли по реке Онеге составили Каргопольский уезд под управлением наместников, а потом воевод, живших в Каргополе. Западная часть края (Заонежские погосты), входившая в состав Обонежской пятины, подчинялась новгородским наместникам и воеводам.

В 1584—1585 гг. Заонежские погосты приобрели статус отдельного административного округа в составе Новгородского уезда,

¹ В состав Заонежских погостов входили: Оштинский погост (Ошта), Выгозерский погост (Выгозеро), Шуньгский погост (Шуньга), Челмужский погост (Чёлмужи), Толвуйский погост (Толвуй), Водлозерский погост, Шуйский погост (Шуя), Кижский погост (Кижь), Шальский погост (Шальский), Пудожский погост (Пудож), Андомский погост (Андомский Погост), Остречинский погост (Остречины), Вытегорский погост (Анхимово), Мегорский погост (Мегра), Олонецкий погост (Олонец), Важинский погост (Важины), Пиркинский погост (Лодейное Поле), Венецкий погост (Винницы).

*Кижский погост. Вид с запада. 1943 г.
Финский военный фотоархив SA-Kuva*

административным центром погостов было селение Ошта².

До середины XVIII в. земли Спасо-Кижского погоста охватывали южную часть Заонежского полуострова, включали Уницкую губу и восточную часть Кондопожской губы Онежского озера, где соприкасались с землями Шуйского погоста (в непосредственной близости от современного г. Петрозаводска). На севере

погост граничил с землями Шуныгского погоста, восточной границей земель Кижского погоста являлось Онежское озеро и земли Толвуйского погоста.

Первое неполное (отсутствует начало) сохранившееся описание земель Кижского погоста относится к 1563 г.³ По данным итоговых записей этой писцовой книги, его территория включала 163 деревни, большая часть которых располагалась по берегам Онежского озера, Великой губы, Яндомозера, Космозера и на Клименецком острове. Северо-западная часть погоста, в будущем территория расселения карелов-людиков, была заселена слабо⁴. Спустя 20 лет в результате Ливонской войны часть деревень погоста пустеет. Писцовая книга 1582 г. зафиксировала на этой территории только 119 жилых и 92 пустых деревни⁵. В течение всего XVII в. число поселений, входящих в состав

² Жуков А. Ю. *Управление заонежскими крестьянскими погостами в конце XV — начале XVII в.* // Рябининские чтения — 1995. Петрозаводск, 1997. С. 270.

³ Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 124—137.

⁴ Витов М. В., Власова И. В. *География сельского расселения Западного Поморья в XVI—XVIII веках.* М., 1974. С. 174.

⁵ История Карелии XVI—XVII вв. в документах: в 3 т. Т. 3. Петрозаводск; Йоэнсуу, 1993. С. 146.

погоста, постепенно увеличивается, активно осваиваются, особенно во второй половине столетия, северо-западные земли⁶. Процесс образования новых поселений, хоть и не так активно, продолжился и в первой половине XVIII в.

Главными храмами погоста, а значит и его главными приходскими храмами являлись церковь Преображения Господня и церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Кижях, кроме этого к Кижскому приходу в качестве дочерних церквей-выставок в XVI в. относились: церковь Святых апостолов Петра и Павла на озере Сандал и церковь Святого Ильи Пророка в Великой Губе, кроме того в Свято-Троицком Клименецком монастыре было два храма — церковь Троицы Живоначальной и Николая Чудотворца. Еще одна церковь в Кондопоге стояла на общей земле с Шуйским погостом, впоследствии она к нему и отошла.

К концу XVII в. в Кижском погосте-округе были образованы еще семь самостоятельных приходов с новыми главными храмами: 1) церковь Николая Чудотворца в Чеболакше, 2) церковь Успения Богородицы в Космозере, 3) церковь Преображения Господня в Мелой Губе, 4) церковь Святого Ильи Пророка в Типиницах, 5) церковь Николая Чудотворца в Сенной Губе, 6) церковь Велико-мученицы Варвары в Яндомозере, 7) церковь Николая Чудотворца в Лижме.

Храмы на острове Кижы оставались главными храмами всего Кижского погоста-округа⁷.

С построением города Олонца из большей части Заонежской половины Обонежской пятины был образован в 1649 г. Олонецкий уезд, в состав которого вошли Заонежские и Лопские погосты. Тем самым Спасо-Кижский погост в неизменных границах вошел в состав вновь образованного уезда.

В XVIII в. как геополитическое положение Карелии, так и ее внешние и внутренние административные границы неоднократно

⁶ Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкова, И. Н. Аничкова и подъячего И. Венякова. 1678 г. // Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1209, оп. 2, д. 1137.

⁷ Чернякова И. А., Черняков О. В. Писцовые и переписные книги XVI—XVII вв. как источник по истории деревянного зодчества Карелии // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Русского Севера. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1988. С. 61—63.

Деревни Кижской волости середины XIX — начала XX в.

Сенногубское сельское общество

Кижское сельское общество

Б

Кижский погост. 1956 г. Музей-заповедник «Кижы». НВФ-12095

менялись, что определялось воздействием внешнеполитических и внутривнутриполитических факторов. Первый этап этих изменений связан с эпохой петровских преобразований и Великой Северной войной 1700—1721 гг.

При введении губернского деления Петром I в 1702—1708 гг. Южная (Олонецкая) Карелия была включена в Петербургскую губернию, составив в ней особый военно-заводской округ, а северная — в Архангельскую.

С основанием в 1703 г. Лодейнопольской верфи, началом строительства Олонецких Петровских заводов и припиской к этим предприятиям крестьянского населения Олонецкий уезд стал особым военно-заводским округом и вошел в Ингерманландскую губернию (1708 г.)⁸.

С 1710 г. Олонецкий уезд — в составе Санкт-Петербургской губернии, а при выделении в 1727 г. отдельной Новгородской губернии Олонецкий уезд стал частью ее Новгородской провинции.

В результате Кижского восстания приписных крестьян 1769—1771 гг. было решено усилить административное управление Олонецким уездом: 20 декабря 1773 г. Екатерина II издала указ о реорганизации управления Олонецким уездом. Уезд преобразовывался

⁸ *Кораблев Н. А. Эволюция административно-территориального устройства Карелии в XVIII — начале XX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 1 (130). Петрозаводск, 2013. С. 12.*

в Олонецкую провинцию, которая состояла из Олонецкого и Вытегорского уездов и Паданской округи⁹.

После крестьянской войны 1773—1775 гг. под предводительством Е. И. Пугачева правительство Екатерины II провело реформу, направленную на укрепление государственной власти на местах и создание стройной системы административно-территориального устройства. Согласно губернской реформе 1775 г., были отменены погосты как административные округа, а в основу административного деления были положены демографический и географический принципы. В каждой губернии должно было проживать 300—400 тыс. ревизских душ. Провинции упразднялись. Губернии делились на уезды, в каждом из которых должно было насчитываться 20—30 тыс. душ.

При переустройстве Новгородской губернии в 1776 г. в ее составе остались две области — Новгородская и Олонецкая. Именным указом от 21 марта (1 апреля) 1777 г. поселение Петровский завод было преобразовано в уездный город и переименовано в Петрозаводск.

Указом 1781 г. Олонецкая область из Новгородской губернии (наместничества) передавалась в Санкт-Петербургскую губернию, а 12 (23) мая 1782 г. центром области утвержден Петрозаводск (вместо Олонца).

Указом 1784 г. Олонецкая область выделена из состава Петербургской губернии и преобразована в самостоятельное наместничество. В 1784 г. Петрозаводск становится губернским городом Олонецкого наместничества.

Именным указом от 9 (21) сентября 1801 г. была создана Олонецкая губерния в прежних границах Олонецкого наместничества. Сенатским указом 1802 г. центром губернии вновь назначен Петрозаводск.

В течение всего XVIII в. происходило дробление погостов и волостей. В начале XVIII в. Кижский погост делился на три части (трети): Кижская треть (Кижская и Сенногубская волости), Великогубская треть (Великогубская, Космозерская и Яндомозерская волости) и Корельская треть (часть нынешнего Кондопожского района — Лижма, Чеболакша, Уницкая Губа).

⁹ Там же. С. 13.

Впоследствии Корельская треть распалась на Кондопожскую, Лижемскую и Тивдийскую волости. В XIX в. деревни в устье реки Суны отошли к Шуйской волости Петрозаводского уезда, составив Сунское общество.

Первое время трети находились в подчинении администрации погоста, но примерно с середины 20-х гг. XVIII в. они уже вполне самостоятельные территориальные единицы, подчиненные непосредственно канцелярии Олонецких Петровских заводов. Однако в переписке еще долго упоминалось о прежней принадлежности территории Кижской и Великогубской третей к Кижскому погосту («Кижского погоста Великогубской трети»). Даже в XIX в. в ведомственной переписке наблюдалось смешение старых и новых наименований.

На рубеже XVIII—XIX вв. правление Олонецкого горного округа вместо разнородных единиц образовало в Петрозаводском уезде 7 вотчин и 44 волости. Так, Кижская вотчина Петрозаводского уезда состояла из двух третей: Кижской (Кижская и Сенногубская волости) и Великогубской (Вегорукская, Ядомозерская и Космозерская волости). Типиницкая волость, входившая ранее в Кижский погост, а потом в Великогубскую треть, оказалась в Толвуйской вотчине¹⁰.

В 1832 г. вотчины были переименованы в волости, а прежние волости — в сельские общества.

В 1867 г. в составе Петрозаводского уезда было 7 волостей, в том числе Кижская (в составе Великогубского, Кижского и Сенногубского сельского обществ).

В 80-х гг. XIX в. Кижская волость была преобразована в Великогубскую в составе Великогубского, Кижского, Космозерского, Сенногубского и Ядомозерского сельских обществ. В 1924 г. Кижская волость восстановлена и включала деревни бывших Сенногубского и Кижского приходов¹¹.

Уже на рубеже XVIII—XIX вв. границы Кижского прихода как церковной единицы были сокращены до размеров Кижской волости Петрозаводского уезда. Ранее зависимые от кижских храмов церкви-выставки в волостях административной территории стали самостоятельными.

¹⁰ Там же. С. 30.

¹¹ Карта Повенецкого уезда Карельской Республики: административные границы на 15 декабря 1924. 1:252 000, 6 верст в англ. дюйме. [Петрозаводск], 1925.

Количество прихожан в Кижском приходе по данным на 1785 г. составляло 2358 человек. До 1827 г. Кижский приход находился в ведении Архангельской епархии, а с 1827 г. в ведении вновь созданной Олонецкой епархии.

Со времени новгородской вечевой республики и вплоть до XX в. кижский край был богатым и многолюдным, а остров Кижы являлся центром всей жизни крестьян многочисленных деревень, расположенных вокруг. В конце XV в., после падения Новгородской республики, владения новгородских бояр были «отписаны на государя», земли стали именоваться черными, а крестьяне — черносошными. Они оставались свободными, но платили государству оброк хлебом и деньгами, и общинное самоуправление долгое время играло важнейшую роль в жизни заонежского крестьянства.

Основными занятиями крестьян деревень Кижской волости были земледелие и рыболовство. В начале XVII в. кижане ловили рыбу по всему Онего-озеру. Только около Кижского погоста находилось более 16 тонь, от Кижского острова до Волкострова, Великой Губы, Типиниц и Тамбиц — 12 тонь, у Клименецкого острова — 2 тони: «Неводы ловят рыбу репушку малую, а сетями гарвами ловят красную рыбу лососи, и таймень, и палью, а сиговыми сетями ловят сига, а частыми сетями ловят плотицы»¹².

Среди крестьян кижских деревень было много ремесленников. Еще в XVII в. упоминаются кузнецы¹³, но расцвет ремесленных занятий кижан приходится на начало XVIII — первую половину XX в., когда возникла на берегу Финского залива новая столица государства Российского — Санкт-Петербург. Кижские крестьяне участвовали в строительстве нового города. Обладая различными ремесленными навыками, они уходили на заработок в столицу в течение долгого времени. Многие переходили в купеческое и мещанское сословия города. Среди купцов были кижане, которые торговали кожей, лоскутным товаром, содержали столярные или столярно-паркетные мастерские, торговали готовым платьем, бумагой и канцелярскими принадлежностями, старыми коврами, шелковыми материями, лентами и кружевом, мебелью и готовой обувью. Многие работали на заводах столицы.

¹² Писцовые книги Обонежской пятины... С. 135.

¹³ Карелия в XVII веке. Сб. документов / сост.: Р. Б. Мюллер. Петрозаводск, 1948. С. 253—254.

Территория ближайшей округи к острову Кижы географически разделена на четыре части: первая часть — остров Кижы, вторая часть — остров Волкостров, острова Еглов и Рогачев, третья часть — Клименецкий остров (Пахинский берег) и четвертая — мандера (материковая часть). Согласно этому делению построена структура изложения материалов.

Часть 2. ДЕРЕВНИ КИЖСКОЙ ВОЛОСТИ (КИЖСКОГО СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА)

Раздел 1. ДЕРЕВНИ ОСТРОВА КИЖИ

Деревня Погост

Вся южная часть острова Кижы по плану 1882 г. занята землями, принадлежавшими церкви.

Церковные владения начинались чуть севернее мыса Исамин на западном побережье острова Кижы¹. Общеизвестно, что именно крестьянская община наделяла церковь землей, обеспечива-

*Вид на деревню Погост и ансамбль церквей с юго-запада. 1943 г.
Финский военный фотоархив SA-Kuva*

ла земельными наделами причт, выделяла землю под церковные здания и кладбище². Деревня с домами церковного причта располагалась на западном берегу острова, недалеко от ограды погоста. Во время Смуты XVII в. часть деревни была разрушена, а «двор

¹ По современной топографии — это район старого входа (кассы) в музей «Кижы».

² Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: в 2 т. М., 1912. С. 36—37.

**Лов рыбы неводом у стен Спасо-Кижского погоста.
1943 г. Финский военный фотоархив SA-Kuva**

и келью сожгли казаки в разоренье и дъячек и проскурница живут в тяглой деревне в бобыльских дворах»³.

В начале XX в. в деревне Погост было 5 дворов. В одном из них жила семья священника Михаила Александровича Русанова. Помимо службы в приходе, занятий в церковно-приходской

школе М. А. Русанов вел крестьянское хозяйство: у него был надел земли на южном конце острова Кижы, рыболовные и сенокосные угодья (местечко Копаницы близ деревни Сычи, Попов остров), 2 коровы, лошадь. Сами накашивали на зиму сено, ловили рыбу (в хозяйстве было не менее 40 сетей), жали рожь, только на жатву приглашая в помощь местных крестьянок. В 1910-х гг. в доме Русановых появилась мелочная лавка, и отец Михаил стал казначеем содержащего ее потребительского общества. Жалованье священника Кижского прихода составляло 120 рублей в год.

После установления советской власти жизнь сельских священников резко изменилась. Жалованья не платили. Жили своим трудом и помощью прихожан. В 1929 г. М. А. Русанова, пожилого человека, выслали на лесозаготовки вместе с другими «служителями культа». Там Русанов заболел и чуть не умер. Спасли дети, вывезшие его оттуда.

В дальнейшем М. А. Русанов уехал в Петрозаводск, жил в семье старшей дочери. Во время войны вместе с женой и семьей дочери М. А. Русанов выехал в эвакуацию. Там и умер в 1943 г. Похоронен в городе Емцы Архангельской области⁴.

³ Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины П. Воейкова и дьяка И Льговского 1616—1619 гг. («дворцовые земли») // РГАДА. Ф. 1209, кн. 8554.

⁴ Калашникова Р. Б. Заонежские священники (конец XVIII — первая треть XX в.) // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле. Петрозаводск, 2014. С. 43—47.

Из народных мемуаров

РУСАНОВА Мария Михайловна родилась в деревне Погост Кижского прихода в 1911 г., умерла в Петрозаводске 2 мая 1994 г. Дочь кижского священника Михаила Александровича Русанова (1874—1943). Ее дед — Русанов Александр Андреевич — был учителем, прадед — Андрей Иоаннович Русанов — священником в Кижях. Дед Андрея Русанова — Иоанн Феодулов — стал священником в Кижских церквях в 1815 г.⁵

Отец:

«Окончил в Петрозаводске духовную семинарию и сразу был направлен в Кижы служить в церкви Преображения. До двадцать девятого года он служил. Церковь работала, потому что крестьяне съездили к Калинину Михаилу Ивановичу с просьбой, чтобы церковь не закрывали. Поэтому служба продолжалась. Потом отца отправили на лесозаготовки, одного. Ключи от церкви он передал в сельский совет. Очень жаль, что он не взял с них расписку и не сделал описи, в которой указал бы ценности этой церкви. В церкви были серебряные позолоченные чаши, кресты позолоченные серебряные, небольшие чашки для причастия, паникадило было серебряное. Много икон было в серебряных ризах, но точно я всего, конечно, не знаю. Отец не доехал до лесозаготовок, заболел воспалением легких, и в Медвежке его уложили в больницу. Там в это время работал мой брат, его сын Николай. Когда он с больницы выписался, пожил немного у Николая, а потом переехал в Петрозаводск. Мама осталась в Кижях, в старом своем доме. Был это январь месяц, колхозники отобрали дом и стали пилить на дрова. Маму выселили в деревню

Священник М. А. Русанов.
Музей-заповедник «Кижы».
НВФ-13261

⁵ Калашникова Р. Б. «Крестьянские мемуары» (из фольклорного архива музея-заповедника «Кижы») / сост. Р. Б. Калашникова // Кижский вестник. № 8. Петрозаводск, 2003. С. 173—175.

*Семья священника М. А. Русанова с гостями из Сенной Губы:
Ржановская Парасковья Васильевна, Ржановский Иван Васильевич,
Русанов Михаил Александрович, Русанов Михаил Михайлович,
Русанов Николай Михайлович, Русанов Петр Михайлович,
Русанова Анна Михайловна, Русанова Вера Александровна,
Русанова Клавдия Михайловна. Нач. 1910-х гг.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4943/29*

Мальково. Перевез ее крестьянин Маркелов Иван. Она была одна до паровозного движения. Когда вскрылось озеро, Петр (это сын, мой старший брат) съездил и привез маму в Петрозаводск».

Семья:

«Восемь человек ребят было, две коровы, лошадь. Все заготавливали летом. Например, уезжали парни, у меня ведь пяти братьев было, на сенокос, отцу выделено было место в Копаницах — там, за Сычами. Здесь, на острове, нечего косить. Тут поля. Вот только напротив-то был Поповский остров. Там мы ставили сено тоже, ставили. Так это на первое вот время, на начало зимы. Пока не замерзнет дорога. А потом туда ездили, в Копаницы, сено возили. А кто косил? Сами косили».

Праздники в кижских церквях:

«Пока церковь работала, по праздникам, по большим, ходило очень много народу. Добираться до церкви летом надо было на лодках, а зимой — на лошадях, в распуту — меньше было. Но вот в такие праздники, как Крещенье, люди купались, на озере была сделана большая прорубь — йордан. На йордан ходили с крестным ходом в Крещенье. Прямо в озере делали. Обкладывали досками, большую прорубь делали тут у пристани сразу. И там всегда были купающиеся. Меньше пяти человек не бывало. Дмитрия Степановича Богданова мать всегда купалась. Как только три раза опустит крест священник, они поют: „Крещайтесь Тебе, Господи, тройческая явися поклонение, и дух в виде Голубени“. И тут иногда раньше голубей пускают. Три раза окунают крест. И сразу прыгают. Бабы, старухи эти, у всех привязаны кушаки — длинные, большие такие пояса. Прыгали, их на кушаках держали, а потом быстро выскакивали, ноги в валенки и бегом в сторожку переодеваться. Ой, я все боялась, бывало, маленькая, ведь стоишь тут, ой, как они туда — бух!

Второй день Пасхи ходили с крестным ходом по Кижскому острову. На Нарьину гору. Там служили молебен. Вот это я помню. Приходили мужики из деревень, забирали хоругви, иконы забирали и несли туда. Весь народ туда с церкви шел. Прямо после обедни. Там часо-венка-то стояла.

Самый главный праздник Преображенской церкви — это Спасу Преображение. Он празднуется 19-го августа. Народу очень много всегда было. Приезжали с Петрозаводска, даже архиерей приезжал служить службу. Его встречали с колокольным звоном, только покажется пароход из-за Керкострова. С большого собора из Петрозаводска приезжали, значит, он с целой свитой приезжал: там дьякона с собой брал и других там помощников архиерея. Была торжественная служба. Народ весь гулял в этот день на погосте. У нас в доме были в трех помещениях накрыты столы. Любого человек приходил, всех кормили и поили в этот день.

Преображенская церковь работала по времени: с Пасхальной ночи и до Покрова. Эта церковь считалась летней, в ней не было ни печей, ни отопления никакого. В Пасху служба вся переходила в Преображенскую церковь из Покровской церкви. И лето все до

14 октября служба была в Преображенской церкви. На зиму переходили уже в Покровскую».

Гражданская война в Кижях:

«Во время Гражданской войны однажды обстреливали весь погост. Военный корабль стоял около Кузнецов и стрелял прямо по погосту. Наш это, Красной армии корабль, потому что накануне были белые на погосте. Обстреливали, чтобы узнать, есть ли тут белые или нет, а белые уже накануне удрали к себе восвояси. Однако около сорока снарядов было выпущено по погосту. Один из снарядов попал в церковь Преображенскую, в купол. С левой стороны купол был разбит. Сразу отец позаботился о том, чтоб отремонтировать этот купол. И ремонтировал его из деревни Мальково крестьянин. В Гражданскую войну наш остров был как передовая позиция. Причем нас возили туды-сюды в разные деревни. Красные придут, нас увезут в Подъельник, белые — увезут в Подъельник. Далеко нас увозили — в Подъельник! Смешная была война! Красные придут, у них не было ни красного флага, ничего, придут к маме просить тряпку какую-нибудь. У нее был фартук большой красный, повесят на колокольню — здесь красные. Красные побудут, побудут, опять белые наступают, тогда нас везут в Середку, потому что мы все были мал мала меньше у отца, детей-то полно. Утихнет когда все — опять мы домой».

Приезд И. Э. Грабаря:

«Помню, я была еще девочкой, к нам приезжал, отец говорил, очень знаменитый человек, архитектор и художник. Он работал тогда в Москве в художественно-архитектурном институте, на кафедре архитектуры. Вот он приезжал, неоднократно приезжал летом со своими студентами. Их очень заинтересовала церковь наша и постройки. Наш дом, например, он говорил, одна сторона — поздней архитектуры, а другая сторона — ранней, крыша на два ската. Все они это рисовали. „Михаил Алексанч, — отцу он говорил, — собор ваш будет поставлен на государственную охрану, и надо его под стеклянный колпак поставить!“ Вот прямо так и сказал. Я слышала это своими ушами. Действительно, после его слов, когда он снова вернулся, было

вывешено охранное свидетельство на дверях церкви. Мы ведь тогда и не ценили природу — ту, которая окружала нас. Ведь это было настолько все естественно, мы родились при этом, при всей этой красоте, и ведь только при советской власти люди стали такие появляться, как Грабарь, заезжали и с отцом беседовали. Отец очень-очень заботливо охранял церковь. Он присматривал за каждой досочкой, дранкой-то, которой покрыты были купола. Это дранкой называлась черепица деревянная, по-нашему, по-крестьянски».

ЕГОРОВА Тамара Германовна (1936—2022), внучка М. А. Русанова

Русановские традиции:

«У моего деда, протоиерея Михаила Александровича Русанова, настоятеля Кижского прихода, была большая и дружная семья: бабушка (матушка Анастасия), дед и восемь детей — пять сыновей и три дочери. Дом был большой и гостеприимный.

Праздники все любили, и к каждому празднику готовились заранее. Накануне Рождества в зале наряжалась большая елка, причем дети в зал не допускались — для них каждый раз готовился сюрприз: нарядная елка, а под елкой подарки. Праздники начинались со встречи Рождества и продолжались все Святки до Крещения.

В зимние Святки принимали гостей, сами ездили в гости, ходили к соседям славить Христа. По деревне ходили ряженые, катались на лошадях, для детей устраивали ледяные горки, с которых катались и на санях, и на телячьих шурах, причем взрослая молодежь тоже принимала участие в этих веселых забавах. Девушки устраивали посиделки с гаданиями, песнями и плясками. Причем подружки собирались в своих избах, приглашая подруг по очереди — сегодня собирались у одной, завтра у второй и так далее. Конечно, заходили к ним парни, приглядывая себе невест. А на Масленицу обычно уже гуляли свадьбы.

Духовенство тоже ездило друг к другу в гости семьями. Угощения были щедрыми. Тушеное мясо, запеченная рыба, пироги с капустой, кулебяка, расстегаи и, конечно, рыбники. За столом велись разговоры,

Семья М. А. Русанова. 1912 г. (?) Музей-заповедник «Кижи». НВФ-13781/1

много шутили, с чувством юмора у кижан всегда все было в порядке, очень любили разные розыгрыши. А еще много пели. Пели русские романсы: любимый романс деда „Чайка“, на слова Чехова, русские народные песни про ямщиков, про тонкую рябину, „Вечерний звон“, „Слети к нам, тихий вечер“ и многое другое.

Я помню, как поразила работников музея, когда спела им песню, которую тоже донесли мои дяди и тети из родительского дома до наших дней. А в песне были такие слова: „Из страны, страны далекой, с Волги-матушки широкой, ради славного труда, ради вольности веселой собрались мы сюда“. Особенно вызвали удивление слова о вольности, да еще веселой, звучащие в доме священника. Но дед ведь не был монахом. Как, впрочем, и другие представители духовенства. Все они принимали участие в светской жизни и не чужды были удовольствий, насколько им разрешал их сан.

Святки заканчивались в Крещенье. На Крещенье в озере делалась большая прорубь. Сначала в прорубь дед опускал крест и освящал воду, потом начиналось купание: смельчаков привязывали широкими полотняными кушаками, и они ныряли в прорубь, затем их

вытаскивали, они сразу надевали тулуп и валенки, и тут же им подносили чарку водки. У проруби собирался народ, подбадривал ныряльщиков прибаутками, всем было весело, потом праздник продолжался уже в домах: опять гости, застолье, песни и пляски.

Последние веселые дни перед постом — Масленица. В каждой избе пекли блины, ходили опять друг к другу в гости, катались с горок, пели и плясали.

Но вот наступал Великий пост, деревни затихали. Во время поста молились и много работали. Мужчины уже начинали готовить нехитрые орудия к севу, заготавливали дрова, да много было и других забот у крестьян по хозяйству. В пост всем миром подновляли Спасо-Преображенскую церковь, готовя ее к светлому празднику Пасхи. Покровская церковь была зимней, в ней служили с Покрова и до весны. Пасхальная же служба уже проходила в Спасо-Преображенской церкви, в ней же служили все лето.

И конечно, главным летним праздником был престольный Кижский праздник Преображения Господня. В доме деда в этот день собиралось до ста человек гостей. Гости приезжали из Москвы, Петербурга, Петрозаводска, Пудожа, Сенной Губы и других окрестных деревень. Несколько лет подряд в это же время в Кижы приезжал знаменитый архитектор Грабарь, который в те годы занимался изучением деревянного зодчества, и привозил на практику своих студентов. С дедом у них сложились дружеские отношения. И конечно, все они были гостями в доме. Чтобы принять таких многочисленных гостей, к празднику готовились заранее. Накануне вся семья ездил на Попов остров на целый день, с самоваром. Там собирали ягоды: чернику и малину. Спасов день — праздник постный, поэтому к столу готовили винегрет, грибы, рыбу, пироги с ягодами, с капустой и, конечно, рыбки, которых бабушка пекла до сорока штук.

Начинался праздник с торжественного богослужения. Над озером плыл колокольный звон (по воде звук распространяется далеко), и под звон колоколов к острову со всех окрестных деревень спешили лодки с празднично одетыми людьми. Все шли в храм на службу. Служба в этот день была светлой, праздничной. После литургии начинался крестный ход. На берегу священник совершал обряд освящения воды, а потом крестный ход шел вокруг церкви, заканчивалась

Деревня Погост. 1910-е гг. Архив Института ИМК РАН

служба освящением плодов и овощей, всякой снеди, приготовленной к празднику, потом начиналось гуляние с песнями и плясками, в разных концах острова раздавались шутки и смех. Кижане — народ открытый, гостеприимный, темпераментный. Они умели работать до седьмого пота, а уж и праздновали так, что душа пела. В доме деда тоже гости сидели за праздничным столом, который обычно накрывался возле дома на воздухе. За стол садились все, от мала до велика. Дети праздновали вместе со взрослыми, так же как вместе со взрослыми готовились к празднику.

К вечеру веселье затихало, а у дедова дома слышалось еще негромкое пение. Это русановский домашний хор пел на два голоса свои любимые песни. Эти песни и традиции родительского дома мои тети и дяди пронесли через всю свою жизнь. Прошло много лет, а они по праздникам так же собирались вместе, вспоминали любимые Киж и пели свои любимые песни.

Дед мой был веселым человеком, его прибаутки дети вспоминали всегда. Вот некоторые из них: „Год не пей, два не пей, а после бани выпей“; „Хорошая хозяйка да добрые щи — другого добра не ищи“;

„Именины, родины, крестины и похороны — все кончается на «ны» и требует выпивки“. Выпить он любил, но алкоголь на него действовал так, что он становился веселым, энергичным, разговорчивым. Однажды с ним приключилась история. Обычно в двенадцатые праздники дед ездил по деревням служить молебн. После молебна, конечно, все его зазывали в гости, каждая хозяйка считала за честь угостить батюшку своими пирогами, но дед не в каждом доме принимал угощение. Критерий у него был простой. Он смотрел на хозяйку: если у хозяйки в муке фартук, значит, пироги удались. Если же у хозяйки в муке зад, такой хозяйке не повезло. Дед говорил, что когда хозяйка заглядывает в печь и видит, что пироги в печке румяные да пышные, она удовлетворенно вытирает руки о передник и приговаривает: „Хороши у меня получились пироги“. А если хозяйку постигла неудача, она хватается за зад и восклицает: „Ой, пироги-то мои подгорели!“ Конечно, все это шутки, но однажды в рождественские Святки поехал дед по деревням. И то ли у всех хозяек в тот раз пироги получились, то ли он не захотел никого обижать и не отказывался от угощения, но на обратном пути заснул, бедолага, в санях. И если бы не верный добрый конь Серко, который знал дорогу домой, неизвестно, чем бы дело кончилось. Конечно, вся семья переволновалась: увидели, что Серко привез пустые сани, взошел на съезд и встал. Бабушка с ребятами выбежали к саням, а дед в санях — живой, только крепко спит. Вот такая история.

Были праздники, а была и тяжелая работа. Дед окончил духовную семинарию, поэтому он был человеком с широким кругозором. В доме была богатая библиотека. Как сельскому священнику, ему приходилось оказывать своим прихожанам и самую простую медицинскую помощь, и составлять какие-то официальные бумаги, и письма писать, заботиться о сохранности церковей и церковного имущества, а еще он много лет был бессменным казначеем потребительского общества. Кроме того, надо было заниматься тяжелым крестьянским трудом, чтобы прокормить большую семью. Прихожане относились к отцу Михаилу с уважением и сохранили о нем добрую память»⁶.

⁶ Егорова Т. Г. Русановские традиции. Воспоминания коренных заонежан. Интервью / [подгот.: И. И. Набокова] // Киж. № 6 (46). 2008. С. 4.

КОСТИНА Евдокия Степановна, 1914 г. р., (в девичестве Исакова), деревня Зубово и деревня Ямка⁷

О домах у церквей:

«Первый дом принадлежал врачу Ягодину Василию Алексеевичу. Он был из Чувашии. Тогда ему было годам к 60 (родился он приблизительно в 1884 г.). Ездил по Кижам, принимал больных на погосте. Жена была акушеркой. Звали ее Анной Степановной.

Дом был перевезен на погост в Кизи из деревни Боярщина примерно в 1927 г. У них было два сына трех и пяти лет. Старшего возили в школу с восьми лет в Жарниково. В первой половине дома, обращенной к погосту, жили Ягодины. С 11 лет была у них в прислугах и одновременно работала санитаркой в поликлинике, которая располагалась в деревянном доме в виде простой комнаты. Делала порошки, убирала, кипятила, меняла белье, ставила банки, горчичники ставила на поясницу, давала порошочки от живота, делала уколы, — все умела делать. Получала за это 7 рублей 50 копеек. Работала у Ягодиных восемь лет (с 1925 по 1933 гг.).

Затем вместе с Ягодинами перевели меня на Олений остров, там было много рабочих на известковых разработках, были и больные. На Оленьем острове мы проработали три года. Вскоре Ягодины уехали в Чувашскую АССР. А сначала-то они уехали в отпуск. В доме осталась жить Комарова Евдокия Васильевна, фельдшер из Шалы. Я-то после отъезда Ягодиных в Чувашию опять уехала на Олений остров. Вместо меня стала работать Лебединская — пожилая, старенькая, падала все: была толстая, пухлая.

Во втором доме жили Васильевы. Михаила Васильевича задушила ветряной колхозной мельницей: затынуло пальто и к валу притянуло тело, спохватились поздно.

Третий дом был Русановых — попов дом. Матушка Русанова учила меня хлеб, булки печь. Их всех выселили, и они уехали в Петрозаводск. Наверху у Русановых было две больших комнаты. Из одной комнаты вела лестница прямо на кухню. В доме Русановых жили две семьи. Вторая семья была Ивана Федорова из деревни Жарниково.

⁷ Костина Е. С. «Матушка Русанова учила меня хлеб печь». Интервью / [подгот.: В. А. Гуци-на] // Кизи. № 2 (9). 2005. С. 6.

Сейчас в Ленинграде Андрей из этой семьи работает большим начальником.

На Кижском погосте были похоронены рядом со Спасовой церковью, чуть ниже, мои дедушка, бабушка, сестра, брат. Мамину могилу помню, но все там раскопано.

Колесный пароход «Володарский»

В сторожке жил сторож Ярыгин с Оятевщины. Магазин был на погосте, рядом с домом Русанова. Пароход приставал к пристани с амбарами. В амбарах держали товары для магазина: крупу, муку, консервы, пряники, все-все... Продавцами были: Клинов Петр Иванович из Малькова, Воронин Федор с Волкострова, Иванушков Егор Герасимович с Пустого Берега. На острове был создан колхоз „Северная искра“. Сельсовет был расположен на погосте за домом Лыжиной Марии из деревни Мальково, рядом с домом Русановых.

Еще на погосте стоял большой дом. В нем жил Киселев из Леликова (дом сгорел до войны). Стоял еще и дом Пяльтиных. А еще Тестенниковы из Боярщины жили на погосте.

В одном из домов на погосте жили Рябинины Михаил Кирикович с женой Ольгой Ивановной, они работали в колхозе. В их доме была почта, и жили Костины около одного года.

Колхоз был большой. Молодежи было очень много, дети любили играть в лапту.

Зимой Иордана делали у причалов на погосте. Колокола очень хорошо звонили. Звонил и Никита Маньшин, покойничек. В деревне Ямка был колхоз имени Куйбышева. Все коровы и кони из колхоза паслись в Малькове. Коней привозили на лодке. По деревне коровы и кони не ходили: их гоняли по специальной дороге жители деревни по очереди к Бачуриным и на Оятевщину, куда ездили поить и доить коров утром и вечером.

Раньше здесь каждый знал свою поляну, негде было пройти: берегли землю. Раньше был порядок. Деревня была чистенькая. Никуда не годится сейчас, как на острове заповедник сделали. В Подъельниках богатые Киселевы жили: у них мужиков было очень много, они делали соймы и лодки.

В начале войны на погосте было видно зарево над Петрозаводском, когда город горел. Было ясно, светло, как будто свет зажгли. А перед началом-то войны елочка — комнатное растение — цвело мелкими цветочками: к плохому это!

Партизаны жили в 1941 г. на погосте в доме Ягодина: в одной половине был сельсовет, а в другой — партизаны. Муж, Костин Алексей Андреевич, работал председателем сельсовета. В партизанском отряде много мужиков было.

Тогда же, в 1941 г., колокола спустили с колокольни. Спускал большой колокол Николай Биканин из Волкострова. Спускали колокола на досках: сначала колокол опустили на доски, перекинутые на опоры звонницы, а затем, подвинув на край, бросили на землю. Как колокол спустили, так земля вся затряслась. Большой колокол до половины в землю ушел. Позже дети в этой глубокой яме прятались, когда в прятки играли. Колокола сняли, чтобы они финнам не достались, и увезли на большом судне неизвестно куда.

Во время оккупации острова финны привезли на Оленьи острова целую баржу своих финнов. Они хорошо жили на Оленьих островах. Много было семей. А затем их опять на барже в 1941 г. увезли куда-то.

А потом и нас на лодках увезли, но нас бомбили: самолеты финские летали и сбрасывали бомбы. Вокруг лодки сбрасывали бомбы. Мой муж, хозяин, сказал: „Я своих детей на поругание финнам не оставлю“. Мы весь скот вырезали, и мне дали мяса, а я еще на пекарне работала, так целую наволочку печенья напекла. И мы на моторке доплыли сквозь бомбежки до Песчаного. Детям моим было 6 месяцев, 2 и 4 года. Приехали в Песчаное, а Песчаное тоже бомбят, поехали в Колово. В клубе — народу — не пройти! Затем нас увезли в Каргополь, а уж после до Няньдомы везли на лошадах и на машинах. Дочка в больнице умерла: вымерзла в больнице. Просила все пить. Дети дали ей холодной воды из графина: она и померла.

В оккупированных Кижях финны забрали в деревне коров. Людей тоже забирали. Вокруг нашего дома, муж-то был председателем сельского совета, пулеметы финны расставили: искали его, но он уехал раньше. Весь дом финны истыкали штыками: искали его. Одну мою золовку финны расстреляли.

После войны Никита Григорьевич Маньшин вел в церквях Кижского погоста службу.

Когда начали заповедник на острове устраивать, стали всех выселять. Нас хотели выселить на Подъельники в дом Киселевых. Выселяли по телеграмме, зимой. Вещи велели собирать на чердачок. В сельсовете дали лошадь и оценили их дом, но Моталев Борис Васильевич (зам. директора музея) не стал трогать дом. Мы уехали в Ленинград, а летом выехали в Кижы, и дом не согласились передать музею, да так и живем в нем, приезжая на лето из Санкт-Петербурга».

ДЕНИСОВА Л.

*Кижская школа*⁸

Автор воспоминаний в 1917 г. переступила порог кижской школы: «...Помещалась эта школа (церковно-приходская) в одряхлевшей от своего долголетия церковной сторожке, сиротливо притулившейся к ограде слева от церковных ворот. Сюда осенью и весной приезжали на лодках, а зимой шли по льду Онежского озера дети из ближайших к Кижам деревень. Было нас, учеников кижской школы, немногим больше тридцати на три класса.

...От широкой дороги, что вела к кижской церкви, протоптали детские ноги узкую тропинку к низкому крылечку со щербатыми ступеньками. На крылечке встречал нас седобородый старик в ветхом армяке. Был он беден и всегда голоден. Приносили ему кто кусок хлеба, кто калитку.

— Вытирайте ноги, безобразники!

И шаркали подошвы резвых ног о лохмотья домотканого половика, брошенного дедом на крыльцо.

В классе — три ряда длинных парт. Поближе к двери сидели малыши, второй ряд занимали второклассники. А третий ряд, поменьше,

⁸ Денисова Л. Азбуку — во всю избу кричат // Кижы. 2004. № (6). С. 7.

был отведен для третьего класса. К третьему ряду примыкал стол нашей учительницы Екатерины Константиновны Мизеровой. Перед рядами — порыжевшая классная доска, в простенках между подслеповатыми окнами — географические карты, расписания уроков и большущий портрет царя в золоченой раме. В углу — иконы с лампадкой, а у входной двери — книжный шкаф. Там-то и хранилось все богатство школы: библиотека из серии „Книжка-копейка“, глобус, аспидные доски, грифели, тетради, карандаши и ручки да наглядные пособия в виде красочных картин на толстом картоне.

Неудачи сопутствовали мне на каждом шагу, хотя и не хотела я огорчать любимую учительницу. Часто ей жаловался на меня отец Михаил, обучавший нас „закону Божьему“ и славянскому языку. Перевернула я все, по его словам, „безбожно“. Помню, задал нам отец Михаил на дом разучить молитву „Отче наш“. Выучила я добросовестно. Но не поняла слов: „Хлеб наш насущный даждь нам днесь!“ И под громкий хохот одноклассников изрекла:

— Хлеб наш да сущик дай нам днем.

Я и сама удивлялась тому, что у Бога надо просить хлеб с сущиком, а не что-либо повкуснее.

Рассказывая о русских умельцах, Екатерина Константиновна обращала наше внимание на многоглавую кижскую церковь, сотворенную руками человеческими. Но, по правде сказать, особого восхищения при этом мы не испытывали. Церковь нас не привлекала, так как каждую субботу вечером и в воскресенье с утра мы чинно, парами, должны были идти туда на богослужение. Запрещалось вертеться, шептаться, двигать ногами. Нужно было молиться, кланяться, стоять на коленях. И это длилось подряд 2—3 часа. Если тебе 7—8 лет и надо терпеть такую муку мученическую, тут не до красоты золоченых икон и архитектурного искусства. Хотелось скорее убежать из холодного здания. Позади нас стояла, склонив голову, Екатерина Константиновна и изредка шептала: „Потерпите, ребятки, скоро конец“. И мы терпели. Ради нее. Знали, что ей, больному человеку, простаивать часами в дыму ладана было еще тяжелее, чем нам. Была она высокая, с болезненным бледным лицом. Русые волосы заплетены в косу и уложены на затылке. Всегда она приходила в класс в длинной черной юбке и белоснежной кофточке с темно-желтым бантом у отложного

воротничка. Ни мужа, ни детей у нее не было. Все свое время, все свои силы она отдавала нам. Всегда спокойная, с ласковой улыбкой.

Особенно радостной мы видели учительницу в дни Октябрьской революции. Вместе с нею мы снимали со стен портрет царя и иконы с лампадкой. На белой блузке учительницы алел красный шелковый бантик.

Конечно, и мы тогда украсили себя бантиками из кумача...».

Деревня Дудкин Наволок, Наволок (Окуловская)⁹

Владение новгородского боярина Федора Остафьева Глухова. Его волость была крупнейшей в Шуньгском погосте, где он владел в 1496 г. 91 деревней и 93 дворами¹⁰. В Кижском погосте ему принадлежали кусты деревень Вегоруксы, Мелой Губы в Уницкой губе Онежского озера. Всего 10 деревень с 30 крестьянскими дворами¹¹.

Первые люди, появившиеся в этих местах, предположительно саамское население Прионежья, использовали земли наволока как временную стоянку или как сезонное промысловое становище¹².

Материалы, полученные в ходе археологических раскопок на месте деревни, позволяют датировать основание поселения на мысе Наволок временем не ранее XIV в. Средневековые находки из раскопа селища не дают возможности высказать какие-либо предположения об этнокультурной принадлежности насельников, но ряд находок указывает на определенную социально-культурную особенность поселения. Это прежде всего свинцовая вислая печать новгородского владычного наместника Игната Михайловича, датированная примерно серединой XV столетия. Булла первоначально была подвешена к какому-то акту и вряд ли могла быть утеряна на рядовой крестьянской усадьбе.

⁹ При изложении материала первым приводится последнее название поселения, а в скобках — по документам XVI—XVIII вв.

¹⁰ Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 54.

¹¹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 126.

¹² Освоение Южного Заонежья в раннем и развитом средневековье (по материалам раскопок селища Наволок на о. Кизи) / К. Э. Герман и др. // Рябининские чтения — 2003. Петрозаводск, 2003. С. 241.

Федор Андреевич Столбов
с сослуживцем. Новый Петергоф.
Не позднее 8 апреля 1916 г.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4069/14

С 1563 по 1678 г. поселение в документах обозначено как «деревня На Кижском острове Окуловская у погоста»¹³, а с 1707 по 1850 г. название сокращается до «деревня Окуловская»¹⁴. В ревизской сказке 1850 г. поселение переименовано в деревню Дудкин Наволок: «деревня Дудкин наволок (она же Окуловская)»¹⁵.

В последующие 30 лет деревня Дудкин Наволок входила в состав поселения «Деревня Южного конца», которая объединила «по смежности земель» все поселения южной части острова Кижы — Дудкин Наволок, Нестерово (Александровскую), Ямку (Ольхинскую) и Васильево (Лукинщину)¹⁶. В 80-х гг.

XIX в. это объединение было отменено, а деревня получила название «Наволок»¹⁷. В настоящий момент на месте деревни Наволок расположен сектор «Пряжинские карелы» музея «Кижы» и стоит дом крестьянина Яковлева.

¹³ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 126; Переписная книга Заонежских погостов Олонецкого уезда И. А. Аничкого, И. Н. Аничкого и поодьячего И. Венякова. 1678 г. // РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 1137, л. 330.

¹⁴ Переписная книга Оштинской половины Олонецкого уезда М. Л. Мордвинова. 1707 г. // РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 8579, л. 58.

¹⁵ Ревизские сказки Кижской волости, Кижского мирского общества. 1850 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 4, оп. 19, д. 25/210, л. 2 об. — 3.

¹⁶ Ревизские сказки Кижской волости, Кижского мирского общества. 1858 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 77/761, л. 1 об. — 2.

¹⁷ Список селений в Олонецкой губернии, с обозначением наличного числа домов и жителей // Олонецкий сборник: Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края. Вып. 3. Петрозаводск, 1894. С. 427.

В 1563 г. в поселении стояло четыре двора, оно было самым крупным из всех деревень острова Кижы¹⁸.

В 1582 г. деревня, как и большинство поселений округа, наполовину запустела. Сказались неблагоприятные годы, предшествовавшие описанию, в частности Ливонская война¹⁹. От старых жильцов остались две семьи.

В 1616 г., по переписи, состоявшейся после польско-шведского нашествия, в деревне, несмотря на прошедшую войну, 4 двора крестьянских и 2 двора «бобыльских», и в одном из них живет церковный дьячок, усадьбу которого «сожгли казаки в разоренье»²⁰.

К моменту следующего описания в 1631 г. деревня «Окуловская у погоста» состояла уже из 9 дворов. Археологические изыскания последних лет позволяют видеть в этом поселении своеобразный административный центр земского самоуправления крестьянской общины. Об этом говорят специфические находки²¹, это подтверждается и писцовой книгой, согласно которой в деревне помимо крестьянских дворов есть «двор а на нем сидят из [?] Нова города верные целовальники»²², да здесь же жил «бобыль Ивашко Кривда»²³ серебряной мастер». В 1696 г. в деревне 7 дворов.

В 1748 г. двое крестьян из деревни Окуловская перечислены в переписной книге старообрядцев Данилово-Выголексинского общезиительства 1749 г.²⁴

¹⁸ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 126.

¹⁹ История Карелии XVI—XVII вв. в документах... С. 9—10.

²⁰ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 165.

²¹ К истории заселения о. Кижы в Средневековье и Новое время (по материалам раскопок селища Наволок) / А. М. Спиридонов и др. // Кижский вестник. Вып. 8. Петрозаводск, 2003. С. 243—260.

²² Писцовая книга Заонежских погостов Обонежской пятины Н. Ф. Панина и подъячего С. Копылова. 1628—1631 гг. Кижский погост // РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 308, л. 386. Целовальник в России XV—XVII вв. — должностное лицо по сбору податей и по некоторым судебно-полицейским делам. Этимологически наименование связано с целованием креста при вступлении в должность.

²³ Как личное имя не встречается в словарях С. Б. Веселовского и Н. М. Тупикова, возможно, это прозвище, а возможно, это древнерусское «охранительное» (профилактическое) имя, которое давалось ребенку с целью отвести от него зло, в связи с чем детям давали имена со значением прямо противоположным тому, что ожидали или желали родители для детей. См.: Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974; Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен / вступ. ст. и подгот. текста: В. М. Воробьев. М., 2004; Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989. С. 165, 334.

²⁴ Книга переписная о раскольниках // РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 2379. Л. 63, 1749 г.

Во второй половине XVIII в. еще две девушки из этой деревни ушли в Выгорецию²⁵.

Петровские преобразования коснулись, как известно, и церкви. Основная забота государства была в обеспечении своего существования налогоплательщиками. В связи с этим стал вопрос об ограничении количества церковного причта. В 1722 г. вышел закон, который установил новые штаты для церковнослужителей: на 100—150 дворов — 1 священник, на 200—250 дворов — 2, на 300 и более — 3 священника. Нигде не было допущено более двух дьяконов. Все остальные внештатные служители, а также дети священников, остающиеся вне штатной деятельности, исключались из сословия и тем самым вводились в податное состояние государственных²⁶.

Подобные изменения коснулись и кижских священнослужителей. Так, по результатам первой ревизии в деревне Окуловская появилось двое жителей «писанных из церковников»²⁷ — Иван Иванов (37 лет) и Семен Петров (13 лет). К середине XVIII в. Иван Иванов с семейством переберется в деревню Потаневскую²⁸, а уже в XIX в. его потомки получают фамилию Дьяковы²⁹, в которой отражено словесное происхождение семьи. Александра Дьякова как одного из сказителей Кижской волости записывал в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг³⁰.

В 1850 г. в деревне жили 7 крестьянских семей, которые, несмотря на разные фамилии, вели свою родословную от крестьянина Иевки Дмитриева, занесенного в писцовую книгу 1563 г.: 1) Андрей Иванов Плаунов³¹ (или Плакунов, как в ревизии 1834 г.³²), 2) Петр Матфеев

²⁵ Ревизская сказка Кижской трети 4-й ревизии. 1782 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 2/7, л. 3 об.

²⁶ Карташев А. В. Очерки по истории Русской церкви: в 2 т. Т. 2. М., 1992. С. 524—526.

²⁷ Книга переписная дворцовых крестьян приписанных к Олонецким заводам Сенногубской, Кижской, Великогубской третей Олонецкой губернии. 1726 г. // РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 2371, л. 258 об.

²⁸ Там же. 1748 г. Д. 2378, л. 479 об.

²⁹ Родословной этой семьи занималась В. Е. Кантор.

³⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. В 3 т. М.; Л., 1949—1950. Т. 2. С. 273—278.

³¹ Его сын Евсей (по ревизской сказке Евсегней) даровал икону «Архистратиг Михаил» в местный ряд Преображенской церкви Спасо-Кижского погоста в 1830 г. Сейчас эта икона хранится в Музее изобразительных искусств Республики Карелия (см.: Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви на острове Кижы // Кижский вестник. № 8. Петрозаводск, 2003. С. 25). По-видимому, этот вклад был сделан в связи с уходом Евсея Андреева в рекруты (это событие произошло в 1828 г.). См.: Ревизские сказки Кижской трети 8-й ревизии // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 59/554, 1834 г., л. 2 об.

³² Ревизские сказки Кижской вотчины Кижской трети 8-й ревизии 1834 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 59/554, л. 2 об.

Разбивной, 3) Иван Иванов Пялтин, 4) Иван Семенов Кругов, 5) Егор Назаров Кругов, 6) Петр Васильев Мотов, 7) Яков Иванов Игнатъев³³.

Помимо них в деревне жили: потомок братьев Микулиных из той же писцовой книги — Прокопий Михайлов Столбов³⁴.

Симеон Ильин Пономарев перешел в деревню Окуловскую из деревни Погост в 1811 г.³⁵ и, судя по фамилии, родом был из церковнослужителей, как и уже упомянутые Дьяковы.

В течение XIX в. происходили многочисленные перемещения крестьян деревни Окуловская. Большинство переездов связано с переходом на жительство в соседние деревни. Исключение составляет Корныл Семенов Кругов, который в 1818 г. был записан в Санкт-Петербургское гражданство³⁶.

К 1858 г. семейство Плавуновых перебралось в деревню Оятевщина, Игнатъевы переехали в деревню Жарниково, Разбивные поселились в деревне Мальково, Мотовы осели в деревне Кургеницы, а одна из ветвей рода Круговых оказалась в деревне Гивеснаволок³⁷. В начале XX в. в деревне жили: 1) Столбов Иван Ефимович, 2) Пялтин Ананий Иванович, 3) Пялтина Анна Митрофановна, 4) Кругов [?] Лукич, 5) Кругова Настасья Андриановна, 6) Пономарев Федор Васильевич³⁸.

В хозяйственном отношении деревня Наволок (Окуловская) была, судя по всему, одной из самых богатых деревень округи. В 4 хозяйствах в 1877 г. содержалось 6 лошадей, 11 коров и 12 овец³⁹. По обеспеченности скотом все крестьяне были практически равны. В начале XX в.

³³ *Фамилия происходит от имени предка — Игнатия Федорова. См.: Книга переписная дворянских крестьян приписных к Олонецким заводам Сенногубской, Кижской, Великогубской третьей Олонецкой губернии. 1723—1726 гг. // РГАДА. Ф. 1209, оп. 2, д. 2371, л. 258.*

³⁴ *Одна из «деревянных» фамилий. Образована от некрестильного имени или прозвища Столб. Столбиха — «жена Столба». Ср.: Князь Михаил Иванович Столб Пожарский, 1560 г.; Столбовы, землевладельцы, XV в., Новгород, выселены в конце века в Нижегородский уезд. См.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 301.*

³⁵ *Ревизские сказки Кижской вотчины Кижской трети 6-й ревизии. 1811 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 23/227, л. 41.*

³⁶ *Ревизские сказки Кижской вотчины Кижской трети 8-й ревизии. 1834 г. Л. 3 об.*

³⁷ *Ревизские сказки Кижской волости, Кижского мирского общества. 1858 г.; 1850 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 77/761, л. 1 об. — 3; д. 61/574, л. 2—4.*

³⁸ *Список домохозяев Петрозаводского уезда, Великогубской волости, Кижского общества. 1911 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 23/215, л. 65.*

³⁹ *Список о числе скота по Кижскому сельскому обществу, находящихся к 1 января 1877 г. 1877 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 2, д. 9/143, л. 107.*

количество скота в деревне несколько уменьшилось — на 4 двора с населением 34 человека приходилось 4 лошади, 7 коров и 1 овца⁴⁰.

По данным 1867 г., в деревне все 4 дома были домами-комплексами, а из хозяйственных построек стоял амбар, принадлежавший Василию Ефимовичу Кругову. Он же владел промысловой лодкой, предназначенной «для перевозки разного груза»⁴¹.

Перед иконой «Всемиловитый Спас» в Преображенской церкви стоял «подсвечник большой медный посеребренный, пожертвованный С.-Петербургским мещанином Корнилом Семеновым Круговым»⁴², который до 1818 г. был крестьянином деревни Наволок (Дудкин Наволок, Окуловская)⁴³.

В документах 40—60-х гг. XIX в. часто упоминается в качестве дарителя крестьянская вдова Татьяна Гавриловна Кругова — жена племянника Корныла Кругова. В 1860 г. она пожертвовала в Покровскую церковь великопостные одеяния: «Священнические ризы черного плису... таковую же епитрахиль, препоясание такое же парное, дьяконовский стихарь тоже парный черного плису, орарь таковой же парный»⁴⁴, а в 1849 г. парчовый покров на престол и шелковые одежды на жертвенник в Никольский предел⁴⁵.

В 1862 г. на престол в Преображенскую церковь ею была пожертвована парчовая риза⁴⁶. Помимо этого, она делала и денежные вклады. В 1862 г. внесла «на поправку Покровской церкви... 100 руб. серебром»⁴⁷, а в 1889 г. — «на окраску Покровской церкви, на поминование мужа ее 20 руб.»⁴⁸.

Крестьяне деревни Наволок (Окуловская) помимо земледелия так же, как все жители окрестностей, владели различными промыслами,

⁴⁰ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 50.

⁴¹ Лодка имела длину в 3 сажени и 1 аршин и поднимала до 100 пудов груза. За навигацию она приносила 12 рублей 50 копеек дохода. См.: Ведомость о судах и лодках, находящихся в Кижской волости. 1867 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 2, д. 1/20, л. 23.

⁴² Документы и материалы по истории Кижского архитектурного ансамбля (1694—1945 гг.). Петрозаводск, 2013. С. 34

⁴³ Ревизские сказки Кижской вотчины Кижской трети 8-й ревизии. 1834 г. Л. 3 об.

⁴⁴ Кижский приход Петрозаводского уезда. Приходно-расходные книги. 1860 г. // НА РК. Ф. 699, оп. 1, д. 1/5, л. 46.

⁴⁵ Там же. 1849 г. Л. 22.

⁴⁶ Там же. 1862 г. Л. 48.

⁴⁷ Там же. 1862 г. Д. 2/10, л. 4; Документы и материалы... С. 48.

⁴⁸ Там же. С. 95.

среди которых в 1905 г. упоминаются столярное — один человек, который работал в деревне⁴⁹, один сапожник и один башмачник, работавшие в Петербурге⁵⁰. На 40 лет раньше, в 1860 г., столяром в деревне был Пономарев Дмитрий Семенович⁵¹.

В 1933 г. в деревне осталось жителей только 5 человек⁵².

Из народных мемуаров

КОСТИНА Евдокия Степановна (урожденная Исакова), 1914 г. р., деревня Зубово и деревня Ямка:

«Деревня Наволок состояла из трех домов с окнами, обращенными в сторону погоста. Крайний дом, ближе к горе, использовался под молокозавод, который появился после войны. Молоко привозили из колхозов. На месте молокозавода до сих пор видна широкая и глубокая яма»⁵³.

Деревня Ямка (Ольхино)

Деревня Ямка является одним из двух исторических поселений, сохранившихся на острове Киж.

К моменту включения поселения в состав музея в нем стояло 5 домов, построенных на рубеже XIX—XX вв. В настоящий момент структура поселения включает в себя 14 домов, большая часть которых перевезена из ближайших деревень и представляет собой традиционное для региона Заонежья крестьянское жилище. При постановке новых домов учитывалась первоначальная планировка поселения, представленная со слов местных жителей.

Деревня Ямка впервые упоминается в документах в 1563 г., правда, под другим названием: «деревня на Киском острове, словет Трофимовская»⁵⁴. До присоединения Новгорода к Москве она входила

⁴⁹ *Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1905. С. 21.*

⁵⁰ *Там же. С. 62, 66.*

⁵¹ *Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам вотчины Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ. 1860 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 8/71, л. 65.*

⁵² *Список населенных мест: по материалам переписи 1933 года. Петрозаводск, 1935. С. 70.*

⁵³ *Костина Е. С. Указ. Соч. С. 6.*

⁵⁴ *Писцовые книги Обонежской пятины... С. 124.*

Деревня Ямка. 1960-е гг.

в состав владений одного из крупнейших новгородских феодалов — боярина Микиты Офонасьева (Грузова)⁵⁵, которому в Кижском погосте принадлежало самое большое число деревень — 31 поселение. В 1563 г. в деревне стояло два крестьянских двора, в которых жили братья, в следующем писцовом описании 1582 г. упомянут только один дом — Истомки Васильева⁵⁶.

За время своего существования поселение три раза меняло имя. Уже в 1616 г. оно значится как «деревня на Кижском же острове Карчевская Трофимовская тож»⁵⁷. В те годы деревня возрождалась после лихолетья Смутного времени, когда отряды иноземцев и «русские воров казаки» разорили Заонежье.

На острове Кижы в эту эпоху пострадали три деревни: у погоста были сожжены дом дьячка и келья проскурницы, уничтожен единственный дом в деревне Карчевская, и перестала существовать одnodворная «деревня на Кижском острове».

В деревне Карчевская («Трофимовская тож») «после разорения немецких людей» поставил «дворишко крестьянин Истомка Васильев сын Ольхин да сын его Юшко»⁵⁸. От фамилии, а точнее прозвища этого крестьянина произошло второе название деревни — Ольхино, Ольхинская, закрепившееся в документах с 1850 г.⁵⁹

⁵⁵ Там же. С. 124, 125, 135; Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 54, 55, 57, 67.

⁵⁶ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. С. 146.

⁵⁷ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 166.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ См.: «Деревня Ольхино, она же Харчевская» (Ревизская сказка Кижской волости. 1850 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 19, д. 25/210, л. 10).

Деревня Ямка. Современный вид.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-1828

Через двести лет, уже в первом десятилетии XX в., в списках населенных мест отмечено двойное название поселения в двух вариантах написания — «деревня Ямка и Ольхино»⁶⁰ или «Ямка (Ольхино)». Причины появления у деревни еще одного названия, которое и дошло до наших дней, неизвестны.

Судя по количеству обрабатываемой земли, Истомка Васильев в 1582 г. был одним из самых «справных» хозяев в Кижской округе (47 ближайших к центру погоста деревень). Даже после Смутного времени, когда большая часть земель Кижского погоста лежала «в пусте», а многие деревни были разорены, Истомка Васильев Ольхин обрабатывал земли больше, чем крестьяне соседних деревень. В 1616 г. его надел был равен почти двум десятинам земли.

Скорее всего, именно крепкое хозяйство послужило основанием для избрания в это время Истомки Ольхина старостой Кижского погоста⁶¹.

Староста был высшим выборным представителем мирского самоуправления. Он избирался крестьянами волости обычно только на один год, в его обязанности входили раскладка и сбор податей, а также передача их правительственным органам. За исправный и своевременный сбор налогов староста отвечал собственным «животом», и если за старостой числились недоимки, которые ему не удавалось

⁶⁰ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907; Список населенных мест Карельской АССР: по материалам переписи 1928 г. Петрозаводск, 1928; Список населенных мест: по материалам переписи 1933 года. Петрозаводск, 1935.

⁶¹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 193.

собрать с плательщиков, в уплату поступало его имущество, а потому предписывалось выбирать на эту должность людей «прожиточных»⁶².

В 1911 г. в деревне Ольхино жили представители пяти фамилий — четыре дома принадлежали Костиным, пять Аникиным, три дома занимали Ольхины, в двух домах жили Ржанские, а в последнем Агафья Губанова⁶³, но, несмотря на разные фамилии, все жители деревни начала XX в. имели одного прародителя — Истомку Васильева Ольхина:

1. Губанова Агафья Ильина
2. Костина Акси́нья Александровна
3. Аникин Степан Александрович
4. Аникин Филипп Филиппович
5. Аникин Михаил Николаевич
6. Аникин Иван Григорьевич
7. Аникин Григорий Иванович
8. Костин Андрей Николаевич
9. Костин Константин Федорович
10. Ржанский Матвей Иванович
11. Ржанский Василий Иванович
12. Ольхин Иван Васильевич
13. Ольхин Дмитрий Андреевич
14. Ольхин Николай Михайлович
15. Костина Мария Егоровна⁶⁴

Сын Истомки Васильева Юшко стал основателем одной из двух ветвей рода, сохранивших первоначальную фамилию-прозвище XVII в.; потомки второго сына — Александрки — семьи Ржанских и Костиных.

Правнук Александрки — Семен Костин (Костентинов) в 1769 г. стал одним из руководителей Кижского восстания приписных крестьян Олонецких железоделательных заводов. После подавления восстания в июле 1771 г. Семёну Костину и Андрею Сальникову вместе с другими активнейшими участниками восстания было определено наказание: их били кнутом и выслали на пожизненную каторгу

⁶² Карелия в XVII веке. С. 381; Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере: в 2 т. Т. 1. М., 1909. С. 306—307.

⁶³ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

⁶⁴ Там же.

в Сибирь, на Нерчинские рудники⁶⁵. По этапу Семен Костин шел скотный в паре с Андреем Сальниковым⁶⁶.

Документы следственной комиссии сохранили портрет Семёна Костина: «От роду 59 лет, ростом двух аршин шести с половиною вершков (1 м 71 см — С. В.), волосы на голове, ус и борода русые с сединой, глаза серые, лицом гладок»⁶⁷.

Примечательно, что в 1770 г. его двоюродный брат петербургский купец Василий Ольхин приехал на родину «для увлечения народу, чтоб шли в подписку под заводы работать»⁶⁸. Так, судьба развела родственников по разные стороны «баррикад».

Внук Юшки Истомина Елизарко в кадастровых документах упомянут единственный раз в 1678 г.⁶⁹, поскольку к началу XVIII в. он перешел в посадское сословие вместе с сыном Василием⁷⁰. В дальнейшем Елизар Федосеев Ольхин вместе с сыном Лазарем состояли в олонцком купечестве, а Василий Елизарьев принадлежал к 1-й гильдии купеческого сословия столицы.

Василий Елизарьев Ольхин (1709—1788) именовался «бумажной и перловых круп, картонной фабрик и ластовых мореходных судов содержателем», правда, эти «фабрики» были мелкими предприятиями. С 1759 г. Ольхин стал содержателем нескольких петербургских мостов. Один из них, существующий до сих пор Тучков мост, он построил совместно с тремя другими петербургскими купцами. 22 декабря 1758 г. вышел сенатский указ⁷¹, который гласил, что купцам Василию Ольхину и товарищам его — Ивану Яковлеву и Абраму

Надгробие Василия Елизарьева Ольхина на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге

⁶⁵ Ревизская сказка Кижской трети 4-й ревизии. 1782 г. Л. 16 об.

⁶⁶ Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: в 3 кн. Кн. 1. 1703—1802 / сост. Д. З. Генделев. Петрозаводск, 2001. С. 345.

⁶⁷ Кижское восстание 1769—1771: Документы / науч. ред. А. Я. Балагуров. Петрозаводск, 1977. С. 86.

⁶⁸ Там же. С. 60.

⁶⁹ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 331.

⁷⁰ Переписная книга посадских людей и бобылей г. Олонца, Кижской трети, Великогубской трети и др. 1720—1726 гг. // РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, д. 2368, л. 139.

⁷¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. Т. XV. 1758 — 28 июня 1762 г. СПб., 1830. С. 304—310.

Тучкову — «объявленные в Санкт-Петербурге через реки три моста... отдать в вечное и потомственное содержание». Имя последнего из купцов, который выделил больше средств на сооружение переправы, чем его товарищи, и закрепилось за мостом через Малую Неву. В XVIII в. это самый длинный петербургский мост (900 м), назывался он Никольским и был деревянным.

Помимо всего прочего, Василий Елизарович Ольхин, купец 1-й гильдии, был поставщиком рыбы ко двору императрицы Елизаветы Петровны и устройтелем первых садков в Санкт-Петербурге⁷².

В 1763 г. Василий и Лазарь⁷³ начали строить на реке Тубе (Пудожский уезд) железоделательный вододействующий завод, позднее домну возвели на реке Вичке, впадающей в Пергубский залив Онежского озера⁷⁴. В 1774 г. завод был остановлен и более не возобновлял работы⁷⁵.

Василий Елизаров Ольхин умер в 1788 г.⁷⁶

Из завещания Василия Елизаровича (1786 г.)⁷⁷:

«Сын бывшего олонцкого купца Елизара Федосеевича Олхина, жившего в олонцком уезде кижском Погосте, обращающегося в казенных службах беспорочно, которого предки были дед Геогорий, прадед Тимофей из фамилии Олеховых, а писались просто Олхины и до 1700 года оные предки там и отец мой в 742 году померли, а я именованной по отбытии от толь и по бытности моей в Санктпетербург по торговому и мореходными судами промыслу в 742 году записан в санктпетербургское купечество тем же званием Олхиным, от роду имею семдесят шестой год.

Дочь вдова Настасья бывши в замужестве за санктпетербургским купцом Иваном Леяновым и который умре, 54 лет живее особо.

⁷² Краско А. В., Ольхина Г. К. Санкт-петербургское купечество. Роды, возведенные в потомственное дворянство: Родословие росписи. Вып. 1. СПб., 2016. С. 18. Один из авторов этой книги является прямым потомком Василия Елизарьевича Ольхина. Ее трудами собраны основные сведения о судьбе ветки рода Ольхиных в Петербурге (Ленинграде) с XVIII в. до сегодняшних дней.

⁷³ Согласно документам, Лазарь Елизарович Ольхин умер в 1762 г. См.: Переписная книга посадских людей... 1763 г. Д. 2388, л. 499 об.

⁷⁴ Павленко Н. И. История металлургии в России в XVIII в. М., 1962. С. 209.

⁷⁵ Там же. С. 210.

⁷⁶ Саитов В. И. Петербургский некрополь // Русский архив. 1883. № 5. С. 98.

⁷⁷ О завещании купца Ольхина. 1790 г. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф 1727, оп. 1, д. 419.

Дочери ж моей вдове Настасьи Васильевой которая выдана была в замужество с приданным за купца Ивана Лелянова, который умре и по смерти оногo с тем приданным без ведома моего отлучилась в олонечине расколнические жилища и по многим моим увещаниям к православной церкви не обратилась, и потому закоснению, неимев в старости и болезнях моих ко мне почтения, и живет особо которой кроме данного ей приданого доставшего от меня движимого и недвижимого имени и недачего дела нет и не попускать и не давать, а для любви ближнего и старости ей на пропитание... от сына моего Василья денгами до ста рублей ей

Остатки фундамента Троицкой церкви у юго-восточной стены Кижского погоста

дать да на то строить в Петрозаводском уезде в кижском погосте каменную церковь по которого капиталом моим фундамент сделан и до окон выкладен и немалое число кирпича было приготовлено. Если тамошние крестьяне и обыватели по обещанию их достраивать будут, тогда от Василья дать на достроение сто рублей и что по усердию можете...».

Ольхина Настасья Васильевна после смерти мужа вернулась в деревню в семью дяди⁷⁸, позже переселилась в Лексу⁷⁹.

В завещании речь идет о каменной церкви, которую Ольхин на свои деньги начал строить юго-западнее церкви Покрова Пресвятой Богородицы на Спасо-Кижском погосте и остатки которой сохранились до настоящего времени⁸⁰.

⁷⁸ Переписная книга посадских людей... 1763 г. Д. 2388, л. 502 об.

⁷⁹ Капуста Л. И. Олонечское купечество и его связи с Петербургом в XVIII — начале XIX века // Олонец: Историко-краеведческие очерки в двух частях. Ч. I. Петрозаводск, 1999. С. 88.

⁸⁰ Гущина В. А. Ограда Кижского погоста // Кижский вестник. Вып. 13. Петрозаводск, 2011. С. 21—24.

Сын Василия Васильевича Ольхина продолжил удачную коммерцию отца. Александр Васильевич Ольхин (1771—1815) — российский фабрикант, владелец обширных земельных участков под Санкт-Петербургом, а также медеплавильного завода, для нужд которого было устроено Медное озеро, и бумажных фабрик в слободе Александровская (современный Белоостров), позже перешедших во владение его вдове. В 1800 г. одним из первых в России был «высочайше пожалован» званием коммерции советника одновременно с учреждением этого звания. Его фабрикантская деятельность была столь успешна, что за нее Ольхин получил ордена св. Владимира 4-й степени и св. Иоанна Иерусалимского, а вскоре и дворянство.

Надгробие Василия Васильевича Ольхина (17 [?] — 1791) на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге

Все представители этой ветки Ольхиных покоятся на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры.

От третьего сына Истомки Васильева Ольхина — Баженки (Петрушки) — произошли Аникины, в написании середины XIX в. «Аныкины»⁸¹.

В поименных списках старообрядцев 1856 г., проживающих в Кижской волости, указаны имена 4 представительниц семьи Аникиных⁸². В церковных записях об их кончине есть помета: «По приверженности к расколу не исповедалась»⁸³.

В середине XIX в. семья Аникиных была очень большой — 24 человека и объединяла три поколения родственников. Среди 13 мужчин семьи двое были столярами (Степан Иевлев и Филипп Кирилов).

⁸¹ Эта фамилия происходит от имен Иоанникий и Аникита (первое связано с греческим словом «никэ» — победа, второе с греческим «аникэ́тос» — непобедимый). Выражение «аника-смотрок» означает «недальновидный человек», «аника-воин» — задир и хвастун, терпящий поражение. Последнее вошло в обиход благодаря популярной в народе переводной повести XVI в. «Преня живота со смертью» (то есть «Спор между жизнью и смертью»), где и фигурирует злополучный Аника.

⁸² О именных списках о раскольниках, проживающих в Петрозаводском уезде. 1859 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 2, д. 135/1053, л. 10.

⁸³ Метрические книги Кижского прихода // НА РК. Ф. 25, оп. 22, д. 265, л. 101 (1869 г.); д. 270, л. 58 (1870 г.); д. 305, л. 224 (1877 г.).

Соответственно и хозяйство было немаленьким и богатым, поскольку на земле работали 7 взрослых, годных к работе мужиков: высевали озимого хлеба 30 четвериков; весной ярового хлеба 60 четвериков, картофеля 15 четвериков. Для 6 лошадей, 10 коров, 12 овец выкашивали 30 возов сена⁸⁴.

В настоящее время единственный потомок купеческой ветки рода Ольхиных Галина Ольхина живет в Петербурге. Представители всех остальных фамилий — Аникины, Ржанские и Костины — до сих пор живут на о. Киж.

Потомки еще одной ветки семьи Ольхиных из родовой деревни перебрались в материковую деревню Телятниково. И сейчас в старинном доме Романовых живут Ирина Васильевна, Тамара Васильевна Ольхины и их племянники — братья Василий и Дмитрий Кулаковы, которые свой род ведут от Истомки Васильева «сына Ольхина».

Из народных мемуаров

ОЛЬХИН Василий Иванович, родился в деревне Ямка в 1909 г., умер в декабре 1995 г. в Петрозаводске.

Христославы и ряженые:

«После Рождества, конечно, ходили, как Новый год ходили. Всяко одевались: и медведем, и волком, и в шубе заворачивались. Всяко, всяко! Кто как мог придумать. Плясали обычно танцы. Вот русская наша кадраль — это обязательно было. Ну, хозяин мог угостить, если самостоятельный хозяин. Если он знает, что свои пришли, дак, конечно, и самоварчик поставит, после узнаваемых гостей поит чаем. Например, вот пришли ряженые сейчас в данное время, если бы я двух-трех человек назвал, может, „Марья!“, она бы сразу мне откинула платок, что я угадал, значит, правильно. А кого не отгадал, тот так маски с себя и не снимал.

Несколько человек ходили Христа славить. Приходилось этим делом заниматься. Например, самая это малая группа — три человека.

⁸⁴ Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ. 1860 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 21/22, л. 8.

**Часовня Святого Духа
в деревне Ямка. 1943 г.**

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-13867/2

А то и пять человек ходило ребят. С вечера ходили. Ну, например, часов до двенадцати, до часу ночи — это было самое малое, а то и больше некоторые ходили. Мы пели только в своей деревне, в свою деревню только и ходили, по своей. Была сделана звезда. Из бумаги разноцветной. ...Само основание круглое, а вокруг лучи или как их назвать. Вот мчался в этот дом: „Христа можно прославить?“, хозяин или хозяйка говорит: „Пожалуйста,

можно“. Вот, зажигаешь эту звезду внутри и перед иконой становишься и поешь эту заповедь всю „Христос рождается...“ Ну, и хозяйка потом, знаете, тебе дает там деньги или что-нибудь такое»⁸⁵.

**Татьяна Сергеевна Аникина,
Людмила Ивановна Аникина, деревня Ямка**

*Аникины и Яковлевы*⁸⁶:

«Моя бабушка — Аникина Анастасия Ивановна — замечательный рассказчик, ей 75 лет, но она до сих пор сохранила ясную память и умение передать увиденное и пережитое, тем более что на ее век хватило всего: и горя, и радости, и войны, и мира. Мне всегда интересно слушать ее воспоминания, некоторые из них я записываю. Уже потом пришел интерес и к земле, на которой жили мои предки, и к людям, которые жили на этой земле. Но сначала была бабушка и история ее семьи, семьи ее мужа — моего деда Аникина Ивана Михайловича».

⁸⁵ Калашникова Р. Б. «Крестьянские мемуары». С.169—170.

⁸⁶ Записано Т. С. Аникиной в 2005 г.

Семья Яковлевых

Жизнь при царе:

«Глава семьи моей бабушки — Яковлева (Ланёва) Екатерина Петровна (1881—1964), родом из деревни Кондобережской, что в 5 км от Сибово, была выдана замуж за Григория Тимофеевича Яковлева. В семье свекра — Тимофея Яковлева — были еще сын Федор и дочери — Апполинария и Мария. Предки этой семьи всегда жили в деревне Сибово и занимались сельским хозяйством. Их дальнему предку — деду Харитону — достались когда-то самые каменистые участки под пашню. Он с семьей очистил поля от камней, удобрил землю, в дальнейшем, во времена колхозов, это были одни из лучших участков. Сеяли репу, брюкву, свеклу, морковь, растили лук, лен. Овощи парили в чугунах в печи и получали кашу — „пару“, пекли пироги „репники“ в ржаном тесте. Зимой и летом ловили рыбу (сетями, мережами, удочками), которую отваривали, парили в чугунах, пекли рыбники, солили, сушили. Скота держали много. Сенокосных угодий было мало, сена не хватало, поэтому косили осоку на болотах, жали тресту, рвали крапиву. Крупный и мелкий скот держали не только для молока, мяса, но и для удобрения каменистых полей. В Заонежье до сих пор сохранилась пословица: „Коровушек держали не для кабуша, а для олябуша“.

Когда семья стала увеличиваться, а хозяйство крепнуть, появилась потребность в строительстве нового жилья. Дом строили сами, работников не нанимали, рубили деревья и бревна возили из соседнего леса. «Наши заонежана знали, где лес рубить. Толвуйские возили бревна гужом из Пегремы и Лижмозера. Плавилы озером из Кодачей. Кижана из Липовиц бревна добывали». Деревянный дом имел 2 этажа, в доме — 4 больших комнаты — две фатеры и две горницы, чулан, летняя комната — светёлка, сарай с хлевами, выложены русские кирпичные печи, а в одной комнате стояла дорогая с бронзовым металлическим отливом печь-голландка; крыша на доме покрыта железом, крыльцо с балконом. Мебель и посуда (фарфор Кузнецовского завода Петербурга) в доме были красивые.

Муж Григорий Тимофеевич был на Гражданской войне, дошел до Хельсинки. Екатерина Петровна ездила к нему с маленьким сыном.

А позже рассказывала, как отличались дома и хозяйственные постройки в других районах Карелии и в Финляндии от заонежских. Родители учили детей трудолюбию и честности. Григорий Тимофеевич рассказывал, что, будучи на войне, его сослуживец взял в качестве трофея серебряную ложку, но бог его наказал — он потом сломал себе ребро.

Жители деревень Заонежья хорошо знали друг друга, многие состояли в прямом родстве, ездили по деревням на праздники, летом на лодках-кижанках, зимой на санях. У Яковлевых были лошади рабочие и выездные, так же как и сани. Женихов и невест присматривали на праздниках, а позже сговаривались родители».

Жизнь до войны:

«В 1928 г. в Заонежье началась коллективизация. В деревне Сибово Великогубского сельского совета в апреле 1933 г. организовали колхоз „Красное поле“. В первые годы коллективизации семью Яковлевых признали кулаками, отобрали пашни, лошадей, скот. В это время в семье Екатерины Петровны было 4 взрослых сына и дочь. Одного из сыновей, призванного до раскулачивания в армию, вернули домой как сына кулака. Чтобы доказать, что они не кулаки, Екатерина Петровна ходила пешком в Петрозаводский РЦИК (Российский центральный исполнительный комитет), где выдали документ и подтвердили, что семья трудовая. После этого им обоим разрешили вступить в колхоз. Григорий Тимофеевич занимался в колхозе разными работами: заготовка сена, вывоз навоза на поля, ловля рыбы. Екатерина Петровна была овощеводом. Родители моей бабушки Насти — Яковлев Иван Григорьевич и Мария Тимофеевна (в девичестве Полева, родом из деревни Кузнецы), а также и другие дети Яковлевых работали в колхозе. Мария Тимофеевна заведовала молочной фермой. Ребята помогали взрослым в уборке сена, урожая, пасли коров. Осенью всей деревней собирались в доме Яковлевых на праздник „Отжин“, несли выпечку, разные блюда со свежего урожая. Иван Григорьевич работал в Великой Губе в промартели. Одной из самых страшных работ для верующих людей в промартели было разрушение церквей, сбрасывание колоколов, сжигание икон. Мама Екатерина Петровна понимала весь ужас происходящего и просила сына чаще обращаться к богу со словами прощения. Затем в семье началась черная

полоса: умерли в полгода (1938—1939) муж Григорий Тимофеевич, дочь Мария, сын Дмитрий (сломал позвоночник на лесозаготовках), невестка (Мария Тимофеевна умерла от пневмонии), маленький внучок, погиб на финской войне сын Иван Григорьевич.

В конце 30-х гг. семья стала маленькая: бабушка Катя, ее сыновья Федор и Михаил, внуки Настя и Виктор. В 9 лет Настя пошла в школу. Учились до войны в деревне Усть-Яндома, в 6 км от Сибово. Изучали русский язык, арифметику, географию, историю, ботанику, рисование. Приходили домой только на выходные, а на неделе жили в интернате. Весной 1941 г. Настя закончила третий класс и осенью должна была идти в четвертый».

Война:

«22 июня 1941 г. приехал в Сибово нарочный из Великой Губы (в деревне другого сообщения не было) и объявил тревожную весть — война.

В этот день 10-летняя Настя Яковлева была в Петрозаводске у родственников. 22 июня в Петрозаводске проходил большой спортивный праздник, должны были состояться состязания по легкой атлетике, велосипедный кросс, футбольный матч. Но вместо этого праздника — сообщение о начале войны, многотысячный митинг, мобилизация военнообязанных. Мою бабушку срочно отправили домой в Сибово.

Военные действия в Карелии начались в ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. Финские войска перешли границу СССР. В июле 1941 г. основные силы финской Карельской армии вышли к Ладожскому озеру и развернули наступление одновременно на трех направлениях: на Петрозаводск, Олонец и Сортавалу.

Мужчин в деревне сразу призвали в армию. Ушел на войну сын Федор (выжил, встретил Победу в Чехословакии, награжден орденом Красной Звезды). Сразу постаревшая бабушка Катя осталась одна с младшим сыном Михаилом и двумя внуками. Михаил не мог остаться в стороне и попросился на фронт, хотя его оставляли с мамой и несовершеннолетними племянниками. Погиб Михаил в первые месяцы войны.

До осени деревня продолжала жить достаточно спокойно — военных действий в Заонежье не велось. В семье бабушки Кати с внуками

осталась корова Розка, куры, овцы, поросенок, держали небольшой огород. Всю войну с ними жила Апполинария Тимофеевна, золовка Екатерины Петровны, приехавшая на лето погостить и не успевшая вернуться в Ленинград. Ее муж был богатым, имел несколько домов под Ленинградом. Ее сестра Мария Тимофеевна пережила в Ленинграде с детьми блокаду, но умерла сразу, как только увидела хлеб, — от непроходимости кишечника.

Затем началась эвакуация мирного населения. В дом Яковлевых поселили семью Тюковых из деревни Вороний Остров, что в 19 км от Сибово, за деревней Типиницы, где проходила линия фронта. В семье было четверо взрослых и две девочки.

В доме Яковлевых на 2-м этаже установили „военную точку“ — наблюдательный пункт из 7 человек. В июле 1941 г. Петрозаводск подвергся первым воздушным бомбежкам финской авиации. В конце сентября Петрозаводск непрерывно обстреливали финны. Горящий город видели с чердака дома. Уже спустя некоторое время поняли, что, как только город сдали финнам, наблюдательный пункт в их доме был ликвидирован. Моя бабушка вспоминает, что это была очень холодная осень, уже выпал первый снежок, и на озере появился тонкий лед.

Через несколько дней к ним прискакали на конях финны. Население встретило их настороженно. Солдаты ходили по всем домам с переводчиком, штыками искали зерно, проверяли возможные тайники. В деревне они на постоянное жительство не остановились, приезжали периодически из Великой Губы. Некоторое время финны население не беспокоили, пока до них не дошло известие о появлении в деревне партизана, именно тогда было приказано срочно выехать. Никакого схода не было, жителям деревни не объяснили, почему нужно выезжать, просто дали 24 часа на сборы. По архивным документам известно, что в районы переводились в основном семьи, кормилец которых мог работать в лесу, а те, кто нуждался в „социальной защите“, помещались в концлагерях. Семья моей бабушки не вызвала сомнений у финнов в „социальной обеспеченности“.

С жителями Сибово финны поступили еще миролюбиво, наверное, потому, что партизана так и не нашли. А вот когда в Ламбасручье в 1943 г. были убиты четверо служащих комендатуры, всех жителей

перевезли в концлагерь, лицемерно называемый местными властями переселенческим.

Екатерина Петровна — бабушка Насти раздобыла на скотном дворе старую полудохлую колхозную лошадь, других, относительно крепких лошадей уже успели разобрать соседи. На дорогу и первое время взяли с собой хлебные запасы, забили овцу и в печи завялили мясо, также взяли швейную машину, одежду, рыболовную сеть, семена. Остальной скарб припрятали, надеясь скоро вернуться. У отъезжающих не было слез, крика, все происходящее восприняли как неизбежное. Идти нужно было от Великой Губы до Ламбасручья 18 км и еще 15 км до Мягрозера, где должны были жить, так как остальные попутные деревни были уже переполнены и заняты первыми подъехавшими. Старая лошадь шла еле-еле, и иногда приходилось тянуть ее под уздцы и кормить своим хлебом. Так приехали они одни из Сибово в деревню Мягрозера. Сама деревня была маленькой, жизнь в ней контролировал местный начальник финн, который постоянно здесь не жил и людей ничем особенно не притеснял. В деревне Яковлевым отвели маленький домик, в котором кроме них поселилось еще 4 семьи. Хозяева приняли переселенцев доброжелательно, жили все семьи дружно, готовили пищу в одной печи, но питались самостоятельно. На ночлег устраивались на полу. Спустя некоторое время Яковлевы остались в доме с хозяевами одни, остальные семьи выехали. А позже им позволили переселиться в пустой домик.

Всем переселенцам каждый месяц за определенную плату давали паек — „норму на проживание“. В паек входило: пачка сахара на каждого, несколько граммов муки, немного соли. В общем, на четверых получалось столько, что могла унести десятилетняя девочка в заплечном мешке. Деньги на выкуп пайка семья выручала от продажи рыбы и от работы по заготовке дров.

Моя бабушка — десятилетняя Настя с хозяином дома — дедом Ларионовым пилили в лесу двуручной пилой сосны, затем распиливали стволы по метру, „карзали“ — срубали сучки и аккуратно складывали. Бабушки Катя и Апполинарья работать не могли в силу возраста и состояния здоровья, брат Виктор был маленьким. Поэтому хозяин дома пригласил на работу в качестве помощницы девочку.

Бабушка Катя сшила Насте огромные шаровары из большого платка. В лесу работали зимой, среди глубокого снега. Хозяин дома от полочки давал хорошую часть заработанных денег бабушке Кате.

Весной, в марте, из столовых ложек сделали блесны и ловили рыбу. Проруби „пешали“ топорами. А когда растаял лед на озере, то в ход пошли сети. Ездили на долбленых лодках, других в деревне не было, да и озеро небольшое. Весной и летом собирали щавель, землянику, а потом чернику, бруснику. Ягоды заготавливали на свою семью в ушат, который предусмотрительно взяли с собой. Разработали небольшой огород; пригодились привезенные семена. Потребовалась и швейная машина: бабушка Катя из старья шила платья, их меняли на брюкву и мороженую картошку в соседних деревнях. И, хотя жизнь в Мягрозере была трудна, все-таки они были свободны и не подвергались ежедневным проверкам и унижениям.

Так жили до весны 1944 г. В январе 1944 г. советские войска Волховского и Ленинградского фронтов разбили немецкую группу армий „Север“ и сняли блокаду Ленинграда. Эти успехи оказали большое влияние на события в Карелии. Весной финны начали активно собираться к отъезду, грузили вещи, перестали контролировать местное население. Все поняли, что можно возвращаться домой, торопились, так как хотели успеть по льду, а он был уже плох. По крепкой дороге не пускал финский патруль. Пришлось добираться до дома постепенно: сначала ехали к знакомым в Мунозеро, затем перебрались в Вёгурксу, далее в деревню Кондобережская, что в 5 км от Сибово, где и стали жить у сестры бабушки Кати — Матрены Петровны, так как время было еще оккупационное. Наконец, когда сошел лед, финны окончательно уехали, увезя с собой из Заонежья многочисленные трофеи.

Некоторое время после восстановления советской власти возвращаться в родную деревню было запрещено, но, когда местные власти проверили территорию, семья поспешила домой. Бабушка вспоминает, с какой радостью она бежала к дому, не думая о том, что он может быть заминирован. Войдя в дом, увидели, что печи разобраны, кирпичи увезены, а зарытые домашние вещи — посуда, одежда, постельные принадлежности и другое — украдены. Конечно, было жалко, но главное — они наконец-то дома! На Вигове нашли

свою корову, взятую еще финнами и доставшуюся чужой семье (но постановлением местных властей своих животных можно было возвращать хозяевам). Тут же посадили огород. Скоро дети пошли в школу в Великую Губу; все ученики были переростками — во время войны не учились. Жители деревни Сибово постепенно возвращались в свои дома, жизнь налаживалась».

Жизнь после войны:

«Анастасия и Виктор окончили Великогубскую школу и поступили в петрозаводские учебные заведения. Анастасия получила специальность учителя физкультуры в педагогическом училище и до выхода на пенсию работала в школе. Виктор окончил автотранспортный техникум и работал механиком.

В послевоенное время председателем колхоза был назначен приезжий Григорий Сардалеев (казах, коммунист). Он жил у бабушки Кати. Трактором пахали заросшие за войну поля. Выращивали картофель. В колхозе держали около 50 голов скота, в основном быки (не местной породы), за их пастьбу в течение дня начисляли полтора трудодня. Колхозники заготавливали сено для скота. В период скирдования на полтора трудодня женщины должны были выносить вручную к скирдам 100 куч сена (одна куча — 25 килограммов). Рассчитывались за трудодни зерном. Екатерина Петровна работала овощеводом, готовила рассаду и выращивала огурцы. Ее норму помогали выполнять подростки внуки, приходившие на выходные и каникулы из школы. В свободные минутки заготавливали корма для своего скота (корова, овцы, поросенок, куры). Из заготовленного на себя сена можно было оставить только 10 %, остальное сдавалось в колхоз.

В 1956 г. почти все колхозы республики были преобразованы в совхозы. Были созданы зверосовхозы, в которых стали разводить пушных зверьков — песцов и норок. В деревне Сибово тоже были разведены черно-бурые лисицы. Но бабушка работать уже не могла. Об одном жалела старенькая бабушка, что неграмотная была, но помнила многое и всегда говорила: „Я неграмотная, да памятная“. Бабушка Катя умерла на 84-м году жизни, дала образование внукам, дождалась правнучек».

Семья Аникиных:

«Мой дедушка — Аникин Иван Михайлович — уроженец деревни Ямка на острове Кижы. Фамилия Аникиных известна в Заонежье с середины XVII в. Предки моего деда были плотниками, смолокурами, рыбаками, земледельцами. На долю Аникиных выпали трудные годы становления Советской власти, концентрационный лагерь в Петрозаводске, голод, лишения, смерти. Две женщины — бабушка и мама, лишившись мужчин, сумели выстоять в нелегкое военное и послевоенное время, в разоренной деревне возродили утраченное и выучили оставшихся в живых детей».

Жизнь до войны:

«Глава семьи — Аникин Иван Филиппович (20.01.1875 — 24.04.1942) — родом из большой крестьянской семьи деревни Ямка на острове Кижы. Его жена Аникина (в девичестве Ольхина) Ирина Михайловна (18.05.1882 — 29.10.1964) — тоже ямская. Девочкой несколько лет жила в Петербурге у родственников, где научилась многим светским манерам, умела читать и писать. В 18 лет была выдана замуж за соседа по деревне.

Ирина (в деревне звали Иринья) была веселая, общительная, гостеприимная, всегда нарядная, как говорили в деревне — „фартовая“, всем умела оказать помощь, за что ее считали ведуньей. Она частенько грела самовар для гостей в день до 5—6 раз и за стол усаживала знакомых и незнакомых. Затем все угощались и сердечно беседовали за самоваром. Так было и летом, и зимой, потому что Кижский погост всегда был многолюдным (пароходная пристань и санный путь), а столовой или закусочной не было. Иринья Михайловна пила чай не торопясь, из блюдечка, прекрасно знала и точно определяла сорт чая: индийский, цейлонский, китайский и другие, то есть поистине была дегустатором чая, но предпочитала „индийскую силу“. Чай тогда пили с сахаром вприкуску, так и сейчас пьют заонежские пожилые люди. Сахар кололи на мелкие кусочки, и если оставался кусочек, то его клали на перевернутую вверх дном чашечку. Сахар приобретали в виде, как его называли, „головы“, по 5 фунтов весом (фунт — 400 граммов), держали сахар в горнице на лежанке, это служило приманкой для детей,

и если позволяла обстановка, ребята по очереди лакомились и лизали „голову“. Семья была большая, детей много: дважды рождались двойни, один раз тройня, но выросли только трое — Наталья, Мария, Сергей, остальные дети умерли в младенчестве.

При становлении на Ямке колхозов Иван Филиппович остался единоличником. Ему были определены очень большие налоги. Семья едва сводила концы с концами, местные власти сердились, соседи сторонились. Иван Филиппович был очень бережлив, иногда бережливость доходила до скупости. Например, он считал чай баловством и пил хлебный квас, а чай и сахар покупал только на праздники и для гостей. В начале 20-х гг. стали строить новый дом. Строительного леса не хватало, поэтому внутренние части дома — полы, потолки — перенесли со старого дома, который топился „по-черному“.

Основным занятием Аникиных было земледелие и рыболовство. Иван Филиппович сам делал сани, гнул полозья и дуги, вязал сети, шил обувь. Мужчины в Заонежье в праздники носили сапоги из черной кожи, а молодежь из богатых семей имела сапоги с лакированными голенищами. Такие голенища называли „бутылкой“, а пришитая шевровая кожа до переда сапога называлась „гармошкой“. Иван Филиппович никогда не носил сапог из черной кожи, а всегда только из белой, которые шил на прямую колодку, чтобы сберечь голенища (такой сапог можно было носить и на правой, и на левой ноге). Затем он обильно смазывал сапоги дегтем, запах которого держался долго. Но для Ирины шил красивые полусапожки, чистил их до блеска. Подрастающие дочери занимались рукоделием. С детьми отец был очень строг. За стол садились не опаздывая, и за едой все молчали, за провинность могли получить ложкой по лбу. И только внуку Ване дедушка разрешал все: трогать его инструмент, шуметь, мешать во время работы, потому что любил очень. Сын Сергей погиб в первые месяцы войны под Ленинградом (1923—1941). Мария была выдана замуж в Сибово.

Виктор Пулькин в книге „Это наша с тобою земля“ рассказывает о встрече с пожилой уже Натальей Ивановной (дочерью Ивана Филипповича и Ирины Михайловны), когда она поведала писателю о случае из ее юности, показывая убранные в сундук вещи. На одном из сарафанов писатель укололся об иголку и услышал занятную историю:

„Глупа была, шестнадцатигодова. Чего понимала? Матреша, подружка, на полтора годочка постарше, предупреждала: «Иголку воткни, на! Вот сюда! Как обнахалится Офонюшка — так и уколется. Про тебя подумает: „Премудра дева. Строга — хороша!“». Я и воткнула иголку в лиф себе — острием наружу. А Офоня на беседушку не попал. Аккурат до вечерней зорьки великогубская соемка побежала с рекрутами в Петрозаводск... Боле Офоню не видывали — сгинул «за царя» в Карпатских горах. Ненадеванный сарафан с той поры!». Кованые граненые иглы кузнеца Михаила Трепалина из деревни Мигуры служили долго.

В 1926 г. Наталья вышла замуж за дальнего родственника — Аникина Михаила Григорьевича (1901—1942). Михаил Григорьевич еще в 1918 г., одним из первых в Кижях, вступил в Красную армию и участвовал в боевых действиях в отряде Спиридонова в городе Беломорске; в 1930 г. был делегатом съезда партизан в селе Шуньга. Михаил и Наталья после Гражданской войны работали в колхозе „Северная Искра“, организованном на Ямке в мае 1929 г.».

Война:

«Когда началась Великая Отечественная война, кижские мужики, а вместе с ними и Михаил Григорьевич, поднялись на пароход и ушли партизанить. Затем только „похоронка“ сообщила, что Аникин М. Г. пал смертью храбрых, выполняя ответственное задание командования в партизанском отряде.

Жителей Кижской волости стали вывозить в концентрационные лагеря в Петрозаводск. Первых везли на баржах, одну из которых разбомбили возле Ивановских островов. Люди чудом уцелели. На ней была и сестра Михаила Григорьевича Ольга. Жители деревни Сибово тоже готовились к переезду, собирали вещи, но Онего быстро замерзло, и их оставили дома. Ямчан вывезли на машинах через озеро по льду и поместили в третий лагерь. Ивана Филипповича с Ириной Михайловной финны оставляли на Ямке или предлагали переехать в другую деревню. Но отец не мог оставить дочь Наталью (жену партизана) одну с пятью маленькими детьми (старшей Анне было 13 лет, младшей Нине — 3 года), поэтому в лагерь поехали вместе. На первое время взяли продукты, кур поместили в сундук. Но за колючей проволокой были свои законы: „Нравне со взрослыми катали ребята на

бирже толстые бревна, таскали тяжелые носилки со щепнем, копали могилы в Соломенном. В могилах этих хоронили умерших от голода и болезней людей», — вспоминала бабушка. В 1942 г., в апреле, в семье Аникиных умерли дедушка Иван, мальчик Саша и девочка Люся. Был очень слаб Ваня, поэтому, когда по бараку проходил санитарный контроль, мальчика обкладывали постельными принадлежностями и создавали видимость здорового. Больных финны сразу увозили в больничный барак. Мальчика чудом выходили. Под колючей проволокой ползали и ходили на болото за морожеными ягодами. Все такие хождения в любой момент могли стать последними.

Мальчишки — народ неугомонный, не могут бездействовать, и даже в лагере старались навредить врагу и приблизить победу. Светлана Заалова в книге „Маленький солдат“ познакомила читателей с историей, которую рассказал мой дедушка Аникин Иван Михайлович. Шел 1944 г., июнь месяц. Мальчишкам лагеря, среди них были Ваня Аникин и Коля Мартынов, очень захотелось повесить флаг, да такой, чтобы был похож на настоящий: красный с серпом и молотом. Ребята раздобыли ткань, краску, нашли жестяную банку для символов. Риск был большой. Первый поднятый на крышу флаг кто-то из женщин со страху снял. Мальчики изготовили второй флаг и белой, тихой июньской ночью исполнили свой замысел: „Мартын полез на крышу дома, держа под мышкой флаг. Ваня — за ним. Он смотрел, как Мартын ползал по крыше, закрепляя флаг, обвязывал его веревками. Подул ветер, полотнище флага встрепенулось и забилося, как живое, в лучах восходящего солнца“. Утром ребята бежали к берегу. К городу подходили торпедные катера. А потом был митинг. На мостик вышел капитан и сказал, что моряки уже издалека заметили в городе красный флаг. И хотя в это время в городе было уже много флагов, мальчишки были уверены, что именно их флаг увидели моряки».

Послевоенный период:

«Война вырвала из семьи Аникиных сразу трех мужчин, и все заботы о воспитании детей легли на плечи бабушки Ириньи и Натальи Ивановны. Мать и дочь завели скот, ловили рыбу, потому что надо было учить детей. Ваня после Сенногубской школы уехал в Петрозаводск в ремесленное училище, выучился на столяра. Анна получила

*Жительница деревни Ямка Иринья
Аникина с внуком.*

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-14377

специальность учительницы начальных классов в педагогическом училище. Нина окончила Петрозаводский государственный университет, лесоинженерный факультет.

Две бабушки — Иринья и Екатерина — присмотрелись к своим внукам и решили, что хорошая получится из них семейная пара. Так образовалась новая семья Аникиных — Ивана Михайловича и Анастасии Ивановны. Уже работая учителем труда во вспомогательной школе, Иван окончил университет — исторический факультет. Мои бабушка Настя и дедушка Ваня вместе работали в одной школе. Их дочь Людмила Ивановна, моя мама, — тоже учительница. Когда

внучка Натальи Ивановны пошла учиться на биолога, та одобрила и сказала: „Хорошую профессию выбрала, с землей работать, как наши предки“.

В нашем доме летом бывает многолюдно, за большой семейный стол садятся до 17 человек. У нас гостили многие интересные люди. И, несмотря на то, что мы проводим в родной деревне только лето, нас называют коренными жителями».

Из воспоминаний И. М. Аникина (1931—1999), деревня Ямка:

«Домов было 8 перед войной:

1. Ржанский Василий Иванович — плотник
2. Костин Андрей Николаевич — печник
3. Аникин Григорий Иванович — смолокурня на маленьком островке напротив острова
4. Аникин Иван Филиппович (сын Филиппа Филипповича) — сапожник

5. Ольхина Ирина Михайловна — разорились, сыны по городам

6. Аникины (семья Анастасии Александровны) — столяры Кузьма Александрович, Александр Кузьмич — муж Анастасии Александровны

7. Аникины (Шамилихины) — а более ничего не знаю

8. Костина Евдокия Константиновна

Босаревы занимались рыбной ловлей, так как был ледник. Потомки и сейчас приезжают на Оятевщину. В доме Морозова держали впоследствии зерно.

Деревня Кяжево — приезжают на Пустой Берег, на памяти только один дом: „Голы и босы кяжевы матросы“.

Деревня Бачурино — люди ленивые были: „После Ильина дни и травы больше, и косить не жарко“. Была сделана каменная изгородь между Бачурино и Васильево. Родник под Нарьиной горой, но сейчас зарос. В Васильево стояло 1—2 дома.

Морозов занимался в основном рыбной ловлей. В Уймах были раки. На всех островах косили сено. Южную часть островов вырубали, чтобы сено лучше сохло. От Оятевщины ходили косить в Вожмариху. Возвращаются домой в 11 вечера, доют корову, ужин, там, масло приготовить, наточить косу и в 3 часа вставать снова на покос.

Дед держал три лошади — две рабочих, одна ездовая для гуляний в зиму. Коров кормили ржаной соломой. Навоз убирали из хлевов в марте — апреле.

Кижский поклонный крест стоял выше конюшни — там чудилось, человек ходил, как вечер»⁸⁷.

АНИКИН Иван Михайлович (1931—1999), деревня Ямка⁸⁸

Семья:

«Родился в 1931 г. в деревне Ямка. Отец — Михаил Григорьевич Аникин (1900 г. р.), мать — Наталья Ивановна Аникина (1906 г. р.). Родители венчались

⁸⁷ Записано С. В. Воробьевой, 1995 г.

⁸⁸ Трифонова Л. В. Воспоминания жителей деревни Ямка (из научного архива музея-заповедника «Киж») // Кижский вестник. Вып. 19. Петрозаводск, 2021. С. 136—141.

в Преображенской церкви в Кижях. Дедушка по отцовской линии Аникин Григорий Иванович (1870-х г. р.). Бабушка по отцовской линии Аникина Анна Даниловна (в девичестве Вавилина) — дочь кузнеца Данилы Яковлевича Вавилина из деревни Телятниково. Бабушка по материнской линии Ирина Михайловна Ольхина (1877 г. р.) вышла замуж за Ивана Филипповича Аникина (1867 г. р.) — строителя дома, в котором всю свою жизнь прожил Иван Михайлович. Брат бабушки Ирины работал в Петербурге писарем. Жил на Лиговском проспекте. Второй брат бабушки Ирины тоже жил в Петербурге. Работал по торговой части. Жил на Пороховых. (В его честь информатор и получил свое имя). Дом в деревне Ямка, в котором до сих пор живет семья Аникиных, был построен в 1924—1928-х гг. на ссуду, выданную в 1924 г. Дед Аникин Иван Филиппович крестьянствовал и занимался сапожным и бондарным ремеслами (делал бочки), второй дед Григорий Иванович Аникин помимо крестьянства прирабатывал смолокурением (смолу гнал на одном из островков напротив Ямки), делал сани, бочки. Рыболовные снасти каждый мужик в деревне делал сам. Кроме того, нужно было зарабатывать деньги, для этого ходили в извоз в Беломорье за сельдью и отвозили ее в Ленинград.

Дед мой Аникин Григорий Иванович, у которого я жил с двух лет, держал семь коров, двух рабочих лошадей и одну ездовую. Кормили сеном и ржаной соломой, которую резали на солонорезке. Навоз зимой копился в хлеву, пока скотина хребтом не упиралась в потолок, а в марте — апреле навоз вывозили на поля. Еще поля удобряли торфом, который добывали в болоте рядом с Ямкой. Во время сенокоса ездили в Уймы косить. Острова вокруг Кижей выглядели совсем не так, как сейчас. Лес рос только по берегам. Все было выкошено. Очень удобно — выкосил остров, а зимой вывезешь сено по льду. За острова в Уймах шла целая война: за них боролись Кургеницы, Ямка, Волкостров. Кижский скот пасли на Оятевщине. Моя бабушка косила на Вожмарихе, недалеко от Оятевщины. После возвращения домой в Ямку вечером, около 10 часов, начинала сбивать масло. Спать ложилась в час ночи, а утром в 5 вставать. Потомки Аникиных живут в Петербурге. Там живет внук Ивана Михайловича — Ольхин Михаил Борисович, кандидат педагогических наук, преподаватель герценовского института. Дочь Ивана Михайловича живет в Рыбацком».

Деревня Ямка в Кижях в 1930-х — 1940-х гг.:

«Самый северный дом в деревне Ямка — дом Василия Ивановича и Ильи Ивановича Ржанских. Они занимались плотницким делом и ходили в отход, в былые годы даже за пределы Олонецкой губернии. Это была большая бригада до пяти человек. С ними часто ходил Медведев из Оятевщины.

В следующем доме жил Аникин Михаил Николаевич с женой Любовой Васильевной. Чем они занимались — не знаю.

Дальше идет дом Костина Андрея Николаевича. У него было четыре сына — Алексей, Василий (имена остальных не помню) и дочка. Они были печники. Андрея Николаевича часто в Кургеницы приглашали. Печника обязательно нужно было угощать.

Далее дом Ржанских — Варвары Федоровны и Кирика. Сын Володя был отправлен в Ленинград. Пережил блокаду. Работал на заводе. Говорят, от истощения приходилось привязывать себя к станку, чтобы не упасть.

Рядом дом Костина Николая Андреевича. Он утонул, когда сачил рыбу. Осталась жена Авдотья Марковна с четырьмя детьми. У нее было много земли. Женился на ней Сергей Александрович Аникин, родственник Анастасии Александровны Аникиной (дом за Ольхиными). Он взял фамилию Костиных.

Следующий дом — это дом моего деда Григория Ивановича и бабушки Анны Даниловны Аникиной (урожденной Вавилиной). В этом доме жили мои родители Михаил Григорьевич Аникин и моя мама Наталья Ивановна. Это дом моего детства.

Григорием Ивановичем был построен в Ямке еще один дом, который называют сейчас домом Мошниковой. Когда семья Аникиных начала делиться в 1939 г., верх дома был продан Евдокимову (у него даже был сделан отдельный ход через низ).

Далее дом моего второго деда Ивана Филипповича Аникина и бабушки Ирины Михайловны Аникиной (урожденной Ольхиной), в котором я теперь живу с семьей.

Рядом с нашим домом находился дом, принадлежавший моей бабушке Ольхиной Ирине Михайловне, братья которой жили в Петербурге. Кроме того, в роду моей бабушки был родственник, имевший сан священника.

Рядом с домом бабушки Ириньи — дом Аникиных — Александра Степановича и Анастасии Александровны. У них было трое сыновей — Петр, Александр, Кузьма. Все занимались столярным делом. Кузьма очень любил овсянники, и наша бабушка для него их часто пекла.

За ними стоял дом Шамилихина (на месте сарая у конюшни, у дома Мошниковой). Шамилихин был женат на Аникиной. Рядом с ними — дом Костиных, родственников Евдокии Степановны Костиной. Муж Евдокии — Алексей Андреевич Костин. Свекр — Андрей Николаевич Костин, свекровь — Матрена Дмитриевна. Сын — Александр. Дом был построен в 1926 г.

Амбар за музейным домом Пертякова был хранилищем колхозного зерна.

Все старые дома были на один скат».

Деревня Лукинщина (Васильево):

«В Лукинщине стоял дом Васильева. Дом богатый, обставленный городской мебелью. В горнице в шкафах, закрытых занавесочками, стояло много книг. Васильевские луга тоже назывались Лукинщина. На праздник — Духов день — там устанавливались ряды.

Васильев занимался ловом рыбы. Он ловил мережами, но не маленькими, а большими. Забивались колья. Сидели на озере неделями. Тем, кто у него работал, он хорошо платил — 1 рубль серебром в неделю. Деревня называлась не Васильево, а Лукинщина. Когда его пришли арестовывать, он пошел в дом, взял пистолет и застрелил первого, кто попытался к нему подойти. Рассказывали, что вилами заколол, но это неправда.

Еще хорошо платил богач Морозов. Те женщины, которые нанимались к нему на жатву, получали туфли, штиблеты или отрез на платье. Морозов тоже занимался рыбной ловлей.

А работали у богачей те, у кого семья большая.

Вообще в Ямке и в округе крестьяне всю домашнюю утварь делали сами и сети плели сами. Мастера шубы шили, шерсть валяли. Рассказывали, в XIX в. ловили раков. Расплачивались за них золотом. У моего деда была такая золотая монета».

КОСТИНА Евдокия Степановна, в девичестве Исакова (1914—2003), деревня Zubovo, деревня Ямка:

«Поля на острове от наволока до наволока, старики даже дрались за эту землю. На острове от жарниковых сеяли, мальковские. Жарниковы сеяли севернее погоста. Оятевские к Бачурину ездили пахать. С Пустого Берега к Морозовым ездили пахать. Поля не огораживались, где поле отдыхает, там и скот пасли у Бачурина и на Оятевщине, а от погоста к мальковым. Скот держали или у хозяев деревни, или в летних хлевах-стаях — между домами стояли. Если большая волна, то с хозяевами договаривались, чтобы присмотрели за скотиной. Лен сеяли на полянах на острове 5 на 5 м Капусту сажали мало. Жгли ниву в лесах — репу сеяли. Парили репу. Яму выроют, плитами обложат, сверху опять плиту, потом земли и сверху жгут костер.

Баня не у каждого хозяина была — 4 бани на деревню. Ходили по очереди.

Дрова заготавливали на материке. Ближе к дому не ставили — чтобы дом не гнил. Печь в доме складывал свекр — Андрей Николаевич.

В подполье дома хранили морковь в ямах. В ледниках просто-квашу.

Бесёда была на Речке снята. На Боярщины. А летом съедем в ригачу.

Бесёды на Петров и Духов день гуляли, пока солнце не встанет. На ночное ехать — гулять до утра.

Свадьбу играли по-старинному, вначале просватовство.

Огороды на погосте вдоль озера. Мельница сейчас поставлена только после колхозов»⁸⁹.

Семья:

«Родилась в деревне Zubovo, что напротив острова Кижы, на материке. Девичья фамилия Исакова. Папа Степан Гаврилович Исаков крестьянствовал, шил лодки, продавал их в Петрозаводске, ходил по людям косить. Мама Александра Степановна Костина умерла, когда мне было 11 лет. Она похоронена на Кижском погосте. Папа вскоре утонул. Я жила в чужих людях восемь с половиной лет. Мне нужно было

⁸⁹ Запись Воробьевой С. В. 1994 г.

вырастить и поставить на ноги двух своих сестер — Клавдию и Марию. В деревне Погост рядом с оградой кижских церквей был дом, похожий на барак, где находился магазин, почта и медицинский пункт, в котором работал врач по фамилии Ягодин. Он приехал с семьей из Чувашии в середине 1920-х гг. Они жили в этом же доме. Я сидела с его двумя детьми. Меня так и звали — Дуся Ягодинская. Мы с сестрами жили в комнате в этом доме. Замуж вышла в деревне Ямка на двадцатом году. Муж Костин Алексей Андреевич был председателем сельсовета. Сельсовет располагался там же, где и медпункт. Дом этот сгорел, но после войны его отстроили, а потом, когда возник музей, снова разобрали. Свекра моего звали Андреем Николаевичем Костиным, свекровь — Матрeной Дмитриевной. В 1936 г. у нас с Алексеем родился сын Анатолий, в 1939 г. — дочь Валентина, в 1941 г. — дочь Галина»⁹⁰.

Жизнь в Кижках и округе в 1930-е — 1940-е гг.:

«С погоста скот возили в Мальково. Везли на лодке. Доить ездили два раза в день. Если был сильный ветер, договаривались с соседями, чтобы поставили на свой двор. За постой платили деньгами. Некоторые делали стаи — летние хлева.

Лен и коноплю тоже сеяли на острове Кижы.

Ходили в баню по-разному. Муж с женой или мужики и бабы отдельно. Дрова на материке заготавливали. Весной пилили, а зимой возили. Костры дров ставили не рядом, а напротив дома.

Косили до войны и во время войны косой-горбушей.

Грибы собирали в Уймах, на мандере (на Оятевщине). Хранили в сенях в бочках и в подполье. Ряпушку — в бочках на сарае. Молоко в подполье. Яма картофельная была внизу. В деревянных ящиках — морковь, свеклу, репу»⁹⁰.

Праздник:

«Бесёду держали на Речке у Анны Федоровны или на Боярщине у одной бабули. Летом ездили на Боярщину в ригу. Гулянки бывали и у парохода на пристани, иногда в Кургеницах у кого-нибудь. Садимся в лодку — поем, на гитаре, гармонии играем. Летом — гулянье в Корбе на Корбов день, у нас — в Духов день на горушечке. Танцевали ка-

⁹⁰ Трифонова Л. В. Воспоминания жителей деревни Ямка... С. 142—145.

дриль, падеспань, коробочку. Женатые тоже приходили. Если маленький ребенок, свекровка останется. На большие праздники гулянье было долгое, до восхода солнца.

Замуж я вышла на 20-м году. Правда, не все выходили. Хотя в старых девах оставались не часто: у Бишевых была старая дева — Маша, да еще одна у Тестенниковых. Свадьбы играли по-старинному. После просватанья жених приезжал в дом невесты с родителями и назначали свадьбу. Но мы уже не венчались.

На Погосте (деревня Погост рядом с церквями. — С. В.) стоял дом Русановых, Михаила Рябинина, Шуры Пяльтиной с дочерью. Там же жил звонарь. До него звонил сторож из Оятевщины. Дьякон приезжал от Маньшиных.

После войны все дома на Погосте были заняты. Шура Пяльтина жила, врач жил Ягодин. Амбары были сельповские для сахара, для соли, сарай для засолки капусты. Все это колхозное.

В деревне Зубово, где я родилась, жили Филипп Прокофьевич Иевлев с женой Дарьей и детьми Федором, Ириньей, Григорием и Василием. Семья крестьянствовала, позже Федор и Григорий уехали к тете в Ленинград, а Иринья вышла замуж в Оятевщину.

Кроме того, в деревне жили Иевлева Авдотья Егоровна, Исакова Екатерина Михайловна, Обивковы Николай Егорович и Андрей Иванович (по деревне их звали Архиповы).

В Подъельниках жили Киселёвы. Они шили лодки-соймы. На улице под окном.

Деревни на Клименецком острове: Маньшино, Воробьи, Глебово (Ошевнево), Гивес-Наволок, где находился известный всей округе магазин Медведева⁹⁰.

Период Великой Отечественной войны (1941—1944 гг.):

«В Великую Отечественную войну муж с декабря 1941-го по январь 1944-го воевал в партизанском отряде „Боевые друзья“ и в 28-м стрелковом полку. В 1945 г. был награжден медалью „За Победу над Германией“, в 1947 г. медалью „За освобождение советского Заполярья“. Когда уходил воевать, выбросил связку ключей от кижских церквей в озеро. Ключи после ареста священника в 1937 г. хранились у председателя сельсовета.

Во время войны мы были эвакуированы в Архангельскую область, в Няндому, затем в городок Вельск, где в 1941 г. умерла маленькая Валюшка. Свекра Андрея Николаевича и свекровь Матрену Дмитриевну, которые остались жить в доме в Ямке, финны увезли в Петрозаводск. Деревни стояли пустые. После войны вернулись в Кондопогу к золовке Насте, а оттуда домой. Когда мы вернулись в Ямку в 1945 г., в доме невозможно было жить. Не текло только на печке. Потому что горницу мы перекрыли в 1941 г., а избу не успели перекрыть. И потекло. За пять лет все пришло в упадок. Сарай был разобран. Стекол не было. Перекрыли избу толем, который привезли из Петрозаводска. Муж продолжал работать председателем сельсовета, я же устроилась в пекарню. Она стояла на берегу, на том месте, где сейчас стоит музейная баня у дома Ошевнева. Школы не было. Свекр погиб в лагере, свекровь похоронили в Кондопоге в 1950 г. Мужа посадили на 4 года за якобы совершенную им растрату продуктов из колхозных амбаров. (Посадили на 9 лет, но через 4 года амнистировали. — Л. В.). В 1950-м году я уехала с детьми в Ленинград. Мне дали место в общежитии. Пять семей в одной комнате размером примерно 19 кв. метров. Днем работали на пилораме, ночью цемент выгружали. Нужно было на хлеб зарабатывать. Так и остались. Впоследствии получили жилье в Кировском районе»⁹⁰.

Аникина Анастасия Александровна, 1917 г. р.:

«Родилась в деревне Павловицы Кондопожского района. 13 лет пошла в няньки в Тавой Горе после смерти родителей. Замуж вышла в 1937 г. В Кязово была бабушка, которая крестила (после закрытия церкви). На острове Кижы было 8 деревень: Кязево — 3 дома, Бишево — 3 дома, Морозова — 1 дом, Бачурино — 3 дома, Ольхино — 12 домов.

В 37-м г. забрали только васильевцев. Когда Анастасия Александровна пришла в дом, то муж жил вместе с братом. Ряпушку ловили у острова Кижы, у Лингострова, солили бочками. Напротив острова Еглов на мандере держали скотину и жили, называлось стаи.

В Великий пост — кашу овсяную, сущик варили, рыбу ели.

Праздник Успение праздновали в Ерснево, на Боярщине, Оятевщине и в Васильево.

Варламый — это праздник для Зубово, Подъельников, Пустого Берега и Речки.

Дмитриевский день (8 ноября), Духов день — Ямка.

Корбов день — Посад, Середка, Потаневщина, Корба.

Кургеницы — Рождество, Александров день»⁹¹.

«...На Рождество катались на лошадях. Стряпали калитки, блины, калюбяки (это как рыбники, только с мясом, из пресного ржаного теста), сканцы (блины из ржаного теста на простокваше). Сканцы намазывали кашей и сворачивали в два раза. На Рождество хухляками ходили. Женщины одевались в мужскую одежду, мужчины — в сарафаны. Приходили в дом, их спрашивали: „Чьи хухляки пришли, из какой деревни?“. И робята (ребята) днем бегали хухлячками.

Раньше посты соблюдали. Скотину, конечно, забивали на зиму и засаливали, но в пост ели что-нибудь овсяное, сущик варили, рыбу ели. Солили ряпушку в кадушках. А теперь ряпушки не стало.

До войны клюкву мы брали мало. Некогда нам было ходить по болотам, в колхозе работали»⁹².

Война. 1941—1944 гг.:

«Финны приехали к нам на лошадях в октябре. Я взяла тетушку Ксению, ребят привязали к дровням и поехали в Вёгоруксу. Там все жили на своих местах. А из Сенной и Кижей многих отправили в лагерь. В Вёгоруксе работали в лесу. Обменивали одежду и одеяла на продукты. В 1944 г. мы вернулись обратно. Финнов я не боялась. Два раза в будке сидела. Из-за того, что самовольно за картошкой приходила в Кижь. Я ушла хлеб смекать, а ребят дома оставила. А они в Кижях все Сашку Ржанского искали»⁹².

⁹¹ Запись Воробьевой С. В. 1994 г.

⁹² Трифонова Л. В. Воспоминания жителей деревни Ямка... С. 145—149. Ржанский Александр Васильевич, житель деревни Ямка, 1923 г. р., партизан-подпольщик. Расстрелян финнами в 1942 г. См.: Гуцин Б. А. Кижь во время оккупации (1941—1944 гг.) // Кижский вестник. № 8. Петрозаводск, 2003. С. 54.

Деревня Нестерово (Александровская)

Название поселения — «дер. у погоста Большой Двор на Кижском острове»⁹³ (занесено в писцовую книгу 1563 г.) — говорит о том, что оно являлось центром владений одного из новгородских бояр, а именно боярина Александра Тимофеева, одного из самых крупных землевладельцев в Обонежье⁹⁴. Центральные поселения боярских владений в Обонежье назывались деревни «Большого Двора».

Подобно большинству деревень Обонежской пятины, она была однодворной, правда, состав жителей этого единственного двора был сложным — в нем вместе жили три брата.

В 1678 г. крестьянин Ивашко Петров вел в деревне совместное хозяйство со своим братом Савкой (Савелием) и его малолетним сыном Нестерком. В это время деревня получает название Александровская и достигает своих максимальных размеров — 4 двора, но к 1707 г. в ней остался только Нестор Савин, другие дворы запустели в связи со смертью хозяев. Практически весь XVIII в. в деревне крестьянствовала только разросшаяся семья Нестора Савинова и его потомков, поэтому не случайно к 1869 г. поселение получило название Нестерово⁹⁵.

В 1850 г. в деревне было четыре дворохозяина и трое приобрели фамилии: Иван Игнатьев Лыжин, Иван Емельянов Можавев и Емельян Федоров Нестеров⁹⁶. В конце XIX в. И. Е. Лыжин переехал на жительство в деревню Оятевщина на материке. К 1876 г. в деревне остался только Григорий Емельянович Нестеров и его брат Иван, столяр⁹⁷. В последней четверти XIX в. деревня перестала существовать в связи со смертью последнего жителя, а в 1882 г. на месте поселения располагались земельные угодья деревень Оятевщина, Жарниково, Лукинщина⁹⁸.

⁹³ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 131.

⁹⁴ Бернадский В. Н. Указ соч. С. 53.

⁹⁵ Межевой план о. Кижы 1869—1873 гг. // Российский государственный исторический архив). Ф. 380, оп. 17, д. 507, л. 5.

⁹⁶ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. л. 9 об. — 10.

⁹⁷ Посемейный список о состоянии приписных к Олонецким заводам крестьян Петрозаводского уезда Кижского мирского общества. 1860 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 21/122, л. 6.

⁹⁸ Межевой план о. Кижы. 1882 г. // НА РК. Ф. 33, оп. 50, д. 12/107, л. 52.

Деревня Васильево (Лукинщина, Лукинская) и деревня Босарево

На западном берегу острова Кижы расположена деревня Васильево — одно из двух сохранившихся исторических поселений. В описании погоста 1563 г. деревня отсутствует, так как попала в несохранившееся начало документа. В 1582 г. это всего лишь «пустошь что была деревня на Кижском же острове Большой Двор у часовне»⁹⁹. Хотя в документе уже нет обозначения первоначальных новгородских владельцев, но дальнейшая история со сменой названия деревни позволила предположить, что в новгородское время она принадлежала одному из могущественных бояр — Луке Федорову. В 1850 г. в ревизской сказке поселение было поименовано как «Лукинщина (она же На низу у часовни)»¹⁰⁰.

С 1616 по 1646 гг. земли деревни Большой Двор у Часовни пахали «наездом» кижского ж погоста крестьяне из деревень Окуловская (Наволоч), Х(К)арчевская (Ольхино) и Марковская (Жарниково)¹⁰¹.

Поселение было возрождено только к 1678 г., когда в нем поселились два брата из рода Ольхиных соседней деревни Харчевская (Ольхино)¹⁰², позднее к ним присоединились два крестьянина

*Деревня Васильево. Вид с запада. 1943 г.
Финский военный фотоархив SA-Kuva*

⁹⁹ История Карелии в XV—XVII вв. С. 153.

¹⁰⁰ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 14.

¹⁰¹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616/1619 гг. Л. 168.

¹⁰² Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 354 об.

Дом Васильева в деревне Васильево. 1943 г.
Финский военный фотоархив SA-Kuva

**«Небо» и часть иконостаса
в часовне Успения Пресвятой
Богородицы. 1943 г. Автор
фотографии Л. Петтерссон**

деревни Леоновская (Оятевщина). В 1726 г. в переписи обозначены «писаны при петровских заводах», то есть работающие на заводах, Козьма Босарев с сыном родом из деревни Леоновская. Сын Козьмы Босарева Ермол в 1756 г. был «записан в Санкт-Петербургское купечество»¹⁰³. К сожалению, судьбу этого человека в столице пока проследить не удалось. К середине XIX в. в деревню перебралось семейство Конона Корнылова Босарева¹⁰⁴ «по жительству в деревне Лукинщина»¹⁰⁵. К этому времени деревня Леоновская (Оятевщина) уже располагалась на материке.

В начале XIX в. два хозяина в деревне числились зажиточными крестьянами, а двое принадлежали к бедному сословию¹⁰⁶. В это же время на 6 жителей приходилось 3 лошади, 3 коровы и 2 овцы¹⁰⁷. В 1840 г. на одно дворохозяйство деревни с семьей в 8 человек приходилось

¹⁰³ Ревизская сказка Кижской трети... 1782 г. Л. 18.

¹⁰⁴ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 13.

¹⁰⁵ С этого момента в официальных документах происходит очередная смена названия поселения.

¹⁰⁶ Дело канцелярии горного начальника Олонецких заводов о состоянии приписных к Олонецким заводам крестьян. 1820 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 1, д. 16/151, л. 417.

¹⁰⁷ Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам вотчины Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ. 1824 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 3/1, л. 127.

2 лошади, 3 коровы и 2 овцы, что позволило причислить семью к хозяевам средней руки¹⁰⁸.

К 1850 г. в деревне довольно значительно поменялся состав жителей. Помимо переселения семьи Конана Корнилова Босарева из деревни Оятевщина, еще в одном доме собралась семья, состоящая из дяди и трех племянников, первоначально живших в разных деревнях¹⁰⁹. От фамилии главы рода — Ивана Егорова Васильева из деревни Жарниково — произошло последнее название поселения, существующее и поныне.

В 1876 г. в деревне было 2 дома, в которых жили братья Васильевы — Иван Егорович и Григорий Егорович. У первого было в хозяйстве 2 лошади 4 коровы и 2 овцы, у второго — 1 лошадь, 5 коров и 2 овцы¹¹⁰.

В 1911 г. в деревне было 3 двора:

1. Васильев Алексей Васильевич
2. Васильев Михаил Васильевич
3. Васильев Михаил Григорьевич¹¹¹

Сегодня деревня Васильево является частью экспозиционного пространства музея «Кижы». В ней стоит 5 домов, из которых два — дом Васильева и дом Игнатьевых — сохранились от исторического поселения, а остальные перевезены в музей из разных деревень Заонежья.

На картах конца XIX в. севернее деревни Лукинщина (Васильево) расположена однодворная деревня Босарево. В 1911 г. в ней было 2 двора, в которых жили два брата — внуки Корныла Кононова Босарева¹¹². Время образования этой деревни — между 1858 и 1869 гг.¹¹³ В конце XIX в. это была однодворная деревня, в которой проживало

¹⁰⁸ Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ. 1840 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 10/53, л. 130.

¹⁰⁹ Ср.: «Иван Егоров Васильев 49,5, его сын Василей 29,5 переведены сюда из дер. Жаренниковой по жительству в одном доме, Ивана Егорова племянник Григорий Егоров 36,5, его сыновья Петр 8,5, Михаила 4,5 переведены из дер. Дудкин наволок, Ивана Егорова другой племянник Степан Васильев ум. 1844 г., его же третий племянник Кирила Васильев 24,5 переведены из дер. Александровской по жительству в одном доме...» (Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 15).

¹¹⁰ Список о числе скота 1877 г. Л. 107.

¹¹¹ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

¹¹² Босарев Тимофей Симонович и Босарев Никита Симонович. Симон — сын Конона Корнылова. См.: Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 62.

¹¹³ Межевой план о. Кижы 1869—1873 гг. Л. 5.

11 человек. Семья держала 2 лошади и 4 коровы¹¹⁴. В начале XX в. один из крестьян деревни Босарево был паркетчиком и, вероятнее всего, уходил на заработки в столицу¹¹⁵. Деревня в настоящий момент утрачена.

Деревня Удоев Наволок (Кяжево)

На самой северной оконечности острова Кижы вплоть до середины XX в. располагалась деревня Кяжево. В последние годы своего существования это было поселение в один двор. Мыс, на котором стояла деревня, назывался Удоев наволок или Удоева носовина. Эта особенность географического положения и определила первое название деревни, занесенное в писцовую книгу 1563 г. — «дер. На Кижском острове словет на Удоеве наволоке»¹¹⁶.

Поселение в новгородское время входило в состав землевладельца Васюка Шалалева и состояло из двух дворов: «... (в) Костя Иванов Безносков¹¹⁷, (в) Ефимко Фатеев»¹¹⁸. К 1616 г. деревня получила новый вариант названия — «На Кижском же острове Одуевская Хотеевская тож»¹¹⁹. В течение первой половины XVII в. шел процесс довольно активного перемещения крестьян из деревни в деревню в пределах волости¹²⁰. В деревне Удоев Наволок (Кяжево) за XVII в. 3 раза менялся состав жителей, и только к 1678 г. в ней поселился Созонко Зуев¹²¹ с детьми и внуками¹²². От Созонка Зуева и произошел род крестьян Кяжовых, которые жили в деревне следующие двести пятьдесят лет.

¹¹⁴ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 66.

¹¹⁵ Кустарные промыслы... С. 25.

¹¹⁶ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 128. В писцовых и переписных книгах перед именем каждого дворохозяина стоит помета (в) — во дворе.

¹¹⁷ Безнос — некрестильное имя, в котором отражены внешние особенности человека, возможно, особая курносость. См.: Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 44; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 32.

¹¹⁸ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 128.

¹¹⁹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 168.

¹²⁰ Здесь мы имеем в виду волость в ее границах уже XIX в., то есть в пределах ближайших 47 деревень Кижского прихода.

¹²¹ Зуй, Зуйко, Зуевы — имя, отчество и прозвище, повсеместно распространенные в XV—XVII вв. Происходят от некрестильного имени. Зуй: 1) больной кулик, 2) ребенок-шалун, 3) мальчик-кашевар в артели (В. Даль). См.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 125.

¹²² Переписная книга Заонежских погостов 1678 г. Л. 331 об.

С 1707 г. название деревни меняется на Удоев Наволок¹²³, а с 1850 она называется Удоевой¹²⁴. На межевом плане 1869 г. название деревни искажено — Тяжево¹²⁵. В документах 1877 г. поселение значится как Кяжево¹²⁶.

Последнее название этой деревни происходит от фамилии ее жителей, которая впервые встречается в документах в 1834 г.¹²⁷ В начале XIX в. в деревне был только один дом, в котором жили 10 человек¹²⁸. Из скота держали двух лошадей, пять коров и две овцы¹²⁹.

В 1876 г. в деревне было три дома: в двух жили братья Кяжовы¹³⁰, а в третьем Тарашин Макар Петрович. Первые два были небольшими — «без служб», то есть без хозяйственной части, а третий имел все обычные хозяйственные помещения¹³¹. Рядом с домом Тарашина стоял амбар. В настоящий момент мы не располагаем сведениями ни о принадлежности этого крестьянина к какой-либо семье из кижских деревень, ни о его дальнейшей судьбе. В это же время в деревне скот держал только Иван Нефедович Кяжов — одну лошадь, две коровы и одну овцу¹³².

К 1911 г. в деревне было три дома, в которых жили двоюродные братья Кяжовы¹³³. В двух хозяйствах держали двух лошадей и трех коров.

Происхождение фамилии Кяжовы не ясно. В поминальной книжке этой семьи XVII—XVIII вв., которая хранится в Национальном музее Республики Карелия, зафиксирован вариант Кежевы¹³⁴. На первой

¹²³ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 60 об.

¹²⁴ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 30 об.

¹²⁵ Межевой план о. Киж. 1869—1873 гг. Л. 5.

¹²⁶ Список о числе скота... 1877 г. Л. 107.

¹²⁷ Нефед Пиминов Кяжов. См.: Ревизские сказки Кижской вотчины... 1834 г. Л. 21.

¹²⁸ Дело канцелярии горного начальника Олонецких заводов о состоянии приписных к Олонецким заводам крестьян. 1820 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 1, д. 16/151, л. 417.

¹²⁹ Посемейный список Кижской приписной к Олонецким заводам вотчины Кижской трети о состоянии крестьян с показанием оплачиваемых ими казенных податей и исправляемых ими заводских работ. 1824 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 3/15, л. 127.

¹³⁰ Егор Нефедович с 1849 г. был в рекрутах, а после окончания службы вернулся в деревню.

¹³¹ Страховая опись Олонецкой губернии Петрозаводского уезда, Кижской волости, Кижского общества, на 1874, 1875, 1876 гг. // НА РК. Ф. 14, оп. 1, д. 18/19, л. 58.

¹³² Список о числе скота... 1877 г. Л. 143.

¹³³ Кяжов Сергей Егорович, Кяжов Федор Сысоевич, Кяжов Иван Сысоевич. См.: См.: Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 61.

¹³⁴ В поминальные книжки, или помянники, которые хранились в церкви прихода, крестьяне заносили имена своих умерших родственников для поминания их во время церковных служб.

странице помянника есть запись: «Сие поминание Климецкого монастыря старца Еремея Сенникова ис Кижъ», а ниже приписано другим почерком: «и Ефима Кежевых». Последний владелец этого помянника Ефим Кежов. Первым в список занесен уже известный нам Созон (Созонко Зуев). Последними в списке помянника стоят имена Ефима и его сына¹³⁵.

В первой половине XX в. в деревне было 3 дома, в которых жило от 13¹³⁶ до 7 человек¹³⁷. После Второй мировой войны деревня исчезла.

Деревня Бачурино (Федки Бачурина)

На северо-западном берегу острова Кижы до середины XX в. стояла деревня Бачурино. При первом описании кижских деревень поселение имело название, связанное с его местоположением, — деревня «На Кижском же острове в Наволоке (в)¹³⁸ Федко Бачюрин»¹³⁹. От имени этого человека¹⁴⁰, возможно, первопоселенца, деревня получила свое название, которое не менялось на протяжении всей истории ее существования. Принадлежала деревня Лаврентию Панфильеву, новгородскому «житьему» человеку. Для Новгорода XIV—XV вв. эта категория людей, отличных и от купцов, и от бояр, была социальным новообразованием. Этот термин появляется в договорных, вечевых грамотах, в Новгородской судной грамоте¹⁴¹. В XIX в. житьи люди трактовались историками то как верхний слой посадских людей, то как слой землевладельческого класса, «второстепенная аристократия». В. Н. Бернадский считал, что житьи люди в новгородской иерархии занимали место выше купцов, но более низкое положение

¹³⁵ Воробьева С. В., Пигин А. В. *Заонежские помянники XVII—XIX веков как источники по истории крестьянских семей* // Кижский вестник. № 11. Петрозаводск, 2007. С. 134—135.

¹³⁶ Список населенных мест Карельской АССР: по материалам переписи 1926 г. Петрозаводск, 1928

¹³⁷ Список населенных мест: по материалам переписи 1933 года. Петрозаводск, 1935. С. 70.

¹³⁸ Во дворе живет.

¹³⁹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 127.

¹⁴⁰ Имя его отца происходит от тюркского «*bağcıra*» — «богатый, могущественный». На Руси XVI в. было модным давать детям шуточные имена, включая и мусульманские, такие как Мансур, Салтан, Мурат (к примеру, Муратко Микулин из дер. Наволок (Окуловская)) в качестве внутрисемейных. От них затем образовывались фамилии, не отличимые от подлинных фамилий тюркского происхождения. См.: Унбегаун Б. Указ. соч. С. 292—293; С. Б. Веселовский. Указ. соч. С. 30.

¹⁴¹ Бернадский В. Н. Указ. соч. С. 166.

по отношению к боярам¹⁴². В отношении землевладения эта категория новгородцев по размерам своих владений уступала только самым крупным земельным магнатам. Тем не менее «войдя в состав класса феодалов, новгородские житьи не сравнялись с боярами в правах... Они не занимали высших должностей посадника и тысяцкого»¹⁴³. Лаврентий Панфилов владел в Кижском погосте 43 дворами, а его брат Марк — 37 дворами¹⁴⁴.

Дед братьев Панфильевых — Селифонт Твердиславич в 40-е гг. XV в. отдал часть своих земель вместе с другими землевладельцами в собственность палеостровских старцев, что положило начало созданию Палеостровского монастыря, а их отец — Панфил Селифонтович, возглавляя оппозицию новгородских житьих людей, активно противостоял притязаниям Москвы¹⁴⁵.

К концу XVI в. деревня превратилась в пустошь: «Пустошь на Кижском острове в наволоке а жил в ней Федко Бачурин»¹⁴⁶. Возродилось поселение только в начале следующего столетия. В 1616 г. там жил один крестьянин — Васко Юрьев¹⁴⁷. Этот человек стал прародителем рода Решатниковых (Решетниковых)¹⁴⁸, известных по спискам дворохозяев деревни 1911 г. Именно с 1616 г. в названии деревни закрепилось имя первопоселенца Федки Бачурина — деревня «На Кижском острове в наволоке Федка Бачурина».

Родовое прозвище Бачурин впервые после XVI в. упомянуто в переписной книге 1707 г.¹⁴⁹ Возможно, именно потомки первонасельника Федки Бачурина возродили поселение и жили в нем в течение последующих трех веков, приобретая две фамилии — Решетниковы и Бачурины¹⁵⁰.

¹⁴² Там же. С. 168—169.

¹⁴³ Там же. С. 175.

¹⁴⁴ Там же. С. 174.

¹⁴⁵ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох. Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 10—11.

¹⁴⁶ История Карелии в XVI—XVII вв. С. 153.

¹⁴⁷ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 169.

¹⁴⁸ Решетников. Фамилия от именованя отца по профессии: решетник — ремесленник, изготавливающий решета. Родственные фамилии от прозвища или некрестильного имени Решето — Решетов, Решетин. См.: С. Б. Веселовский. Указ. соч. С. 268.

¹⁴⁹ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 60 об. — 61.

¹⁵⁰ Фамилии Решетников и Бачурин впервые упоминаются в ревизии 1834 г. См.: Ревизские сказки Кижской вотчины... 1834 г. Л. 20 об.

За все время своего существования в деревне Бачурино¹⁵¹ не было пришлых крестьян, в то же время никто из коренных жителей не покидал своего родового поселения.

Крестьяне деревни Бачурино принадлежали к самым бедным хозяевам. На три дома¹⁵² приходилась одна лошадь и две коровы¹⁵³. К началу XX в. в трех крестьянских хозяйствах на 24 человека было всего две коровы¹⁵⁴. О бедственном положении по крайней мере части крестьян деревни говорит тот факт, что в 1908 г. имущество Григория Васильевича Бачурина было описано и выставлено на торги за долги «по платежу податных сборов»¹⁵⁵.

Таблица

Опись имущества

Имя и описание имущества	Кол. предметов	Руб.	Коп.	Расписка в принятии описанного имущества на хранение	Число наделов земли	Мужчин	Жен.	Неспое обных к труду	Всего
Корова белая с рогами	1	7		Писанное имущество принял на хранение сам домохозяин неграмотный Иван Бачурин	25	6	7	8	13
Бык красный с рогами 1 года	1		50						
Хлев пристроенный с двором	1	1	75						
Сени	1	1	75						
Лампа без колпака	1		5						
Котел чугунный 2 ф.	1		10						
Самовар желтой меди 4 ф.	1		30						
Кочерга	1		10						
Ухватка	1		5						
[?] сизый	1		5						

Среди ремесленников в деревне было три столяра, которые работали в Петербурге¹⁵⁶. В начале XX в. деревня сильно разрослась. В ней проживали:

1. Рышатников Василий Тимофеевич
2. Рышатников Андрей Тимофеевич

¹⁵¹ Это название закрепилось за деревней с 1850 г.

¹⁵² Страховая опись... Л. 58.

¹⁵³ Список о числе скота... 1877 г. Л. 106.

¹⁵⁴ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 77.

¹⁵⁵ По обвинению крестьянина Великогубской волости Григория Бачурина за неплатеж податей. 1908 г. // НА РК. Ф. 55, оп. 4, д. 5/172, Л. 3 об.

¹⁵⁶ Кустарные промыслы... С. 21.

3. Бачурины Ефим и Степан
4. Рышатникова Степанида Егоровна
5. Бачурин Григорий
6. Бачурин Тимофей¹⁵⁷

Деревня Бишево (Хорошевская)

Деревня располагалась на северо-восточном берегу острова Кижы. Известна с 1563 г. и входила в состав владений новгородского боярина Александра Тимофеева¹⁵⁸. Из островных поселений этому новгородскому землевладельцу принадлежала, как уже упоминалось выше, деревня Большого Двора у погоста Александровская. В XVI—XVII вв. население небольшой деревни в 4—5 дворов было постоянным и происходило от первопоселенцев, упомянутых в 1563 г.

В 1782 г. в деревню переписался крестьянин деревни Березовца (Подъельники) Иван Афонасьев с женой Пелагеей Семеновой. Эта пара примечательна своим юным возрастом — Ивану Афонасьеву 15 лет, а его супруге всего 12¹⁵⁹. Пелагея Семенова — дочь крестьянина деревни Хорошевской (Бишево) Симеона Кирилова, умершего в 1779 г. Это и послужило основанием для столь раннего замужества крестьянки, которая привела мужа в свою семью в качестве зятя-примака.

К 1834 г. в деревне жили четыре семьи, две из которых вели родословную от 1616 г., а две другие от 1582 г. Один из жителей — Иван Иванов Бишев¹⁶⁰ — именно в это время получил фамилию, которая в дальнейшем станет названием деревни¹⁶¹.

В начале XX в. в деревне только два хозяина — Бишев Николай Николаевич и Евдокимов Василий Иванович¹⁶². Оба крестьянина являются потомками Ивашки Никифорова, упомянутого в писцовой книге 1582 г.

¹⁵⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда ... 1911 г. Л. 62.

¹⁵⁸ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 131.

¹⁵⁹ Ревизская сказка Кижской волости... 1782 г. Л. 52.

¹⁶⁰ Происхождение фамилии Бишев в настоящее время не определено.

¹⁶¹ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 32—33.

¹⁶² Список домохозяев Петрозаводского уезда ... 1911 г. Л. 59.

Крестьяне деревни не относились к разряду зажиточных. В начале XX в. на 11 человек жителей деревни было всего 4 лошади и 3 коровы¹⁶³.

Сельскохозяйственные угодья деревни Бишево на острове Кижы располагались сплошным массивом вокруг порядка домов поселения. Чересплосицы, которая царила у деревень Ольхино, Васильево и Окуловская (Наволоч), здесь не было. Деревенский сенокос (небольшая его часть) находился у кромки болота Можгубы, а огородные участки располагались перед порядком домов, у уреза воды. Один из жителей деревни, Бишев Евдоким Лукич, в середине XIX в. владел столярным ремеслом¹⁶⁴.

Подобно большинству исторических деревень острова Кижы, исчезла в середине XX в.

Деревня Морозово (Карповская)

В конце XIX — начале XX в. это однодворная деревня на мысу западного берега залива Можгуба, разделяющего северную часть острова Кижы на две части, напоминающие клешню рака. Старожилы острова еще помнят огромный дом богатых крестьян Морозовых, который был разобран только в 50-е гг. XX в.

В документах это поселение прослеживается с 1582 г.: деревня «На Кижском же острове Каргуюевская а в ней крестьян (в) Клишко¹⁶⁵ Никонов да четыре места дворовых, крестьяне померли»¹⁶⁶. С 1616 г. поселение приобрело новый вариант названия — деревня «На Кижском же острове Карпуевская Трофимовская тож». С 1631 и до 1850 г. деревня называлась Карповской.

Рубеж XVII—XVIII вв. для поселения был очень неблагоприятным — из трех жителей остался только один. В конце XVIII в. сюда переезжают два крестьянина из деревни Бишево — Иван Родионов и Иван Парамонов, но уже через год Иван Родионов умер, и к началу XIX в. в деревне

¹⁶³ Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 г. Петрозаводск, 1907. С. 4.

¹⁶⁴ Посемейный список о состоянии приписных к Олонецким заводам крестьян Петрозаводского уезда Кижского мирского общества. 1860 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 58, д. 21/122.

¹⁶⁵ Клим, Клиша, Клишко, Клишков. См.: Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 143; Тупиков Н. М. Указ. соч. С. 182.

¹⁶⁶ История этой деревни наглядно показывает степень запустения земель на севере в конце XVI в., после неудачной Ливонской войны. См.: История Карелии в XV—XVII вв. С. 147.

Дом Морозова в деревне Морозово. Западный фасад. 1950-е гг.
Из фондов Государственного научно-исследовательского музея архитектуры имени А. В. Щусева

остался только юный Иван Парамонов с женой. В середине XIX в. вновь встал вопрос о существовании поселения. Иван Парамонов умер в 1828 г., оставив все крестьянское хозяйство на свою вторую жену и малолетнего сына. Возможно, опасаясь будущего запустения хозяйства, в 1822 г. Парамонов инициирует переезд в деревню своего шурина по первой жене Василия Степановича Морозова из деревни Бздюревской на Волкострове¹⁶⁷. К 1858 г. в поселении жила семья В. С. Морозова¹⁶⁸ и жена умершего Ивана Парамонова. От фамилии единственного дворохозяина деревни и произошло ее новое название.

В 1877 г. в этом хозяйстве деревни было 2 лошади, 5 коров, 1 овца¹⁶⁹. Семья Ивана Васильевича Морозова жила в большом доме со службами, рядом с которым стоял амбар¹⁷⁰.

Морозовы во второй половине XIX — начале XX в. очень много жертвовали на храмы Кижского погоста. В 1856 г. И. В. Морозов, живший в то время в Петербурге, вместе с крестьянином Вавилиным прислали для Преображенской церкви икону Успения Пресвятой

¹⁶⁷ См.: «Василей Степанов Морозов переведен из дер. Бездюревской (Сергачево. — С. В.)... 54 года, его жена Харитина 38, их дети: Федор 21, Василей 17, Яков 11, Иван 7,5, Антон 1, Федора жена Мавра 23» (Ревизские сказки Кижской вотчины... 1834 г. Л. 22).

¹⁶⁸ Фамилия Морозов происходит от древнерусского некрестильного имени Морозко.

¹⁶⁹ Список о числе скота... 1877 г. Л. 107.

¹⁷⁰ Страховая опись... Л. 71.

Богородицы¹⁷¹: «Это был грандиозный резной золоченый киот, составивший пару киоту с иконой „Спас Всемилостивый“, который стоял у правого клироса»¹⁷². К концу XIX в. семья крестьян Морозовых имела старые связи со столицей. В 1826 г. двоюродный брат Василия Морозова, отца упомянутого в документе дарителя, был переписан в Санкт-Петербургское гражданство, где его отец Никифор Морозов имел столярную мастерскую¹⁷³. В Петербурге Иван Васильевич Морозов с 1867 по 1880 г. торговал кожей, держал кожевенную лавку. Она располагалась по месту его постоянного жительства в Нарвской части города¹⁷⁴.

И. В. Морозов в купеческое сословие столицы не переписался, а относился к категории так называемых торгующих крестьян, то есть покупал ежегодно билеты на право торговли, оставаясь крестьянином.

В самом конце XIX в. очень крупное денежное пожертвование на общую сумму 1000 рублей внесла вдова¹⁷⁵ Ивана Васильевича Морозова Степанида Андреевна Морозова¹⁷⁶.

Фотография дома Морозовых, сделанная после войны, показывает, что в доме была как белая печь, так и черная. При внимательном рассмотрении видно, что на крышу выходит с одной стороны деревянный дымоход, а с другой кирпичная труба. Такое явление, судя по рассказам сторожилов, записанных в конце 70-х гг. XX в., было обычным. Зачастую в богатых домах зимняя половина отапливалась черной печью, а летняя — белой¹⁷⁷.

¹⁷¹ См.: «В сентябре получено из С-Петербурга от крестьян Кижского прихода дер. Телятниково Матвея Яковлева Вавилина и дер. Кижского острова Северного конца Ивана Васильева Морозова, присланные ими в Спасо-Преображенскую церковь иконостас с иконою Успения Божией Матери, поставленный за левым клиросом, стоящий ценою около 150-ти рублей серебром» (Кижский приход Петрозаводского уезда. Приходно-расходные книги. 1860 г. Л. 51).

¹⁷² Фролова Г. И. История внутреннего убранства Преображенской церкви... С. 26.

¹⁷³ По прошению крестьянина Никифора Морозова. 1818 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 5, д. 108/840, л. 5.

¹⁷⁴ Морозов Иван Васильевич 2 [гильдии] купец]. 11 [ота] Измайловского [олка] дом] Сельской. Кожевенная лавка. См.: Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд. [Электронный ресурс]. СПб., 1867—1868. С. 325. Режим доступа: <https://vivaldi.nl.ru/bx000050217/view/?#page=415>.

¹⁷⁵ Ревизские сказки Кижской волости... 1858 г. Л. 10 об. — 11.

¹⁷⁶ Фролова Г. И. Указ. соч. С. 32.

¹⁷⁷ Рассказ В. А. Юхова во время экспедиции С. В. Воробьевой в 1977 г.

Раздел 2. ДЕРЕВНИ ОСТРОВА ЕГЛОВ, ОСТРОВА РОГАЧЕВ, ВОЛКОСТРОВА

Деревня Еглово

Расположена на одном из островов в северной части Кижской волости. Известна с 1563 г.: деревня «На Великой же Губе на Еглове острове»¹. Владение боярина Якова Тютюхина. При первом описании в деревне стояло 2 двора. К 1678 г. она разрослась до 8 дворов, однако позже вновь стала небольшой и включала 4 двора². С 1748 г. получила название Егловская³. В 1911 г. в деревне жили 14 дворохозяев⁴:

1. Богданов Тит Захарович
2. Халкины (наследники Карпа)
3. Халкин Андрей Яковлевич
4. Халкин Григорий Яковлевич
5. Натарьев Егор Андреевич
6. Новожилов Данила Иванович
7. Новожилов Степан Кириллович
8. Шестаков Петр Тимофеевич
9. Шестаков Алексей Тимофеевич
10. Вересов Иван Петрович
11. Вересов Семен Яковлевич
12. Вересов Михаил Фомич
13. Быков Филипп Иванович
14. Вересов Кузьма Устинович

Самыми древними родами деревни были крестьяне Натарьевы (с 1646 г.)⁵, Быковы (с 1678 г.)⁶, Богдановы и Халкины, имевшие общего предка (с 1678 г.). Новожиловы, Вересовы и Шестаковы появились в деревне только во второй половине XVIII в. Вересовы переехали из деревни Насоновщина на Волкострове⁷, Шестаковы происходили

¹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.

² Книга переписная дворцовых крестьян... 1723—1726 гг. Л. 267 об.

³ Книга переписная дворцовых крестьян... 1748 г. Л. 461.

⁴ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. С. 48.

⁵ Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумлина и подъячего Я. Еуфимова. 1646 г. Кижский погост // РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, кн. 980, л. 128.

⁶ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 334.

⁷ Ревизская сказка Кижской трети... 1782 г. Л. 75 об.

**Часовня в честь иконы Богоматери
«Всех скорбящих радость» в деревне Еглово
(втор. пол. XVIII — нач. XX в.). 1943 г.
Финский военный фотоархив SA-Kuva**

из деревни На Хвосте (Щепино)⁸.

Уже в XIX — начале XX в. крестьяне Еглова славятся как прекрасные судостроители. До сих пор в деревне стоит дом И. Ф. Вересова, одного из последних мастеров-лодочников. В конце XIX в. крестьянские хозяйства деревни были достаточно зажиточными, поскольку на 9 домов поселения в 1876 г. приходилось 3 амбара, а из всех домов только 2 были без хозяй-

ственной части⁹. Обеспечение скотом крестьянских хозяйств в это время было скромным — на 9 домов 8 лошадей, 19 коров и 17 овец¹⁰. В это же время в деревне стояла мельница, принадлежавшая Михаилу Ивановичу Вересову¹¹.

Из двух сохранившихся домов деревни Еглово несомненный интерес представляет дом Натарьевых, построенный в 1886 г. Это один из самых старых домов всей округи.

Среди крестьян деревни Еглово было немало ремесленников, которые уходили в столицу на заработки: четыре столяра, токарь, паркетчик и портной¹².

На небольшом мысу перед деревней стоит часовня в честь иконы Богоматери «Всех скорбящих радость» XVIII—XIX вв. Согласно кижскому преданию, часовню перевезли из деревни Липовицы, после того как в последней построили церковь. Действительно, в документах конца XIX в. среди

⁸ Там же. С. 75 об.

⁹ Страховая опись... Л. 113.

¹⁰ Список о числе скота... 1877 г. Л. 111—112.

¹¹ Ведомость о числе кузниц и мельниц, находящихся в Петрозаводском уезде. 1867 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 1, д. 4/2, л. 17.

¹² Кустарные промыслы... С. 22, 25, 26, 94.

*В центре: житель деревни
Еглово Богданов Василий Титович.
1920 г.*

*Справа: Вересов Иван Федорович
во время реставрационных работ.
1980-е гг.*

прочих часовен перечислена и часовня в деревне Липовицы¹³. По сведениям И. Ф. Вересова, последнего коренного жителя деревни Еглово, «часовню перевез из деревни Липовицы и установил на свою землю его прадед после того, как выдал замуж в Липовицы свою дочь Дарью»¹⁴.

Деревня Рогачево

Деревня была расположена на соседнем с Егловым острове. Известна с 1563 г.¹⁵ как владение знаменитой новгородской боярыни Марфы Борецкой: деревня «На Рогачеве острове». При первом описании она состояла из двух дворов, в каждом из которых жили крестьяне со своими братьями. В период Смутного времени деревня была сожжена, но к 1616 г. жители возродили деревню, и «после разорения немецких людей поставились крестьяне на старых своих местах

¹³ *Ведомости о церквях Преображения Господня и Покрова Пресвятой Богородицы Кижского погоста Петрозаводского уезда и приписной к ним церкви в деревне Сибовская. 1894 г. // НА РК. Ф. 25, оп. 20, д. 27/281, л. 3.*

¹⁴ *Наумов Ю. М. Деревня Еглово в охранной зоне музея-заповедника «Кижы»: историко-этнографические сведения и предложения по музеефикации // Кижский вестник. Вып. 14. Петрозаводск, 2013. С. 287.*

¹⁵ *Писцовые книги Обонежской пятины... С. 133.*

**Рогачев Яков Егорович, его дети
и родственники. Кон. 1920-х —
нач. 1930-х гг.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4210**

ново»¹⁶. На северо-западном побережье острова расположено средневековое селище, местоположение которого, возможно, совпадает с первоначальным поселением¹⁷. Весь XVII в. деревня состояла из 3—4 дворов, в двух из которых жили потомки первопоселенцев. В начале XVIII в. поселение заустело в связи со смертью жителей, не оставивших после себя потомства. Деревня возродилась к 1782 г., когда три семьи из трех деревень Волкострова — Иванцовской (Феньково), Ерофеевской (Шуйно) и На Хвосте (Щепино) — переселились на о. Рогачев¹⁸. Один из крестьян позднее вернулся на родину, а две другие семьи (Рогачевы и Бабушкины) продолжали жить в деревне до начала XX в.:

1. Рогачев Трофим Егорович
2. Патракеев Михаил Федорович¹⁹
3. Бабушкин Иван Семенович
4. Бабушкин Михей Тихонович
5. Бабушкин Василий Тихонович²⁰
6. Бабушкин Иван Трофимович

Во второй половине XIX в., когда в деревне насчитывалось еще только 4 дома, все они были большими, с хозяйственными частями²¹. На 4 хозяйства приходилось 7 лошадей, 16 коров, 8 овец²². В середине

¹⁶ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 172.

¹⁷ Герман К. Э., Мельников И. В., Спиридонов А. М. Южное Заонежье в X—XVI вв. (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск, 2012. С. 33.

¹⁸ Ревизская сказка Кижской трети 4-й ревизии. 1782 г. Л. 76—76 об.

¹⁹ Этот крестьянин является представителем еще одной ветки Рогачевых.

²⁰ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 49.

²¹ Страховая опись... Л. 64.

²² Список о числе скота... 1887 г. Л. 111—112.

Рогачев Павел Яковлевич с сыновьями. 1960-е гг.

XIX в. в деревне была построена мельница, принадлежавшая Ивану Васильевичу Рогачеву²³, а позднее ею владел его племянник Яков Егорович Рогачев:

Ветряная мельница

1. Дер. Рогачево
2. Владелец: Рогачев Яков Егорович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная камнем
6. Число крыльев: 6
7. Число толкачей: 14
8. Сколько лет существует: 20
9. Ремонт: в 1914 г. капитальный ремонт (вставлен новый опорный столб)
10. Сумма, израсходованная на ремонт: мастера работали 20 дней, за работу заплачено 60 рублей плюс хозяйское содержание

²³ Ведомость о числе кузниц и мельниц... 1867 г.

11. Ежегодная сумма страховки: 1 р. 25 коп.
12. Число наемных рабочих: сами работают
13. Сколько раз в году мельница работает круглые сутки: 30 раз
14. Производительность постава за 10—12 часов: 5—10 мер
15. Сколько перерабатывает зерна за год для себя: 200—250 мер
16. Сколько перерабатывает зерна в год на заказчиков: 100—120 мер
17. Плата за помол с меры: 2—5 коп.
18. Сколько дней работает толчея: 150 дней
19. Сколько переработано овса за год: 100—150 мер
20. Какая плата за толчение: с 3 мер — 20—30 коп.²⁴

В середине XIX в. в деревне располагалась кузница, принадлежавшая Ивану Васильевичу Рогачеву. Стоимость кузницы была определена в 30 рублей, а ежегодного дохода она давала 12 рублей²⁵.

Многие крестьяне занимались ремеслом, которое приносило дополнительный доход. Один из жителей деревни шил лодки и занимался рыбной ловлей, другой изготавливал сундуки, третий был бондарем. Все они работали в деревне, а паркетчик и токарь уходили на заработки в столицу²⁶. В середине XX в. в деревне Рогачево жили пять мастеров-лодочников²⁷.

Остров Волкостров

Волкостров расположен всего в 0,5 км к северо-востоку от острова Кижы. Деревни Волкострова впервые упоминаются в Писцовых книгах Обонежской пятины Андрея Лихачева за 1563 г. Первоначально эти земли принадлежали нескольким новгородским боярам — Никите Афанасьеву, Васюку Шалелееву и Якову Тютюхину. В XVI—XIX вв. на острове было семь деревень, сейчас осталось только пять.

Помимо земледелия и рыболовства, основных хозяйственных занятий заонежан, жители Волкострова занимались различными про-

²⁴ Сведения о водяных и ветряных мельницах в Петрозаводском уезде (Кижское мирское общество). 1916 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 60/535, л. 122.

²⁵ Ведомость о числе кузниц, находящихся в Кижской волости Петрозаводского уезда. 1867 г. Л. 16.

²⁶ Кустарные промыслы... С. 26, 32.

²⁷ Наумов Ю. М. «Кижанка» — лодка Онежского озера: исторический очерк о судоходстве и судостроении Кижских шхер. Петрозаводск, 2011. С. 152.

мыслами и ремеслами. На 1905 г. в деревнях Волкострова столярным ремеслом владело 20 человек. Все трудились в Петербурге, лишь один мастер, из деревни Шуйно, оставался на месте. Наибольшим спросом пользовалась продукция лодочников. Волкостров был центром судостроения Кижской волости еще в середине XX в.

В деревнях Шуйно, Щепино, Посад и др. были свои мастера. В начале XX в. для продажи в Петрозаводск шил шляпки мастер Титов, кижанки шили волкостровы: Судьин Федор Михайлович, Степановы, Бурковы, Вересовы. В волкостровских деревнях работали свои портные, швеи, сапожники, слесари. В начале XX в. кузницы были у Биканина из деревни Феньково и Титова из деревни Шуйно. На рубеже веков на Волкострове выделкой овчин занимались в деревне Шлямино. В 1916 г. в волкостровских деревнях стояли две мельницы.

В деревне Насоновщина находится часовня Петра и Павла, построенная в конце XVII — начале XVIII в. Это одна из самых больших часовен кижской округи. И в прошлые времена, и теперь часовня — центр и украшение острова.

Деревня Щепино (На Хвосте)

Известна с 1563 г. Входила, как и большинство деревень Волкострова, в состав владений новгородца Васюка Фалелеева. Тогда это однодворное поселение имело название «деревня На Волк острове словет на Хвосте»²⁸, которое сменилось на современное Щепино в 1850 г.²⁹ Новое название деревни связано с тем, что в 1616 г. в ней жил Васка Ондреев Щеба³⁰, в прозвище которого произошла, видимо, замена буквы «п» на «б», поскольку в XVIII в. его потомки получили фамилию Щепины. С начала XVII и до начала XX в. в деревне жила только разросшаяся семья Щепиных. В середине XVII в. два брата Щепиных, по всей видимости, были переписаны в посадские только что основанного города Олонец, поскольку в списках крестьян деревни

²⁸ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.

²⁹ Ревизская сказка Кижской волости... 1850 г. Л. 44 об.

³⁰ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 173. Щепя — отщепленная, отщепанная, отколотая мелочь древесная. Щепетный — нарядный, щегольный: «Была Дуношка щеплива, Авдотышка щегольлива» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1880—1882. Т. 4. С. 675).

*Супруги Щепины Яков Петрович
и Евдокия Арсентьевна.
1910-е гг.*

их нет, а в 1723 г., во время первой ревизии, их потомки перечислены среди других посадских людей Кижской волости³¹. Первые посадские появились в Заонежских погостах в связи с основанием г. Олонца.

В сентябре 1649 г. по указу царя Алексея Михайловича под руководством князя Федора Волконского и дьяка Степана Елагина была построена «порубежная крепость» Олонец. Олонецкая крепость стала ядром города, а затем и административным центром Заонежских и Лопских погостов, форпостом в борьбе со шведами. Город был местопребыванием олонецкого воеводы. «Чтоб в городе не пусто было», сюда переселены из разных заонежских погостов крестьяне, занимавшиеся торговлей и промыслами,

в том числе железодельным. Переселяли в первую очередь крестьян, про которых соседи сказали, «што они люди не скудные», то есть не бедные³². В конце XVIII в. Щепины из олонецких жителей переписываются в посадские г. Петрозаводска. В этот период запись в городское сословие позволяла значительно снизить тяготы налогообложения, но крестьяне, числясь в посадских городов, очень часто оставались жить в деревне, работая на своих участках. Это приводило к оскудению города и недополучению налогов в казну. Начался процесс возвращения нерадивых горожан в свое старое податное сословие, о чем свидетельствуют данные пятой ревизии 1795 г. Так, в 1788 г. в деревню На Хвосте

³¹ Сказки о приписных посадских людях, свидетельские сказки о посадских людях, о новорожденных детях подъячих и церковнослужителей г. Олонца, Кижской, Великогубской, Корельской третей и др. 1723 г. // РГАДА. Ф. 350, оп. 2, ч. 2, № 2365, л. 150.

³² Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998. С. 181.

были перечислены из петрозаводских мещан четыре семьи рода Щепиных³³. К сожалению, к 1850 г. от этих семей никого в деревне не осталось. В родовой деревне продолжала жить только одна семья, в ней в 1863 г. родился Яков Петрович Щепин, строитель дома, который сейчас входит в экспозицию музея «Кижы»³⁴.

Во второй половине XIX в. эта большая семья постоянно делилась, образуя новые семейные коллективы, и к 1911 г. в деревне стояло уже 4 дома крестьян Щепиных:

1. Щепин Федор Фомич
2. Щепин Андрей Фомин
3. Щепин Яков Петрович
4. Щепин Архип Ефремович³⁵

Среди них были один лодочник и один сапожник³⁶.

Яков Петрович Щепин, согласно семейной легенде, в конце XIX в. отправился искать лучшей доли в Петербург. Он служил старшим дворником, где и встретил будущую супругу Евдокию Арсентьевну (1887—?), уроженку Псковской губернии. В конце XIX — начале XX в. наем в дворники находился на втором месте по популярности после извоза среди крестьян-отходников, прибывающих в Петербург. Столичные дворники имели жесткую иерархию. Младшие дворники, молодые здоровые крестьяне, с утра до вечера убирали улицу перед домом, дворы, черные лестницы, разносили дрова по квартирам. Особенно жестко следили за чистотой улиц полиция и санитарная инспекция. Навоз от гужевого транспорта немедленно убирался с проезжей части, в сухую погоду улицы поливали. В центре поливали из шлангов, на окраинах

В. Щепин. 1915 г.
Музей-заповедник «Кижы».
КП-4069/19

³³ Ревизские сказки Кижской вотчины Кижской трети 5-й ревизии. 1795 г. // НАРК, Ф. 4, оп. 18, д. 12/109, л. 87—90 об.

³⁴ Набокова И. И. Из истории волкостровских крестьян Щепиных (начало XVIII — начало XX века) // Кижский вестник. № 6. Петрозаводск, 2001. С. 33—41.

³⁵ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 50.

³⁶ Кустарные промыслы... С. 32, 62.

из леек и ведер. Зимой тротуары чистили до основания и посыпали песком. Жили дворники артельно в дворницких, семьи их оставались в деревне. Над младшими дворниками стоял старший дворник. Он распорядился и наблюдал за работой дворницкой артели, имел в доме, где служил, отдельную от подчиненных комнату. Старшие дворники получали по 40 рублей, а младшие по 18—20 рублей³⁷.

В родную деревню Я. П. Щепин вернулся с молодой супругой в 1906—1907 гг. На заработанные в столице деньги им был построен скромный дом. Хозяйство Щепиных было небольшое. Лошадь для пахоты брали в аренду, а дополнительный заработок получали от своих умений. Я. П. Щепин был валяльщик и бондарь. По рассказам родственников, он также принимал участие в строительстве сойм для состоятельных крестьян Киселевых и Медведевых. Супруга его славилась умением прясть тонкую и ровную пряжу, которая использовалась для изготовления сетей³⁸. Потомки Якова Петровича Щепина и сейчас живут в Петрозаводске.

Структура деревни Щепино частично сохранилась. Современная застройка относится к началу XX в.

Деревня Шуйно (Ерофеевская)

Известна с 1563 г. как деревня «на Волко-острове Ерофеевская»³⁹. Первое название — Ерофеевская — в 1850 г. было заменено на существующее до сих пор Шуйнская, или Шуйно⁴⁰. В 1911 г. в деревне жили:

1. Титов Дмитрий Титмофеевич
2. Титов Тимофей Федорович
3. Титов Андрей Ильич
4. Судьин Федор Иванович
5. Бурков Иван Павлович
6. Бурков Кузьма Павлович⁴¹

В 70-х гг. XIX в. в деревне стояло 5 домов. Дома Бурковых и Судьиных были с хозяйственными частями, а три остальных небольшими — «без

³⁷ Юхнева Е. Д. *Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта.* М., 2008. С. 243—247.

³⁸ Набокова И. И. *Из истории волкостровских крестьян Щепиных...* С. 40—41.

³⁹ *Писцовые книги Обонежской пятины...* С. 129.

⁴⁰ *Ревизская сказка крестьян... Кижской волости...* 1850 г. Л. 50—50 об.

⁴¹ *Список домохозяев Петрозаводского уезда...* 1911 г. Л. 50.

служб»⁴². Перед домом Судьных располагался амбар. Хозяйства тоже сильно различались: две семьи крестьян Титовых имели только по одной корове, а семьи Судьных и Бурковых были значительно более справными. У первых было 3 лошади, 7 коров и 5 овец, а у вторых 3 лошади, 5 коров и 4 овцы⁴³.

**Дом Колтыриных и Ворониных-Беляевых
в д. Шуйно.**

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5429

В начале XX в. хозяйственное положение крестьянина Тимофея Титова, видимо, стало стабильным, поскольку он сумел построить мельницу и владел кузницей⁴⁴:

Ветряная мельница

1. Местонахождение: деревня Шуйно
2. Владелец: Титов Тимофей Федорович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Сколько лет существует: около 30 лет
8. Ремонты: —
9. Сумма, израсходованная на ремонт: делали сами хозяева
10. Ежегодная сумма страховки: общая
11. Число наемных рабочих: —
12. Число рабочих дней в году: 30 дней
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: —
14. Производительность по поставке за раб. день (10—12 час.): 2—20 мер

⁴² *Страховая опись...* Л. 63—64.

⁴³ *Список о числе скота...* 1877 г. Л. 112.

⁴⁴ *Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях по Олонецкой губернии. 1916 г.* // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 59/524, л. 1.

Большая семья Бурковых

**Жители Волкострова. В первом ряду слева направо: братья Бурковы Григорий Иванович и Николай Иванович (д. Шуйно). Во втором ряду слева направо: Степанов Иван Дмитриевич и Лисицын Степан Михайлович (д. Посад).
Музей-заповедник «Кижы». КП-2786/1**

15. Сколько переработано зерна за год для себя: 40 мер
16. Сколько переработано на заказчика в год: 50 мер
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры
18. Сколько дней работает толчея: 15 дней (на все толкачи)
19. Сколько переработано овса за год: 50 мер
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.
21. Число толкачей: 12⁴⁵

Тимофей Титов, кроме того, был лодочником и столяром. Он работал в деревне в отличие от двух своих соседей, которые, будучи столярами, уходили на заработки в Петербург. Один из сапожников деревни работал дома, а второй в столице⁴⁶. В середине XX в. в деревне было 6 мастеров-лодочников, работавших на волкостровской судовой верфи⁴⁷.

⁴⁵ Сведения о водяных и ветряных мельницах... Л. 132. Толкачи — ступы для переработки зерна в крупу.

⁴⁶ Кустарные промыслы... С. 22—23, 32, 62.

⁴⁷ Наумов Ю. М. «Кижанка» — лодка Онежского озера. С. 151.

Бурковы и Судьины происходят от одного предка Логинки Симанова, упомянутого впервые в 1631 г.⁴⁸, а Титовы от Иванки Сидорова, который появился в описании деревни в 1616 г.⁴⁹

Современная застройка деревни относится к началу XX в., когда в поселении было 9 дворов.

Деревня Насоновщина (Ефимовская)

Согласно самому раннему упоминанию в 1563 г., эта деревня была однодворной и имела название «Волок же острове Ефимовская». Современное название поселения происходит от имени Насон (в 1563 г. здесь жил Гаврилко Насонов с братьями)⁵⁰. К концу XIX в. деревня разрослась до 5 дворов, и в ней проживали:

Две «кижанки». Вид деревни Насоновщина.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-14482/2

⁴⁸ Писцовая книга Заонежских погостов... 1628—1631 гг. Л. 339.

⁴⁹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 174.

⁵⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129. Насон — это растение, то же, что дикий мак. Суеверные люди считали, что оно спасает от глазу и порчи. Ребенка могли назвать Насон для того, чтобы защитить его. Есть и другое объяснение имени: Насон — это видоизмененное крестильное имя Асон (Ясон, от греческого «лечить, исцелять»).

1. Июдин Григорий Степанович
2. Июдина Парасковья Ларионовна
3. Воронин Василий Яковлевич
4. Вересов Андрей с братьями
5. Судьин Михаил Ларионович⁵¹

Семьи Июдиных и Ворониных — две ветки одного крестьянского рода, который поселился в деревне Насоновщина в самом начале XVII в., возродив запустевшее и покинутое жителями поселение⁵². Вересовы и Судьины, по всей видимости, в конце XIX в. переехали из соседних деревень.

**Часовня Петра и Павла в деревне
Насоновщина. 1943 г.**

Финский военный фотоархив SA-Kuva

Большую часть своего существования деревня состояла из трех дворов. В середине XIX в. в ней было два больших дома с хозяйственной частью и один маленький, без сарая⁵³. В это время хозяйства Июдиных и Ворониных были крепкими. У первых в хлевах стояло 3 лошади, 5 коров и 5 овец, а у вторых — 2 лошади, 4 коровы и 4 овцы⁵⁴.

В начале XX в. в деревне портновским делом занимались два крестьянина. Один из них работал в деревне, а другой уходил на заработки в Петербург. Там же в столице работали и 4 деревенских столяра⁵⁵.

В Насоновщине до сих пор стоит одна из самых красивых часовен окрестностей Кижей — во имя апостолов Петра и Павла, XVIII в. Недалеко от часовни в 1787 г. было открыто

⁵¹ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 50.

⁵² Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 173.

⁵³ Страховая опись... Л. 113.

⁵⁴ Список о числе скота... 1877 г. Л. 112. Кустарные промыслы... С. 23, 94, 167.

⁵⁵ Кустарные промыслы... С. 23, 94, 167.

месторождение аметистов. По местному преданию, волкостровские аметисты поставались к императорскому двору, но, к сожалению, уже в XVIII в. месторождение это было признано неперспективным, хотя аметистовые друзы можно найти недалеко от часовни и сейчас⁵⁶.

*Интерьер часовни Петра и Павла
в деревне Насоновщина. 1943 г.
Из архива Л. Петтерссона*

Деревня Посад (Хромцова)

В новгородское время она принадлежала Васюку Шалелееву и состояла из четырех дворов⁵⁷. В одном из них жил крестьянин Данилка Зеновьев, который является предком для девяти семей деревни конца XIX в. От старой деревни сохранился один дом, но новая застройка интересна тем, что в ней явно прослеживаются традиции народного деревянного зодчества Заонежья.

В начале XX в. в деревне было много ремесленников: столяры, трое из которых уходили на заработки в Петербург, а один в Петрозаводск, лодочники — два мастера работали в деревне, а один из них помимо судостроения занимался сапожным делом. Всего сапожников было три человека, два из которых работали в Петрозаводске. Среди крестьян один был плотником и работал на распиловке леса, а один занимался портновским делом в столице.

Старинные традиции работы с деревом перешли от предков к нашим современникам. Сейчас деревня Посад известна тем, что в ней живут потомственные плотники Степановы, отцы и деды которых участвовали в реставрации Преображенской церкви 40—50-х гг. XX в.

⁵⁶ См.: «...Хрусталеватая аматистова виду именно стекловатая друзы взяты при берегу озера Онега в валунных камнях... Оаматистовые друзы в желтовидном роговом камне с частию вохры взятой из валунов на пахатной земли. Во всех вышеописанных местах... находятся помянутые штуфы на пахотны места и в непорядочных горах но к тому же валунах и по осмотру окромья штуфов неотыскалась то врассуждени потеряния напрасной утраты казенному интересу к дальней разработки мною неприступлено» (Описание Волкостровских рудных приисков лежащих при деревне Насоновщина близ часовни и положения места осмотренных. 1787 г. // ИА РК. Ф. 4, оп. 51, д. 1а/2, л. 10).

⁵⁷ Писцовые книги Обонежской пятини... С. 128.

Из народных мемуаров

СТЕПАНОВА Мария Петровна (1927—2015), деревня Посад (остров Волкостров), деревня Ямка

О себе и Николае Ивановиче Степанове:

«Родилась я 13 февраля в 1927 г. в Толвуе, моя-то фамилия Дедкова. Меня в детстве любили очень. У бабушки моего борода была. Все говорил мне: „Расчеши бороду“. Помню, в церковь водил. Из октябрят меня выгнали за то, что я в церковь ходила... Я прясть учи-

лась, так навирала, бывало, а мама посмотрит и говорит: „Не рёпсяй тут“ (Значит, плохо сделала, а „ты старайся, хорошенько пряди“). Мама-то рукодельница была. Сколько поговорок, приговоров, песен знала много! Мама мне говорила: „Ты людей видь-видь, кланяйся!“ (здоровайся).

С 45-ого г. в Толвуе работала до 48-го на почте после семилетки, потом перевели в районную контору связи, оттуда и трудовая книжка, больше не переменяла. Четыре года я в Великой Губе в конторе связи работала. Жила в общежитии — там и с мужем будущим познакомилась. Сватал меня Колтырин: „Мне Коляшку надо женить“. Замуж вышла за Николая Ивановича Степанова (1931—1980). Мне говорила мама: „Манюшка-Манюшка, самая худая девичья жизнь замужем, и во сне не приснится“. Мама моя не любила Кижский остров, говорила все: „Я в чайчье луде не жила бы“, но Николай Иванович очень добрый был, не ругался никогда, говорил: „С людьми надо уметь жить“. Двадцать семь лет прожили, никогда не обидел. В феврале 1953-го вышла замуж, с мужем переехала в Волкостров. Николай Иванович⁵⁸ был и плотником, и лодочным мастером, и рыбаком. Кресты ставил, Преображенку лемехом перекрывал, дома ставил. Все делал. Топор

⁵⁸ Николай Иванович был бригадиром плотников-реставраторов, работал вместе с А. В. Ополовниковым. Алексей Авдышев посвятил ему стихотворение: «Часовен главки, стаи облаков... Здесь ко всему твоя рука приложена, И слава заонежских мужиков Твоим талантом мастера умножена. Ведь, как художник золотым пером, Ты рисовал мужицким топором. Бревно к бревну всегда ложились плотненько. Не скоро мы найдем такого плотника!» (Сергеева И. Поэзия повседневности. Интервью // Кижы. 2004. № 6 (6)).

вертелся в руках... На Пудожском секторе дом ставили, с крыши упал 14 января, а в феврале умер... Чупарный мужик был, веселая голова. Порядок везде. В мастерской — все, как в магазине выложено, — такой порядок»⁵⁹.

СТЕПАНОВ Иван Алексеевич, 1951 г. р., деревня Посад (остров Волкостров)

Родился в деревне Посад на острове Волкостров в 1951 г. По специальности автослесарь, но всю свою жизнь, как и отец, связал с топором. В 1971 г., когда вернулся из армии, пошел плотником-реставратором в кижскую бригаду, где проработал 4,5 года на 22 объектах. Потом жил в Петрозаводске, а в Заонежье

в плотники вернулся уже в 1991-м. Сейчас на пенсии, но продолжает круглый год жить в деревне Посад, где изготавливает рамы и причелины, столы и многое другое в своей деревенской мастерской.

Все это было когда-то в Посаде:

«Я из семьи потомственных кижских плотников из деревни Посад и очень этим горжусь. Про нас, Степановых, говорят: „Родились с топором“.

А особенно я горжусь моим дедом — Степановым Иваном Дмитриевичем, который родился в Посаде в 1898 г. Он был крестьянином-середняком, поскольку, как и все в нашем роду, много трудился. Поэтому ему были чужды идеи новой власти, которая ломала вековые традиции. В 1919 г. он добровольно в качестве рядового служил в Белой армии, за что, несмотря на добросовестную работу в Промколхозе на Волкострове, в 1938 г. был арестован и по постановлению тройки НКВД КАССР расстрелян. Тяжелым камнем легла судьба моего дедушки на всю нашу семью. Но правда в жизни все-таки есть. В 1958 г. он был полностью реабилитирован, о чем сказано в письме ФСБ России, которое мы бережно храним для наших потомков.

⁵⁹ Там же. С. 3.

*Заонежане — солдаты Русской армии:
в первом ряду сидит на стуле Степанов
Иван Дмитриевич, во втором ряду
стоят братья Бурковы Григорий
Иванович и Николай Иванович.
1914—1917 гг.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4207*

В Кижской волости было две деревни Посад. Одна располагалась на Большом Клименецком острове, рядом с деревней Потаневщина. Моя же родная — на острове Волкостров. Насколько я знаю, посадом раньше называли торгово-ремесленные поселения за пределами городских стен. Позднее посадами стали обозначать небольшие поселки городского типа.

До середины 70-х гг. XX в. в Посаде кипела жизнь. В этом деревня полностью оправдывала свое название. Вот только у местных жителей по наследству от далеких предков остался вопрос, почему же тогда часовню поставили не у них, а в соседней деревне.

В послевоенный период и до расформирования волкостровской бригады в 1976 г.

Посад был центром колхозной, а позднее и совхозной жизни всей ближайшей округи, где вместе работали и отдыхали. Сначала здесь размещалась молочная ферма, маслобойка, конюшня и магазин в старом амбаре, а также в перевезенном доме из соседней деревни Феньково колхозная контора, которая со временем была телефонизирована.

С появлением совхоза на рубеже 50—60-х гг. открыли начальную школу и медпункт, где постоянно работал фельдшер. Для продолжения учебы в 5—8 классах детей отправляли в сеногубский интернат.

Работал клуб с библиотекой. Была художественная самодеятельность. Когда в клуб привозили очередную киноленту, то ребята

Родовой дом Степановых в деревне Посад. 1970-е гг.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5430

скорее бежали разглядывать свежую афишу. Уж очень было интересно посмотреть новый фильм, а еще им нравился приятный запах полиграфии.

По праздникам в Посаде на танцы собиралось более 100 человек с ближайших островных и материковых деревень (Насоновщина, Щепино, Шуйно, Шлямино, Ямка, Еглово, Зубово, Подъельники и др.).

Играли сразу 2—3 гармошки. После такого веселья Степанова Вера Егоровна подметала деревенскую улицу метлой, прямо как в городе.

Электричеством деревню, волкостровскую судоверфь и колхозные объекты сначала обеспечивал локомобиль (передвижной паровой

Бригада кижских плотников на реставрации колокольни. Кижский погост. 1992 г.

Президент России Путин В. В. в гостях у Степановой М. П. Деревня Ямка. 2001 г.

двигатель для сельскохозяйственных нужд и выработки электричества). Сменил его сначала гусеничный трактор, а потом и отдельная дизель-генераторная станция, которую демонтировали только в 1976 г.

На Кернаволоке, что по соседству с Посадам, построили новый магазин, который впоследствии перевезли в деревню Ямка, где он находится и сейчас. В наше время по Кернаволоку проходит тропа от деревянного музейного причала до часовни Петра и Павла. Продавцом в этом магазине работал безотказный и добрейшей души человек Костин Петр Макарович, который вставал в любое время суток, чтобы отпустить товар землякам. Когда мужики „гуляли“, то ездили к нему на веслах с соседних островов за водкой. Ведь лодочные моторы тогда только стали появляться. Вот едут, гребут иногда по несколько километров и наконец купят желанную бутылку. Пока домой возвращаются, все выпьют и едут обратно за добавкой. И так иногда по несколько раз.

Еще раньше на Кернаволоке стояла перевезенная в основную экспозицию музея „Кижы“ ветряная мельница крестьянина Биканина. Мне было интересно узнать, что именно наша волкоостровская мельница стала главным украшением экранов миллионов компьютеров!

До 1972 г. вместе с нами в деревне жила моя тетушка Степанова Мария Петровна. Многие знали и до сих пор хорошо помнят ее как знаменитую „кижскую бабушку“. Она прожила долгую и тяжелую жизнь. В молодые годы работала в рыболовецкой бригаде на Волкострове. Ставила сетки и мережи. Рыбы было тогда столько, что восьмиметровая лодка полная была. И рыба была любая.

Потом Мария Петровна долго работала почтальоном. Летом на лодке с веслами, а зимой на лыжах она развозила письма и посылки местным жителям от деревни Боярщина до деревни Еглово. Только потом мой дядя Николай купил ей стационарный лодочный мотор Л-3.

А в 2001 г. в деревне Ямка Мария Петровна напоила чаем Президента России В. В. Путина, который заглянул к ней в избу без предупреждения. Хорошо, что у нее дома всегда были свежие калитки.

Все прошло, но осталась память и надежда, что у нас снова появится электричество, и, как прежде, закипит жизнь».

Деревня Шлямино (Трофимовская)

Первое название, под которым поселение занесено в писцовую книгу 1563 г., — «деревня На Волкострове»⁶⁰. Через 20 лет к нему добавилось уточнение — Трофимовская⁶¹. Это можно объяснить тем, что еще в 1563 г. в единственном доме поселения жил крестьянин

Слева направо: дом Зайцевых, дом Кочановых. Центральная часть деревни Шлямино. 1986 г

⁶⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 124.

⁶¹ История Карелии XVI—XVII вв. в документах. С. 147.

Слева направо: дом Сикке (Петровых), дом Симеоновых. Северная часть деревни Шлямино. 1986 г.

Трофимко Фомин. Он является предком большого рода Симеоновых, представители которого до сих пор живут в деревне. В 1678 г. в поселении было два двора, в одном из них жили потомки Трофимки Фомина, а в другом родоначальник семьи Ильи Елустафьева (Евстафьевича) (1753 ? — 1828), легендарного сказителя, считавшегося лучшим исполнителем древних былин (старин) во всей округе⁶². Он был учителем большей части сказителей Кижской волости, сохранивших выдающиеся памятники устного народного творчества — героические былины, образы богатырей которых являются символами русского народа. По воспоминаниям современников, Илья Елустафьев знал несчетное число старин и мог петь про разных богатырей целые дни. Исполнял былины и внук Ильи Елустафьева — Терентий Иевлев. По некоторым данным, в конце XIX в. Терентий Иевлев переехал на жительство в другую деревню, в семью одной из своих дочерей, и в деревне Шлямино остались родственные семьи, носившие фамилию Симеоновы, и одна семья того же рода, получившая фамилию Зайцевы:

1. Семионов Петр Егорович
2. Семионов Константин Петрович
3. Семионов Иван Семенович
4. Семионов Андрей Егорович
5. Зайцев Филипп Карпович
6. Симеонов Нефед Егорович⁶³

⁶² Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 400—401.

⁶³ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 58.

Фамилия Симеоновы, скорее всего, произошла от имени крестьянина, жившего в XVIII в., — Семена Иванова⁶⁴.

В 70-х гг. XIX в. жители деревни были в достатке обеспечены скотом:

1. Егор Авдеев Симеонов — 1 лошадь, 2 коровы, 1 овца
2. Петр Петров Симеонов — 3 лошади, 7 коров, 5 овец
3. Терентий Иевлев — 1 лошадь, 3 коровы, 2 овцы⁶⁵

В деревне стояли большие дома с хозяйственными частями и два амбара, принадлежавшие Петру Петрову и Терентию Иевлеву⁶⁶.

До настоящего времени здесь сохранились старинные дома XIX — начала XX в. Самый большой двухэтажный недавно отремонтированный дом Симеоновых (Кирияновых) построен в 1910 г.

Представители этой ветви семьи Симеоновых были одними из самых богатых и успешных жителей Кижской волости, которые проявили себя как предприниматели в столице. Во второй половине XIX в. Мирон Егорович Симеонов еще мальчиком уехал в Петербург, жил позднее в своем собственном доме по ул. Ординарной, д. 15⁶⁷. В 1912 г. он владел следующими домами: ул. Сердобольская, д. 2—4, Ординарная д. 15 и 17а⁶⁸. В 1915 г. был владельцем двух домов на ул. Ординарной, двух на Малом проспекте Петроградской стороны и двух на ул. Сердобольской⁶⁹. По его заказу в 1908 г. на заводе сыновей Порфирия Ивановича Оловянного в г. Ярославле был отлит колокол для Преображенской церкви на острове Кижь. На колоколе были отлиты иконы «Преображение Господне», «Покров Божьей Матери», «Николай Чудотворец», «Мученик Мирон и св. Юлиания» и надпись: «Возвести миру великую радость,

⁶⁴ Книга переписная государственных, черносошных крестьян, приписанных к Петровским заводам Кижской, Великолукской, Корельской третей. 1748 г. // РГАДА. Ф. 350, оп. 2, д. 2378, л. 467.

⁶⁵ Список о числе скота... 1877 г. Л. 113.

⁶⁶ Страховая опись... Л. 64.

⁶⁷ *Весь Петербург на 1906 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб.], [1906]. IV [отдел]. Алфавитный список улиц города С.-Петербурга и его пригородов. С. 285. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020014/view>.

⁶⁸ *Весь Петербург на 1912 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб.], [1912]. IV [отдел]. Алфавитный список улиц города С.-Петербурга и его пригородов. С. 85, 320, 502. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020014/view>.

⁶⁹ *Весь Петербург на 1915 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* [СПб.], [1915]. IV [отдел]. Алфавитный список улиц города С.-Петербурга и его пригородов. Ст. 85, 320, 502. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020014/view>.

да возвестят небеса славу Господню во время Государя Николая II, по инициативе Мирона Егоровича Семенова для церкви Преображения Спаса»⁷⁰.

Мирон Егорович умер в столице в 1915 г.⁷¹, однако по завещанию погребен на кладбище Кижского погоста перед крыльцом Покровской церкви. Его надгробие стояло перед храмом еще в 50-х гг. XX в., но в связи с реставрационными работами на церквях демонтировано (сохранилась только верхняя его часть).

Среди крестьян деревни больше всего было столяров, которые работали в столице, а один хозяин занимался выделкой овчин⁷².

Из народных мемуаров

КИРЬЯНОВА Анастасия Михайловна (урожденная Симеонова) (1911—1995), деревня Шлямино⁷³

Родилась в Санкт-Петербурге в 1911 году. Когда случилась революция, то, чтобы спастись от голода, отец отвез ее вместе с мамой домой в деревню Шлямино, где она прожила до 16 лет. Чтобы Настю не зачислили в колхоз, отец отправил ее в Петрозаводск, где она выучилась на швею. Потом вышла замуж и уехала в Ленинград.

Там прожила всю свою жизнь, но каждое лето приезжала в родовой дом. Здесь и умерла в 1995 г. Похоронена на кижском кладбище. Рассказ А. М. Кирьяновой о жизни в Кижской волости в первой трети XX века был записан на магнитофон в 1988 г. и через много лет расшифрован ее внуком Валерием.

⁷⁰ *Документы и материалы...* С. 107.

⁷¹ *Метрическая книга церкви святого преподобного Алексия, человека Божия, г. Санкт-Петербург. 1915 г. // ЦГИА СПб. Ф. 19, оп. 127, д. 3169, л. 619 об. — 620. Погребен 1 апреля 1915 г. «причтом Алексиевской церкви на кладбище погоста Кижы Петрозаводского уезда Олонецкой губернии». В записи о смерти назван «крестьянин».*

⁷² *Кустарные промыслы и списки жителей Петрозаводского уезда. 1875 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 2, д. 9/119, л. 20—30.*

⁷³ *Запись Кирьянова В. А., 1988 г.*

Дом Кирьяновых (Симеоновых). Деревня Шлямино. 1986 г.

«Мы хорошо жили, у нас все было»:

«Я родилась в Санкт-Петербурге в 1911 г., но до 16 лет прожила в Шлямино. Жизнь в деревне трудная была. В Петрозаводск на веслах ездили. Ставили по два больших паруса. Грести через Онегу тяжело было, добирались за много часов. Лодки были большие, на них влезало по две лошади.

На лодках ездили на Кижский остров пахать. Там были наши поля с черноземом за Кузовками, где еще не заросло. Сажали картошку. Никто не воровал. Поставят в лодку две лошади и жеребенка. Лошадь-то умеет стоять, а жеребенок не может. Не умеет стоять, топчется и бегаёт по лодке. Его раз веслом — и в воду. А тут губка большая. Он проплывет за лодкой и больше не будет топтаться, будет стоять смирно. Только так и учили. А коровы плавали по островам Сянное и Ольховец. Овца сядет наверх на корову и плывет на ней, а ягненок — на овцу. А в Пустошах зайцы были.

Дичи тогда много водилось. В болоте за Шлямино всю жизнь была утка-крякуха. Мой двоюродный брат на Еглове жил. Он как поедет мимо, так и возьмет яйцо. А крякуха снова снесет. Много раньше уток

*Братья Михаил (слева) и Петр (справа) Симеоновы с ребенком.
г. Санкт-Петербург. Кон. XIX в.*

было. И лебеди были. Они всегда прилетали и жили на маленьких островках около Родниково. Потом, говорят, убили одну, а вторая не стала летать. После войны уже не летали. До войны населенность большая была.

Там, где стоит церковь Преображения Господня на острове Кизи, был большой магазин, в котором продавали всякую мелочь. И до тех пор пока не стали раскулачивать, был еще мануфактурный магазин. Торговал там Сазонов из деревни Кургеницы. Мы у него купили коня Гришку. У нас после революции было два коня: Лешка и Гришка. У Са-

зонова в одном глазу было бельмо. После того как он нам продал коня, стал торговать на лотке. Ходил по деревням с лотком и торговал иголками, наперстками, лентами и всякими разными мелочами. А на погосте было много старых домов, в одном из которых жил поп. Сазонов потом арендовал подвал в его доме и стал торговать там ситцем, сатином. Покупали тогда этот ситец, и все ходили в одинаковых платьях. А просвирня жила в Мальково. ее сюда привезли сразу после революции. Она шила платья, и у нее обшивалась вся деревня.

Были в хозяйстве куры, но куры не неслись. После того как весной их выпустят, то только на Пасху в апреле они начнут нестись. Было 2—3 курицы и петух. А бывало, что когда их выпустят, то они пойдут за ель на болото, обклюются там чем-то и все лето не несутся.

Рыбы было много. Но удочкой мы никогда не ловили. Только мой двоюродный брат удить ездил. У него дочь была, ее, как и меня, звали

Настя. А дядя Петр, карточка которого есть у нас, брал меня с собой на рыбалку весной, как только вода располится. Я еще тогда недоростком была, лет десяти — двенадцати. Они ловили чапом⁷⁴. А в доме Терентьевны жил его тесть — дедка Костя, хороший старик. Ездили вместе на веслах за Шуневский, под Сибово. Там ночевали. Помню, как сейчас, вечером наставят сетки в губе друг на друга. А дно видно. Очень хорошо шла плотва. Приезжали рано утром, начинали эти сети похожать и рыбу снимать. Никто чужой сети не трогал. А если бы попались воры, то их бы убили мужики. А еще весной ловили, пока сеют да навоз „застилают“.

Потом убирали острамки. Сено косили, складывали в стога, а зимой вывозили. Весной же острамки, эти палки-жерди от стогов, убирали к месту, а тут грабили. Еще ходили с граблями и убирали камни с полей. Потом косили, ведь мало покосов было. Такая весной работа. Рожь сеяли к зиме, осенью. А весной сеяли лен и овес, потом стали сеять гречу. Земли мало было. Потом в середине июня лошадей увезут на все лето на мандеру, и в конце августа начинают ходить ловить по лесу. И летом лошадей нет в Шлямино. Ходить-то им там негде было. А коровы в деревне оставались. У нас было пять коров, когда мы все вместе жили. Потом, когда разделились, у нас две осталось, а потом уж одна. Тяжело было жить.

В июне, когда вода располится, начинают ставить продольники близко к Уймам и к нам сюда. Едешь — и щуки ходят. Щук было видно, поскольку продольники неглубоко ставили. Вот это продольник Дмитрия. Дмитрий любил это дело очень и ловил много. Потом там продольник Александра, потом Тита. Мы-то ловили мало, нам что-то не везло, да и не умел папа, наверное. А Дмитрий щук столько ловил, что возили в Петрозаводск, там продавали и целую зиму покупали все для деревни.

Нас никуда не пускали, заставляли работать. Я ребят нянчила. Зимой пряли. С осени начинали лен теревить. Дело ведь в деревне всегда найдется, особенно в хозяйстве. Рано утром встанут. Пять коров, а также телят, овец и лошадей надо было обиходить: покормить, напоить. А зимой они все дома в хлевах стояли. Навоз надо выбросить. Много работы было. Пряли. Прясть-то некогда. Только вечерами

⁷⁴ Вид невода для ловли мелкой рыбы на глубине.

пряли. А так днем всякие работы были: то стирали, то мыли, то стряпали. Целый день — вот так. Бабам некогда отдыхать было совсем. А Великим постом ткали. А весной другая работа начинается. Когда лед уже становится поровнее, снег осядет, возили навоз. Навалят целые дровни и на поляны везут. А весной стлали этот навоз, когда снег сойдет. Потом пахали. Работы было много, а камни торчали везде. Они как будто рождались. Ближе к лету начинали пахать, сеять, картошку сажать. В огородах сажали больше картошку.

Мы-то жили на островах, а вот в Сычах жила мама Валентины Ивановны, моя тетушка Ганя⁷⁵, папина сестра, хорошая была и любила меня очень. Так у них там мандера. Они осенью пойдут, сучьев нарубят. Спилят небольшие деревья там, где камни. А весной сожгут и „заплюют“⁷⁶ — посеют репу. Она выростала большая: фиолетовая и желтенькая. Один или два года меня брали на репище рвать репу. Мы выкопаем яму и разведем в ней костер. Потом нарвем репу и бросим туда. Так эта репа получалась слаще яблок. Ее называли печенки, пареные. Все свое, все натуральное было.

Зимой у нас картошка была и мясоед. Овец забьют, теленка или кого еще, чтобы на зиму мясо было. Насолят полные щаны с мясом. На зиму хватало. А весной выбросят мясо на сетки и закроют его. Оно завялится. Когда летом ездили в Лейнаволок, то варили вяленое мясо там. Так и жили. А по постным дням сухие грибы и сущик варили.

Наши, хоть особо и не умели, но все равно ловили рыбу. Как только лед встанет, пойдут крючки⁷⁷ поставят. Лед светлый, и видно через него, как налимы ходят по лудам, пока снегом не нанесло.

Стряпали, ездили за сеном, за дровами. Дрова рубили весной на мандере, за Подъельниками. Вот я и ходила с папой пилить, а также тетушка Полинаша из Петрозаводска, мать Розы. Она и Гриша Щепинский из деревни Щепино, где Костины живут. Плюгавенький мужичонка был, ничего не имел. Все по работникам ходил и все у нас обитался. Дадут ему муки, или масла, или чего еще. Так вот он с нами ходил пилить. Напилим весной дров. Они высохнут за лето. А осенью вывезут по льду. Не воровали никто ни у кого. Как-то люди честные

⁷⁵ Агафья Егоровна Вавилина (урожденная Симеонова).

⁷⁶ Крестьяне так сажали репу: брали в рот семена вместе с речным песком и выплевывали на землю.

⁷⁷ Продольники.

были. Навозят костры (поленицы дров. — С. В.). А еще навозят с Лейнаволока. Вот когда снег уже начинает сходить весной и снегу мало, ездили с папой все на двух лошадях. Он брал меня с собой. Ой как хорошо, рано утром светает, а там в Лейнаволоке птички начинают петь. Добираться-то, конечно, долго. Рано утром ездили, еще только светало. Сено возили и дрова. Лошади бежали, конечно. Отец впереди, я сзади. В Лейнаволоке людей много было. Там жил родственник Вавилина Ивана Ивановича, мужа Анны Дмитриевны. Он родом с Волкострова от Никоновых, из очень большой семьи, где были всякие

*Симеонов Петр Егорович с сыном
и женой Натальей Константиновной.
Нач. XX в.*

дяди, подрастали дети, женились. И дом у них был большой, крашенный. Три избы внизу и три наверху. Вот их двоюродный брат и ушел в Лейнаволоку. У него был хороший дом сделан и выкрашен. Стоял не на самом мысу, а дальше. Ну и жили они там, пока не раскулачили. А мы и волкостровы ездили косить туда по целому месяцу. Там были наши пожни. Тяжело было работать целый день на жаре. Я не могла выносить. Тяжело добывали хлеб.

Знала я отца и мать Ивана Вересова. Отец был симпатичный, высокий, Федор. А мать невысокого роста, ее Настей звали. Сестра у него и тетка были очень красивые. Тетка вышла замуж за Киселёва, а потом с мужем уехала в Ленинград и в блокаду умерла. Говорят, сын есть.

Праздники справляли, их было очень много. Праздновали Рождество 7 января. На второй день гуляли в Кургеницах. У кого беговые

Жители деревни Шлямино. Слева в первом ряду Симонов Алексей Константинович, слева во втором ряду Симеонова Евдокия Терентьевна. Нач. XX в.

лошади, приезжали туда для участия в бегах. На Крещение были уже в Березках⁷⁸, рядом с Великой Губой. А потом был праздник Трех Святителей в Яндомозеро. В Сычах праздновали Ильин день 2 августа. Соблюдали Великий пост. Масленицу гуляли. Вообще отмечали много праздников. Но в нашей деревне молодежи мало было, только двое: я и еще одна. Очень скучно было. А вот Сычи — большая деревня была, и там молодежи много было. Поэтому в больших деревнях хорошо было.

На Волкострове магазина тогда не было. Был только у Спаса. Там покупали то, что деревенское привозили. Привезут ситцу, и все в одинаковых платьях ходят. Не было же шелку. Скучища страшная была. Ни кино, ни радио, ну ничего же не было. Вот только если куда-нибудь вырвешься. И то не пускали. Заставляли маленьких ребят нянчить и с коровами заниматься. А мама моя, бабушка Феня, не любила дома сидеть, вроде меня. Наплевать ей на ребят было и на коров, разделились когда. Мы уже на втором этаже жили. Наш верх был, а их низ, бабки Натальи. Так вот она возьмет и уедет под извоз, когда

⁷⁸ Деревня на материке недалеко от села Великая Губа. Современное название — Кондобежская (ранее Кондо-Бережская). А в народе ее называли Бережские.

поедут в Петрозаводск и нагрузят муки, пшеница и всякого разного. А в Оленьих тогда большие разработки известки велись и до войны, и после войны. И туда везут. Там много тогда переселенцев было. Они потом остались в округе. Местные тоже работали там, в колхоз не шли. Она уедет и неделю целую ездит. А я в это время дома с ребятами. А тут свадьбы играют, на свадьбу хочется сходить. Бабушка Наталья и говорит: „Пусть ее черт носит — ездит. Я тебя отправлю“. Отпустит меня. А идти-то надо было куда-нибудь в другую деревню, далеко, по снегу. Ни чулок не было, ни штанов. Вот так и ходили с голыми задницами. Юбочки короткие, а сапоги деревенские, сшитые из белой кожи и дегтем помазаны. Ничего не было ни у кого. Никаких чулок не было. Зимой от холода коленки трещь-трещь. А то еще возьмут тебя парни и в снег бросят. И ходишь сырой целый вечер. Вообще тяжело было жить. Но как-то, казалось, хорошо было. Молодежь была бедно одета. Ничего же не было. Вот на Ямке, до войны ее Ольхино называли, росло много парней. Там бедно жили. В каждой избе было по пять, по шесть парней и девок. Там „чертова дюжина“ у каждого. Бедные, одеть нечего. С рукавами длинными ходили.

Лодок в семье всегда много было, но когда разделились, у нас осталось их только две. А так по три, по четыре. Ведь куда ни поедешь, все лодка нужна. А весна как наступает, то ловили на керегод⁷⁹ и чап. Снасти запускали вдвоем. Дядя Петр, который жил в нижней избе, и его тесть дед Костя ездили вместе со мной под Сибово за Шуневский на рыбалку в ночное. Привозили на гребках и под парусом полную корму рыбы, ершей. Возьмешь палку, наковыряешь самых крупных — и вот так рыбники делали и парили их в горшках. А зимой ловили сетками. Проруби выпешают и шестами от одной проруби к другой сети просовывают. Сетку поставят, а потом похажуют. Наши-то немного ловили, а люди как-то ухитрялись. Также ловили на неводы. Вот с деревни Бишево приедут к нам, запустят невод и вытащат салаку, которую корбой называли. Сейчас они в Соломенном живут. И никто не ел ее. Так целыми днями и лежит. Или вот подмаливали⁸⁰, кто крючками на продольники ловил. Были садки сделаны. Корбу эту

⁷⁹ Вид невода.

⁸⁰ В данном случае имеется в виду насаживание салаки на крючки продольника в качестве наживки.

никто не ел, а она же очень вкусная. А щуки-то какие большие были. Как продадут их, так оденутся, обуются на зиму. Ездили в Петрозаводск, в лодках своих возили. Не боялись. Такие большие были бурки с рыбой, что два мужика несут. Столько наловят щук. Едешь когда в июне около Троицы от Уйм, то вот тут стоит продольник наш, а тут Александра, там Дмитрия, а там Тита. Тит был такой, двоюродный брат мой. Но больше всех это Дмитрию попадалось. Едешь, щуки так и ходят большие. Но никто не трогал. Только наша деревня ловила там. Волкостровы ловили где-то в другом месте. Ставили от Уйм чуть не от самого берега. Зимой налимов ловили. А осенью на лодках ездили в Кюрьево⁸¹, в сторону Шалы, не боялись. Поедут два мужика, все больше старые люди, и привезут оттуда несколько бочек ряпушки. Очень вкусная ряпушка была. На углях прямо положишь, нажаришь ряпушку и ешь так соленую рыбу. Соленая она очень вкусная. Дома и в школе ели, а в школу-то я мало ходила. Когда я в школу пошла, то там еще Закон Божий преподавали. Я один год только и ходила. Второй год пошла и заболела. Так больше и не ходила. Весной нам сделают кулебяку или рыбник маленький. В корзиночку налитушки или калитки наложат. Мы придем к Сергачам. Там дом большой был, в котором на втором этаже школа располагалась. Повесим корзиночку на колышек. Покуда мы бегаем, бык придет и все съест у нас или лошадь какая. Мы останемся безо всего, без хлеба на целый день. Все съест, все. А так-то мы хорошо жили, у нас все было.

За волнухами ездили на мандеру. Далеко ходили за грибами и за брусникой. Но на лесное озеро никогда не ходили. В Уймах только обабки брали. А белых грибов тогда не знали и не брали их. Я помню, с Марией Павловной ездили, еще дети у Лидии маленькие были. А я была в отпуске, и надо уезжать уже. Тогда у меня мама больная лежала, и бабка была больная. Лидия попросилась и поехала в лес. Так они белых не брали. А я тоже не знала, какие белые, какие нет.

Мария Павловна с мужем купила дом у Евдокии Терентьевны (бабки Дуни) за 400 рублей с условием, чтобы Терентьевну додержат. Ее младший сын Виктор еще маленький был. Мария

⁸¹ Деревня на восточном побережье Онежского озера, в Вытегорском районе Вологодской области.

Павловна тогда держала корову. Она говорила: „Зачем вам куда-то ходить за молоком? Приходите, я вам дам“. Брали у нее молоко. Сын ее Владимир служил в Тихвине. Когда она уезжала к нему, то я оставалась на целую неделю и доила корову. Вообще с ней хорошо было, она картошку нам продавала. В деревне у нас коты были, а собак не было никогда.

Зимой ездили цыгане, сено просили для лошадей. А в Березкие к Кирьяновым приедут и целую неделю живут. Цыгане только из своих чашек пили. Такой ящик принесут, и свои чашки там. И ночевали у Кирьяновых, где их уже знали. Дедка Архип любил их. Бабка-то Марья все ругалась. А Катеринина мать, тетя Саша, очень хорошая была. Ой добрый человек какой, всех приютит, всех накормит. Вот дедку-то твоего, Виктора, привезла мать после революции в деревню и дочку Лену. Он маленький был, еще в школу не ходил. Дед Архип и отец Виктора Степан были родные братья.

В деревне у дяди своего Архипа Виктор сидел за столом в самом дальнем конце. Из-за самовара его и не видно было. Взять что-нибудь со стола он не смел. Тетя Саша ему даст кусок, он съест. Что дадут ему, а сам не смел. В семье были еще мальчишки, сыновья Архипа Петька и Гриша. Гриша был добрый, а Петька хам. Ну в семье всяко там было. Обижали, очень обижали Виктора. Заставляли работать. Маленьким косить и пахать стал. Потом на дом бревна рубили, и он помогал. Но к этому времени он уже большой был. Вообще он был очень работающий. Дедка Архип, отец Катерины, сказал: „А вот свои, так худые, Гриша да Петька“. А племянник только и твердит: „Дяденька, дяденька, что делать, дяденька?“. А тетя Саша очень жалела его. И пока Витька маленький был, то пойдет коров доить, а коров в хозяйстве много было, и говорит ему: „Приходи с кружкой“ (или: „Приходи в хлев“). И напоит его молоком там. Каждый раз так. А в избе не смела давать. Дедка Архип очень суровый был. Она чужая нам была, но очень хорошая. Ну они нам не такие близкие. Бабушка Феня, моя мама, была крестницей Архипа. Часто бывала в их семье, и как-то хорошо все было. Конечно, дедка Архип к нам приезжал, так уж ухаживали за ним. Кормили, поили и пироги скали для него, как раньше в деревне принято было».

КИРЬЯНОВА Анастасия Михайловна (1911—1995)

КИРЬЯНОВ Александр Викторович, 1945 г. р.⁸², деревня Шля-

мино

Дом принадлежал Михаилу Егоровичу и Петру Егоровичу Симеоновым:

«Дом был начат в 1910 г., строился около двух лет. В горнице на первом этаже тоже была русская печь, лежанки не было. На втором этаже в избе («фатере») — печь, в горнице — лежанка. В избе печь на деревянном опечье не перестроена. Над дверью — палатный брус. Лавки вдоль стен. Стол старый, делал дед — столяр-краснодеревщик. В Питере не учился. Дед уезжал на зиму в Питер и отделявал квартиры (Михаил Егорович). Потолок темный и стены до уровня воронцов темные.

*Кирьянова (Симеонова) Анастасия Михайловна (1911—1995).
Деревня Шлямино. 1988 г.*

Следующий дом — Симеонова Андрея Егоровича по деревне (Фекины). Полати сделали после отъезда Анастасии Михайловны в Питер. Грядки при входе в избу для белья. Кроватей не было, спали на полу. У дверей в избе первого этажа стоял

куратник, но посудника не было. Отделявали сами дом (столяры). Полотенце-утиральник висело в простенке по лицевой стене дома.

Бесёды были на Волкострове в Шуйно в домах победнее. Не пускали в каждый дом. Чтобы выпроситься к празднику, надо было овин вымолотить. Девки за бесёду не платили, парни платили. У Березких,

⁸² Запись сделана в деревне Шлямино 08.07.1992 Воробьевой С. В.

у „лентяев“, семья которых состояла из мужа, жены да десяти детей, беседы были. Парни придут похулиганить — кольями дрались деревня на деревню. Возьмут парни в прорубу обмочат куделю. Балалайки были. Хороводы не водили. Ходили гуляли ночами в Петров день. На Радколье ходили гулять летом, но день не помню. В Корбы — на Корбов день.

Казаки носили — розовый, голубой, шелковые, фавые (пары).

Саонов⁸³ как привезет ситцу розового, так вся губерния в розовом и ходит.

Ольховой корой красили. Мох на камнях собирали и красили. Зимой передники на казаки не одевались. Чепчик (повойник) ситцевый надевали под платок.

Священник в Петров день ходил с дьяконом.

Швец Данило Бажиев из деревни Посад (Волкостров) сапоги шил белые. Александр Андреевич Симеонов (двоюродный брат) делал посуду деревянную. Когда зимой холодно, то в избе. На памяти еще горела лучина. Раньше дрова для лучины специально сырые еловые привозили с Лейнаволока, с мандеры. Распиливали специально. Щипали ножом. Складывали на верх печки. На подбалочнице лежали грядки для сушки белья.

Мама не ходила в чепчике.

Вышивали зимой и по воскресеньям. Вышивали больше „по выдергу“⁸⁴. Красными не вышивали. Бабушка Марья (из Корбы) тоже

Симеонов Мирон Егорович с женой и младшим братом Михаилом. г. Санкт-Петербург. Кон. XIX в.

⁸³ Крестьянин деревни Кургеницы, который торговал материями.

⁸⁴ Техника называется «настил по сетке». На тканевой основе выдергивали нити основы и утка, потом перевивали их, создавая сетку, по которой нитками настиляли узор.

*Симеонов Михаил Егорович,
младший унтер-офицер
Российской императорской армии.
Сер. 1910-х гг.*

белыми нитками, тоже выдергивала ниточки.

В Сенной Мавра причитывала по свадьбам.

На Ямке был худой дом, а парни красивые, так Мавра причитывала: „Сквозь хоромушки летают воробушки“.

В доме Зайцева Филиппа Карповича внизу была подыбица окнами на запад. Ставины⁸⁵ для ткачества в нее выносили.

Амбары были у каждого хозяина или на воде, или на горы, зарод для овса.

По словам Лидии Михайловны Соколовой (сестры Анастасии Михайловны), в красном углу горницы была деревянная полочка — „угольник“ со старинными книгами, и еще в горнице стояли венские стулья».

Из материалов В. А. Кирьянова:

Потомки Симеоновых уже пятое поколение живут в Санкт-Петербурге, но каждое лето приезжают на Кизи, в родную деревню Шлямино.

Род Симеоновых — старинный, известен с XVI в.⁸⁶ Он хорошо раскрывает такое явление, как отходничество олонцев крестьян в Санкт-Петербург в конце XIX — начале XX в. На этом примере можно более детально представить жизнь выходцев из крестьянской среды в столице и по возвращении в деревню. Уезжая в Петербург и прочно

⁸⁵ Ткацкий стан.

⁸⁶ В музее-заповеднике «Кизи» на основе исторических документов С. В. Воробьевой составлено генеалогическое древо рода Симеоновых из деревни Шлямино, которое корнями уходит к 1563 г. Также была проведена большая работа в архиве Г. М. Вавилиной по составлению родового дерева Симеоновых и Вавилиных начиная с XVIII в. и до наших дней. Там есть представители и выходцы из многих деревень Кижской и Великогубской волостей, в том числе из: Кондобережской, Сычей, Корбы, Еглово, Ямки и других.

там обосновываясь, крестьяне никогда не теряли связь с малой родиной, поддерживали свои семьи, односельчан и свои храмы.

Во второй половине XIX — начале XX в. Мирон Егорович Симеонов (1858—1915) торговал мехами в Апраксином дворе Санкт-Петербурга, имел в столице 7 каменных домов⁸⁷. Два из них он завещал своей родной племяннице Анастасии⁸⁸, а три — сестре Агафье⁸⁹.

Мирон Егорович всегда помнил о малой родине и на свои деньги купил для Кижского погоста большой колокол, который привез на барже. При подъеме наверх и попытке закрепить на колокольне колокол уронили на землю. Он разбился, но Мирон Егорович купил и доставил другой колокол весом в 102 пуда 35 фунтов ценою в 1800 рублей. Жил Мирон Симеонов постоянно в Петербурге, а на лето приезжал на Кижы. М. Е. Симеонов сделал наказ кижанам — во время его похорон звонить в большой колокол. Умер он в Петербурге, а хоронить привезли на Кижы. Начиная от деревни Леликово и до тех пор, пока шло захоронение, сторож звонил в большой колокол. Похоронен М. Е. Симеонов направо при входе на кладбище Кижского погоста. На могиле были сделаны красивый склеп, ограда, поставлен крест, а на кресте висел венок овальной формы, где была горящая лампада, заправленная «деревянным» маслом. Лампада горела круглые сутки. За ней следили церковные сторожа .

Михаил Егорович Симеонов (1883—1937), младший брат Мирона, был столяром-краснодеревщиком. Уже в зрелом возрасте имел в

Могилы Симеонова Мирона Егоровича перед входом в Покровскую церковь Кижского погоста. Вид с запада до реставрации. Музей-заповедник «Кижы». КП-6521/9

⁸⁷ По воспоминаниям Кирьяновой (Симеоновой) Анастасии Михайловны.

⁸⁸ Кирьяновой (Симеоновой) Анастасии Михайловне.

⁸⁹ Агафья Егоровна Симеонова.

Симеонова (в девичестве Гагарина) Федосья Николаевна, уроженка деревни Корба. До 1910 г.

Петербурге столярную мастерскую и до революции вместе со своей семьей жил в собственном двухэтажном кирпичном доме в отдаленном районе столицы, в Старой деревне. Дом сохранился во время блокады, так как был кирпичным, и только поэтому его не сожгли. В родной деревне Шлямино Михаил Егорович вместе со средним братом Петром владел большим домом, где ему принадлежал второй этаж. Дом, построенный в 1910 г., был покрашен в желтый цвет, а мебель из красного дерева он сделал сам.

В хозяйстве было 5 коров и телята, а также 2 лошади с жеребятками, овцы и куры. Семья имела 4 лодки-кижанки, в том

числе и большую сойму под два паруса.

На острове Кижы Симеоновы имели земельные наделы, где сеяли овес, рожь, гречиху⁹⁰, лен, репу и сажали картошку. Так, по межевому плану 1882 г., в северной части острова Кижы соседствовали земли крестьян из деревни Шлямино с Волкострова, где жили Симеоновы, и не существующей ныне деревни Кяжево в виде чересполосицы угодий на Удоевой носовине⁹¹.

Михаил женился на заонежской девушке Федосье (1893—1965) из деревни Корба, намного моложе его. Она происходила из бедной семьи, и еще девочкой ее взяли замуж «в богатый дом за красоту». Михаил был человек строгий, даже суровый. В семье царил твердая дисциплина. Глава семьи никогда не повышал голоса, никого не ударил, но все понимали не только его слово, но даже взгляд. В семье росло пятеро детей. Старшей дочерью была Настя. Когда началась революция, Михаил Егорович переехал с женой и дочкой, спасаясь от голода, из Петербурга в Кижы, в деревню Шлямино, где затем и прожил до самой смерти. Трудно ему пришлось с детьми. Настя много болела, почти не ходила в школу, но в доме простого крестьянина-мастерового имелось много книг. Настя

⁹⁰ По информации Кирьяновой А. М.

⁹¹ Воробьева С. В. Деревни Кижской волости в XVI — начале XX в. (по архивным источникам) // Церковь Преображения Господня на острове Кижы: 300 лет на заонежской земле: сб. ст. Петрозаводск, 2014. С. 232.

перечитала их все. Любовь к книгам сохранилась у нее на всю жизнь. Чтение было для девочки самообразованием.

Когда Настя подросла, то по разнарядке должна была уехать на лесозаготовки на север. Михаил Егорович не мог допустить этого и поехал вместо нее. Там он жестоко простудился и надорвался от тяжелой работы. После этого он прожил совсем недолго и не успел увидеть свою первую внучку Евгению, дочь Анастасии Михайловны. Похоронен в 1937 г. на кладбище острова Кижы (на «Круглом поле»).

Во время Второй мировой войны дом Симеоновых финны разорили. Они разбили крышу, вскрыли полы, украли всю мебель. Мародеры не смогли вывезти только большой красивый гардероб. Разобрать его у них не хватило рассудка. Они просто разрубили его топором.

Деревня Феньково (Иванцовская)

При первом описании в 1563 г. деревня называлась «дер. на Волко-острове Иванковская Безносова»⁹². В ней было два двора. К концу XVII в. количество дворов увеличилось вдвое⁹³, а в течение последующих столетий поселение по-прежнему росло, и к середине XIX в. деревня состояла из шести дворов. В 1911 г. в ней проживало пять семей:

1. Никонов Иван Павлович
2. Канюков Петр Ильич
3. Биканин Егор Кузьмич
4. Биканин Яков Кузьмич
5. Никонов Алексей Павлович⁹⁴

Две семьи Биканиных и Канюковых имели общего предка Фенку Иванова. Он был одним из двух крестьян, упомянутых в 1563 г. Никоновы ведут свой род от крестьянской семьи, появившейся в деревне в 1678 г.

Во второй половине XIX в. все хозяйства деревни были крепкими. Об этом говорит количество скота: 1. Павел Антонов Никонов — 4 лошади, 7 коров и 5 овец; 2. Илья Кирилов Конюков — 4 лошади,

⁹² Писцовые книги Обонежской пятины... С. 128.

⁹³ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 335 об.

⁹⁴ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

Мельница Н. А. Биканина. Кернаволок, Волкостров. До 1950-х гг.

Музей-заповедник «Кижы». КП-6527/1

7 коров и 4 овцы; 3. Матвей Алексеев Биканин — 2 лошади, 3 коровы и 2 овцы⁹⁵. Все дома деревни были с хозяйственными частями, а у домов Никонова и Биканина стояли амбары. Помимо этого, в начале XX в. Яков Кузьмич Биканин владел мельницей и был кузнецом⁹⁶.

Ветряная мельница

1. Местонахождение: деревня Феньково
2. Владелец: Биканин Яков Кузьмич (мельница построена самим владельцем)
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Сколько лет существует: с 1915 г.
8. Ремонты: —
9. Сумма, израсходованная на ремонт: —
10. Ежегодная сумма страховки: общая
11. Число наемных рабочих: —

⁹⁵ *Список о числе скота... 1877 г. Л. 112.*

⁹⁶ *Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.*

12. Число рабочих дней в году: 70 дней
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: 10 дней
14. Производительность поставка за рабочий день (10—12 час.):
20 мер
15. Сколько переработано зерна за год для себя: 200 мер
16. Сколько переработано на заказчика в год: 200 мер
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры
18. Сколько дней работает толчая: —
19. Сколько переработано овса за год: 900 мер (овса)
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.⁹⁷

В деревне четверо крестьян владели столярным ремеслом, работали в Петербурге, один был плотником, и три крестьянина шили лодки⁹⁸.

В настоящий момент деревня не сохранилась, жители покинули ее после Великой Отечественной войны.

Из народных мемуаров

БИКАНИНА Мария Николаевна, в замужестве Воронина, 1912 г. р.⁹⁹

Свадьба:

«В одной деревне так — считай, жили рядом, дак познакомились. Гуляли долго. Год целый, а потом уж мне годов не хватало. Я молодая была, мне шестнадцать лет было. Он немного старше меня был. Воронин Василий Иванович. Тогда ведь в сельсовет ездили, не было венцов. Съездили на санках. Санки подарил папа мне, знаешь, разъездные. Ой! Лаком крытые! Тут цветы на переднице-то были. Приехал Вася к нам, у него был конь беговой. Тогда на бег ездили. Слыхали, наверное, ездили на бега, кто хотели, зимой на праздниках. Коня привели. Папа говорит: „Пусть ведет Василий Иванович!“ Боевой был конь, и поехали мы с Василием Ивановичем, да еще с шафером, братан был Иван Яковлевич. Съездили да не

⁹⁷ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 126.

⁹⁸ Кустарные промыслы и ремесленные заработки... С. 23, 32.

⁹⁹ Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары... С. 170—173.

записали нас, что маленькая еще... Обратного приехали и свадьбу играть стали.

Я по любви вышла. И никогда не расстраивалась. Это, как по любви, дак это хорошо. А если человек тебе как медведь кажется... Свадьба была небольшая у меня. Тогда не было ничего, ни венцов да ничего. А я желала повенчаться в церкви, так мне нравилось. У меня двоюродная сестра венчалась, я шаферицей была у ней. Да так я хотела! А потом прикрыли все, и не было ничего, не работала церковь, колокола были увезены, все-все-все, разруха только... Так мне страшно хотелось венчаться, а вот не пришлось!»

Замужество тетки Шуры:

«У меня у тетки Шуры, она в Ленинграде жила, Коренева фамилия. А Коренев, он сам был тогда из Вороньих¹⁰⁰. Иван Васильевич Коренев его звали. Он приехал к нам из Ленинграда, бывало, когда мою тетку брал замуж, эта тетка еще была молодая. Приехал и говорит: „Агафья Васильевна (бабушку мою звали), я к тебе приехал, я у тебя Шуру увезу!“ Она: „Да ты что, Иван Васильевич! Как это, я только одну девку выдала замуж, я с чем ее выдам, голую что ли?! Где мне взять, все это купить да достать?“ — „Ничего, мамаша, отдавай мне Шуру голую, в одной рубашке, увезу, одену, как куколку!“ Так и дело сделал. В Ленинград увез, правда, как куколкой была закручена, приехала, дак не узнать нашу Шуру».

Праздники:

«Спасов — это же наш праздник! Местный. Мы всегда ездили туда к празднику. А как справляли? Съездим в церковь, а потом приезжаем домой, вот настряпано всего было. Садимся за стол дома, семьями, кто как, у кого есть еще родня, дак приглашали, и угощаемся. А больше так не было ничего. Торговцы были и всякие гостинцы продавали, сладкое. Конфеты да яблоки, вот в Успенье, праздник Успения, вот тогда уж яблоков навезут, везде торгуют. Игрища были в деревне летом, а как же! Были. Гармони играли. И молодежь собиралась летом, у нас в деревне Посад, там в деревне на горы, такая поляна, хорошо было... Кадриль и ланцы танцевали, вальс и коробочку,

¹⁰⁰ Деревня Вороний Остров в Типиницкой волости.

и все танцы знали мы. Бывало, ходишь в кадтели, а потом ланец. Я по гостям не ездила никогда, не любила я ездить. Только в Кургеницы. Мы у Привалихиных, у Титовых гостили. В Кургеницы ездили, гулянья были. Приедут с гармонью да соберутся на площади, гуляют. Теперь это уже все отошло. Теперь этого не танцуют ничего. Одевали сарафаны старые, пожилые женщины, а мы сарафанов не носили. Казаки носили до нашей мамы, была мода такая, мы их тоже не носили. Черненькая юбочка, кофточка беленькая. Было, было все. Все оно улетело у нас!»

Бесёдки:

«На бесёдках мы и пропадали! А мы ходили, у Шуеных бабушка жила, нету того дома сейчас. Бабушка Паша, старенькая такая, Титова ей фамилия была. Вот мы идем, ребят у ней много было, знаешь, идем когда, несем стряпни. Кто из девок идет на бесёду, тот и несет. Пускай она проживет целую неделю на этом всем! А платеж — это был отдельно... Платеж парни платили за бесёдную фатеру. Сразу нанимают квартиру на зиму и платят деньги. Бывало, в Благовещенье нельзя ведь танцевать было. Сидят, сидят парни, играют гармонь да всяко дудят там. Вдруг кто-нибудь: „Бабка Паша, разреши нам кадтель сходить”. — „Да, подьте уж, известно, что пойдите, пойдите!” Она так по-деревенски скажет. И тут пойдет веселье, тут забыли, что Великий Пост. И еще только в Благовещенье, в тот праздник завязывали глаза, в „Имушки” играли. Завяжут глаза, бегают по углам. Ой, поймают все равно!»

Мельница Биканиных:

«Как же, круглый год и работали мельницы! А остановки летом только, летом мало и ветра веют, и люди косят, спешили всегда смолоть раньше. Сколько платили, не помню. Кто не может деньгами, тот мукой, а с Кургениц сюда к нам всегда рыбы привезут хорошей. За помол привезут рыбу. Якова Егоровича Рогачёва помню, у него тоже мельница на Еглове была. Мы гостились с ними. У Рогачёвых много было мастеров своих, сами ставили мельницу, их семья. Ну, а лодки? Папа мой шил тоже лодки. У нас мастера все лодочные. Лодки шьют иногда такие мастера, что поедешь и опрокинешься, а наша лодка

никогда не опрокинулась. Папа славился. Нигде он не учился. Самоучка, сам по себе. С отцом они делали все дела. Отец и научил его, Яков Кузьмич. Помню, продольной пилой они доски пилили, дедушка стоит внизу, пилу дергает, а папа наверху на бревне стоит. Вот как нам доставалось, дедушке... А кулаком сосчитали».

Дом:

«Дома две иконы у нас были большие. Лампадка была. А на лампадке яичко висело, „Христос Воскресе“ написано золотыми буквами. В каждый день она не горела. А вот в праздники... Цветы у нас были. Дорогие, хорошие. Был и такой цвет у нас, фикус большой в горнице. Очень даже хорошая была посуда. Она в буфете стояла да еще в шкафу чайном. Какая у нас была посуда, да, век не видать больше! Куплена да дарена, привозили гости. На каждый день у нас которые чашки, с которых пили, были отдельно. А которая хорошая, чистая фарфоровая — для гостей. Часы были, с боем часы. И обои в доме были. А как же! Дом такой крашенный дак. У нас все крашено было — потолки, и полы, и все-все было крашено».

Песни:

«Замужние женщины, они не на бесёды, на работе поют. Жнут, песни закатят. Пели, да еще как пели! В свадьбу пели на ужине, конечно. Эти песни уж забыла я все, не могу вспомнить. Папа пел, на гармони играл. Дед пел „Раздивья тому на свете жить“. Это свадебная песня. Когда с невестой ездят, катаются, вот едут к венцу. Хорошая жизнь была. Пели все время. И дедушка, бывало, колотит, дак поет. Он любил у нас на гармони играть, ой! Играли на гармониях, тогда была мода. Как в песне-то: „Певай, гармонь моя, сегодня тихая заря. Сегодня тихая заря, услышит милая моя!“ Папа у нас любил играть. Самоучка. Тогда самоучкой и грамоты учились. Я самоучкой тоже научилась писать. В школу не ходила».

Хозяйство:

«Без пастуха коров пасли, вывозили на Сумской, остров рядом тут у нас был большой. Туда вывозили с Волкосторова все. Там были такие стайки, там летом закрывали скот. Никто и не смотрел. Вечером

приедем, подоим коровушек да молоком увезем. Утром приедешь, подоишь опять. У нас мама ездила, и я ездила, помогала. Вдвоем поедем, целая лодка, сядем женщины, девочки, песни поем. У нас четыре коровы было, две лошади было. Вот скотина наша. А овечка одна была, держали только для шерсти. Негде было держать овечку. Бывало, скотина терялась, блуждала. У нас, папа, правда, искал лошадь. Потерялся конь у нас, а в это время надо было сеять рожь. Поехал папа, искал два дня коня на материке. Потом на второй день приходит — медведь съел, медведей было много. И сейчас есть».

Вера:

«Папа в Бога верил, мы все верили в Бога. Маленькая была, дак мы ездили в церковь, вот, ко Спасову дню. И не работали в праздник, стряпали дома, на службу ездили в Кижы, потом ходили на кладбище.

Верили, Богу верили и этому верили всему. А как веровать не стали, вот тут-то и беда! Вера-то кончилась. Но поверят все равно. Я сама верю, вот у меня крест всегда».

Деревня Сергачево (Бздюревская)

В первом описании 1563 г. деревня обозначена как «дер. на Волк-же острове слово Боздюревская»¹⁰¹. В ней стоял только один двор. За все столетия существования деревни в ней было не больше трех крестьянских дворов. В 1911 г. в деревне жили: Бубаркины, Морозовы и Воронины. Бубаркины ведут свой род с 1616 г. от крестьянина Иванко Иванова¹⁰², правнук которого Никита Бубаркин жил в деревне в самом начале XVIII в.¹⁰³ Морозовы появились в деревне в конце XVII в. (Сенка да Ивашко Ефимовы дети Морозовы), переехав, возможно, из сенокубской деревни Михайловская (Погост), в которой в это время жил бобыль Мороско Федосеев¹⁰⁴. Его сын Ефим Морозов упомянут при описании 1707 г. В 1822 г. Василий Степанов Морозов был переведен в деревню Карповская на острове Кижы, которая в дальнейшем получила название «Морозово». Воронины появились в

¹⁰¹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 128

¹⁰² Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 174.

¹⁰³ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 65 об.

¹⁰⁴ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 345 об.

деревне Сергачево в 1782 г., отделившись от большого рода Ворониных деревни Насоновской¹⁰⁵.

Все хозяева были справные. У Бубаркиных был дом со службами и амбар. В хлевах стояли: одна лошадь, четыре коровы и овца. У Морозовых хозяйство было такое же, но они не имели амбара, а Воронины в хлевах большого дома держали двух лошадей, пять коров и трех овец¹⁰⁶.

В начале XX в. один из крестьян занимался в деревне портновским делом¹⁰⁷.

Из народных мемуаров

ГАНЬБА Татьяна Анатольевна (в девичестве Барышева), 1963 г. р.

Родилась в 1963 г. в г. Медвежьегорске. Окончила Ленинградский электротехнический институт связи им. проф. М. А. Бонч-Бруевича по специальности «Многоканальная электро-связь». Работает в ОАО «РЖД» электромехаником связи. Живет в Петрозаводске.

Наши ангелы-хранители:

«Каждый человек в определенный период жизни начинает задумываться о своих корнях, о предках, кем они были, как жили. К сожалению, я к этому пришла поздно, когда уже не осталось в живых бабушек и дедушек, родителей, поэтому пришлось собирать информацию по крупицам. Мне хотелось не только систематизировать имена, даты и степень родства, а хоть немного узнать какими были мои предки, чем занимались. Когда материала было собрано много, я решила поделиться им с теми, кому это интересно. В 2022 г. вышла моя книга „Наши ангелы-хранители“. Эта книга о моих предках, о тех, кто дал жизнь будущим поколениям, чьи корни уходят в глубину веков.

¹⁰⁵ См.: *Деревня Морозово.*

¹⁰⁶ *Ревизская сказка Кижской трети... 1782 г. Л. 80.*

¹⁰⁷ *Страховая опись... Л. 64*

Существует поверье, что ангелы-хранители — это наши предки, о которых мы знаем. Все мои корни из Заонежья. Это сказочный край с богатой историей, обычаями и удивительными людьми. Побывав здесь однажды, хочется возвращаться снова и снова. Так было и 19 августа 2022 г., когда на острове Кижы проходил праздник Преображения Господня. При посещении Кижского погоста, где похоронены родители моей прабабушки Родиной Прасковьи Тимофеевны (в девичестве Морозовой), нахлынули воспоминания о предках, живших на этой земле.

Судьба Морозовых схожа с историей многих семей в Заонежье, как, впрочем, и во всей России. Зажиточные люди, которые очень много работали и имели крепкое хозяйство. Они сеяли рожь и пшеницу, сажали картошку, держали коров, лошадей и овец. На посадку и уборку нанимали работников. В конце концов, после раскулачивания лишились всего, а некоторые во время репрессий даже жизни.

Моя прабабушка Паша (1887 г. р.) — дочь государственных крестьян Тимофея Федоровича и Александры Павловны Морозовых, была родом из Сергачей¹⁰⁸ с острова Волкостров Кижского прихода. Еще у них была дочь Анна и сын Михаил.

Деревня Сергачево, где жил старинный род Морозовых, состояла всего из трех домов. Вот что мне рассказал несколько лет назад местный житель с Волкострова Иван Костин: „Морозовы жили богато, нанимали работников. В Сергачах была каменная пристань, а за вторым наволоком стоял 2,5-этажный дом Морозовых. Морозовы возили товары на своей сойме“.

В 1905 г. Прасковья Тимофеевна вышла замуж за Родина Николая Николаевича из деревни Есино Яндомозерского прихода. Несмотря на то, что прабабушка в 18 лет уехала из Сергачей, она всю жизнь с любовью вспоминала родительский дом, детские и юношеские годы. Пусть не только счастье и радость были в их жизни, но также испытания и тяжелые трудовые будни, любовь к родной деревне осталась в ее сердце на всю жизнь.

Со слов родственников, у прабабушки Паши было шестнадцать детей, но мне известно только о девяти. И это не удивительно. В те времена женщинам некогда было присматривать за детьми. Было

¹⁰⁸ Сергачево

Сестры Прасковья (слева) и Анна Морозовы

много работы по хозяйству, в поле. Поэтому старшие дети или соседские девочки присматривали за малышами. При таком уходе младенцы часто умирали.

Родины жили богато, потому что были большими тружениками. После раскулачивания Николай Николаевич и Прасковья Тимофеевна работали в колхозе „Путь Октября”. Но достаток в их семье не давал покоя соседям. В 1937—1938 гг. по стране прокатилась волна массовых репрессий. Николая Николаевича расстреляли, и Прасковья Тимофеевна с детьми осталась одна. В деревне было тяжело, и она после смерти мужа переехала в Петрозаводск, где и прожила остаток жизни, помогая дочерям воспитывать детей. В городе она держала коров, „чтобы дети и внуки не были голодными”. Похоронена в 1970 г. на кладбище Сулажгора г. Петрозаводска.

На острове Кижы я познакомилась с сотрудником музея Валерием Кирьяновым, бабушка которого училась в Сергачах. Там еще после революции в одном из домов была школа. А отец Валерия — Александр Викторович рассказал, что когда он был школьником лет 12—13, то ездил в „Морозовскую” губку ловить рыбу. По его воспоминаниям, в то время в Сергачах еще стояли два покосившихся дома

без служб, покрытые дранкой, а слева от них амбар. В воду уходили два добротных каменных причала. Они сохранились до сих пор. Тогда, в 1957—1958 гг., в деревне уже никто не жил. После войны многие кижане не могли вернуться к родным очагам. Время шло, дома постепенно разрушились. Сейчас на месте бывшей деревни Сергачево уже не найти даже фундаментов.

А еще А. В. Кирьянов рассказал, что примерно в те же годы в деревню Шлямино как-то летом приехали два „старика Морозова лет шестидесяти-семидесяти“, которые были родом из Сергачей. Он узнал об этом случайно, когда пошел копать червей под большим камнем у дома Зайцевой Степаниды Филипповны, у которой остановились гости: „Это были настоящие кижские мужики в фуфайках. Один под метр девяносто, а другой среднего роста. Они брали острогу, ходили по острову, но никаких щук заколоть не могли, поскольку нерест давно прошел“. Хотя это и были мои далекие родственники, но как приятно через много лет получить от них весточку!

Много историй рассказывали нам бабушка и прабабушка о своей нелегкой жизни. Но, несмотря на трудности, они всегда оставались отзывчивыми и готовыми прийти на помощь. Я помню их глаза, они были очень добрыми. Сейчас люди другие, уже не встретишь тех глаз, что были у старшего поколения. Любой человек продолжает жизнь своих предков, и все, что в нем есть, дано его родом. То воспитание, которое заложено с детства, трудолюбие, любовь к родной земле помогают выдержать все испытания, выпавшие на его долю».

Раздел 3. ДЕРЕВНИ МАТЕРИКОВОЙ ЧАСТИ (МАНДЕРА)

На земле материковой части Кижской волости (мандере) в 1563 г. располагалось восемь деревень и один починок, то есть вновь образованное поселение, правда, описание не всех деревень сохранилось. В 1582 г., с учетом не попавших в описание 1563 г., было 14 поселений, шесть из которых превратились в пустошь, то есть перестали существовать, остались без жильцов. Четыре из этих пустошей возродились как деревни только в течение XVII в.

Возможно, в первой половине XVIII в. на материковую часть переехали три деревни с острова Кижы — Леоновская (Оятевщина), Вавуловская (слилась с Оятевщиной), Марковская (Жарниково), одна с острова Керкостров — Грузиловская (Телятниково). С острова Мальковец переехали две деревни — Вик-остров и Виж-остров, которые позднее получили названия Мальково и Клиново. Подобное перемещение поселений подтверждается расположением средневековых селищ на островах и наличием земельных наделов деревень Оятевщина и Жарниково на острове Кижы. Именно эти два поселения владели наибольшими наделами на острове. Переезд деревень с островов на материк, скорее всего, был связан с желанием освободить плодородные земли на островах под пашню, а дома и другие постройки перенести на более скудные земли материка.

Во второй половине XVIII в. тремя семьями из великогубской волости и двумя из кижской в 5 км от берега было основано еще одно поселение — деревня Липовицы. Первое ее название было «Новой Заживки Липовицы»¹.

Таким образом, в середине XVIII века на материковой части волости располагалось 12 деревень. Дома поселений стояли вдоль берега озера как основной транспортной магистрали.

Дороги вдоль берега материка не было вплоть до 1913 г. 29 июля 1912 г. 150 крестьян Кижского сельского общества собрали сход, на котором обсуждали вопрос относительно проведения почтовой дороги от деревни Сычи по всем селениям материка до деревни Подъельники, а далее до Великогубской земской больницы, которая

¹ Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Кижского погоста Великогубской трети. 1782 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 2/8, л. 53—54 об.

находилась на расстоянии 20 верст: «...Так как таковая дорога является крайне необходимой для населения доставки как в больницу, а равно и обратно из таковой больных людей ... так как путь в названную больницу пеших и конных в настоящее время является совершенно не возможным от зарослей сырораствующего леса, камней и низменных мест»². Через год уездная земская управа выдвинула к крестьянам определенные требования для проведения строительных работ: «...Потребовать от крестьян тех обществ, через наделы коих пойдет новая колесная дорога составить вновь приговоры в коих должно быть ясно сказано, что для постройки между означенными деревнями дороги они беспрепятственно уступают 1) под дорогу полосу земли шириною 5 сажень, 2) обязуются бесплатно отпустить из своих наделов весь строительный материал, необходимый при постройке дороги, как-то: лес для дорожных сооружений, фашины³, чурок и песок... 3) что они крестьяне обязуются по отношению постройки дороги, содержать таковую в полной правности и ремонтировать ее ежегодно своими средствами»⁴. В августе 1913 г. крестьяне приговорили выполнить все условия. К сожалению, сейчас эта дорога практически заросла, но ее сохранившиеся участки можно найти в лесу.

Крестьянские поля располагались сразу за деревнями и занимали около 5 км вглубь от береговой линии. От этих хлебных полей сохранились только фрагменты ровниц из камней, которые крестьяне выносили с полей, и каменные поскотины-улички — проходы, по которым гнали скот на лесные пастбища. Это своеобразные памятники упорству и трудолюбию северного крестьянства.

Жители деревень материка славились, подобно многим крестьянам Кижской волости, как искусные ремесленники. Потомственным ремеслом крестьян Ёлуповых из деревни Ерснево было плотницкое. Б. Ф. Ёлупов в 50-х годах XX в. принимал участие в реставрации Преображенской церкви на острове Кижь. По всей округе славились своим мастерством печники Минины из деревни Подъельники. Печи, сложенные их руками, до сих пор согревают кижан. В деревне

² По ходатайству крестьян Сенногубского и Кижского обществ с проложением дороги от Сенной Губы до Великогубской волости. 1913 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 1, д. 60/24, л. 4.

³ Фашина — связка прутьев хвороста для укрепления насыпей, дорог по болоту.

⁴ По ходатайству крестьян... 1913 г. Л. 14.

Вид на д. Подъельники со стороны озера. 1950 г.

Музей-заповедник «Кижь». КП-6164

Телятниково крестьяне Вавилины были кузнецами, а их соседи Романовы — Телёнковы владели мастерской для крашения холстов.

В деревне Боярщина жил один из самых знаменитых сказителей Кижской волости Василий Петрович Щеголёнок. Сказывали былины и его дочери: Ирина Васильевна Елисеева (деревня Боярщина) и Ксения Васильевна Разбивная (деревня Мальково).

На границах материковых деревень стояли часовни. Путников, подъезжавших с юга, со стороны Большого Онега, встречала часовня Пророка Ильи в деревне Телятниково. Провожала их на север, в сторону Великой Губы, часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в деревне Подъельники. Последняя из них сохранилась до нашего времени. Часовни в деревнях строились на средства и старанием самих крестьян. Святые, которым посвящались часовни, были небесными защитниками крестьян деревни, помогавшими им в обычной жизни. Всего в окрестностях острова Кижь в начале XX в. было 12 часовен, из которых сейчас осталось только пять.

Деревня Подъельники (Березовец)

Известна с XVI в., называлась «дер. Березовец на Мандере»⁵. В настоящий момент структура поселения не сохранилась, хотя

⁵ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 127.

*Часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского в д. Подъяельники.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-14638*

еще в 1926 г. в деревне было десять дворов. В еловой роще под лапами вековых деревьев стоит самая маленькая, но одна из самых удивительных по красоте часовня Параскевы Пятницы и Варлаама Хутынского, построенная во второй половине XIX в. Она окружена каменной изгородью, сложенной из гигантских валунов, что придает величественность и сказочность как самой постройке, так и окружающему ее пейзажу.

В 1563 г. деревня была однодворная, в ней жил Ондрейка Олексеев. К 1616 г. поселение, несмотря на тяготы Смутного времени, расширилось. Трое племянников первопоселенца стали жить самостоятельно⁶. Все крестьянские семьи, которые проживали в деревне в начале XX в., несмотря на разные фамилии, ведут свою родословную от крестьянина, записанного в писцовой книге 1563 г. — Ондрейки Олексеева:

1. Минин Федор Петрович
2. Минин Михаил Иванович
3. Степанов Трофим Алексеевич

⁶ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 172.

4. Афонин Андрей Романович
5. Афонин Трофим Романович
6. Савельев Степан Егорович
7. Савельев Федор Тимофеевич
8. Кисилев Алексей Ильич
9. Кисилев Яков Степанович⁷

Фамилия Минины произошла от крестьянина Мины Павлова, упомянутого в ревизской сказке 1795 г.⁸ Фамилия Афонины от Афона-сия Федорова⁹, а Савельевы от Савы Лукина¹⁰.

В 1850 г. деревня меняет свое название на «Подъельник»¹¹, а позднее именуется «Подъельники».

В 1877 г. в деревне стояло шесть больших домов «со службами» и два амбара, которыми владели семьи Минина и Степанова¹². Все крестьянские хозяйства были в достаточной степени обеспечены скотом, но больше всего скота было у братьев Кисилевых. В хлевах дома Андрея Степанова Кисилева стояло две лошади, семь коров и три овцы, а у его брата Федора две лошади, пять коров и две овцы¹³.

Крестьяне деревни владели разнообразными ремесленными специальностями. Уже упоминались славившиеся на всю округу печники Минины, которые сами изготавливали кирпичи для печей. Паркетчик, токарь и портной работали в столице, из трех сапожников один нашел работу в Санкт-Петербурге, а двое обслуживали деревенских соседей¹⁴. Позднее, с открытием Волкостровской судовой верфи в деревне появилось четыре мастера судостроителя¹⁵.

Из народных мемуаров

КИСЕЛЁВ Петр Андреевич, 1928 г. р., уроженец деревни Подъельники.

⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 46.

⁸ Там же. Л. 67 об. — 74 об.

⁹ Ревизские сказки... Кижской трети... 1782 г. Л. 67 об. — 74 об.

¹⁰ Там же. Л. 67 об. — 74 об.

¹¹ «Дер. Подъельник (она же Березовец)». (Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 37 об. — 40).

¹² Страховая опись... Л. 62.

¹³ Список о числе скота... 1877 г. Л. 110.

¹⁴ Кустарные промыслы... С. 26, 32, 62, 94, 116.

¹⁵ Наумов Ю. М. «Кижанка» — лодка Онежского озера... С. 153.

Былички:

Почему болото у Вигова стало называться Зубовским.

«Вигово претендовало на Виговское болото, косили его и зубовские мужики тоже. Мировой судья присудил: взять по тяжелому камню, кто обнесет вокруг болота, той деревни и болото. Филипп Яковлев из Зубова обошел все болото с камнем, а виговский мужик — нет. Болото и отошло к Зубову».

Про Кобылью Щельгу:

«Из Подъельника ехать в Великую Губу, есть Кобылья Щельга (скалистый мыс, выдающийся в озеро). Кобылья — потому, что там всегда падали лошади в воду, хотя везде лед был толстый еще. Лошадь провалилась — с саней быстро, лошадь распрягаешь, дугу под живот, вожжи привязываешь за дугу и вытаскиваешь на бок лошадь. Главное, чтоб передние ноги закинула на лед¹⁶».

Деревня Зубово (Рохина Менохова, Рохино Менохово)

Известна с 1582 г.: «Пустошь, что была деревня Рохина Менохова, а в ней пашни лесом поросло...»¹⁷. Название поселения попытался расшифровать знаток заонежской топонимики В. А. Агапитов. По его мнению, происхождение первой части названия деревни раскрыл языковед А. А. Зализняк. В его работе «Древненовгородский диалект» приводится текст берестяной грамоты под номером 610 (60—80 гг. XIV в.). В ней упоминается некий Рохъ, обращающийся к некоему Фефилату. Академик Зализняк полагает, что упомянутое в грамоте имя Рохъ представляет собой уменьшительный вариант имени типа Роман или нечто подобное¹⁸. Вторая часть названия «Менохово» допускает использование прозвища¹⁹ от диалектного «мёнух» — налим, так что в переводе на современный русский язык старинное название деревни может звучать так: «Ромашки Налима». Безусловно, это только гипотеза, требующая подтверждения.

¹⁶ *Преданья старины глубокой. Были и небылицы из истории Заонежья. Записал О. А. Скобелев // Кижы. 10 (39). 2007. С. 8.*

¹⁷ *История Карелии XVI—XVII вв. С. 151.*

¹⁸ *Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 437.*

¹⁹ *Русское диал. «мёнух» — налим. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1986 г. С. 599.*

К 1616 г. пустошь Рохино Менохово вновь стала деревней. В ее единственном дворе жил крестьянин Сенка Логинов²⁰. К 1911 г. деревня расширилась до семи дворов²¹:

1. Обивков Степан Архипович
2. Исаков Гаврила Дмитриевич
3. Исаков Степан
4. Иевлев Семён Прокопьевич
5. Обивков Андрей Иванович
6. Обивков Василий Иванович
7. Исаков Владимир Дмитриевич

Из перечисленных крестьян две семьи Обивковы и Исаковы свой род ведут от Сенки Логинова, который возродил деревню к 1616 г. Иевлев — потомок семьи, появившейся в деревне только в 1748 г.²² Фамилии Исаков и Иевлев произошли от имен предков Исак и Иев. В конце XVIII в. отец Исаковых Исак Ананьин, женатый на дочери одного из крестьян деревни Зубово, жил в деревне Пустой Берег (Вех-Наволоки), а его дети в 1795 г. были переписаны в семью их деда Даниила Иванова в деревню Рохинова²³ для поддержания хозяйства. Иев Петров, предок Иевлевых, был причислен в деревню в 1748 г. вместе с отцом, но откуда не известно.

В 1850 г. деревня сменила свое название на «Зубово». Вероятно, новое название деревни существовало параллельно с официальным довольно долго и произошло от прозвища Федки Семёнова, одного из двух сыновей первопоселенца Сенки Логинова. Дело в том, что в одной из челобитных крестьян Кижского погоста среди жалобщиков кижан упомянут Федко Семёнов Зубов²⁴. Возможно, «Зуб» — это некрестильное имя его отца²⁵.

²⁰ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 171.

²¹ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 47.

²² Книга переписная дворцовых крестьян... 1748 г. Л. 458 об. — 459 об.

²³ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 73—76.

²⁴ Карелия в XVII веке. Сборник документов / сост. Р. Б. Мюллер; под ред. А. И. Андреева. Петрозаводск, 1948. С. 53.

²⁵ По местному преданию, происхождение названия деревни связано с ветром. Когда дул сильный северный ветер «северик», то сложно и страшно было пристать к берегу. Ветер нес лодки, как в зубастую пасть волка. Казалось, что лодки проскакивали сквозь зубы животного. По другому преданию, деревня была так названа из-за того, что на приезжего купца сильно ругались местные «зубастые бабы».

Среди крестьян деревни Рохино Менохово²⁶ в середине XVII в. упомянут некто Васка Григорьев: а «родом он Васка полских людей а живет в Кижском погосте со 1650 [?] году»²⁷. Его сын получил прозвище «Панов», но, к сожалению, семья вымерла к началу XVIII в.

Один из жителей деревни — Нифантей Иванов, за участие в Кижском восстании 1769—1771 гг. государственных крестьян Заонежья, приписанных к Олонецким горным заводам, был сослан на поселение в Сибирь. Волнения были вызваны усилением феодальной эксплуатации в форме увеличения обязательных работ на заводах. Поводом к восстанию послужил сенатский указ, предусматривавший увеличение оброчных и подушных платежей, которые необходимо было отработать на заводах. 1 июля 1771 г. у стен Спасо-Кижского погоста выстрелами артиллерии правительственного карательного отряда восстание было подавлено. Десять человек из кижских деревень были сосланы на поселение.

Жена Нифантия Иванова с детьми осталась в деревне. Его потомки умерли к началу XIX в.

Крестьяне деревни Зубово отличались деловой хваткой и умением работать. В 1867 г. в деревне стояла одна из двух ветряных мельниц округа и принадлежала она Егору Михееву Обивкову²⁸. Помимо этого у двух крестьян были амбары²⁹. Самое большое количество скота содержалось в хозяйстве Якова Михеева (Иевлева) — три лошади, семь коров и пять овец³⁰.

Крестьяне деревни Зубово владели многочисленными ремесленными и промысловыми профессиями. В Петербурге традиционно работали паркетчик, столяр, токарь. Один из двух крестьян-смолокуров, работавших в деревне, был одновременно лодочником и рыболовом-промысловиком, а второй занимался выжегом угля и изготовлением корзин. Еще один из жителей деревни делал для своих односельчан мелкие работы по дереву — изготавливал грабли, лопаты, вилы, ручки к лопатам, топорам и косам, метлы, веники и т. п. Был в деревне и свой портной³¹.

²⁶ *Написание названия деревни в XVII в.*

²⁷ *Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 330.*

²⁸ *Ведомость о числе мельниц... 1867 г. Л. 17.*

²⁹ *Страховая опись... Л. 62.*

³⁰ *Список о числе скота... 1877 г. Л. 110.*

³¹ *Кустарные промыслы... С. 21, 25, 26, 29, 33, 34, 35, 94.*

Из народных мемуаров

КОСТИНА Евдокия Степановна (в девичестве Исакова). Деревня Зубово, деревня Ямка, 1914 г. р.

Про сенокос:

«Кто услышит первый гром весной — надо перекувырнуться, чтобы спина не болела...

Когда днем жарко, косили ночью... Погода стоит хорошая — косят две-три недели и все. А плохая — все лето косят. Косили и мужчины, и все, кто может. У хозяйки ребенок маленький — никак идти. На сенокосе сядем артелью, в уймах, на островах, обедать. Балуются и старики, и молодежь, и утащат в берег, покатают по песку, покупают всех. Лубянка берестяная для простокваши, лубянку на голову оденут... Старики спать лягут после обеда, молодые дурачатся, бегают»³².

МИНИНА (Исакова) Александра Степановна, 1930 г. р., деревня Зубово

Как сено украли:

«Посмотреть из крайнего окна избы — видать Котецкие острова, за Павелковыми. Там, на Котецких, был наш сенокос. Мама чай наливала. Дед Гаврила посмотрел в окно и говорит: „Катёшка, а стога-то нашего нет!“ Украли. Мама: „Ох-ох!“, а дед с горницы посмотрел: нет стога.

Дед встает, одевает порты, кафтан, запряг Кольку — и туда. Покос на Котецких островах. Приехал — стожарь пустой, под ним — четверть вина, самогон (2,5 л), на ней записка: „Пей винцо, вспоминай сенцо, летом жарко косить, зимой холодно возить“. До войны было, до колхозов»³³.

³² Калашникова Р. Б. Обряды крестьянского календаря Заонежья, связанные с аграрными процессами (кон. XIX — нач. XX в.) // Традиционная культура русских Заонежья (материалы методического кабинета экскурсионного отдела) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kizhi.karelia.ru/library/traditsionnaya-kultura-russkih-zaonezhya-dopolnitelnyie-materialyi/790.html>.

³³ Преданья старины глубокой... С. 8.

Деревня Пустой Берег (Вех-Наволок)

Известна с XVI в.: «дер. на Мандере словет на Вех-Наволоке»³⁴ В 1850 г., также как и многие деревни волости поменяла название: «дер. Вехнаволок Пустого берега (она же Вехнаволок)»³⁵. Первоначально состояла из двух дворов, но к концу XVII в. она стала одной из самых больших деревень округи в десять дворов³⁶. До начала XX в. размеры ее не менялись³⁷. Сейчас сохранилась только часть одного из домов поселения. В начале XX в. в деревне жили:

1. Трифонов Василий Алексеевич
2. Трифоновы наследники Семёна
3. Мухин Фока Степанович
4. Чиворов Алексей Константинович
5. Прохоров Максим
6. Чиворов Яков Еремеевич
7. Никитин Герасим Иванович
8. Ярицын Андрей Иванович
9. Ярицын Иван Иванович

История одной из семей этой деревни связана с Кижским восстанием 1769—1771 гг. Из всех сосланных в Сибирь кижских крестьян только один вернулся на родину. Это был житель деревни Пустой Берег Мосей (Моисей) Алексеев Чиворов. Внук Мосея Чиворова Иван Гаврилов делал много вкладов в церкви Спасо-Кижского погоста. Среди них: «Святое Евангелие в серебряном окладе на красном

Федор Матвеевич Трифонов с женой Марфой Ивановной, младенцем — сыном Борисом и братом жены — Филиппом Егоровым. Конец 1920-х — начало 1930-х гг.

Музей-заповедник «Кижь».
КП-4780/15

³⁴ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 127.

³⁵ Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 32 об.

³⁶ Коновалов И. Указ. соч. С. 111.

³⁷ Сведения о крестьянских хозяйствах, характеристика урожайности земли Петрозаводского уезда, Великогубской волости (д. Ошевнево, д. Оятевщина). 1911 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 3, ед. хр. 22/208, л. 6.

Николай Иванович Ярицын в группе слушателей курсов начальников лесоучастков. Начало 1930-х гг. Музей-заповедник «Кижы». КП-4781/3

бархате... 120 руб. серебром»³⁸, «напрестольный посеребренный крест с финифтью»³⁹, «священнические парные парчевые ризы», «дьяконский стихарь с орарем такой же парчи» (в память по матери), «...образ преподобного Сергия Радонежского в серебряной ризе» с позолоченными венцами в киоте, «дароносица с сосудцами посребренная, потир и ложка внутри позлащённые», «хоругви писаны на злате», «воздуха бархатные на золоте», «лампадка серебряная пробная» и среди

этих дорогих даров скромное крестьянское «полотенце холстовое, по концам вышито разными бумагами»⁴⁰.

Самыми зажиточными во второй половине XIX в. в деревне были крестьяне Прохоровы и Егоровы. Только рядом с их домами стояли амбары, и в хозяйстве было много скота⁴¹. У Прохоровых 2 лошади, 4 коровы и 4 овцы, у Егоровых 2 лошади, 6 коров и 3 овцы. Остальные дворохозяйства имели по одной лошади и по одной или две коровы⁴².

Из ремесленников в деревне жили пять столяров. Один из них работал в деревне, один в Петрозаводске и три в Петербурге; три сапожника, из которых один шил обувь для своих деревенских соседей, а двое для крестьян всей волости; два башмачника ходили

³⁸ Кижский приход... Приходно-расходные книги... С. 22.

³⁹ Там же. Л. 43.

⁴⁰ Там же. Л. 43—47.

⁴¹ Страховая опись... Л. 62.

⁴² Список о числе скота... 1877 г. Л. 110.

на заработки в столицу, а крестьянин, изготавливающий щетки, работал в Петрозаводске⁴³. С развитием судостроения в Кижской волости в середине XX в. трое жителей деревни шили лодки⁴⁴.

Деревня Речка

Поселение как однодворное известно с 1563 г.: «дер. на Мандере словет в речках»⁴⁵. К следующему описанию 1582 г. она превратилась в пустошь, и до 1678 г. ее земли пахали крестьяне деревни Вех-Наволок и Хорошевской с острова Кижы. К 1678 г. в Речке поселился крестьянин

*Дом В. Н. Егоровой в д. Речка.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5499*

Понфилко Понкратьев⁴⁶, но уже в 1707 г. при описании дворов деревни переписчики отметили, что жителей в деревне нет: «Дворовое пустое место крестьянина Ивана Панфилова а он Иван умре а дети ево скитаются в мире а участком ево владеет крестьянин Терентий Иванов; двор и участок впусе крестьянина Тимофея Панфилова а он Тимофей умре»⁴⁷. С этого момента деревня исчезает из списков ревизий и списков населенных мест

⁴³ Кустарные промыслы... С. 21, 62, 65, 67.

⁴⁴ Наумов Ю. М. «Кижанка» — лодка Онежского озера... С. 153.

⁴⁵ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 127.

⁴⁶ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 171; Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 354 об.

⁴⁷ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 62 об.

до начала XX в.⁴⁸ Жители деревни члены одной разделившейся семьи Егоровых, которая во всех описаниях числилась в деревне Пустой Берег.

Деревня Речка расположена чуть в отдалении от берега озера у небольшой речки, западнее деревни Пустой Берег. В настоящий момент сохранились только фрагменты застройки поселения. Из этой деревни происходит род Егоровых.

ЕГОРОВА Вера Николаевна (1936—2018),
деревня Речка, деревня Васильево:

«Родилась 16 января 1936 г. в Заонежье, в деревне Керака. Сначала училась в деревне Великая Нива, там была начальная школа, 7 классов закончила в Космозере. В деревне паспортов не давали, уехать было нельзя. Устроилась работать в клубе на Боярщине, заведовала избой-читальной. Там собиралась молодежь с окрестных деревень: Подъельники, Волкостров, Васильево, Клиново, Мальково. Танцевали по-модному польку, вальс, фокстрот, яблочко. Много народу приходило. Была кинопередвижка, кино возили... В 19 лет вышла замуж за Алексея Петровича Егорова. 1 июня 1953 г. приехали жить в Кижы. В Речке, так деревня называется, там и правда речка была... Жили с 1954 г. по 1976 г., а потом уж в Васильево перебрались. Свадьба была по-новому, в церкви не венчались. В Кижы везли на лодке — с гармошкой и песнями. В Кижях раньше много деревень было. Сначала колхоз был, потом совхоз. Были и трактора, и комбайны. Скотный двор находился в Клинове. Маслозавод до 1956 г. работал, пекарня. У Погоста сторожка была, рядом у деревянного причала склады, и магазин повыше. В 50-е годы весь остров был засеян ячменём, рожью, овсом — так красиво, называли остров „золотой обруч“... Раньше в Ямке в каждом доме жили. Дети учились: начальная школа была в Волкострове и Кургенице (там учила Екатерина Николаевна), а в Жарниково была семилетка, восьмилетка — в Сенной Губе, а десятилетка та — в Великой. Мама Лиды Якшиной, Нина Титовна Гавриленко, преподавала в школе на Пустом Берегу, напротив Речки, а потом в 54-м в Волкострове, после в Сенной. В интернате

⁴⁸ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 44.

дети жили с понедельника по субботу, а на выходной — обязательно привозили домой. Не забирали только, когда распута. А так на лодке по озеру или по льду на лошади отцы ездили за ребятами. Раньше ведь один выходной был. Все успевали: и в баню сходить, и постирать... Раньше весело было. Ряженные под Рождество по деревням ходили. Оденутся, чтоб не узнать, а лицо марлей закрывали. Бабушка, бывало, скажет: „Сходите, девки, проветрите мои сарафаны“.

Семья Егоровых.

Музей-заповедник «Кижь». КП-4780/12

Электричество постоянное в Васильево подключили в 1977 г., а так только летом в Ямке гоняли движок. Жили при свете керосиновой лампы, как в девятнадцатом веке, с фонарем ходили. Холодильников не было. Мужики кинут сети, наловят рыбы, ее подсолишь — так и хранили... Колесные пароходы ходили: „Урицкий“, „Володарский“ и „Вересаев“. Шесть часов шли от Великой до Петрозаводска. Потом „Ладогу“ запустили, та четыре часа шла.

С 1959 по 1966 г. работала на почте. А с 1 июня 1966 года — в музее, сначала уборщицей, кладовщиком, а потом администратором. Деньги сотрудникам выдавала, хозяйством заведовала, кто приезжал — устраивала... Ездил за билетами в музей, кассу сдавала, отчеты делала — все в руках администратора было. Про мужа, Алексея Петровича (1930—1990)... Он с 14 лет в Сенной прицепщиком работал, потом 30 лет трактористом в колхозе, потом 13 лет в Стройучастке. В трудовой книжке у него — 43 года стажа... вырастили

Семья Егоровых в д. Речка

шестерых детей... На четвертого ребенка выдавали 4 рубля в месяц, на шестого — по 6, это только до семи лет. Сами работали, на труды и растили. Всех вырастили, выкормили, выучили. Коровка помогала. Сейчас уже восемь внуков, один правнук, живут — в Петрозаводске, Ладенпохье, Костомукше. Каждый год приезжают помогать, сено косить, картошку копать».

О красоте и памятниках деревянной архитектуры:

«Когда все время видишь, особого сильного впечатления нет. Больше жалости. Когда снегу много зимой, жалеешь, что портятся памятники. Все родное. Думаешь, сколько народу приезжает, как бедные дома выдерживают»⁴⁹.

Деревня Оятевщина (Леоновская и Вавуловская)

В середине XIX в. это была одна из самых больших деревень округи — 17 дворов.

История этого поселения начинается на острове Кижь, где в 1563 г. упомянуты две деревни. Одна из них, которая являлась центром боярщины Лаврентия Панфильева — «дер. на Кижском острове Большой Двор Левонтьевской»⁵⁰, а другая, входившая в волостку Александра Тимофеева, — «дер. на Кижском же острове»⁵¹.

⁴⁹ Сергеева И. Поэзия повседневности. Интервью // Кижь. 2004. № 6 (6). С. 3.

⁵⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 127.

⁵¹ Там же. С. 131.

Вид на д. Оятевщина. 1980-е гг. Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5473

Последняя при последующих описаниях вначале именуется как «дер. Вавуловская другая», а в конце XVII в. получает название «Вавуловская»⁵². Обе эти деревни с течением времени оказались на материковой части волости.

Это событие произошло, видимо, на рубеже XVIII и XIX в., поскольку на картах первого генерального межевания XVIII в.⁵³ та часть материка, где сейчас находится деревня Оятевщина еще без поселений, а обе деревни обозначены на острове Кижы. В первой половине XVII в. деревня Леоновская была небольшой — 2—4 дома, но к 1678 г. в деревне стояло уже 7 дворов. С этого момента размеры поселения неуклонно росли, достигнув максимума в 17 дворов в начале XX века, безусловно, за счет объединения с деревней Вавуловская:

1. Захаров Василий Захарович
2. Гудков Дмитрий Власьевич
3. Юхов Василий Федорович
4. Юхов Василий Алексеевич
5. Шубин Степан Лукич
6. Медведев Петр Ильич
7. Костин Андрей Архипович
8. Медведев Иван Иванович
9. Юхов Петр Федорович

⁵² Коновалов И. Указ. соч. С. 109.

⁵³ Планы генерального межевания Олонецкой губернии (конца XVIII века). Генеральный план Петрозаводского уезда. Часть 4. 1802 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.litera.ru/lmaps/data/karty/pic/g_olon/petrozavod_2v.jpg.

10. Юхов Иван Митрофанович
11. Костин Степан Андреевич
12. Лыжин Степан Антонович
13. Лыжин Илья с братьями
14. Лыжин Иван Антонович
15. Захарова Елена Захаровна
16. Беляев Николай Иванович
17. Шубин Дмитрий Прокопьевич⁵⁴

Переселившись на материк, крестьяне оставили за собой земельные наделы на острове Кижы. Больше всего земли на острове было у крестьянина Митрофана Юхова⁵⁵. В середине XIX в. он владел

*Дом Костина в д. Оятевщина, 1980-е годы.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5466*

и самым большим числом скота. В его хозяйстве было 5 лошадей, 12 коров и 6 овец, тогда как у большинства жителей деревень было по одной лошади и 3—4 коровы⁵⁶. Большинство домов деревни были полноценными домами с хозяйственными частями, но 5 домов

отмечены как не имеющие служб, то есть без сарая и хлевов⁵⁷. Возможно, хозяева этих домов, имея скот строили отдельно стоящие хлева, не объединенные с жилой частью дома.

В настоящий момент от старой застройки деревни сохранился только дом Костиных, семья которых переехала в деревню Оятевщина с острова Кижы из деревни Ольхино, и представляет собой часть рода Костиных. Надо сказать, что большинство семей деревни Оятевщина в разное время переехало в нее из соседних кижских

⁵⁴ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 45.

⁵⁵ Межевой план о. Кижы. 1882 г. Л. 52.

⁵⁶ Список о числе скота... 1877 г. Л. 110.

⁵⁷ Страховая опись... Л. 72.

деревень. Только семьи Юховых, Шубиных и Медведевых жили в поселении с 1678 г. Один из крестьян деревни Оятевщина Мосей Иванов за участие в Кижском восстании был сослан на поселение⁵⁸.

Деревня Вавуловская запустела к 1707 г., землями ее владели крестьяне деревни Оятевщина⁵⁹. Только в 1782 г. поселение возродилось за счет переезда из разных деревень кижской округи семи крестьянских семей⁶⁰. Когда это поселение оказалось на материковой части неизвестно, но в документах ревизии 1850 г. значится: [крестьяне] «Деревни Оятевской (которая составляет в натуре одно сплошное селение,

*Медведев Николай Андреевич (справа)
с сыном Андреем Николаевичем (слева)
и дальней родственницей. 1914 г.*

а по 7 ревизии раздроблена была на две писавшиеся Леоновскую и Вавуловскую)»⁶¹. Таким образом, на материке эти два поселения объединились, и в дальнейшем деревня Вавуловская уже больше не упоминается.

Ремесленные занятия крестьян деревни были очень разнообразны. Три столяра, башмачник и слесарь работали в Петербурге. Сапожник, который помимо этого занимался охотой и красильщик, владевший мелочной лавкой, остались в деревне,

⁵⁸ Ревизские сказки Кижской трети... 1782 г. Л. 40—46 об.

⁵⁹ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 60.

⁶⁰ Ревизские сказки Кижской трети... 1782 г. Л. 46—47 об.

⁶¹ Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 25 об.

Выпускники курсов старост деревень и их помощников в Санкт-Петербурге. Первый слева в третьем ряду Медведев Николай Андреевич. Ранее 1915 г.

а портной ушел на заработки в Вытегру⁶². Из описаний крестьянских хозяйств, предпринятых губернским статистическим комитетом в 1905 г., видно, что крестьяне деревни, так же, как и многие жители соседних поселений, занимались зимой извозом — перевозили грузы по льду замерзшего озера. Многие из них со своими возами достигали Белого моря, откуда везли рыбу, переправляя ее в Петербург⁶³.

Деревня Липовицы (Новая Заживка Липовицы)

Деревня была образована в 9 км от берега озера в середине XVIII в. выходцами из Кижской и Великогубской волостей⁶⁴. Крестьяне в это поселение пришли из деревни Есинская (Яндомозеро), Середка,

⁶² Кустарные промыслы и ремесленные заработки... С. 21, 60, 62, 65, 92, 94, 118.

⁶³ Бланки статистического учета числа усадеб, число построек, орудий земледелия, орудий промыслов, огородных посевов, численности и состава семей. 1916 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 2, д. 49/815, л. 10—11.

⁶⁴ Ревизские сказки Великогубской трети... 1782 г. Л. 53—54 об.

Южный Двор (Вёгорукса), Кондобережская. Деревня стояла «при колодцах» и из шести дворов. Постепенно, за счет дробления семей она достигла значительных размеров и стала одной из самых крупных деревень Кижской волости:

1. Кошелев Осип
2. Судьин Кузьма
3. Трухавый Алексей
4. Кошелев Андрей
5. Павлов Тимофей
6. Аксенов Иван
7. Максимов Петр
8. Макаров Иван
9. Злоказов Мирон
10. Кошелев Тит
11. Кошелев Егор⁶⁵

В первые годы своего существования поселение было административно поделено между Кижской и Великогубской волостями, а к середине XIX в. полностью отошло к Кижской волости.

Деревня была одной из самых богатых в округе. В 70-х гг. XIX в. из 11 домов поселения только один был «без служб», а остальные представляли собой большие дома-комплексы, у половины которых стояли амбары. Уже в это время в поселении было две водяные мельницы, принадлежавшие Федору Федоровичу Злоказову⁶⁶. В начале XX в. в деревне по-прежнему было две водяные мельницы:

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА⁶⁷

1. Местонахождение: Корежей (?) ручей
2. Название деревни: деревня Липовицы
3. Владелец: Макаров (Кошелев) Макар Титович и Злоказов Мирон Федоров
4. Сведения по истории мельницы: существует лет 50, производился капитальный ремонт
5. Мельница работает на заказчиков и на себя

⁶⁵ *Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 70.*

⁶⁶ *Страховая опись... Л. 71—72.*

⁶⁷ *Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 138.*

6. Обычная продолжительность рабочего дня: —
7. Работает в году: когда много воды
8. Толчея работает: —
9. Сколько засыпают в одно гнездо овса: 3 меры
10. За помол взимают плату: за 1 меру — 4 коп.
11. За толчение овса взимают плату: за 3 меры — 20 коп.
12. Сколько можно натолочь овса в одном гнезде за рабочий день (10—12 час.): 3 меры
13. Характер помола: простой, крестьянский
14. Работают сами

ВОДЯНАЯ МЕЛЬНИЦА⁶⁸

1. Местонахождение: Корежей (?) ручей
2. Название деревни: деревня Липовицы
3. Владелец: Аксенов Иван Михайлов
4. Сведения по истории мельницы: существует около 25 лет, производился капитальный ремонт в 1913 г. (Подводили новые бревна. Сделали все своими усилиями, из своего материала)
5. Мельница работает на заказчиков и на себя
6. Обычная продолжительность рабочего дня: 4 часа в сутки
7. Работает в году: около 130 дней
8. Круглые сутки: 60 дней
9. Толчея работает в году: смотря по количеству воды
10. Сколько засыпают в одно гнездо овса, жита: 3 меры
11. За помол взимают плату: за 1 пуд — 4 коп.
12. За толчение овса, жита взимают плату: за 3 меры — 20 коп.
13. Характер помола: простой, крестьянский
14. Переработано на заказчиков: 300—350 мер в год
15. Вблизи мельницы — жилое помещение, Н = 3,00, В = 3,00, А стан. = 1,20, сруб — еловые бревна, 4 в. Потолки еловые на 4 балки. Печь — каменка без дымового отхода

Деревенское стадо было обширно, так как у многих крестьян было по 3—4 лошади и от 3 до 9 коров⁶⁹.

⁶⁸ Там же. Л. 141.

⁶⁹ Список о числе скота... 1877 г. Л. 120.

Первоначально в деревне стояла часовня в честь Трех Святителей и Чудотворцев Соловецких⁷⁰, но в 1911 г. вместо нее на средства крестьян была построена Зосимо-Савватиевская церковь⁷¹. В начале XX в. в деревне располагалась церковно-приходская школа.

В документах пятой ревизии 1795 г. напротив имени одного из жителей деревни есть помета: «сошел в Херсон в 1785», то есть в 1785 г.⁷² Подобные записи довольно часто встречаются в подобных документах этого времени как Заонежья, так и Пудожья. Неоднократность такой записи дала основание предположить, что они каким-то образом связаны со знаковыми событиями в истории России XVIII в., с освоением территории будущей Новороссии.

Изучение начальной истории г. Херсона позволило выяснить причину появления подобных записей в ревизиях северных территорий России.

В ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 г. русская армия под командованием Петра Румянцева и Александра Суворова разгромила турецкие войска в битвах при Ларге, Кагуле и Козлуджи, а средиземноморская эскадра русского флота под командованием Алексея Орлова и Григория Спиридова нанесла поражение турецкому флоту в Хиосском сражении и при Чесме.

10 (21) июля 1774 г. Османская империя вынуждена была подписать с Россией Кючук-Кайнарджийский мирный договор. В результате победы Российской империи в ее состав вошли первые земли в Крыму — крепости Керчь и Еникале, на северном побережье Черного моря — Кинбурн с прилегающими территориями, а также Азов и Кабарда.

После победы в войне возникла необходимость в верфи на Черном море для строительства полноценного военного флота. Вице-адмирал А. Н. Сенявин предложил строить корпуса судов под прикрытием укрепления Александровского шанца, построенного в 1737 г. во время Русско-турецкой войны 1735—1739 гг. на правом берегу Днепра. 18 июня 1778 г. Екатериной II был подписан указ об основании крепости и верфи, и уже 19 октября 1778 г. были

⁷⁰ *Формулярные ведомости на церкви Олонецкой Духовной консистории 1848 г. // НА РК. ф. 25, оп. 20, д. 25/241, л. 2.*

⁷¹ *Олонецкая епархия. Страницы истории. Петрозаводск, 2001. С. 222.*

⁷² *Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 222 об. — 223 об.*

заложены крепость, верфь и город, получивший название Херсон в честь Херсонеса Таврического. Основателем города, а впоследствии его генерал-губернатором был фаворит императрицы Екатерины II, известный государственный и военный деятель Г. А. Потёмкин. На строительстве города и верфи не хватало квалифицированных мастеров. Новороссийский губернатор прибег к найму вольных рабочих, привлекая работников из внутренних губерний, обещая им земли и жалование⁷³. Г. А. Потёмкин неоднократно обращался к императрице с просьбой дать распоряжения о найме вольных плотников в северных губерниях России и в 1782 г. получил разрешение о поиске и найме мастеров в Петербургской, Олонецкой и Архангельской губерниях: «...Для тамошнего строения флота как Охтенских плотников, так и Олончан я приказала приискать и по партиям отправим, а сколько сыщется, тебе сообщу»⁷⁴. Всего было набрано около 1000 человек. Одним из них и был крестьянин деревни Липовицы Иван Иванов.

В начале XX в. в деревне были выявлены следующие ремесленники: три столяра, два сапожника и один мастер, который занимался разными изделиями из металлов. Они работали в столице. Лодочник, углежог, смолокур и три башмачника и один сапожник работали в деревне.

Деревня Ерснево (Гирцово)

Поселение известно с 1582 г.⁷⁵, называлось Гирцово и состояло всего из одного двора. Название Ерснево деревня получила только в начале XX в. Самых больших размеров она достигла к 1678 г., когда в поселении стояло шесть дворов⁷⁶.

До второй половины XX в. представляла собой типичную ма-лодворную заонежскую деревню в четыре двора:

1. Ёлупов Федор Степанович

⁷³ Шляпникова Е. Г. А. Потёмкин во главе строительства Черноморского флота // Морской сборник: журнал. 2019. Октябрь (№ 10). С. 83.

⁷⁴ Собственноручное письмо императрицы Екатерины II князю Г. Потёмкину об Очакове, Кинбурне и Херсоне. 30 сентября 1782 года // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 27. СПб., 1880. С. 217.

⁷⁵ История Карелии XVI—XVII вв. С. 151.

⁷⁶ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 333.

2. Тютев Григорий Федорович
3. Максимов Федор Петрович
4. Максимов Степан Михайлович⁷⁷

Деревня Ерсево. Кон. 1950-х гг.
Музей-заповедник «Кижы». КП-6169

Предки Ёлуповых появились в деревне в 1678 г. В списках первой ревизии поименован Еупл Дмитриев, крестьянин имя которого стало фамилией современных жителей деревни⁷⁸. Правда, в документах ревизий второй половины XIX века фигурирует фамилия «Рогачёв»⁷⁹, хотя никакой связи с крестьянами деревни Рогачёво в настоящий момент не обнаружено. В семье Ёлуповых основным занятием было плотницкое ремесло. Матфей Федорович Ёлупов занимался в начале XX в. постройкой домов, а его зять Степан Лукин Шубин из деревни Оятевщина занимался распиловкой леса⁸⁰. Его внук Борис Федорович Ёлупов в 50-х гг. XX в. был одним из ведущих реставраторов ансамбля Кижского погоста, бригадиром плотницкой бригады.

Род Максимовых ведет свое начало от Истомки Васильева сына Ольхина, который возродил деревню тогда Харчевскую (Ольхино) после разорения времен Смуты начала XVII века. В 1795 г. в деревню Ерсево (Гирцово) переселился один из представителей рода Ольхиных

⁷⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 42

⁷⁸ Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—1726 г. Л. 261—261 об.

⁷⁹ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1834 г. Л. 16 об. — 18; Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 24 об. — 26; Ревизские сказки Кижской волости... 1858 г. Л. 31 об. — 32.

⁸⁰ Бланки статистического учета... Л. 12.

*Дом Елупова в д. Ерснево. Автор Б. П. Бойцов. Лето 1979 г.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5474*

*Слева направо: Б. Ф. Елупов
и А. В. Ополовников*

со своим племянником Тимофеем Максимовым⁸¹. Позднее Максим Алексеев переехал к сыну. Имя этого человека и стало, по всей видимости, фамилией семьи.

Род Тютевых прослеживается с 1748 г.

С этой древней связана трогательная история любви. Один из крестьян, некто Никон Федоров за участие в Кижском восстании был отправлен в Сибирь. За ним

⁸¹ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 46 об. — 48.

на каторгу отправилась и его юная пятнадцатилетняя жена — «сошла за мужем»⁸².

В начале XX в. кроме плотника и пильщика, двое крестьян деревни столярничали в столице.

Из народных мемуаров:

МАКСИМОВ Владимир Николаевич, деревня Ерснево.

О школе

«...Вспоминая свое детство и школьные годы, особенно первых два класса учебы до войны, нет никакого сравнения с тем, как в настоящее время начинается пышно школьное обучение нынешних первоклашек.

В первый класс жарниковской начальной школы я пошел учиться в 1938 г., когда мне исполнилось семь лет и одиннадцать месяцев. Первого дня учебы ждал с нетерпением, готовился к нему.

Школа находилась далеко от дома, почти в двух километрах — таково расстояние от моей родной деревни Ерснево до деревни Жарниково. Здание школы было одноэтажное, деревянное, рубленое из толстых бревен. В качестве фундамента были использованы каменные валуны. У северо-восточного угла школы росла огромная пушистая ель. Вход в здание школы был с южной стороны через утепленный тамбур. Раздевалка для верхней одежды находилась в коридоре, там же был и небольшой стол, на котором стоял металлический бачок с краном и алюминиевая кружка. Бачок постоянно наполнялся кипяченой водой — эту работу исполняла тетя Маша, фамилии не помню. Она же была истопником и уборщицей в школе.

*Максимов Владимир Николаевич,
д. Ерснево.*

⁸² Ревизские сказки Кижской трети... 1782 г. Л. 21—34 об.

Федор Петрович Максимов (слева).
1914—1917 гг.

Музей-заповедник «Кижы». КП-5474

В здании школы было только два больших классных помещения с окнами, обращенными на восток, в сторону озера. С северной стороны школьного здания была однокомнатная квартира, в которой проживал директор, он же учитель. Туалет для школьников находился на улице, недалеко от школьного здания.

Никаких ограждений у школы не было. Деревенские дома находились от нее в 40—60 метрах. Поскольку жители деревни держали скот, их приусадебные участки были огорожены деревянными изгородями. Школа приусадебного участка не имела.

Обучение проводилось в одну смену, в одном классном

помещении размещались по два класса: первый и третий, второй и четвертый. Занятия начинались в 10 часов утра. Один учитель одновременно вел занятия двух классов. В начале урока давались задания старшим ученикам, а затем младшим. Для удобства работы помещение классной комнаты разделялось широким проходом между старшими и младшими учениками. Как правило, в классах было тихо и учитель свободно себя чувствовал при проведении уроков. Для учеников первого и второго классов парты были пониже, а для третьего и четвертого классов — повыше. Верхние открывающиеся на петлях крышки парт были окрашены в черный цвет.

Время урока длилось 45 минут, а перемены между уроками — 10 минут, за исключением большой перемены — 20 минут, в течение которой ученики ели принесенные из дома завернутые в салфетки бутерброды, запивая молоком из бутылочек.

Первой моей учительницей была уважаемая учениками Анна Петровна Киняйкина: средних лет, очень добрая и ласковая. Ее фамилию, имя и отчество я сохранил в памяти до сих пор, так как на этот счет было сочинено небольшое четверостишие в ее адрес. Учитывая, что в школу ходить было далеко, никаких дополнительных занятий не было.

Моими любимыми были уроки по предметам „чистописание“ и „рисование“.

На уроках я и мои сверстники пользовались карандашами и ручками с заменяемыми перьями. В тот период ходовыми перьями были: „Рондо“, „Ласточка“ и № 86. Я предпочитал пользоваться пером № 86, т. к. нажима для красивого чистописания букв можно было добиться только с помощью него.

Для устного счета в первом классе на уроках арифметики применялись грифельные доски и грифели. В тетрадях писали чернилами в основном фиолетового цвета. Чернильницы были стеклянные с „плечиками“. Чернильницы вставлялись в круглое отверстие в верхней доске парты. В старшем, четвертом классе, пользовались чернильницами из пластмассы без „плечиков“.

Классы по количеству были не более 12—15 учеников. Экипировка — одежда и обувь — была почти у всех учеников однообразная: домашнего, простого пошива, а вот обувь, в основном сапоги, как у девочек, так и у мальчиков, были пошива местных сапожников.

Девочки носили тогда только платья, юбки и кофточки — брюки для девочек были не в моде.

До войны 1941 г. жарниковскую школу посещали дети, проживающие в деревнях: Ерснево, Боярщина, Клиново, Мальково, Жарниково, Телятниково, Сычи и Кижского Погоста. Насколько я помню, было в Кижском сельском Совете еще четыре школы, которые размещались в деревнях: Пустой Берег, Волкостров, Кургеницы и Серёдка.

Итак, до войны я закончил только два класса в жарниковской начальной школе.

А в июне 1941 г., как известно, началась Великая Отечественная война. С 1 сентября учебный год начался не в деревне Жарниково, а в двухэтажном доме в деревне Серово, в доме Серых, который в настоящее время принадлежит музею „Кижы“. Но продолжать учебу долго

не пришлось, так как вскоре школа была закрыта, а в начале ноября 1941 г. все Заонежье было оккупировано финскими захватчиками.

В январе 1942 года все жители кижских деревень были вывезены финнами в Петрозаводск и заключены в концлагеря, которых в городе было шесть. В 1943 году в лагере № 3 была открыта школа. Я пошел в эту школу, где был единственный учитель. Он вел уроки арифметики, письма, закона Божьего, хорошо играл на баяне и учил нас нотной грамоте. Я занимался по программе третьего класса. Но через полгода школа была закрыта.

После освобождения Петрозаводска в 1944 г. наша семья вернулась домой — в деревню Ерснево. В открывшейся в это время в Кижях школе не было четвертого класса, и я уехал в село Космозеро, что находится в 32 км от деревни Ерснево. Там жила моя тетка — мамина сестра. Вот там я и продолжил учебу в четвертом классе: не обучаясь практически в третьем, программу четвертого класса осваивал хорошо наряду с другими учениками Космозерской неполносредней школы.

Дома, в деревне Ерснево, во время учебного года бывал только во время зимних каникул, причем ходил на лыжах 32 км туда и столько же обратно.

Космозерская школа была в лучшем состоянии, по-видимому, почти все имеющееся оборудование классов в период войны сохранилось, сохранились и настенные доски, окрашенные в черный цвет. На стенах — наглядная агитация времен войны и портреты вождей, оформленные в рамки, расписание уроков и т. д. Занятия по физкультуре проводились, как правило, на улице, т. к. зал для занятий был маленький.

В Космозерской школе учились дети из разных деревень в радиусе не менее 40—50 км: Узкие, Шильтега, Палтега, Комлево и др.

Четвертый класс я закончил без „троек“. В пятом и шестом классах учился в селе Сенная Губа, т. к. в Кижях ни в одной из школ не было пятого и шестого годов обучения.

Проживали все дети Кижского сельского совета и отдаленных деревень Сенногубского сельского совета в интернате. Питание было организовано в столовой при интернате. Скучный паек послевоенных лет дополнялся запасами, привезенными из дома. Из кижских деревень в сенногубскую школу добирались по открытой воде

на лодках — повзрослевшие парни уже имели силы и легко справлялись с веслами и порою приличными ветрами. Зимой основным транспортом были лыжи. Собираясь на лодках и лыжах в путь, ученики всегда группировались по деревьям. Иногда по окрепшему зимой льду учеников возили на санях, запряженных лошадьми.

Обучающихся в пятом и шестом классах сенокубской школы учеников было мало — всего 8 человек: Миша Назарьев, Валя Чивина, Коля Чивин, Витя Грешников, Валя Семенова, Клава Васильева, Галя Пугачева и я — Володя Максимов. Жаль, что большинство из них ушло в небытие. Редко, но до настоящего времени связь поддерживаю только с Виктором Грешниковым, который всю свою трудовую деятельность провел на Онежском тракторном заводе.

В пятом и шестом классах моими любимыми учителями были Ржановские: Василий Васильевич, Прасковья Васильевна и Елизавета Васильевна — все они были очень тактичными, любящими детей, и все ученики их уважали и любили. Директором школы был Василий Васильевич Ржановский.

Школа была рубленая из бревен, двухэтажная, стояла на самом берегу озера. В этот период — 1945—1946 гг. — грифельные доски уже не применялись.

К сожалению, в Сенной Губе в 1946 г. не было седьмого класса, и мне пришлось проходить этот год обучения в неполной средней школе в селе Великая Губа — в 20 км от дома. Класс наш был небольшой, всего 12 учеников. Жил я в интернате. Поскольку в школе был и восьмой класс, то нам было учиться легче, было больше наглядных пособий. Несмотря на разницу в возрасте с первого по восьмой классы, ученики были дружные и всегда помогали друг другу во всем.

Директором великогубской школы был Виктор Васильевич Ржановский — из той же семьи Ржановских, что жили и работали в сенокубской школе.

У меня сохранились фотографии учеников пятого-шестого классов сенокубской школы и седьмого класса великогубской школы — вместе с учителями. А вот многие детали из моей школьной жизни в памяти, к сожалению, не сохранились.

В 1947 г., окончив семь классов, я поступил в Петрозаводский архитектурно-строительный техникум. Закончил техникум в 1952 г.,

и был призван в ряды Советской Армии. Демобилизовался в 1954 г. в звании младшего лейтенанта. Ленинградский институт закончил в 1964 году по специальности „инженер-строитель“.

Так из сельской школы вышел специалист, который восстанавливал и строил город Петрозаводск, разрушенный во время войны» .

Эвакуация:

«... В летнее воскресное утро 22 июня 1941 г. жители кижских деревень, не имеющие в то время ни телефонной, ни радиосвязи, не могли знать, что за тысячи километров от Кижей уже рвались снаряды над мирно спящими городами и селами нашей страны. Там далеко уже шла война. Фашистские стервятники бомбили наши города. Слух о начале войны с Германией до меня, десятилетнего кижского парня из деревни Ерснево, дошел лишь к вечеру 22 июня от приехавших пассажиров на пароходе „Володарский“ из г. Петрозаводска. С этого дня спокойный семейный уклад жизни кижских деревень резко изменился.

Уже на третий день войны мой отец Максимов Николай Федорович и два его брата — Александр и Михаил — с другими мужчинами Кижского сельского совета были призваны по мобилизации на защиту Отечества. Наша семья перед войной была большая — пятнадцать человек. До войны все три брата были женаты и жили одной семьей. После мобилизации в доме остались только женщины и дети.

В конце сентября все чаще стали слышаться раскаты бомбежек со стороны г. Петрозаводска, а в вечерние и ночные часы видно было зарево горевшего города.

В один из дней ноября, около 11 часов утра, длинной лыжной колонной появились в нашей деревне финские солдаты со стороны Великой Губы. Вечером этого же дня все взрослое население наших деревень было собрано в деревне Боярщина, где и был объявлен приказ новой оккупационной администрации с ограничениями и запретами для местного населения. Чтобы лишить опорных пунктов наших партизан, приходивших через Онего с Пудожского берега, финны приняли решение на эвакуацию населения в г. Петрозаводск, где к этому времени уже были созданы концентрационные

лагеря. В один из дней января было объявлено, что жители в трехдневный срок должны быть готовы к эвакуации, взяв с собой самое необходимое, в том числе продукты питания на два-три дня.

И вот этот час настал. Под дулами автоматов и рыдания женщин на сани, запряженные лошадьми, укладывались дети и небогатые пожитки, а в дворовых постройках оставался домашний скот и урожай овощей с домашних участков. Обоз повозок из деревни двинулся в сторону Сенной Губы. По пути к нему присоединялись повозки из деревни Боярщина, Мальково и Жарниково. Так мы доехали до села Клименцы. Дальше до Петрозаводска финны везли нас на автомашинах.

Преодолев большое Онего, почти незаметно колонна машин въехала в город, погруженный во тьму. Покружив по ночным улицам, наша автомашина подъехала к воротам, опутанным колючей проволокой, словно паутиной, и мы оказались в концлагере № 3.

Свободного жилья к нашему приезду в концлагере № 3 уже не было, и во второй половине дня поступила команда вновь грузиться на автомашины. Нас перевезли в концлагерь № 1, который находился на старой Кукковке за железнодорожным мостом. Нашу семью из шести человек разместили в комнате около 12 метров».

Жизнь в концлагере:

«Трудно было нам привыкнуть к тем порядкам и условиям жизни, которые были установлены в концлагере финской администрацией. Но труднее всего было привыкать к тому, что все время хотелось есть. Мизерный паек муки (150 г.) или несколько сухих галет, пакетик сахара на одного члена семьи явно не мог обеспечить потребность в еде. Других продуктов питания в лагере не было. Поэтому, когда зимой 1942 г. узников концлагеря выпускали за территорию лагеря за дровами, нам, мальчишкам, приходилось попрошайничать у финских солдат, которые жили на казарменном положении недалеко от концлагеря, лазать по помойкам, подбирая картофельные очистки и отбросы съестного от их кухонного довольствия.

С нетерпением ждали теплого лета. На одном участке, у барака № 9, охранная зона близко подходила к густому кустарнику ольхи, по соседству с бывшим клубом „Строитель“. Кроме того, это место

не просматривалось с вышки. В этом месте нами была устроена замаскированная ветками лазейка под колючей проволокой для выхода в лесной массив. Там мы обнаружили две небольшие ламбушки, где водилось много мелкой рыбешки, в основном окуньков. Наловив рыбы в достаточном количестве, варили уху в консервных банках, разливая в изготовленные из бересты чумички.

Жизнь наша в этом концлагере продолжалась недолго. По неизвестной причине несколько семей, в том числе и наша, были перевезены в концлагерь № 3 и размещены в доме барачного типа под № 14. В основном в нем были сосредоточены жители Ленинградской области из Лодейного поля, Вознесенья, Остречин и других сел. В этом лагере мы находились до дня освобождения г. Петрозаводска.

Жизнь в концлагере и сейчас вспоминается как кошмарный сон. Голод, холод, унижения, бесконечные слезы и рыдания по умершим родственникам, которых ежедневно десятками увозили на кладбище в Пески для захоронения. В нашей семье умерла младшая сестричка, которой было полтора года. В таком же возрасте умер и мой двоюродный братик. В основном умирали дети и старики, которым не было соответствующего питания. В память о погибших ежегодно в апреле зажигаются свечи у скромного мемориального памятника в Песках.

Мама, как и многие женщины лагеря, привлекалась к тяжелому труду по заготовке дров на бирже, расположенной на берегу Онежского озера. Ежедневно ранним утром построенные в колонну, полугодовалые женщины уходили из концлагеря под конвоем финских солдат к месту работы. Рабочий день продолжался по 9—10 часов, а иногда и больше. Нас, малолеток, успокаивало то, что мама получит дополнительный хлебный паек.

Одной из забот лагерной жизни была борьба со вшами. Для этой цели из-за отсутствия мыла приходилось готовить щелочь из золы. С помощью нее отстирывать белье, а иногда и пользоваться ею в бане.

Стоит вспомнить о мытье в бане. Небольшая рубленая из бревен банька находилась в 30—40 метрах во дворе нашего барака № 14. По строго установленному графику происходила помывка проживающих в бараках. В указанные дни и часы мы отправлялись в баню. Мужчины и женщины мылись вместе. Количество потребляемой

воды ограничивалось, так как ее привозили в бочках на лошадях. За время мытья нижнее белье прожаривалось в камере в условиях высокой температуры».

Снова долгожданная свобода:

«Самыми впечатляющими моментами тех далеких дней были два последних дня пребывания в концлагере. 27 и 28 июня 1944 г. финская армия отступала, и ее солдаты сплошным потоком на велосипедах и мотоциклах катили со сто-

Семья Максимовых после возвращения в Кижы. 1948 г.

роны старой Куковки по ул. „Правды“ через центр города, взрывая и поджигая наиболее важные объекты, в т. ч. и мосты через реку Лососинку. Была подожжена и сгорела пристань, которая была построена финнами напротив концлагеря, там, где сейчас размещается грузовой порт и РЭБ.

День 28 июня был для узников концлагеря днем освобождения, днем радости и ликования. Когда катера Онежской флотилии показали со стороны Ивановских островов, мы с другом были одними из первых встречающих в конце причала, куда перебрались с берега на дырявой лодчонке, так как средняя часть пристани горела, подожженная финнами еще накануне вечером.

Вечером на площади Ленина (памятника не было, на постаменте финнами была установлена пушка) состоялся митинг в честь освобождения города.

Таков был итог освобождения г. Петрозаводска и сброс колючей проволоки с двухметровых столбов ограждения концлагеря. В один из этих дней мы впервые получили весточку от отца, который после тяжелого ранения и госпиталя находился в восстановительной воинской части в Подмосковье.

Мы повзрослевшие дети — я, брат и две сестренки — были опорой в семье для мамы. Жизнь на родной земле быстро налаживалась. Снова стал работать Кижский сельский совет, возродился наш колхоз „Новое поле“, открылись жарниковская школа и магазин.

С нетерпением ждали Дня Победы. И вот 9 мая 1945 г. ранним солнечным утром услышали известие о долгожданной победе. Это была великая радость, радость со слезами на глазах .

Когда вспоминаешь события давно минувших дней, перед глазами встают, как верстовые столбы, эпизоды тяжелых военных и послевоенных лет Великой Отечественной войны.

Это самые первые дни войны, когда мой отец Максимов Николай Федорович и два его брата — Александр и Михаил, а также мужчины соседних деревень Кижского сельского Совета по мобилизации уходили на защиту Отечества от фашистских захватчиков, вероломно напавших на нашу страну. Это и те дни, которые невозможно забыть, когда наши родные Кижы были оккупированы финскими войсками, а мы в один из январских дней 1942 г. под дулами автоматов были вывезены финскими оккупантами в концлагерь в Петрозаводск.

Наша большая семья — мама, бабушка и пятеро малолетних детей от одного до 11 лет, а также близкие родственники — тетушки с детьми и соседи оказались в концлагере № 1, а затем в лагере № 3.

Это были годы тяжелой унижительной жизни и потери близких людей от голода. В лагере в полуторагодовалом возрасте умерли моя сестра Валя и двоюродный братик Анатолий.

А вот солнечный день 29 июня 1944 г. стал незабываемым днем нашего освобождения из концлагеря моряками Онежской военной флотилии, когда была сброшена колючая проволока, ограждавшая лагерь в несколько рядов. Так сбылась наша многодневная лагерная мечта о возвращении на малую родину — в Заонежье.

Особо памятным остается день конца июля, когда наша семья вместе с другими семьями из окрестных кижских деревень

подъезжала на пароходе „Володарский“ к причалу со словом „Кижь“, написанным крупными черными буквами на деревянной доске, прибитой на стену амбара, который до войны служил на причале складом.

Единственными встречающими пароход у причала были вездесущие чайки и Никита Григорьевич Маньшин с женой Евдокией Ильиничной, родной сестрой моей бабушки, которые все годы оккупации были негласными хранителями шедевра деревянного зодчества — главного Спасо-Преображенского собора Кижского архитектурного ансамбля. Никита Григорьевич помог нам добраться через озеро до родной деревни Ерснево, расположенной на Заонежском полуострове прямо напротив острова Кижь, на своей лодке-кижанке.

Путь в 30 метров от берега до крыльца дома пришлось преодолевать с трудом через заросли густой высокой травы с крапивой и колючками лопуха. Радость, что мы оказались в родных стенах, была неопишуемая, а те трудности, которые пришлось преодолевать в первое время, были несравнимы с тем, что осталось позади.

Мы, повзрослевшие дети, помогали маме наводить порядок в доме, обкосить траву на участке вокруг дома и по всем другим житейским делам. И как бы ни было трудно, жизнь мало-помалу налаживалась. Упорядочилось снабжение хлебом и другими продуктами питания, которые выдавались по карточкам. Но этого скромного пайка было явно недостаточно.

Основным подспорьем к питанию в этот период была рыба. Поэтому наш с братом рабочий день начинался с того, что, смастерив плот из бревен и досок, отплывали от берега на 20—25 метров и ловили удочками окуней, которых за прошедшие годы у берега скопилось предостаточно. Кроме того, добавкой к питанию было мясо тетеревов и рябчиков, которых при безлюдье и тишине в эти годы на островах развелось довольно много. Ловили мы их в летнее время руками в густой траве.

Наряду с изысканием дополнительных источников питания нам с братом приходилось много трудиться на заготовке дров и на разработке земельного участка под огород для весенней посадки картофеля и других овощей. Это давалось нам с большим трудом, так как

*Слева направо: Максимов Николай Федорович и Ёлунов Борис Федорович.
Июль 1970 г.*

участки были покрыты густой травой, а земля насыщена ее корневой системой. Основными инструментами у нас были только кирка, мотыга и лопата.

Нелегко был труд и наших матерей в этот восстановительный период в колхозах, разрушенных войной. Не хватало рабочей силы, лошадей и техники, чтобы разрабатывать под посевы запущенные земли.

Первое послевоенное поле для посева озимой ржи было разработано к осени 1944 года на Кижском острове в низине юго-западнее кладбища „Круглое поле“. Этот участок, защищенный от северных ветров, до войны использовался для посева пшеницы и ячменя. И как приятно было видеть, когда в августе 1945 г. на этом поле уже колосилась рожь и стояли снопы в бабках. Это был первый колхозный послевоенный хлеб колхоза „Новое поле“, взращенный руками наших мам и бабушек.

В последующие годы участки под посевы расширялись, так как появился первый трактор ЧТЗ, который обслуживал сразу несколько соседних колхозов — „Северную искру“, „Имени В. Куйбышева“ и другие. Заправляла всем этим созданная машинно-тракторная станция (МТС). Неизменным трактористом на долгие послевоенные годы был Алексей Петрович Егоров — коренной житель деревни Речка.

Несмотря на многие сложности послевоенной жизни, и особенно в питании, наша семья почувствовала улучшение с приобретением в конце концов коровы. Молоко стало для нас незаменимым продуктом, хотя часть его должны были сдавать как налог на содержание скота. Приемный пункт этих „госпоставок“ в то время находился на острове Кижы (деревня Наволок), и я в летнее время отвозил его туда

на лодке. Мне интересно было посмотреть, как после прохождения молока через сепаратор получалось масло.

Вспоминая послевоенные школьные годы, следует отметить, что, на мой взгляд, становление учебного процесса шло несколько лучше, чем все хозяйственное возрождение. Однако и тут были свои отрицательные стороны. Особенно для нас — кижских детей. Если в первый год нашего возвращения была открыта жарниковская начальная школа, то самая ближайшая средняя школа была только на Большом Клименецком острове, в Сенной Губе, за 8 км от дома, да еще по воде.

Единственным транспортом, чтобы добраться до школы и обратно в весенний и осенний периоды была лодка-кижанка. А зимой — лыжи. Вспоминая о школьных днях, невольно возвращаешься к войне, которая стала причиной невозможности учиться рядом с домом, а именно в жарниковской школе.

В мае 1946 г. был демобилизован из рядов Советской Армии отец, который на фронте был ранен и контужен, а в последний год служил в одной из подмосковных частей. Он был награжден орденом Отечественной войны и медалями. А два его брата погибли на полях сражений, защищая родную землю.

С возвращением отца, хотя здоровье его было подорвано, жизнь наша значительно улучшилась, так как с июня 1946 года он вышел на работу и стал бессменным председателем Кижского сельского совета, а затем после объединения с Сенногубским сельским советом — его председателем.

На этой должности отец проработал 18 лет до выхода на заслуженный отдых. Но как бывший воин, после выхода на пенсию, не мог сидеть без дела и возглавил пожарную службу по охране музея „Кижь“.

Закончил же свою трудовую деятельность в возрасте 73 лет, работая последние годы матросом по приему теплоходов на кижском причале.

Единственными культурными мероприятиями для молодежи кижских деревень в эти годы были танцы и „немое“ кино по воскресным дням.

Поскольку специального помещения для этих целей не было, то первое время танцы для молодежи устраивались в нашей

деревне в доме Б. Ф. Ёлупова. Мне запомнились его слова: „Матушка, убирай половики, мы с Володей (автор этих строк) будем учиться танцевать!“

С открытием несколько позднее клуба и библиотеки в деревне Боярщина в доме Семёнова танцы и кино устраивались там. Мы, еще малолетние пацаны, чтобы посмотреть кино бесплатно, помогали кинемеханику крутить вручную динамик, тем самым получать электроэнергию для просмотра кинолент. На эти мероприятия собиралась почти вся молодежь кижской округи.

Особенно мне запомнилось, как летом на лодках с песнями приезжали ребята из деревень всей кижской округи — Волкостров, Маньшино, Кургеницы, Ямка, Серёдка, Корба и других. Их песни и поскрипывание уключин в тихую погоду летних белых ночей были далеко слышны среди множества островов.

Так в первые послевоенные годы шло становление мое и моих сверстников, на глазах которых менялась жизнь к лучшему благодаря усилиям наших бабушек, мам и отцов.

В это время росла и наша семья. В начале 1946 г. она состояла из шести человек, в том числе детей — четыре человека, а к маю 1969 г. генеалогическое древо от родительских корней увеличилось до 23 человек.

Однако приходится с сожалением отметить, что в 60—70 гг. по разным причинам, в том числе и из-за развала колхозов, из родных кижских деревень в города начался резкий отток населения, в основном молодежи.

Не стала исключением и наша семья. Отпочковавшиеся от нее семейки, словно пузырьки от кипящей воды, разлетелись в разные годы в разные стороны.

Только за четыре военных года и в первые послевоенные исчезли частично или полностью деревни Пустой Берег, Подъельники, Босарево, Бачурино, Бишево, Княжево, Липовцы, Клиново, Потаневщина, поселки Олений остров, Пески, Узкие Скалы, многие из жителей которых не вернулись после эвакуации и лагерей в свои дома. Так война прошла своим катком по кижским деревням.

И теперь в кижских деревнях насчитываются единицы коренных жителей. И не будь там музея-заповедника „Кижь“, этот мой

опустевший, но благодатный уголок Заонежья остался бы только местом затишья и воспоминанием выходцев из этого края».

Народная топонимика:

«Остров Кижы — или, как его издревле называли и называют коренные кижане, был и остается островом Кижский. Но мне, как человеку, родившемуся в Кижках, а точнее в деревне Ерснево, и многие годы связанному с родным уголком, хотелось бы вспомнить о некоторых названиях островов, бытовавших среди местного населения, и характерных местах, расположенных на них, но в настоящее время забытых.

Сомневаюсь, что молодое поколение, имеющее кижские корни, знает о том, что нынешний причал для теплоходов на Кижском острове расположен на месте, которое раньше называлось „Толстый нос“, а севернее его в сторону деревни Васильево — заводь, углубленная в сторону острова, носит название „Кульпега“.

В северной части острова находится заводь, называемая „Можгуба“, где раньше жители всей кижской округи добывали мох, который после просушки служил лучшим прокладочным материалом между бревнами при строительстве домов и хозпостроек.

Гряда островов и маленьких островков, растянувшихся от острова Поповский (Попов) и пролива, называемого „Боярщинский“ (Мальковский), в северную сторону, имела свои названия, о которых сейчас не вспоминают. Так, южная часть острова Мальковец в отдельные годы при высоком подъеме воды отделялась мелкой протокой и называлась островком Филёвец. Не исключено, что в историческом прошлом этот островок принадлежал одним из жителей деревни Мальково по фамилии Филины или Филиновы, которые были характерны для Кижской округи.

На западном берегу острова Мальковец находится небольшая загубка, название которой „Мочало“. Возникло оно, потому что в этом месте местные жители в июне-июле ежегодно отмачивали связки драной липовой коры для получения лыка, из которого затем крутили веревки для рыбацких снастей и других нужд, а осенью после уборки льна в этом же месте отмачивались снопы льна, из которого затем готовилась пряжа для ткачества полотна, из которого шилась всевозможная одежда.

Северная часть острова Мальковец, отделяющаяся тоже в отдельные годы протокой, носит название „Поскач“. Объяснить такое название трудно. В 70—80 метрах через небольшую протоку от острова Мальковец в восточную сторону находится островок, называемый „Пропаший“, так как на нем располагался могильник для скота, принадлежащего местным жителям и погибшего по тем или другим неизвестным причинам.

Через небольшой пролив от острова Поскач находится островок, носящий название „Рыжий островок“. Не исключено, что он в далеком прошлом принадлежал человеку из деревни Ерснево, носившему рыжую бороду. А такой, по воспоминаниям моей бабушки, в деревне жил, и звали его — Степан Лукич.

Заканчивается эта гряда островом Лингостров, происхождение названия которого необъяснимо.

До Великой Отечественной войны, несмотря на многочисленные каменные гряды (заборы), земля на этих островах была разработана и использовалась под посевы зерновых (рожь, овес, ячмень и горох). С созданием колхозов земля эта принадлежала колхозам „Северная искра“ и „Новое поле“.

Между грядой перечисленных островов и островом Кижский к западу от судового хода находится несколько подводных каменных луд, каждая из которых тоже имеет свое название — Пропашая, Сухая, Крестовая, Васильевская.

Наибольшую опасность для движения судов представляет луда Васильевская, так как довольно мелкая (от 1,5 до 2 метров).

Небольшой островок, находящийся между деревнями Ерснево и Оятевщина, в 140—150 м от материкового берега, носит название „Медведец“.

На карте-схеме лоции Кижских шхер (масштаб 1:200) названия он не имеет. Однако есть у местных жителей две версии названия этого островка. Одна из них та, что в деревне Оятевщина раньше проживали несколько семей, которые имели фамилию Медведевы, одной из которых и принадлежал этот островок, на котором была разделана поляна для посева. Другая версия та, что с западной стороны островка на берегу находится огромный камень, напоминающий по очертаниям медведя.

Для двух островков — Сиг и Еловец, находящихся у береговой полосы деревни Оятевщина, установить какую-либо версию происхождения их названий не удалось. Но вот название крохотного островка, находящегося в 120—150 м к западу от судового хода, у местных жителей — „Малый островок“, но не „Моль островок“, как указано на карте-схеме Кижских шхер.

Хотелось бы вспомнить об одном островке, находящемся против деревни Подъельник (или Подъельники), к востоку от судового хода в группе Катецких островов — это островок Павелково.

В центре островка росла огромная ель, и издали этот островок напоминал корабль.

По воспоминаниям моей бабушки Александры Ильиничны, родственники которой жили в деревне Подъельник, эта ель была посажена жителем этой деревни — Павлом.

Несколько лет тому назад кому-то по непонятной причине потребовалось лишить жизни эту ель-долгожительницу. Мне очень жаль этот рыбацкий ориентир, украшающий Кижские шхеры.

Хотелось бы, чтобы местные жители кижских деревень откликнулись на данную публикацию и дополнили названиями характерные места и островки, располагающиеся поблизости их деревень».

Деревня Боярщина (Козаревщина)

Известна с 1582 г., так как в писцовой книге 1563 г. описание деревни не сохранилось⁸³. В 1582 г. деревне было три двора. В одном жил Михей Иванов, который стал родоначальником крестьян Шелёвых и Елисеевых, а во втором Сенка Иванов — родоначальник семей Тестенниковых, Крысиных и Сидоровых. В 1631 г. в деревне поставил двор Микитка Мокрушин от которого произошли семьи Волковых, Стафеевых, Тихоновых⁸⁴. Предки семьи Никоновых и Никитиных появились в деревенских списках в 1678 г.⁸⁵, а Семёновых только в 1720 г.⁸⁶

⁸³ *История Карелии XVI—XVII вв. ... С. 151.*

⁸⁴ *Писцовая книга Заонежских погостов... 1628—1631 гг. Л. 391—391 об.*

⁸⁵ *Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 332—332 об.*

⁸⁶ *Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—1726 гг. Л. 262—263 об.*

В начале XX века в деревне было 20 домов:

1. Тихонов Василий Абрамович
2. Стафеев Федор Моисеевич
3. Стафеевы Григорий Моисеевич, Александр Моисеевич
4. Стафеев Степан Стафеевич
5. Волков Василий Яковлевич
6. Елисеева Ирина Васильевна
7. Шевелёв Иван Нестерович
8. Шевелёв Данило Германович
9. Тестенников Иван Андреевич
10. Сидоров Яков Васильевич
11. Никонов Дмитрий Иванович
12. Семёнов Иван Андреевич
13. Семёнов Афонасий Михайлович
14. Семёнова Ефимия Ивановна

Улица в д. Боярщина. 1979 г. Автор Б. П. Бойцов.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5488

15. Семёнов Семён Андреевич
16. Тестенников Григорий Тимофеевич
17. Крысин Ефим Васильевич
18. Егорова Евдокия Андреевна
19. Никитин Григорий Яковлевич
20. Никитин Александр Иванович⁸⁷

⁸⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 41.

Недалеко от деревни, в урочище Березовая Сельга в 1905 г. Стафеев Федор Моисеевич, который отделился от семьи, поставил дом, построил водяную мельницу и ригу. Мельница и рига сейчас входят в состав экспозиции музея «Кижь».

У Стафея Васильева было четыре сына — Тимофей, Михайла, Моисей, Степан⁸⁸.

Двое последних остались в деревне⁸⁹, а старшие связали свою жизнь с Петербургом. В 1867 году Тимофей Стафеев работал столяром в столице⁹⁰.

В 1879 г. его брат Михаил «крестьянин... Кижской волости деревни Боярщины, православного вероисповедания в купечестве (2-й гильдии — С. В.) состоит с 1878 г... Жительствует в Московской части в собственном доме по Подольской улице. Содержит столярную фабрику. Торгует заграничными деревьями. Имеет каменный дом»⁹¹.

В адресных книгах столицы за 1898—1900 гг. есть сведения, что в эти годы Михаил Стафеев жил по адресу ул. Новая, д. 3 в собственном доме и содержал в нем и в доме по адресу ул. Тимофеевская, д. 17 столярно-мебельные и паркетные мастерские⁹².

**Дом Семенова (Тихоновых) в д. Боярщина.
1979 г. Автор Б. П. Бойцов.
Музей-заповедник «Кижь». НВФ-5479**

⁸⁸ Ревизские сказки Кижской волости... 1858 г. Л. 22.

⁸⁹ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 41.

⁹⁰ Рынкевич И. И. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтой: в 5 отд-ниях.; предисл. Г. Гоппе и Г. Корнфельда. Санкт-Петербург: Гоппе и Корнфельд, 1867—1868. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ivaldi.nlr.ru/bx000050217/view/?#page=543>.

⁹¹ Справочная книга о лицах, получивших в течение 1878 года и января месяца 1879 года купеческие свидетельства и билеты по 1 и 2 гильдиям на право торговли и промысла в 1879 году. С.-Петербург, 1879. С. 645.

⁹² Адресная книга города С.-Петербурга на 1898 г. Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1897. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ivaldi.nlr.ru/bx000050212/view/?#page=2278>; Адресная книга города С.-Петербурга на 1900 г. Сост. при содействии Гор. обществ. упр. под ред. П. О. Яблонского. СПб.: Лештуковская паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1899. С. 890. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ivaldi.nlr.ru/bx000020036/view/?#page=512>. <https://ivaldi.nlr.ru/bx000020036/view/?#page=1123>, <https://ivaldi.nlr.ru/bx000011479/view/?#page=1418>, <https://ivaldi.nlr.ru/bx000020036/view/?#page=2214>,

Дом Никитина в д. Боярщина. 1979 г.

Автор Б. П. Бойцов.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5482

Дом Семенова в д. Боярщина. 1991 г.

Автор С. В. Куликов.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-13628/2

Сын Стафея Васильева от второго брака Иван продолжил дело отца и вплоть до 1910 г. держал столярную мастерскую на Забайкальском проспекте. Сын Михаила Стафеевича Александр до 1917 г. занимался перепечаткой на пишущей машинке⁹³. В дальнейшем следы этой семьи в столице теряются.

Не только мужчины, но и женщины в начале XX в. занимались коммерцией. Согласно книге торговых и промышленных предприятий по Петрозаводскому уезду от 1903 г. крестьянка деревни Боярщина Семёнова Наталья Ивановна держала в это время хлебо-овощную и мелочную торговлю⁹⁴.

Ремесленные специальности, которыми владели крестьяне, были весьма разнообразны. Как и во всех деревнях волости на первом месте стояли столяры, большая часть которых работала в городах: 5 человек в Петербурге, один в Олонце и еще 7 крестьян трудились в Шлисельбурге. Паркетчик и токарь нашли применение своим умениям в столице. В деревне традиционно занимались смолокурением

⁹³ *Весь Петербург на 1913 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* СПб.: издание А. С. Суворина, 1913. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020513/view/?#page=1375>.

⁹⁴ *Книга торговых и промышленных предприятий по Петрозаводскому уезду. 1903 г.* // НА РК. Ф. 21, оп. 1, д. 105, л. 3.

(1 человек), плотничали (1 человек), изготавливали щетки (2 человека). Двое портных работали в деревне, один ушел на заработки в Петербург⁹⁵.

Домашние хозяйства крестьян были достаточно обеспечены скотом — 2—3 лошади, 4—5 коров. По этому показателю выделялась семья Андрея Тестеникова, которая имела 5 лошадей, 6 коров и 10 овец. Многие крестьяне занимались извозом⁹⁶.

В Боярщине родился и жил один из известнейших сказителей Кижской волости Василий Петрович Щеголёнок (1817—1894). Исследователи фольклора

*В. Д. Поленов. Портрет
В. П. Щеголенка. 1879 г.
Частная коллекция*

относили его к исполнителям-импровизаторам⁹⁷. Пожалуй, именно этот сказитель был больше всего известен петербургской интеллигенции, о нем имеются многочисленные воспоминания, заметки разных людей, среди которых были В. В. Стасов, Е. В. Барсов, В. А. Гиляровский и другие. Напевы былин исполнителя на квартире у В. В. Стасова записывали М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Н. А. Римский-Корсаков, А. П. Бородин, Ц. И. Кюи. Он был знаком с Л. Н. Толстым, гостил у него в Ясной поляне. Впечатления от общения с этим крестьянином легли в основу нескольких рассказов писателя («Чем люди живы», «Два странника», «Три старца»). И. Е. Репин в 1879 г. выполнил два портрета сказителя — графический и живописный. Впоследствии от отца восприняли традицию былинного сказительства дочери Василия Петровича — Ксения Васильевна Разбивная (деревня Мальково) и Ирина Васильевна Елисеева (деревня Боярщина), с которыми встречались

⁹⁵ *Бланки статистического учета... Л. 13; Кустарные промыслы... С. 21, 25, 26, 35, 65, 94, 167.*

⁹⁶ *Бланки статистического учета... Л. 1.*

⁹⁷ *Астахова А. М. Былины: Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966. С. 247.*

собиратели в начале XX века⁹⁸. Анна Андреевна Судьина (Шевелёва), праправнучка сказителя, до своей смерти в 1999 году жила в г. Петро-заводске. Сейчас в деревне Боярщина живет ее племянница.

Из народных мемуаров

О Щеголёнке (воспоминания старейшего (84 года) плотника-реставратора Егора Григорьевича Тестенникова, жителя деревни Боярщина, записанные во время экспедиции в 1967 г. Б. А. и В. А. Гущиными).

«Щеголёнкова я помню сызмала. Ездил к царям, старины рассказывал, приезжали к нему отовсюду, с разных мест первобытную старину слушать... Я как молодой был, так слушать его нужным не находил, но помню его. Был он большого роста, здоровый старик: дровни в два полоза с шестью копылами мог из лесу на себе принести. Кушак домотканый держал, подпоясывал длинный балахон, что поверх шубы одевали, чтобы не рвать ее. На лицо хороший был: у него борода была, как у лошадей космы. Он ее под рубашку завертывал: раньше бороду не стригли, в полметра ширины носили бороду. Брить считали грех, так космы у некоторых страшные были. Сейчас сказали бы, как козел какой... Семья у Щеголёнкова маленькая все время была — в полдесятка человек. Жена Марина жила дольше его. Еще две дочки было да племянник. Очень маленький был его дом. Стоял очень долго, крыши-то и не видно было: провалилась, да дощечками залатана, а снизу была берестой выстлана. Домишко с шестью окошками и все — волоковые. Как что не так — сейчас доской задвинет. Одна рама только была, где стоял стол. Дощечки, потолок и стенки в доме нетесаные были, печка — черная. Щеголёнков лошадь держал, две коровы, землелашец был. Десять лет сапожничал — досюльные сапоги, шитые для зимы и для лета, выворотные без гвоздей делал. Подошву пришивал не шпильками, а двумя швами — в столицу возили напоказ. Сапоги берестяные плел с голенищами до колен и лапти (верзни). Люди не видали — так смеялись над берестяными сапогами. У Щеголёнка лодка была шита не гвоздями, а вичками — корешками березовыми и вересковыми — без единого гвоздя. Щеголёнков водки никак не пил. Прежнее время березовый сок, да осиновый

⁹⁸ Соколов Ю. М., Чичеров В. И. *Онежские былины. М., 1948. С. 529—531.*

настаивали, так хмелит малость. Щеголёнков ворожить знал. Долго, очень долго он жил»⁹⁹.

РАЧУГИНА Алевтина Ивановна родилась в 1937 г. в селе Шуныга. С 1946 г. живет в Петрозаводске, где училась и работала. Окончила медицинское училище по специальности «фармацевт». Работала фармацевтом в аптеках города, на аптечном складе и в аптекоуправлении. Рабочий стаж 45 лет.

Жизнь продолжается:

«Я из Заонежья. Мне в этом году исполнилось 85 лет. Моя малая Родина — Шуныга, но в Шуныге я не жила и не помню ее до войны.

Началась война, и с Медгоры нас эвакуировали в Курганскую область на долгие три года. После освобождения Карелии от фашистов в 1944 г., мы вернулись в Сегежу. За нами приехал папа. А в 1946 г. переехали в Петрозаводск.

О заонежском детстве опубликованы мои воспоминания во втором томе книги „Сродники“. А теперь я хочу рассказать, как мы обосновались в Кижях.

Мой папа в 1967 г. в деревне Боярщина купил пустующий дом, в котором раньше размещался магазин. Он был рыболовом-любителем, поэтому с удовольствием ездил в эти места к своему другу-сослуживцу. Ему очень понравились красивая природа, озеро и рыбалка.

Я и два моих брата поддержали его и, как могли, помогали. Начали обживать и ремонтировать домишко, возделывать огород. Время было трудное. Не было электричества и связи. Кстати, в те годы в Боярщине работала почта. Письма развозили по деревням на лодке. А каждую пятницу мы, нагруженные сумками с продуктами, ехали в деревню на выходные. Тогда до Великой Губы „Комета“ ходила три раза в день в течение всей недели.

Чтобы жить на берегу озера, прежде всего, нужна лодка. И для рыбалки, и для переезда на причал острова Кижы. В 1970 г. я с братом

⁹⁹ «В деревне Щеголёнкова почитали...» // Кижы. 5 (89). 2012. С. 5.

Рачугина Алевтина Ивановна. Деревня Боярщина. Август 2022 года

Леонидом перегоняла лодку-платформонку своим ходом через Большое Онего. До сих пор помню это путешествие. Мы не имели никаких спасательных средств. Только бинокль и пятисильный мотор „Прибой“. Но нам повезло, что были белые ночи и спокойное озеро.

Шли годы. Участок благоустраивался. Посадили сирень, калину, смородину, крыжовник, малину и клубнику. Из подручных средств собрали баню летнего типа, которая прослужила 20 лет. Тогда не было возможности купить и доставить хорошего материала. А сейчас другое время. Все привезут. Только плати!

С 2012 г. жизнь в деревне круто изменилась. Нам провели электричество. Сразу появились холодильники и другая бытовая техника. А главное — темными осенними вечерами можно теперь заниматься домашними делами: смотреть телевизор, читать книгу или журнал.

Моих родителей уже давно нет на этой земле. Но я с благодарностью вспоминаю их — великих тружеников, которые с большой любовью заботились о нас. Но и мы, их дети и внуки, не бросаем родительский дом в Боярщине. Вот и я давно на пенсии, но каждое

лето провожу в деревне. Люблю свой маленький огород и цветы, рыбалку и баньку с веником, а также чай из самовара. Еще не так давно приходилось греть самовар по несколько раз в день, когда не было ни электричества, ни газа. Но и теперь он не убран куда-то далеко, а продолжает стоять в доме на своем почетном месте.

Я принимаю активное участие в праздниках и других мероприятиях на острове Кижы. Так, в 2007 г. со своей подругой Татьяной Болуевой участвовала в Кижской регате. Среди ветеранов мы были первыми и получили хороший приз — телевизор. А теперь мой племянник Юрий с сыном Артёмом приняли от нас эстафету и уже второй год участвуют в гонках, занимая призовые места.

В Боярщине живут добрые и отзывчивые люди, готовые помочь в любом деле. Это Коршуновы Нина и Володя, Терешко Михаил и Елена, Скобелевы Олег и Елена. Я благодарна соседям за доброе отношение, внимание и помощь. Ведь я — самая старшая в деревне. Короче говоря, живу и радуюсь каждому прожитому дню».

Несколько деревень, расположенных по берегу материковой части южнее деревни Боярщина, имеют общую особенность — первоначально они находились на небольших островах напротив материка, в том числе и на острове Кижы. Время их переезда на мандеру определить пока не представляется возможным.

Деревня Клиново (Виж остров)

С первого упоминания в 1616 г.¹⁰⁰ до 1678 г. деревня лежала в пуге. Ее земли пахал крестьянин из деревни Погост Кирилка Игнатьев сын Попов¹⁰¹. Возобновлена деревня была к 1678 г.¹⁰², была однодворная и таковой оставалась до 1748 г., когда в нее перешел крестьянин из деревни Окуловская (Наволоки) Семён Петров¹⁰³. Этот крестьянин был предком рода Клиновых, представители которого до сих пор живут в одноименной деревне. В списках деревни Окуловская (Наволоки), откуда пришел Семён Петров,

¹⁰⁰ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 170.

¹⁰¹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1628—1631 гг. Л. 489.

¹⁰² Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 354 об.

¹⁰³ Книга переписная дворцовых крестьян... 1748 г. Л. 449—449 об.

Родовой дом Клиновых, построен в 1930 г. Деревня Клиново. 1960-е гг.

в документах первой ревизии 1720—1726 гг. есть помета «писанный из церковников»¹⁰⁴, то есть исключенный из состава церковного причта и переписанный в податное сословие государственных крестьян. В начале XVIII века низшее приходское духовенство все еще по старинке избиралось прихожанами из своей среды. Формировалась практика наследования священнических должностей от отца к сыну. Дети священников состояли при церквях в качестве пономарей, звонарей, дьячков и т. п., что значительно расширяло церковные штаты. Петр I, стремясь расширить количество налогоплательщиков за счет льготных категорий населения, провел кампанию по сокращению количества священников при церквях с переводом их в податное сословие крестьян¹⁰⁵. Семён Петров был внуком дьячка Кижского погоста Ивашки Семёна сына прозвище Клинов¹⁰⁶.

В начале XX века в деревне было 4 двора:

1. Клинов Иван Захарьевич

¹⁰⁴ Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—1726 гг. Л. 479 об.

¹⁰⁵ См.: деревня Окуловская.

¹⁰⁶ Коновалов И. Указ. соч. С. 108.

2. Клинов Матфей Степанович
3. Клинов Василий Петрович
4. Клинов Ефим Петрович¹⁰⁷

В середине XIX в. жители деревни Клиново не входили в число самых зажиточных крестьян округа. Дома в основном были без служб¹⁰⁸, правда, обеспечение скотом крестьянских хозяйств находилось на уровне среднего по всей волости: 1—2 лошади, 2—3 коровы¹⁰⁹. Вероятно, скот стоял в отдельно построенных хлевах «стаях», подобно той, что описана в хозяйстве Ивана Захаровича Клинова в 1916 г. Семья состояла из 10 человек, большая часть ее членов была грамотной, глава работал столяром в Петербурге, имели 2 лошади, 5 коров, 2 быков, 4 телят и молодых телок, 3 овцы. Дом был с четырьмя хлевами, а рядом находилось два скотных (стана), амбар, баня и рига¹¹⁰. В подобных станах летом держали скот, который перевозили на пастбища из соседних деревень, например, с острова Кижы.

Из ремесленников в деревне были: два столяра, один из которых работал в своем уезде, а второй в Петербурге, кузнец и слесарь¹¹¹.

Из народных мемуаров

ХАРИТОНОВА Татьяна Константиновна родилась в 1954 г. в Петрозаводске, но с двух лет и до окончания восьмилетней школы жила с родителями в деревне Клиново. В Петрозаводске окончила дошкольное педагогическое училище и по распределению попала в Калевальский район. В 1972 г. вышла замуж и переехала в Петрозаводск. Там до самой пенсии работала в детском саду. А одно лето была заведующей в детском саду на острове Кижы.

¹⁰⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

¹⁰⁸ Страховая опись... Л. 60.

¹⁰⁹ Список о числе скота... 1877 г. Л. 108.

¹¹⁰ Бланки статистического учета... Л. 9.

¹¹¹ Кустарные промыслы... С. 21, 118.

*Клиновы Константин Петрович
и Елизавета Ивановна на фоне родового
дома. Деревня Клиново. 1969 г.*

*Деревня по фамилии
Клиново:*

«В 1908 г. Кижское сельское общество Великогубской волости выделило землю моему прадеду Клинову Матвею Степановичу на строительство жилья, на покосы и на полевые работы. В то время деревня состояла из четырех дворов, и там жили только Клиновы.

В 1930 г. мой дедушка Клинов Петр Матвеевич построил дом, который и сейчас стоит в деревне Клиново. Он работал на главной пристани острова Кижы, которая раньше была у самого погоста. Встречал колесные пароходы „Урицкий” и „Воло-

дарский”. Безотказный и бескорыстный был человек. К нему в Клиново приходили даже из Липовиц и просили перевезти к пароходу. И он никому не отказывал, и никогда денег не брал. И от причала перевозил людей на своей лодке в окрестные деревни. А моя бабушка Дуня, как и многие кижане, в это время работала в колхозе.

Дедушка Петя, а потом его сын Костя — мой отец, входили в число лучших кижских мастеров. Они шили лодки-кижанки на две и даже на четыре пары весел. Поэтому лодки в нашей семье были только собственного производства. На самой большой лодке дедушка с бабушкой выходили в открытое Онего, огибали Заонежский полуостров с западной стороны и останавливались в местечке, которое называли „Пески”. Там они брали бруснику. А один раз застали такой сильный шторм, что если бы его не переждали на берегу, то точно бы утонули, вспоминал мой отец.

*Клинова Евдокия Тимофеевна с внуками Витей и Таней.
Деревня Клиново. 1961 г.*

Сейчас в родовом доме мы проводим каждое лето. Дом наш находится напротив Кижского погоста через небольшую губу Онежского озера. Смотрим в окно и любуемся красотой Кижского архитектурного ансамбля, который хорошо просматривается между соседними островами. Пожалуй, это самый лучший вид на погост в окрестностях острова Кижь! Многие бы хотели иметь дачу или гостевой дом в таком уникальном месте. Вот несколько лет назад к нам направили строгую комиссию в надежде найти хоть какое-нибудь основание, чтобы изъять участок. Приехали, а у нас документы в порядке! Так и вернулись ни с чем. Ведь у нас земля, которую Клиновым выделили еще до революции.

У дедушки Пети и бабушки Дуни было пятеро детей: три сына и две дочери. Началась война, и два старших сына ушли на фронт. В деревню пришли финны и забрали бабушку с дочерьми и младшим сыном, моим отцом Клиновым Константином Петровичем, в концлагерь. Бабушка рассказывала, что очень тяжело и голодно было в финском лагере. Когда повезет, то ели картофельные очистки и траву. Все время очень хотелось есть и пить. Ее жестоко выпороли лишь за то, что она пошла за водой, чтобы детям утолить жажду. Когда пришли наши, всех

К. П. Клинов (в лодке) с племянником Николаем (в шляпе), маленьким сыном Володей и двумя гостями из Ленинграда. Деревня Клиново. 1966 г.

заклученных освободили. Бабушка с дочерьми Верой и Валей вернулась домой, а наш отец еще два года воевал сначала с немецкими захватчиками, а потом на дальнем востоке с японцами. Все три сына, в том числе мой отец, пришли с фронта с медалями. Они даже не были ранены, может быть потому, что росли напротив намоленных кижских церквей!

Братья продолжили славную традицию своих дедов и прадедов. В музее-заповеднике „Кижы“ было найдено и вручено нам свидетельство о том, что в 1915 г. Клинов Петр Иванович был награжден Военным орденом Святого Георгия 4 степени за Первую мировую войну.

Наша мама Клинова Елизавета Ивановна (в девичестве Власова) была родом из заонежской деревни Кузаранда. Ее девчонкой во время войны финны отправили на лесозаготовки. На работу ходила под дулом автомата, но поскольку колючей проволоки не было, то после войны ей не дали никаких льгот и доплат к пенсии.

После войны свою спасительницу нашла и очень благодарила Черепанова Мария Васильевна, которая с ней находилась в финском лагере. Она выжила только благодаря моей маме. Мария Васильевна сильно заболела, поскольку у нее не было обуви. И мама отдала ей свои сапоги.

*Клинова Елизавета Ивановна одевает сына Володю у люльки.
Деревня Клиново. 1963 г.*

Уже в мирное время мама окончила медицинское училище и была направлена на работу в больницу в деревню Серёдка, что в двух километрах от острова Кижы. Там стояли два больших двухэтажных дома. В одном находилась больница, а в другом жили Широковы, где маму и разместили.

Молодому поколению трудно поверить, что в деревне Серёдка была целая больница! Ведь сейчас там совершенно другой вид: заросшие поля и ровницы. А раньше вся земля в округе обрабатывалась, и деревни просматривались очень хорошо.

Наш отец Клинов Константин Петрович за месяц до начала войны окончил в Петрозаводске шестимесячные курсы плотников. А когда в 1946 г. вернулся из армии, то некоторое время работал начальником почтового отделения в деревне Боярщина. Тогда в Кижях была почта, которая работала как швейцарские часы, несмотря на то, что не было ни лодочных моторов, ни снегоходов. После войны в Боярщине был еще и клуб, и магазин.

В 1947 г. родители познакомились, через год поженились, а еще через год родился старший сын Виктор.

Когда в Серёдке закрылась больница, то вместо нее в Кижях появилось сразу два медпункта. Один в Боярщине, куда перешла моя

мама, а другой в Кургеницах, где работала Горина Лидия Ивановна, двоюродная сестра моего папы. Потом мамин медпункт перевели на остров Кижы в административное здание. И она стала обслуживать все деревни вокруг острова Кижы, поскольку в Кургеницах к этому времени фельдшера уже не было¹¹². Родителям дали дом в деревне Ямка, и они переехали жить на остров Кижы. На одном месте мама проработала сорок один год.

Интересно, что в Боярщине даже садились вертолеты, которые в том числе привозили почту. А в Мальково тоже был магазин, но мне было лет пять, как он закрылся, где-то в 1960 г. Уже только потом все социальные объекты переехали на остров Кижы.

В 1950-е гг. началась работа по формированию архитектурной коллекции музея-заповедника „Кижы“. Можно сказать, что отец стоял у истоков ее создания. Под руководством известного московского архитектора А. В. Ополовникова он вместе с другими местными плотниками-реставраторами занимался восстановлением ансамбля Кижского погоста. Они заменяли лемеха на главках, перевозили на остров Кижы старинные дома, часовни и реставрировали их. Отец славился как высококлассный мастер, и был по праву награжден многочисленными благодарностями и грамотами. Своему любимому делу он отдал тридцать лет жизни и вышел на пенсию только в 1980 г.

Около нашего дома в деревне Клиново раньше стоял скотный двор, который привлекал хищников. Было страшно от того, что громко выли волки.

Как-то раз зимой в начале 1970-х гг. по льду на лыжах мой младший брат Володя возвращался домой из двухэтажного административного здания музея „Кижы“, располагавшегося недалеко от Кижского погоста. Там стоял большой телевизор, который по вечерам с удовольствием смотрели работники музея и местные жители. У Володи был старенький фонарик и лыжные палки высотой с его рост. Вдруг на середине пролива он заметил несколько больших собак, преследовавших его. Очень скоро одиннадцатилетний мальчик понял, что это волки. Он идет — и они бегут, он стоит — и они стоят. Вот так у волков

¹¹² Старшее и среднее поколение в Кижях и Сенной Губе Елизавету Ивановну помнит хорошо. Вот и соавтору данной книги она спасла указательный палец на левой руке, когда в пятилетнем возрасте он его почти полностью отрубил топором. Сколько добрых дел она сделала, скольким спасла не только здоровье, но и жизнь

работает инстинкт. Как говорил ему отец, хищники берут „гоном“. Добравшись до проруби возле дома, Володя скинул лыжи и что есть мочи побежал с отчаянными криками в дом. Только выстрелом из охотничьего ружья отцу удалось отогнать волков.

К. П. Клинов на фоне деревни Ямка. 1983 г.

Вообще в детстве

Володя не боялся ничего. На лыжах ходил один в лес. Любил кататься с „боярщинской“ горушки. Бегал в соседнюю деревню в амбулаторию к маме за гематогеном, который тогда казался вкуснее, чем сейчас любой шоколад. Один раз зимой вернулся домой, а за окном огромный волк переходит озеро. Сразу стало страшно. Зимой было не так весело, как летом, когда приезжало много друзей и родственников. Вот тогда начиналась настоящая жизнь. Бегали, купались. А любимая игра у ребят была „Казак и разбойники“. С друзьями Володе было тем более не страшно. Был случай летом, когда дети пошли на мандеру собирать малину. Они собирают с одной стороны, а кто-то с другой. Оказалось, что это огромный медведь. Так быстро ребята еще не бегали. Медведь в одну сторону, они в другую. Но в деревни тогда медведи не заходили. Страх потеряли только сейчас.

Мама и днем и ночью могла уехать на вызов: летом на лодке, зимой на лыжах. Нередко уезжала в Медгору на семинары или с отчетами.

Мы, ее дети, Виктор, Татьяна и Володя, помогали родителям как могли. Косили и собирали в стога сено. Раньше, если тебе надо три тонны сена, то совхозу тоже надо накопить три тонны. Это было очень тяжело. Правда, приезжали помогать косить траву родственники с города. Я с детства научилась доить корову, козу и ухаживать за скотом. Но, конечно, хватало времени и для игры, и детских развлечений. Всегда очень ждала, когда приедет моя близкая подруга детства Марина Жарникова.

Жарниковская начальная школа закрылась, когда я закончила там второй класс. К тому моменту в ней училось мало детей — всего

6 человек. Эта школа находилась в доме Серова в деревне Дудниково. Со следующего учебного года мы стали учиться в деревне Сенная Губа и жить в интернате в 10 км от дома. Я привыкала там тяжело. Местные женщины сказали моей маме, что я стояла на берегу, смотрела в сторону Кижей и плакала. Маму многие там знали. Она подменяла сенокубских медиков во время их отпуска.

Учителя и воспитатели были в школе очень добрые, и мы старались учиться хорошо. Зимой по понедельникам мы часто опаздывали на уроки из-за того, что по утрам долго согревались у печи в интернате, но нас за это не ругали. Когда начиналась распута, за нами на лошади приезжали наш отец К. П. Клинов и Б. Ф. Ёлупов. У них в санях всегда были две длинные оглобли, которые не раз спасали жизнь! Однажды лошадь провалилась под лед. Мужики нам кричат: „Прыгайте из саней!“. А сами быстро берут эти оглобли и с двух сторон помогают лошади подниматься. Подсовывают оглобли под ее брюхо, а она тоже очень старается, и все получается. Мы радовались этому невероятно! А потом лошадь быстро гнали, чтобы она согрелась и не заболела.

После окончания школы мы поехали в Петрозаводск учиться дальше. Все трое получили среднее образование и всю жизнь честно работали. Старший брат Виктор получил травму на практике и в армии не служил. Володя служил в Феодосии в морском флоте. Я закончила дошкольное педучилище и по распределению была направлена работать в Калевальский район со своей студенческой подругой Людмилой Маклышевой, которая сама родом из Сенной Губы. Там надо было отработать три года. Но у меня получилось меньше, потому что в 1972 г. я вышла замуж за Харитонову Александра Алексеевича и переехала к нему в Петрозаводск. Там всю свою жизнь до пенсии проработала в детском саду. А одно лето даже отработала заведующей в детском саду на острове Кижы. Меня попросили еще в Петрозаводске, когда узнали, что есть местная воспитатель детского сада.

У нас родилось два сына — Кирилл и Алексей. Летом в отпуске всегда отдыхаем в Кижях, без которых просто жить не можем!».

Деревня Мальково (Вик остров)

Известна с 1563 г.: «дер. на Вигострове», волостка Васюка Шалеева и располагалась на соседнем с материком острове, который теперь называется Мальковец. В одном из двух домов деревни жил Иванко Иванов Малко¹¹³, от прозвища этого крестьянина произошло и название поселения, и фамилия одной из семей, которая жила в

*Вид д. Мальково с юга.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5489*

ней уже в начале XX в. С течением времени название деревни изменилось на «Вик остров», а в середине XIX в. на «Мальково»¹¹⁴. В ревизских списках про деревню написано, что она «составляет в натуре одно сплошное селение, а по 8-й ревизии писавшаяся Викостров и Вижостров)», то есть в середине XIX в. деревни Мальково и Клиново составляли по документам одно поселение.

Население деревни, исключая род Мальковых, довольно сильно менялось на протяжении веков. Семь семей жили в поселении с 1631 по 1707 гг. В XVIII в. в деревню переселились трое крестьян из соседних деревень, но и их семьи вымерли к концу века.

В начале XX в. в деревне жили:

1. Мальков Федор Яковлевич
2. Марков Григорий Терентьевич

¹¹³ Писцовые книги... С. 127.

¹¹⁴ Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 15 об. — 18.

*Дом Маркова, построен в конце XIX в.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5492*

3. Разбивной Тимофей Нефёдович
4. Маркелов Михей Кириллович
5. Клинов Иван Ефимович
6. Малькова Ульяна Ивановна¹¹⁵

Семьи Маркова и Маркелова имели один корень и происходили из соседней деревни Клиново, а семья отца Разбивного Тимофея Нефёдовича в 1858 г. переписалась из деревни Наволок на остров Кижы¹¹⁶. Клинов Иван Ефимович пришел в деревню из соседней в качестве зятя примака.

У крестьян Марковых начале XX в. было одно из самых справных хозяйств в деревне. Из восьми человек семьи половина умела читать и писать. Занимались земледелием, рыболовством и «возкой клади». Количество промысловых орудий говорит само за себя:

¹¹⁵ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

¹¹⁶ Ревизские сказки Кижской волости... 1850 г. Л. 1 об. — 2.

сойма с 5 парусами, 3 лодки и 2 паруса к ним, 2—3 керегода, сак и 140 сетей. При этом только одна лошадь и 4 коровы¹¹⁷.

Ф. Я. Мальков владел кузницей и смолокурней¹¹⁸, которые располагались за деревней. Остальные крестьяне-ремесленники работали по большей части в столице: паркетчик, токарь, сапожник, швея, слесарь. Мастер по изготовлению щеток оставался в деревне¹¹⁹.

В этой деревне жила одна из дочерей сказителя В. П. Щеголёнка Ксения Васильевна Разбивная.

Деревня Жарниково (Марковская)

Деревня известна с XVI в.¹²⁰, но до конца XVIII в. она располагалась на острове Кижы, а, видимо, на рубеже XVIII и XIX в. переехала на новое место — на материк. Первоначально деревня называлась Марковская, а с 1850 г. Жарниково. В 1563 г. в одном из трех домов поселения жил Куземка Федотов, предок практически всех семей, которые жили в деревне в начале XX в. — Жарниковых, Ермолиных и Русиновых, Серовых и Гришиных:

1. Русинов Федор Макарович
2. Жарников Иван Прохорович
3. Ермолин Иван Андреевич и наследники
4. Жарников¹²¹ Михаил Степанович
5. Русинов Никифор Яковлевич
6. Серов Егор Федорович
7. Гришин Фома Захарьевич
8. Игнатъев Тит Петрович
9. Игнатъев Федор Никитович
10. Серов Дмитрий Алексеевич¹²²

¹¹⁷ Сведения о крестьянских хозяйствах, характеристика урожайности земли Петрозаводского уезда, Великогубской волости (д. Ерснево, д. Дудниково) // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 16/163. 1911 г. Л. 4; Бланки статистического учета... Л. 9.

¹¹⁸ Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.

¹¹⁹ Кустарные промыслы и ремесленные заработки крестьян... С. 26, 32, 62, 67, 94, 117, 118.

¹²⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 131.

¹²¹ Фамилия произошла от прозвища «жареной» «др.-рус. жареной», ср. в волгодских говорах: «жареный», т. е. рыжий. См.: Чайкина Ю. И. История вологодских фамилий. Вологда, 1989. С. 22.

¹²² Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

**Егор Федорович Пономарев (Серов)
у своего дома в Жарниково. 1940 г.
Музей-заповедник «Кижы». КП-5098**

**Слева направо: Жарниковы Михаил
Спиридонович, Петр Михайлович,
Ольга Тимофеевна и Шура. 1927 г.**

Род Игнатьевых переехал в деревню Жарниково в 1858 г. с острова Кижы из деревни Наволок.

Все дома деревни располагались вдоль берега озера, а рядом с четырьмя из них стояли амбары¹²³. Как и большинство ремесленников округи крестьяне деревни Жарниково уходили на заработки в Петербург: два столяра, паркетчик, токарь, слесарь. Три сапожника работали в деревне, двое из них были еще и пильщиками¹²⁴.

Жители поселения старались вносить вклады на благоустройство своих кижских храмов. На колокольне Спасо-Кижского погоста висел колокол, отлитый в 1812 г., с надписью: «...усердием прихожан Гаврилы Жаренникова и Якова Дехтярева, усилиями прихожан и добровольных дарителей, а именно по инициативе Белозерских мещан Ивана и Михаила Михайловичей Грешниковых¹²⁵». Первый из дарителей происходил из деревни Жарниково, а второй из деревни Кургеницы.

¹²³ Там же. Л. 65.

¹²⁴ Кустарные промыслы... С. 21, 26, 62, 118.

¹²⁵ Эта фамилия есть среди жителей деревни Обельщина в районе с. Сенная Губа. Возможно, дарители на храмы приходятся им родственниками.

Из народных мемуаров

ЖАРНИКОВА Екатерина Ивановна (1920—2004), деревня Жарниково.

«Михаил Спиридонович Жарников был моим дедом по отцу, а Иван Романович Телёнков из деревни Телятниково дедом по матери.

Романовы (Телёнковы)¹²⁶ по деревне были „Лукины“, Жарниковы по деревне были „Михеевы“.

У Евдокии Ивановны дед по матери Акат Воронцов из деревни Воробьи. Мария Акатовна — бабушка Екатерины Ивановны. Акат Воронцов разорился (приезжал и разбрасывал конфеты с крыльца), рассказывала Мария Евстигнеевна Романова. Акат — кум царю был, так по деревне и говорили.

Общались по праздникам только со сродственниками. Соседи по праздникам друг к другу в гости не ходили.

Чапом ловят с лодки, а потом тянут. Серые брали дядю рыбу ловить в помощь.

Мария Ивановна Телёнкова вышла замуж за Василия Матфеевича Ласточкина в деревне Телятниково: „Мама по головке погладила, я и согласилась“.

У братьев Романовых — Ивана, Василия и Федора у каждого была лошадь. На строительство дома была нанята артель»¹²⁷.

ГАВРИЛЕНКО (Игнатъева) Нина Титовна (1920—2008), деревня Жарниково, деревня Васильево

«А в Заонежье — все родные, все переплелись. Здесь мы в родне с Ржанскими, Рябиниными (по линии писателя Михаила), Щеголёнками (Шевелевыми), Хоничевыми, Судьиными, Филиными. В нашей семье бытует множество легенд и семейных преданий. Когда мой отец Тит Петрович Игнатъев был

¹²⁶ По семейному преданию братья Телёнковы сменили неблагозвучную фамилию на Романовы (как у царя), и только Василий остался Телёнковым.

¹²⁷ Запись Воробьёвой С. В. от 4.06.1996 г.

Деревня Пустой Берег, начальная школа.
1951 г.

маленьким, его отправили на молитву в Соловецкий монастырь. Оттуда его дядя князь Тит Петрович Игнатьев (в его честь отца и называли) увез в Петербург, мой отец стал приказчиком, а потом продавцом. В Санкт-Петербурге крестная показывала мне дом, где жил князь Т. П. Игнатьев — наш родственник. Сестра отца Агриппина Петров-

на была гувернанткой в царской семье и замужем за офицером Тимофеем Безденежных. Один из наших родственников — Тимофей Ошук — был известным в Петербурге ювелиром. Хорошо бы заняться и составить нашу семейную родословную!

Родилась Нина Титовна 14 января 1920 г. в деревне Жарниково, была десятым ребенком в семье, а всего детей было двенадцать: семь парней и пять девочек. Выросло только четверо, и все живут долго: до 83, 87 лет. У ее бабушки было 13 детей: рождались „двойни“ и „тройни“. Детей рожали на печи, на дворе, на покосах.

Родители Мария Ивановна и Тит Петрович Игнатьевы были добрые, непьющие: „мы громких слов не слышали“. Похоронен отец на кладбище в Кижях.

В жарниковскую школу пошла с восьми лет, по всем предметам было „отлично“: я даже не представляю, как можно учиться на „тройки“ и „четверки“.

Еще школьницей вырастила очень хороший урожай конопли, а учитель Владимир Васильевич Ржановский послал коноплю на выставку. Из Москвы мне грамота пришла, а в школу радиоприемник — это была большая редкость по тем временам. Как-то за мной в Жарниково приехал Василий Рябинин, секретарь сельсовета и отвез

меня на лодке на погост. Это было, когда Сталин с Кировым приезжали на строительство Беломоро-Балтийского канала. Василий Рябинин сказал Сталину: „Это — Нина Игнатъева“. Сталин похвалил меня за мою коноплю, обнял и по голове погладил, а потом спросил: „На кого будешь учиться?“ — „Хочу быть бригадиром колхоза“, — ответила я. „Нет, с такой отличной учебой должна быть учителем!“ — сказал Сталин. Рядом со Сталиным стоял Киров. Роста они были примерно одинакового, невысокого. Сталин мне показался хорошим, добрым, с улыбкой очень хорошей.

В свертке, который потом привез в Жарниково Василий Рябинин, был подарок: отрез материи и ботинки. Жили мы настолько бедно, что в семилетнюю школу в Сенной Губе мне нечего было надеть и обувь. В школьном интернате я не питалась — надо было платить за еду 3 рубля. В Сенную Губу из деревни Жарниково детей-школьников возили зимой на двух лошадях, а весной и осенью на лодках. Но чаще зимой мы ходили пешком или на лыжах. По первому льду ездили в школу на коньках.

В 1935 г., после окончания семилетки, словно по завету Сталина, меня направили в Петрозаводск в педагогический техникум. Я не знала финского языка, но быстро его выучила. На втором курсе преподавателя финского языка арестовали, и мы стали учить немецкий. К началу войны я на „пятерку“ знала и финский, и немецкий, что во время войны мне очень пригодилось.

В 1938 г., после окончания педучилища, меня отправили работать в поселок Пиндуши Медвежьегорского района учительницей начальных классов. Затем — в Морскую Масельгу, в 30 километрах от Повенца, где я стала заведующей интернатом, учителем и воспитателем. Здесь меня выбрали депутатом сельсовета на общественных началах. Жила я на восьмом шлюзе, где было много военных, а в соседнем поселке были бессрочные заключенные, некоторые из них имели свободу передвижения по поселку. Жить там было страшно: людей проигрывали в карты, интернат не раз обворовывали. Но среди заключенных были и очень хорошие мастеровые. Сапожники шили хромовые, яловые сапоги, туфли. За работу брали только водку, там я справила себе красивые туфли-лодочки на десятисантиметровом каблуке.

Н. Т. Гавриленко с родителями, детьми и мужем. 1958 г.

В начале войны всех учителей Медвежьегорского района взяли на учет. Я была „Ворошиловским стрелком“, хорошо знала финский и немецкий. На войну пошла добровольно, но в первые дни меня не взяли.

Через наш восьмой шлюз шли баржи с эвакуированными. Председателя сельсовета взяли в армию, а я осталась — надо было эвакуировать людей. Когда пошла сдавать документы в сельсовет, все вещи убрала в шкафчик, туда же учебники положила — думала, что скоро вернусь. Финны и немцы были рядом, уже шла перестрелка. Наши войска стали отступать к Медвежьегорску и Чёлмузам, туда же перевели райсовет и военкомат. Мы с подругой Анастасией Ивановной Спириной документы сдали и стали проситься в армию — глупые были! Нас взяли в оперативную группу. В ней было человек тридцать засекречено, а нас девушек — двое: никто нас не должен был видеть. Мое подпольное имя было — Катя. Парни были отважные, из судимых. Хорошие были парни. К нам приводили партизан, а мы сопровождали

их на оккупированную территорию. Партизанские отряды работали хорошо, и связь была хорошая. А у населения было всякое: на Ямке в доме Ананьевых устраивались молодежные беседы, игрались свадьбы. Как-то раз, когда я была на задании в деревне Ямка, тетя Шура Ржанская узнала меня: у них на стене моя фотография висела, я ведь была тогда невестой Миши Ржанского. Она зазвала меня по имени, и мне пришлось сказать: „Я Катя, а не Нина”, — все обошлось.

Родители Саши Ржанского были отправлены в концлагерь в Соломенное. Саша к ним приехал, а его выследили: финнам предала его какая-то девчонка. Финны расстреляли Сашу на глазах у родителей, как партизанского связного. Иван Васильевич Ржанский после войны был военным комендантом г. Петрозаводска, а потом работал завхозом в музее „Кижь”.

Когда нам нужно было взять документы, мы представлялись местными жителями, идущими с оборонных работ. Финские солдаты нас на дровнях подвезли до Лонгас — там был финский штаб. Солдаты нас не обижали, а вот их начальники — злые. Из их разговора я поняла, что они нам не верят. Они не догадывались, что я финский хорошо знаю. Мы попросились в туалет и через лес убежали. Мы ведь все дорожки-тропинки знали. Наша разведгруппа не раз ходила на задание.

Потом нас с Анастасией переправили в Сегежу и устроили на работу в Госбанк. А потом я служила в 208 особой зенитной артиллерийской дивизии — ОЗАД. Я была зенитчицей и старшиной прачек: с шести утра мы носили воду, выдавали белье. Каждая прачка должна была выстирать от 50 до 100 пар белья. До сих пор у меня болят руки и ноги — тяжело было таскать воду в сарай, где мы работали.

Перед едой в армии давали хвойный отвар от цинги в железной кружке. Противно было, но не выльешь — не дадут в твой котелок еды. Солдатам давали в паек овес зерном или муку, которую они размешивали со снегом. Лошадь упавшую как-то солдаты зарезали, она орет, а мы живое мясо едим. Одного солдата расстреляли за портянки: ноги у него болели, украл портянки у командира. Командир всех выстроил и перед строем солдата расстрелял.

Я была раз ранена: прострелено плечо, рука и ноги. Лечилась в полевых госпиталях. Кто мог двигаться, в госпиталях не лежали, так обходились.

В Сегеже к нам в часть девки приходили и за хлеб гуляли с солдатами — голодные были.

Потом вышел от Сталина приказ: „Всех учителей из армии демобилизовать“, — значит и нам на голод идти?! Не хотели мы из армии уходить — там ведь паек давали! И тогда мы с Анастасией в Сегеже вместо РОНО пошли в комендатуру. Я стала делопроизводителем на пайке: сухари давали, сахар, крупы.

Затем работала в Данилове Медвежьегорского района в сельсовете, потом в Шуерецком, где завучем педучилища был Беляев — будущий Председатель правительства и Пятунин — будущий министр просвещения Карело-Финской ССР. Из Шуерецкого нас направили в Морскую Масельгу собирать обратно эвакуированных, и мы с Анастасией Ивановной пешком пошли в Архангельскую область. Переписали всех, там много было эвакуированного народа. В Архангельской области колхозы были богатые, но весь урожай сдавали государству и жили очень бедно. Соли не было, даже рыбу ели без соли! Со списками вернулись в Шуерецкое, и я была направлена на двухмесячные предметные курсы (история, география) в Кемь. Впервые за войну я сшила себе платье, выменяв материал за буханку хлеба, а так ходила в ватнике, летных брюках, шинели или фуфайке.

После окончания курсов меня отправили в Койкиницы Сегежского района. Одна работала на четырех классах, потом дали военрука. В Дуброве был большой интернат, и я там взяла к себе троих детей-сирот. Звали они меня мамой, по имени-отчеству или просто Ниной — мне было всего 23 года. Во время войны я вышла замуж за Якова Варфоломеевича Гавриленко. В то время учителя жили при школах и переезжали, как цыгане, всей семьей к месту работы. В Волкострове (?) наш дом сгорел, и мы переехали в Жарниково, где и родилась моя дочь. Свою дочь Лиду я родила в хлеву: пошла корову доить. Крестили ее тайком: учителям нельзя было крестить детей и ходить в церковь. Крестить внучку дома решила бабушка, позвала из Великой Губы священника и отдала за крещение 25 рублей и полотенце. Жили мы на Пустом Берегу в доме, где была школа, а дочка моя Лида сидела в той же избе за занавеской или под партой и слушала уроки. Ребята ее любили, в школьной самодеятельности в „пирамидах“ ее поднимали на самый верх. Моего мужа по оговору арестовали и приговорили

сначала к расстрелу, а потом заменили пятнадцатью годами, из которых он отсидел семь лет, а потом был полностью оправдан».

В школе Нина Титовна проработала почти 25 лет. У нее учились многие кижане и дети из других деревень, например, Владимир Максимов, Иван Костин, Федор Тестенников и другие. Переехав в Петрозаводск, 13 лет проработала на молокозаводе, в последние годы ее работы директором там был Виктор Масляков. Была членом Петрозаводского горкома и обкома партии, депутатом Горсовета, выступала на съездах и конференциях. Выйдя на пенсию, работала в музее «Кижы» кассиром на колокольне, матросом на причале. Ее дочь Лидия много лет работала в музее, зять был долгое время прекрасным мото-ристом, а позднее — начальником кижского причала¹²⁸.

МАЛИНОВСКАЯ Марина Павловна (в девичестве Жарникова) родилась в 1953 г. в Петрозаводске. В 1974 г. в родном городе окончила спортивный факультет педагогического института. В 8 классе вошла в студенческую команду по спортивной гимнастике. Мастер спорта и чемпионка Карелии по этому виду спорта. После института работала тренером в детской спортивной школе. В настоящее время на пенсии. Помогает воспитывать внуков, которые проводят каждое лето у бабушки в Жарниково.

«Наше место силы»:

«Я родилась в апреле 1953 г. в Петрозаводске, и уже летом меня привезли в деревню Жарниково. Там мы жили летом, а на зиму уезжали в город. Моя бабушка Жарникова Евдокия Ивановна (1895—1987) в девичестве была Телёнова и происходила из дома Романовых в деревне Телятниково. А мой дедушка Жарников Иван Григорьевич (1892—1960) работал смотрителем Гарницкого маяка. У них были коровы, козы, а до 1930 г. еще и лошади. В 30-е гг. у бабушки и дедушки

¹²⁸ Гавриленко Н. Т. Сюжет для многоотного романа. Интервью. Подготовила ст. науч. сотрудник В. Гущина // Кижы. 9 (16). 2005. С. 3.

Дом Жарниковых в д. Жарниково. После 1945 г.

забрали лошадей и коров. Оставили только одну лошадь и одну корову.

Когда у дедушки была смена, он на лодке-кижанке шел под парусом до маяка, а это ни много ни мало, а 18 км от Жарниково. Жил в домике, который находился напротив Гарницкого маяка на полуострове. Я тоже была там однажды с мамой еще совсем маленьким ребенком. Помню, что смотрю в окошко и вижу огромные волны, между которыми проваливается лодка-кижанка, а потом взлетает вверх. Поскольку там как раз выход в открытое Онего, то волны бывают 3—4 метра высотой. И обратно с маяка добирались на „кижанке“. Нос лодки забит сеном. Я лежу на этом сене, а надо мной полощется парус.

Помню, как ездили с бабушкой в конце 1950-х гг. за мукой в Кургеницы, где работала мельница. Потом в Боярщине открылся магазин, и уже там муку покупать стали.

Кстати, а почта тогда тоже в Боярщине находилась. Почтальоном работала тетя Дуся Аксенова из Мальково. Она там брала газеты и письма, а потом ее сын Виталий на моторке развозил их по деревням. Ну и я с ним заодно. Вдвоем было веселее. Но вот до Сычей нам

все же далековато на моторке ехать было. Поэтому мы приставали в Телятниково, а дальше шли пешком.

В Жарниково раньше начальная школа работала, но мы уже застали только один фундамент, оставшийся от нее. Точно не знаю, когда она исчезла. Говорят, что был пожар, и она сгорела. А дети из окон выпрыгивали.

У „Серых” в Дудниково тоже школа была. Сейчас этот дом реставрировали, а в 60-е гг. он выглядел по-другому. По крайней мере, хозяйственной части уже не было. В 70-е гг. там жили студенты из Ростова, которые строили два дома в Дудниково для проживания сотрудников музея-заповедника „Кижж”.

Бабушка мне рассказывала интересную историю о том, как, очень давно, где-то в 20—30-е гг. прошлого века, на острове Кижж тоже пожар был. Они все стояли на берегу и смотрели. Думали, что кижжские церкви сгорят, но ветер сменился — и огонь ушел в другую сторону.

В детстве я очень худенькая была, и бабушка купила козу, чтобы ее молоком поить меня в городе. Мы тогда жили в Петрозаводске в деревянном бараке с печкой и сараем. Но козу у нас конфисковали и оштрафовали родителей, поскольку в городе запрещалось держать домашний скот.

Другое дело было в Жарниково. Козы там жили вольготно. Иногда волки выходили из леса и выли, тогда козы забегали в дом и по лестнице поднимались в сени.

Мой родовой дом был внушительных размеров: на высоком подклете со светелкой и двумя горницами по три окна каждая. В каждой горнице стояли большие печи с лежанками и прилавками. Со стороны леса был пристроен скотный двор. Когда дом стал ветшать, сначала отпилили его хозяйственную часть, а потом и одну горницу. Скота к тому времени уже не держали. А еще помню, что у дедушки были большие чучела тетеревов и уток, видимо, он ходил на охоту.

К 1960 гг. дедушка уже болел, и поэтому они с бабушкой переехали в город и жили со старшей дочерью Екатериной. В деревню стали выезжать только на лето.

Летом всех нас родители привозили к бабушке Дуне. Дедушка к этому моменту уже умер. А детей нас было человек шестеро разного

Жарņикова Екатерина Ивановна у родового дома проводит зарядку с племянницами. Слева направо: Татьяна Гумерова (Евтюкова), Любовь Немец (Жарņикова), Людмила Трофимчук (Евтюкова), Марина Малиновская (Жарņикова), Татьяна Харитоновна (Клинова). Деревня Жарņиково. 1961 г.

возраста. Непонятно, как бабушка с нами справлялась. Гоняла нас вицей из воды, потому что мы сидели там до посинения.

Утром просыпались, а на столе уже лежали блины, сверху посыпанные сухим творогом собственного приготовления. Горячие калитки с картофелем и пшеном, сканцы и налитушки с толстым ржаным тестом так и просились в рот. По заонежской традиции, бабушка делала круглые калитки, а не овальные, как принято у карел. По выходным она делала рыбники из ржаной муки с окушками или лещом. Маленьких окуней тогда в Заонежье называли „мугачами“. И, конечно же, было счастье, когда бабушка пекла кулебяку — это такой же рыбник, только с мясом. Мясо на стол тогда не часто подавали. А самым вкусным лакомством являлась сочная ржаная крышечка, когда ее только что срезали с рыбника.

Очень любили ходить в лес собирать грузди и волнушки на засолку. Бабушка потом нам давала мелко посеченные соленые грибы

со свежей картошечкой. Дети отбирали друг у друга маленькие картофелины, а бабушка смеялась и говорила, что в животе все равно все перемешается. А еще на столе всегда стоял самовар, из которого только мы и пили чай. Бабушка всегда повторяла: „Девки, вы не чай пьете, а сахар едите“. И тогда мы стали соревноваться, кто больше чая выпьет с двумя кусочками сахара вприкуску. А ведь были тяжелые времена, когда чай в Заонежье пили „вприглядку“. Подвешивали кусочек сахара на ниточке и смотрели на него во время чаепития. И чай становился слаще. Бабушка всегда была очень активная и любила приговаривать: „Сиди, сиди, все равно ничего не высидишь“ и „Выспимся на том свете“.

Мой папа Жарников Павел Иванович (1923—1991) воевал и перед освобождением Петрозаводска Красной Армией поднял на трубе Онежского завода красное знамя, которое бабушка Дуня прятала всю войну. Он был заядлым рыбаком и в специальном блокноте записывал самые уловистые места с ориентирами. В этом же блокноте папа записывал стихи, которые сочинял сам. В основном стихи были о природе. Меня с детства брал на рыбалку, хотя я не очень любила это занятие. Меня укачивало. Ставили сети. Интересно, как тогда ловили лещей сетями. Мне было всего лет 10, а я уже управлялась веслами. Папа бил веслом по воде, и лещи плыли прямо в сети. Он мне командовал: то „греби“, то „пять“, значит греби назад. Какие же красивые и крупные попадались лещи! На солнце казалось, что они отливали золотом.

В 11 лет папа научил меня заводить маленький подвесной мотор. С тех пор я уже самостоятельно ездила на „кижанке“ с мотором. Для того времени это было нормальным явлением. Многие кижские дети старше 10 лет в 60-е и 70-е гг. прошлого века уже умели ездить на моторках. Правда, в основном распространены были очень шумные, но надежные стационарные моторы Л-3 и Л-6, которые верой и правдой служили хозяевам до начала XXI в.

Когда мне было 7 лет, мы с бабушкой Дуней поставили сети около острова и поймали щуку на семь килограмм. Как мы ее вытаскивали, довольно сложно описать. Еле-еле затащили в лодку!

Но самое интересное, это когда в школе меня спросили, как я провела лето. Рассказала, как мы поймали щуку. Учительница поинтересовалась о том, что мы с ней сделали, и я ответила: „Продали на теплоход“. Это была чистая правда. Уже в то время много экскурсионных

теплоходов заходило в Кижы. Из города мы добирались на теплоходе „Ладога“, который шел 4,5 часа. А основной пассажирский причал тогда был прямо напротив Преображенской церкви.

Так как я была старшей внучкой, то чаще всех ездила в деревню. Здесь и подружилась с Таней Клиновой, у которой часто бывала в гостях в деревне Клиново. В ее семье держали корову, из молока которой по старинке сбивали масло мутовкой. С семьей Клиновых ездила на сенокос. Ведь много надо было себе сена заготовить, да еще и совхозу столько же. С Таниной мамой, Клиновой Елизаветой Ивановной, ездили по деревням. Тетя Лиза делала прививки детям. Тогда она работала медсестрой. Так что нашей дружбе с Танюшей больше 60 лет.

В 50—60-е гг. в Кижях много народа жило. Мы собирались из разных деревень в Мальково, где играли в футбол и прятки. Когда стали старше, то играли на гармошке и на гитаре, как в городе. В середине 70-х гг. на лодках ездили на танцы в Сенную Губу.

В это же время местные жители стали разъезжаться, так как работы здесь уже не было, и постепенно деревни опустели.

В 1974 г. в Петрозаводске я окончила Педагогический институт, спортивный факультет. Еще когда училась в 8 классе, меня взяли в студенческую команду по спортивной гимнастике. С этой командой мы ездили на соревнования в разные города. Со временем стала мастером спорта по спортивной гимнастике и чемпионкой Карелии.

В 1975 г. вышла замуж за Евгения Малиновского. Молодым лейтенантом он приехал служить в Петрозаводск после окончания Киевского высшего военного училища связи. После института я работала тренером в детской спортивной школе.

Поскольку муж был военным, то мы много переезжали. Пришлось жить и работать в Петрозаводске, Ленинграде, Улан-Удэ, Екатеринбурге, Киеве, Ульяновске, Москве, Санкт-Петербурге. В 2000 г. мы переехали в Москву. Но где бы мы ни жили, мы всегда возвращались в Жарниково. Пока работали, приезжали в отпуск.

Мой супруг — локомотив всей нашей семьи. Евгений первый раз приехал в Жарниково сразу после нашей свадьбы в 1975 г. и „заболел“ Кижями. Это любовь навсегда. До 2003 г. я ни разу не была в своей деревне зимой. Но Женя сказал: „Едем на Новый 2003—2004 г. в Кижы“!

Новый дом только поставили, еще не было ни камина, ни печки. Мне было страшно. Но муж сказал, что тогда поедет один. Пришлось решаться. Прилетели на вертолете, и пошли от острова Кижы к дому пешком. Нас сопровождала верная собака овчарка. Снег был глубокий, а под снегом вода. Шли тяжело, ведь пришлось брать с собой все самое необходимое: продукты и даже маленький телевизор с антенной. С 2004 г. мы теперь каждый Новый год встречаем в деревне Жарниково. С июня до середины октября я живу здесь. Женя пока работает. Но в будущем хочет переехать сюда жить. Надо сказать, что все больше людей возвращается в свои деревни не только летом, но и зимой. И все мы общаемся, дружим и всегда помогаем друг другу.

А в конце июля — начале августа большая семья Малиновских собирается в нашем доме в деревне Жарниково вместе с детьми и внуками, которые тоже очень любят приезжать сюда в любое время года. Это наше общее место силы! За большим столом в горнице собирается до 12 человек».

ГУМЕРОВА Татьяна Володаровна

(в девичестве Евтюкова) родилась в 1958 г. в Петрозаводске. Там же училась в школе и окончила строительный техникум по специальности «Архитектура». По распределению попала в Уфу, где провела самые активные два с половиной года жизни. Занималась скалолазанием, альпинизмом, туристическими походами по всему Южному Уралу. Вернувшись в Петрозаводск, работала в проектных организациях. Также была занята в административно-хозяйственной сфере и в строительстве. Сейчас на пенсии. Помогает с воспитанием внуков, на лето берет их в родную деревню Жарниково.

Жарниковы из деревни Жарниково:

«Мы из рода Жарниковых деревни Жарниково. Родители мне рассказывали, что до войны лодка не у каждого была, но у моего

Жарников Павел Иванович

прадеда Жарникова Михаила Спиридоновича была. Он ездил сачить, а потом деревенский народ шел к нему за рыбой. Еще прадед делал дровни для колхоза. Мама и младший брат Толя помогали ему гнуть полозья, набивали наматрасники сеном. В деревне без работы никто не сидел. Но умели одинаково хорошо работать и отдыхать. Очень

любили зимние посиделки и праздники. До сих пор помню бабушкины рыбники и блины с сыром — с сушеным творогом.

В Жарниково раньше была начальная школа, а дети что постарше учились в доме Серовых в Дудниково. У деда было две коровы и овцы. Иногда корову с сеном переправляли в лодке под парусом на остров Гарницкий, где работал дедушка. В поветерь под парусом, а иногда и просто на веслах. Может поэтому и жили долго заонежане, что много двигались.

Моя мама Валентина — пятая в семье Ивана Михайловича и Евдокии Ивановны Жарниковых. Поскольку дедушка Ваня был старшим сыном, то успел принять участие в Первой мировой войне. Он прочувствовал все ее тяжести и лишения. Там получил сильное отравление газом, и поэтому на Великую Отечественную войну призван не был. А вот четырех его младших братьев и старшего сына забрала война.

В годы войны Заонежье было оккупировано финскими войсками, в 1942 г. всю семью вывезли в концлагерь, сначала в Петрозаводск, потом была пересылка в поселок Матросы. Там моя мама, 14-летняя девочка, с сестрой Натальей, которая была всего на год старше, пилили двуручной пилой огромные деревья. Потом их переслали в поселок Кутизма, где, полуголодных и изможденных, заставляли пилить дрова для оккупантов — метровку пополам.

Прабабушка в это время оставалась в лагере. Она не выдержала тяжелых условий существования и вскоре умерла.

После освобождения Петрозаводска в 1944 г. Иван Михайлович сразу уехал в Кижы, где служил смотрителем Гарницкого маяка. Евдокия Ивановна еще некоторое время оставалась в городе. Надо было помочь дочерям и присмотреть за ними. Валентина пошла ученицей в швейную мастерскую, а Наталья устроилась на работу в пожарную часть.

Семья Жарниковых

Когда заболел Иван Михайлович, Евдокия Ива-

новна из Петрозаводска пошла вокруг озера в Кижы пешком. Она спешила на помощь к мужу домой в деревню Жарниково.

Моя мама Валентина осталась в Петрозаводске, где и началась ее самостоятельная жизнь. Она работала в городе швеей, потом перешла на Слюдяную фабрику. Сейчас ей уже 93 года. Нас у нее две дочери: я — Татьяна, и Людмила.

Все наши летние каникулы мы проводили в деревне с бабушкой Евдокией. Рыбалка, грибы и ягоды, огород. Конечно, купались и загорали. Играли в футбол в соседней деревне Мальково, куда регулярно ходили за молоком. В Жарниково отдыхали и наши дети, а теперь уже отдыхают дети наших детей. Моя дочь Елена три лета отработала в ожившей экспозиции в доме Ошевнева на острове Кижы. Много лет участвовала в Кижской регате в женском экипаже. А все мои три внука крещены в Покровской церкви. Мы считаем, что самое счастливое время — это детство в деревне!

Конечно, старинных построек в Жарниково уже нет. После войны пригодным для жилья сохранился только наш дом. Тогда говорили, что вся деревня в один дом. Но за последние лет тридцать-сорок Жарниково восстановилось. И в этом немалая заслуга внуков Ивана Михайловича и Евдокии Ивановны Жарниковых,

которые построили четыре дома у самого озера, как и было принято в старину.

Горжусь, что наша деревня жива, и к этому мы имеем самое прямое отношение. Как и прежде, слышны детские голоса, кипит работа в огороде, а поездка за грибами все также является нашим любимым занятием. Мы здесь отдыхаем душой и телом, заряжаемся положительной энергетикой в своем родовом гнезде. Жизнь продолжается...»

Деревня Дудниково (Лопинская)

Известна с 1563 г.¹²⁹ Но с конца XVI и весь XVII в. деревня стояла пустой, без жителей и только в 1696 году возродилась¹³⁰. Первое название Лопинская, а в конце XIX в. сменила его на Дудниково. Всегда состояла из одного или двух домов. Сейчас в ней сохранился один из самых старых домов кижской округи — дом Т. С. Серого¹³¹ (1874 г.)¹³². Рядом с домом еще в начале XX в. стояли типичные для усадьбы заонежского крестьянина постройки. На берегу располагался двухкамерный амбар, южнее дома на мысу «наволоке» стояли рига с гумном и мельница:

1. Местонахождение: деревня Дудниково¹³³
2. Владелец: Серов Тит Степанович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная диким камнем
6. Число крыльев: 8
7. Сколько лет существует: построена в 1893 г.
8. Ремонты: В 1911 г. перенесена на другое место, вставлен новый опорный столб, вал, крылья и основание (корпус стоит прежний).

¹²⁹ Писцовые книги... С. 133.

¹³⁰ Коновалов И. Указ. соч. С. 116.

¹³¹ Семья Серовых происходит из деревни Жарниково, составляет одну из ветвей большого рода, который ведет свое начало от первооселенца деревни.

¹³² «Акт (на страховку): 1874 года Июня 3 дня учинен сей Кижским Волостным Старшиной при сельском старосте и добросовестных крестьянах в том, что ... осмотрел и нашел дом Серова новый, деревянный, двухэтажный о шести жилых покаях, стоящий в шесть сот рублей серебром». (По прошению крестьянина Кижского общества деревни Западного Берега Тита Степанова Серова. 1916 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 1, д. 18/9, л. 104).

¹³³ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 124.

Мастер работал 3,5 недели на хозяйском содержании. Платили по 3 руб. в неделю

9. Сумма, израсходованная на ремонт: —

10. Ежегодная сумма страховки: —

11. Число наемных рабочих: сами работают

12. Число рабочих дней в году: три месяца

13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: иногда работает

14. Производительность постава за рабочий день (10—12 час.):

при хорошем ветре мельница сможет смолоть мер 20

15. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 60—65 мер, овса — 45 мер

16. Сколько мер переработано на заказчиков в год: 100—115 мер

17. Плата за помол с меры: 2—3 коп. с меры

18. Сколько дней работает толчея: —

19. Сколько переработано овса за год: —

20. Какая плата за толчение: 10 коп. с меры (прежде), теперь 20—25 коп.

В начале XX в. домом владели два брата, один из них постоянно жил в Петербурге, а второй — Григорий Титович — хозяйствовал в деревне. Из скота держали 5 лошадей, 7 коров и 6 овец. Хозяйство было настолько большим, что на работы нанимали работников: смолокурение — 15 дней, жатву — 15 дней, на рыбную ловлю — 40 дней. Из промысловых орудий имели: 2—3 керегода, 120 сетей, 3 лодки с двумя парусами, сак¹³⁴.

Из народных мемуаров

КУДЕЛИНА Ольга Григорьевна (в девичестве Серова)

Родилась в 1913 г. в Петрограде, жила в деревне Дудниково Кижского прихода, умерла в 1999 г. в селе Великая Губа. Дочь Григория Титовича Серова, одного из хозяев дома Серых.

Серовы:

«Родилась я в Петрограде, потому что папа там у меня жил, до германской войны мы там жили. А потом папу взяли на войну, папа написал, чтоб выехали: „Уезжай с ребятами домой! Будет голод“.

¹³⁴ Бланки статистического учета... 1916 г. Л. 8.

И мы выехали в деревню к дяде Алексею. В этот дом. Наш он, Серовский, папа с этого дому. Григорий Петрович и Алексей Петрович Серовы (Алексей Титович и Григорий Титович. — Прим. редакции) — оба брата, они там в Кижях, на Ямке похоронены. У меня папа пришел с плену. В первую войну был у германцев четыре года в плену, потому пришел больной оттуда. К брату. Тут они и разделились на две семьи. По три коровы было, по лошади было. Южны две фатеры вверху их, северны две фатеры — наши. Весь низ был питерский. Питерцы приезжали летом как на дачу, а осенью уезжали. Жил там их братан¹³⁵ Василий Михайлович Серов».

Мельница:

«Когда они делились, мельница ветряная досталась моему папы. Находилась она назади дома. Недалеко от дома стояла. На мельнице мололи рожь, жито на муку. Овес толкли, тоже на муку, такие были песты деревянные. Работал на ней только папа и то не все время. Как привезут зерно на мельницу, попросят, что смелите, столките. Ему днем некогда, дак он вечером ходил. И я пойду с ним. Как ветер, так мельницу-та и вертит ветром. Она и работает. А я в шубу завернусь да на мешки лягу. Мельница сама работает, он только помешает, сходит, мешки сменит. Платили как? Денег не было, дак за пуд — совок муки, там был деревянный большой совок».

Фатера:

«На кухне обедали, в фатере. Скатерть на столе была обязательно. Домоткана, с холста. Ткали тогда, лен-то сеяли, обделывали. Вытыкали не только прямыми, но и другояко, можно было и клеткамы, можно и „в елочку“. Только не цветасты, а белые. Как покушают, скатерть убирали. Стряхнут, и у печки такие грядки были — на грядку повесят. До ужина. В ужин опять садятся за скатерть. Ели — большая миска на столе с супом. Если не хватает руки, значит, еще вторую нальют. Хлеб на такой деревянной тарелке, сами ведь делали тогда. Был посудник у нас на стенке, дак в посуднике вилки, ложки. А сверху тарелки туда убирали. Такие были деревянные вешалки сделаны — гвоздильны. Там висело полотенце для лица.

¹³⁵ Двоюродный брат.

А рукотерки висели там у печки, у прилавка-то, там было место ему, утирали руки.

На полу спали, не все ведь на кроватях. Приносили постели, утром в коридор выносили, там деревянная кровать стояла. Были покрывала овчинны. С овчин. На полу спали, дак тепло. Вот как шубы — одевальницы. С кукелем-то с таким шили, там ноги в кукеле, а так широко здесь. Ведь не по одному человеку спали, парнишки спали отдельно, мы — девчонки, ну, нам делали кровать. Скамейки подвинем к лавке, как на кровати спали».

Кижские церкви:

«Нас папа не оставлял, в церковь возил вот таких. В Паску дак он увезет нас всех: „Грех спать! Давайте все в церковь!“ Церковь полна народу, он на крылосе, а мы рядом с братом. Старшими мы были двое. И вот там сядем, он на крылосе, а мы эту сторону крылоса сядем и тут с братом спим... На крылосе — одне мужчины, женщин не было. Мужчины, мужчины, мужчины. Все пели. Народу в Паску много: полна церковь. И в паперти полно, и в ограды ище, около церкви. Вся молодежь и все, все в церковь ходили! Все стояли со свечами. Платки у женщин красивые, шелковы. Другой раз старуха задремлет, ткнет тебе в платок, дырка и делается...»

Спасова церковь красивая очень. Красивая, богатая. Все в иконах золотых! Такие большие! Небо — большое голубое, все звездочками золотыми. А сколько у нас было риз! Два священника ведь было. Василей да Михаил. Два жили на Погосте. Не братья они были, а два священника. На одном берегу один ходил, служил, а другой на другом, там, где Кургеницы.

А зимой в церковь пешком ходили все. Пешком по льду — с каждой деревни была дорога. Приезжали и на санях, как далеко дак. Но лошадям отдыхать больше давали... Зимой ходили, конечно, меньше, но ходили все равно. Стояли в церкви в одежде, холодно же зимой. Хотя в зимней церкви две печи изразцовы были.

У церкви такой дом стоял — сторожка. На две половины. Там жили раньше монашки. Они вязали, шили хороши платья. Помню, папа привез на платье шелку, дак мама монашкам отправила. Монашки сшили платье шелково. Перчатки красивые вязали очень. Все делали. Не знаю, уж сколько там монашек жило, это не знаю».

Дом Серых:

«Строил дом с Петербурга, тоже была Серов фамилия. И памятники были ихны с женой тут в ограды. Здесь они померли. Но, говорят, он не родственник был, и этот дом он построил для сына больного, тогда такую болезнь чахоткой называли. Он построил этот дом, чтобы сына в деревню вывозить. Сын-то помер, и они моего дедушку, Тита Степановича, взяли вместо сына в этот дом. Да! Дедушку Тита Степановича. А у дедушки-то были, видишь ты, сынова, так этот дом наш и стал. Нам бы такой не построить! Все под крышей было закрыто берестой, чтобы не текло. Все полы промазаны смазкой из глины, теплый был дом. Печки были изразцовы, белые, клеточками. Перед домом, у воды камень-то на середины большой такой. Бывало, тенька с ребятами все выходила, у камня сидела. У нас на бережку так красиво было, хорошо! Внизу палисадник зеленый такой, как садик под окном стоял»¹³⁶.

КАРНАКОВА Лидия Григорьевна (1922—2017), сестра Ольги Григорьевны Куделиной¹³⁷

Мать — Агафья Петровна Маньшина. Отец — Григорий Титович Серов.

Дом Серовых:

«В горнице была двустворчатая дверь. А крашенные или нет — не помню. Внизу в горницу из избы белые потолки и белые двери. Жили в Питере, а пользовались все. На первом этаже сени с тамбуром — ? Из них вход в избу, две спальни и темный чулан без окон для молока. На прилавке у печи „сутёмковали“ — ложились отдохнуть. Полатей не было. В Маньшиных у бабушкиной мамы были полати.

Печь в горнице голландка от потолка до пола (белые изразцы). Русская печь на втором этаже была из изразцов в „фатере“. В горнице второго этажа, возможно, тоже изразцы.

Второй этаж — сени, изба, горница, из сеней вход в горенку (над спальней первого этажа), фатеру с русской печью (над второй спальней первого этажа) и вход в дополнительные сени для перехода на сарай.

¹³⁶ Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары... С. 160—162.

¹³⁷ Запись С. В. Воробьевой от 19.07.2000 г.

Дом Серовых в д. Дудниково. 1920-е гг.

Первый этаж занимал папин двоюродный брат, второй этаж — дядя Алеша и папа.

Третий этаж — светёлка и два чулана по бокам. В чуланах были лари, двери в чуланы массивные с ключами большими. На северной половине „подволоки“ были настелены полы. В светёлку лестница была зашита досками. В светёлке не было печи. Из светёлки в середине были двустворчатые двери на балкон. Чай пили в светлое время. Там был деревянный стол и диван некрашенные, и неклееные стены.

Мама пришла в дом младшей невесткой. Свекрови не было, а командовала тетушка — „большуха“. Не отправила ходить за скотом, хорошо относилась.

Амбар был двухкамерный двухэтажный, часть на воде, часть на берегу. Занимались рыболовством, промысловики. Имели невод, верши, сети. Только для себя — лучше так отдавали, но никак не продавали. Ледника не было.

Мостки на стояли кóзлах, может быть в полбревна. У бани стояла дяди Лени кижанка, у амбара папина двухмачтовая кижанка для ловли в Онего. Вдоль берега между амбаром и баней — вешала для сетей.

Парус — полотно толстое и грубое. Лодки были вытянуты на берег и не привязывали. Большую лодку затаскивали руками. Лодки стояли на „собачках“ по две у каждой лодки.

Огород был с юга вдоль дома до съезда, съезд на юг.

Родовая береза стояла с южной стороны дома.

Двери из сеней на сарай были толстые с огромной заложкой.

В сенях стоял двустворчатый шкаф с отверстиями, там хранили хлеб. Пекли большие мякушки и овсяники — маленький овальный хлебец.

Был специальный столик для калиток, пирогов, блинов, туда и выкладывали хлеб.

Курятника летом нет в избе.

В Клименицах был Серовский стан туда ездили за ряпушкой — от туда в корзинах ряпушку продавали. В Кюршево (ездили) продавать, а оттуда ситцы везли. Зимой папа возил в город сено на продажу. На лодках ждали попутного ветра и туда и обратно возили в Клименицы хлеб. На Гарницкой луде — для зажигания вех, тоже возили хлеб.

„Братька“ — двоюродный брат, „нянька“ — его жена (из Обрядных на Голиково), „коробейку шить“ — приданое готовить».

Про деревню Маньшино:

«Дед по матери — Петр Нестерович Маньшин шил лодки и имел две мельницы.

Полотеца сшивали край в край по кромке. Вышивка сантиметров пять. Тетенька в чепце ходила, а мама не носила ничего. Платки завязывали вперед. Тетенька все время ходила в чепце, но дома без платка.

По праздникам в какой деревне гостили, где праздник туда и ходили.

В Телятниково к Ильи дню выкашивали поженку у Ларионкова поля. Приходят пожилые и молодожены и садятся вокруг на травку. „Ночное“ накануне праздника, тогда молодежь гуляет всю ночь, ходят по деревне по полю, танцуют, парочками ходят. В Телятниково приходили к тете. В Корбе Горбачевы родня — мамин брат — мой крестный, а женился он на Горбачевой.

В Кургеницах к Дегтярёвым, Филиным — бабушка, мамина мать от Дегтярёвых. Филины — мамыны двоюродные сестры, близкая

родня, очень роднились. Гостить в невестах ездили в основном по родне.

Мама с папой пошли на Боярщину, и я не видела у кого они были. Если нет родни, то сиди хоть где, где завалинка, где кадрилият. По-приятельски за стол приглашают.

Серовский праздник постный — Спасов день. Утро праздника — дети чистят картошку, помогают. Мама и старшая сестра в праздники не были в церкви. Папа ходил в церковь обязательно, пел на клиросе. На Пасху и Рождество не брал с собой — „поспите лучше“.

В большой праздник в Преображенской церкви было много народу, но никто не пихался.

Мама и старшая сестра в праздники пекли. Потом переодевались в новые наряды и ждали гостей. У мамы была привычка — в Рождество ведь надо идти в школу, а мама не пускала, только когда отец узнал, сказал, то отпустила.

Когда гости приходили, то уж мама не сидела. Водки за столом не было. Если кто очень хочет, то в чулане бутылочка и закуска, туда уводили.

Рыбники, красный кисель. Мама и папа постились: ягоды с толкном (брусника толченая) замешивали густо, выходило сухо.

Утром топится печь. Пекут хлеб и из того же теста пироги с солеными грибами, пироги с горохом (вареный), растительное масло, рыбники, сущик. Картошка, волнухи соленые, лук порезать, масло растительное. В закрытом горшке в „выпаханую“ печь. Волнухи на закуску каждый день. Капусту не растили. Печеная брюква, печеная репа — „пара“. Репища — в Иванов день плюют репу. Каждый год новое репище на пожоге делают.

Овсяное тесто — жидкая еда несладкая. Солодма — из ржаной муки, пшенная каша и житная (ячменная) с растительным маслом.

На сенокос брали: ячменная каша, много масла, сухой творог.

Ягодники. Тесто из хлеба, ягоды, сахар (в полотенце положат кусочки и дверью закроют).

Мясо — на зиму забивали овец, оставляли только маток и барана, бычка. Вяленое мясо развешивали на балконе „под шелонок“. Летом вяленое мясо ели. Лохани невысокие с соленым мясом. В пост ели овсяные блины с ряпушковой или налимьей икрой.

На Пасху пекли куличи, пасху. У нас была металлическая форма шестигранная, она открывалась и снималась, а наверху яйцо крошечное. Куличи без глазури наверху.

В поле зеленый мох на камнях собирали и красили яйца, а также шелухой от лука. Священник ходил по дворам с обходом и ночевал в доме.

Из дома нас выселили в 1938—1939 гг.

На погосте был медицинский пункт — фельдшер и акушерка.

Чернику и черемуху сушили как лечебные. Клюква в тазу и в этой же травке.

Брусника. Через Вожмариху выехать в Онего до „Песков“. Там была смолокурня, вот там много ягод. Там была баня и смолокурня, стояли столы большие. Потом ходили пешком на Липовицы, там ночевали у селян. Когда дождь — женщины в лес за ягодами и грибами, а в другое время сельхозработы. Белые, подосиновики сушили и потом варили суп. Жарили грибы. Грибы это одно, а волнухи это другое. Рыжики, волнухи, грузди — их солили. „Целушки“ — волнухи мелкие солили отдельно, из них можно в пост „рыбник“ печь. Колюбьяка — парное мясо (грудинка, печень и др.) запекается в тесте как для хлеба. Есть ее надо тепленькую».

Про дом:

«Дом Серовых был выкрашен в белый цвет, а наличники салатные. Зимой все жили внизу, а верхи все были пустые и зимой чудилось.

Было две кровати, а остальные на лавках спали и скамейки подкладывали. Постельники из „болотины“, ткань в „елочку“ или „в полоску“, однотонные.

Всегда говорили, что „гробик вделали строители дома на чердаке“, то и чудилось.

Маньшинский дом, Никиты Маньшина — кошелем, одноэтажный.

Зимой слышалось в доме: „Пру, приехали!“ Выходят — и никого, в ельнях ребенок плачет, огонек горит.

На сарае было еще два чулана и на дворе чулан.

В светелке стояли „кереноватка“ — сложены пальто. Стол и диван. Летом пили чай. Светёлка — балкон открывался. В чуланах рядом со светёлкой стояли лари, продукты. Второй этаж жили дети Тита Степановича. Уже был привезен лес чтобы строить новый дом, но все рухнуло.

Семья была на твердом задании, и была распродажа имущества. Обложены были таким налогом, что не могли заплатить. Был дан приказ выселять из хуторов, за дом была выручена, видимо, какая-то сумма. Тогда же выселили с Берёзовой Сельги».

Праздники:

«Спасов День — Жарниково, Дудниково. Телятниково — Ильин День».

Дом Серовых (Серых):

«В темном чулане первого этажа сундуки стояли, летом под молоко — молочный шкаф.

В горнице первого этажа стоял полированный столик на трех лапах. Играли в лото — отдельный стол.

В избе на втором этаже был только в бок воронец. Наверх на второй этаж с северной стороны была лестница по стене сарая на улице, потом по стене сеней и через балкон на второй этаж. В сенях первого этажа была лестница (та, что есть сейчас).

Таких домов было три: у Серых, в Глебово, в Букальниково — строила Серая Варвара Петровна, был сын Серый Григорий Титович, якобы подарила детям, говорили в семье. Родственники говорят, что прабабка была монголка (прадед привез из Новгорода).

Было три брата: Тит Степанович, Григорий Степанович и Михаил Степанович. Внизу жил Василий Михайлович с женой Анной — дочь священника. Они жили в Ленинграде (около 30-х гг.), приезжали на лето. Он работал приказчиком в Елисеевском магазине, потом открыл свой — перед революцией. Папа был отправлен мальчиком в Ленинград — работал в управлении Елисеевского магазина.

Когда началась революция, родители были в Ленинграде, отца забрали в армию, и четыре года он был в плену в Венгрии. Был и в красных и в белых.

В серовском доме были белые, а на другом берегу красные.

На первом этаже сени с тамбуром. Изба. Горница, две спальни и темный чулан без окна для молока. В спальню восточную можно было попасть из горницы, а из восточной спальни вела дверь в спальню западную. В западную спальню была дверь из сеней. Печей в спальнях не было. В светёлке не было печи.

В 20-х гг. второй этаж переделали из восточного чулана — сделали горенку, из второго фатеру с русской печью. У маминого отца было две мельницы».

Деревня Телятниково (Грузиловская)

Существует с XVI в. Первоначально деревня находилась на острове Керкостров¹³⁸ — «дер. на Кирко-острове на Грозлове»¹³⁹, а в начале XVIII в. она получила новое название — Грузиловская¹⁴⁰. На материк с Керкострова крестьяне перевозили скот

Улица д. Телятниково. 1960-е гг.

Слева направо: дом Вавилина, дом Сержантовых (Ласточкиных), дом Ласточкиных, дом Ласточкиных (Хахаевых).

Музей-заповедник «Кизи». НВФ-5409

на пастбища в летнее время. Через некоторое время, возможно, уже в XVIII в. жители деревни перенесли свои дома с острова на материковую часть. Легенда об этом сохранилась и в названии деревни — Телятниково и в семейных преданиях. Из несохранившейся до настоящего времени деревенской часовни Ильи Пророка происходит одна из древнейших икон в собрании Государственной Третьяковской галереи «Св. Никола и Филипп» (XIV в.).

¹³⁸ В XVI в. на острове Керкостров было 4 деревни, к XIX в. их осталось 2, одна из которых переехала на материк, а жители другой перешли жить в разные материковые поселения.

¹³⁹ Писцовые книги ... С. 130.

¹⁴⁰ Книга переписная дворцовых крестьян... 1748 г. Л. 482.

Берег д. Телятниково. Кон. 1960-х – нач. 1970-х гг.
Слева направо: дом Ласточкиных (Хахаевых), дом Носовых,
дом Романовых (Теленковых).
 Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5410

Еще в начале XVIII в. в деревне стоял только один дом, но в течение всего XVIII и XIX в., видимо, в то время, когда шел процесс переезда крестьянских семей из разных деревень Кижской волости в деревню Грузиловскую (Телятниково), количество домов постепенно увеличивалось, и к началу XX в. поселение достигло весьма внушительных размеров:

1. Хахаев Петр Федоров
2. Хахаев Евдоким Федоров
3. Телёнков Федор Романович
4. Балагурин Петр Васильевич
5. Ласточкин Роман Николаевич
6. Федор Федотов
7. Ласточкин Матвей Нифантьевич
8. Вавилин Петр Васильевич
9. Вавилин Дмитрий Данилович
10. Вавилин Виктор Данилович
11. Вавилин Захар Данилович
12. Ошевнев Егор Акимович
13. Свёкров Илья Алексеевич
14. Клинов Василий Иванович¹⁴¹

¹⁴¹ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 36.

Из этого списка только Телёнковы ведут свой род от крестьянина деревни Грузиловской на острове Керкостров, жившего в ней в 1616 г.¹⁴² На сегодня в деревне сохранилась часть исторической застройки, но преобладает застройка начала и середины XX в. Два дома представляют особый интерес. Это дом Вавилиных (1888 г.), и дом Романовых (Телёнковых) (1905 г.). Семья крестьян Вавилиных, часть которой уходила на заработки в Петербург, в середине XIX века пожертвовала в Преображенскую церковь иконостас с иконою Успения

**Часовня во имя пророка Илии
в д. Телятниково. Вид с севера.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-2448**

Божией Матери, стоящий ценою около 150 рублей серебром¹⁴³. Это был великолепный резной золоченый киот. Вавилины еще с XVIII века поддерживали связи с Петербургом, а в деревне они владели кузницей¹⁴⁴, которая стояла в центре поселения. Фамилию Вавилины получили от имени предка Вавилы Алексеева, жителя деревни Сычи (Прохновской)¹⁴⁵.

Ремесленные навыки крестьян позволяли им работать не только в деревне (кузнец — выковка кос и сошников, красильщик, двое портных), но и уходить на заработки в Петербург (шесть столяров, портной, жестянщик). В доме Телёнковых (Романовых) на первом этаже в сенях располагалась красильня, а над ней крестьяне оборудовали молельню, поскольку часть семьи принадлежала к староверам.

¹⁴² Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 188.

¹⁴³ Кижский приход... Приходно-расходные книги. Л. 42—50.

¹⁴⁴ Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.

¹⁴⁵ Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—1726 гг. Л. 281.

Из народных мемуаров

Клинова Анна Викторовна (в девичестве Вавилина)

Родилась в деревне Телятниково 17 декабря 1909 г., вышла замуж в 1928 г. Умерла в середине 1990-х гг. в Петрозаводске.

Праздники:

«В Спасов день все ездили в церковь. У нас в деревне с каждого дома ездили. Утром, рано утром, обедня всегда начинается в восемь часов, в девять или в половину. Обедня пройдет вот в этой в большой церкви, эта маленька-то Покровска, а эта Спасовска. На людях самое красивое одето. И особенно красивые платки были! Одевали всякие сарафаны, коротки казаки оны.

И кто сможет, дак тот съедет. Ведь не у каждого еще лодка была. Но тогда лодки у всех были, у всех лодки. И всегда на гребках ехали. А там, у Кижей, останавливались у церкви. Да, это у церкви тут пристань была. С нашей деревни лодки четыре приедет, от Жарниковых приедут лодки, от Воробьёв приедут... с Сибова. С друга берега. С каждого берега идут лодки. Иногда приставали в самом начале острова, а потом пешком шли туда. Чтобы грести меньше. Тут ильмы раньше были, была рожь такая, вот дорога, и сейчас дорога есть, дорога широкая, по одну сторону рожь, по вторую рожь. Поповские поля. И вот рожь там, там и идешь по полям, в церковь идешь летом.

*Старый дом Ласточкиных
в д. Телятниково. 1950-е гг.*

Красиво! Вот теперь нету красоты-то такой. Нет. Настроено всего, а что, все уж старо, дак. А в церкви-то было золото! Церковь-то была большая такая, красиво-то как! Ой, я любила, так красиво там!

А на Пасху мы ездили, дак у попа останавливались. Да, на острове. Такой большой дом был, кухня большая. Вот мы приедем, дак они собираются, вот эта Мария Михайловна да Анна Михайловна,

да Клавдия Михайловна — дочери были, потом Николай Михайлович, Михаил Михайлович, потом Петр Михайлович — вот эти все, они ходили в церкви, пели. Вся семья пела. В два голоса пели. А исповедались еще. Вот, до Пасхи-то исповедались, ребят-то гнали. Нас пригонят туда, значит, исповедоваться вечером, и пока они на церкви, а мы дома там расшались, ужас один, как расшались. Он придет, но не ругается, говорит: „Дети, вы же исповедались, надо скромнее вести, нельзя ругаться. Ложитесь спать“. Ой, много, много всех детей было: наши дети, кижски, там жарниковски, приезжали...»

Отжин:

«Справляли. Пирог скали. Это и сейчас делают, но сейчас больше из белой муки, а мы с ржаной муки делали. Такой тонкий пирог.

Творог сушили, потом с маслом, с толокном замешивали, и вот жарили. Уже в деревне слышно: „А, вот такие-то отжали!“ Потому что запах по всей деревне шел. Это, когда отжал все, когда кончил жатву ржи, тогда это было».

*Дом Вавилиных в д. Телятниково,
построен в 1888 г.*

Как нанимали жней:

«Жней у нас не нанимали, у нас мало нанимали. А вот я вам расскажу, жней нанимали в Деревянном, Деревянное знаете?

Там один нанимал жней. И он, как приходят жнеи, он садит за стол, и чтобы ели досыта, а одна женщина пришла, но молоденькая такая, она, может быть, стеснялась, и сидит так и не ест, а он подошел к ней да говорит: „Марья, а, Марья, пой домой, не жнец ты, ешь мало, надо есть хорошенько!“ Вот, чтобы люди наелись, и чтобы жали, да! А мы, когда еще не было этих... колхозов, ничего,

у нас была молотилка своя, деревенская. Общественная молотилка. И мы, девочки, все собирались, у одного отмолотим, идем к другому молотить, и вот друг другу помогали, просто помогали. Каждому обмолачивали».

Знакомства:

«Познакомились с мужем у Сычёв на бесёды. Танцевали парочкой. Приехала, а мама как раз встречала, мы приехали, хохотали. А мама говорит: „Аннушка, не дело ты делаешь!“

Ведь, бывало, ходили иногда и по два года с друг другом. У меня брат двоюродный женился. Из Серёдки на Клоповой Анне, а он у Маньшиных жил, у братьёв. Они долго ходили с ним. Отцу он не нравился — бедный. Они, как побогаче были, а у наших-то бедный, да и ребят много было, да он старший был. Вот, значит, Клопов-то говорит: „Время идет, не малина, не высыплется“ — про дочь, про невесту-то. А они честные были, очень честные такие. Ну, и поехали свататься, приехали они, а Клопов ходит: „А, не малина, не высыплется, поспеет, поспеет, поспеет“. Не хотел. А потом вышли, дак они всю жизнь жили хорошо! Да. Жили до старости».

Дом Романовых (Теленковых)
в д. Телятниково, построен в 1887 г.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5413

Романов Иван Федорович,
Романова Елена Кузьминична,
их дети Вера и Катя.
Нач. XX в.

Староверы:

«При нас уж красильни в деревне не было. При нас уж староверы в Романовском доме жили. Они одевались не так особо, как они ели особо. Они в маленьких чашечках отдельных ели. Каждый со своей. Богу молились, они постоянно Богу молились. Иконы у них такие большие, икон много, и они молились, и никто к ним не ходил в это время.

Когда молились, дак у них было, как называется... четка какая-то, как-то называлась. Как цепочка. И они молились Богу, и вот это... переставляли. У них батюшка был, вот. Он приезжал к ним. С Вертилова. Они все так же как мы делали. Все! Но только вторая вера у них была. Наша вера христьянска, а это была... старая вера.

Они местные были, Телёнковы да Романовы, как жили все тут, у них двадцать человек в семье было, ухаживали за коровами, девять коров было. Все родственники были. Хозяин у них был один. Здесь не было таких, как эта большая семья. Называли Телёнковы. Ему было тридцать два года, а ей шестнадцать. Вот так. Один раз от Сычѳв ехал, пришел лодку просить, на Керкостров переехать... В шестнадцать лет уж венчали.

И мой крестный, ему было тоже тридцать два года, а ей было шестнадцать лет, вот тоже просватали. Из Питера как приехал, а потом чего-то и отдумал жениться. Дедка Данила смотрит в окно и говорит: „Ой, кто это к нам?“ А мать ея пришла, говорит: „Вы что, над моей дочерью смеяться будете?!“ Ну, пришлось жениться».

ОЛЬХИН Василий Иванович

Родился в деревне Ямка 22 апреля 1909 г., умер в декабре 1995 г. в Петрозаводске.

Христославы и ряженые:

«После Рождества, конечно, ходили, как Новый Год ходили. Всяко одевались: и медведем, и волком, и в шубе заворачивались. Всяко, всяко! Кто как мог придумать. Плясали обычно танцы. Вот русская наша кадраль — это обязательно было. Ну, хозяин мог угостить, если самостоятельный хозяин. Если он знает, что свои пришли, дак, конечно, и самоварчик поставит, после узнаваемых гостей поит чаем.

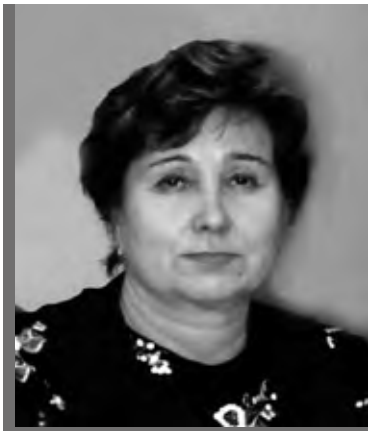

Слева направо. Первый ряд: Ласточкина (в дев. Романова) Мария Ивановна, Ольга Лобачева (в дев. Белькова), Ласточкин Василий Матвеевич, Судьин Василий Михайлович (житель д. Насоновщина). Второй ряд: Бельков Александр Николаевич на руках держит сына Женю. Деревня Телятниково. Нач. 1960-х гг.

Например, вот пришли ряженые сейчас в данное время, если бы я двух-трех человек назвал, может, „Марья!“, она бы сразу мне откинула платок, что я угадал, значит, правильно. А кого не отгадал, тот так маски с себя и не снимал.

Несколько человек ходили Христа славить. Приходилось этим делом заниматься. Например, самая это малая группа — три человека. А то и пять человек ходило ребят. С вечера ходили. Ну, например, часов до двенадцати, до часу ночи — это было самое малое, а то и больше некоторые ходили. Мы пели только в своей деревне, в свою деревню только и ходили, по своей. Была сделана звезда. Из бумаги разноцветной. Она... само основание круглое, а вокруг лучи или как их назвать. Вот мчался в этот дом: „Христа можно прославить?“, хозяин или хозяйка говорит: „Пожалуйста, можно“. Вот, зажигаешь эту звезду внутри и перед иконой становишься и поешь эту заповедь

всю „Христос рождается...“. Ну, и хозяйка потом, знаете, тебе дает там деньги или что-нибудь такое»¹⁴⁶.

АЛЕКСАНДРОВА Людмила Владимировна (в девичестве Захацкая) родилась в 1948 г. в Петрозаводске. В 1972 г. окончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета и устроилась в Петрозаводское речное училище. С 1978 г. работала в должности заместителя начальника училища по заочному обучению. В 2013 г. вышла на пенсию. Имеет многочисленные государственные награды. Каждое лето приезжает в деревню

Телятниково, куда ее бабушке и бабушке пришлось после раскулачивания переселиться из деревни Дудниково, из их родового дома Серовых.

Тетя Маруся:

«У моей бабушки Серовой Агафьи Петровны (в девичестве Маньшиной) была младшая сестра Мария, очень похожая на нее. Она была красивой, статной женщиной. Спокойная, улыбчивая, доброжелательная. Жила она в Ленинграде, но часто приезжала к бабушке в Кижы, в Телятниково. Ездил на могилы дочери и родителей.

В тот день мы причалили на лодке к Кижскому погосту и пешком пошли на кладбище. Мне тогда было лет десять. Дорога туда не близкая, да и день был жаркий, мы устали.

На обратном пути тетя Маруся ушла вперед, а мы с бабушкой немного отстали. Когда подошли к церкви, то увидели, что тетушка зашла на мостки и села, опустив ноги в воду. Вдруг бабушка взяла меня за руку и сказала: „Пошли, посидим у дома Ошевневых, пусть поговорят“.

Я увидела, что по мосткам, где сидела тетя Маруся, идет мужчина, он сел рядом, уткнувшись подбородком в колени. Они о чем-то

¹⁴⁶ Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары... С. 167—170.

стали говорить. Было видно, что тетушка очень разволновалась.

Мы с бабушкой ждали очень долго. А когда поехали домой, тетя Маруся плакала, потом они с бабушкой всю ночь шептались.

Когда я была студенткой и в очередной раз приехала в гости в Ленинград, то застала ее больной. Она плакала, когда рассказывала свою историю. В молодости тетя Маруся очень любила одного молодого человека из деревни Кургеницы, а родители решили выдать ее замуж за другого. На последней встрече любимый спросил, что она намерена делать. Она ему ответила: „А вот соберу узелок и приду к тебе“. Узелок-то собрала, а прийти не посмела. Так и вышла замуж по воле родителей. Несколько раз уходила от мужа, но родители возвращали ее обратно. А когда умерла дочь, она все-таки от него ушла и уехала в Ленинград к брату.

За все годы тетя Маруся любимого не встречала, хотя в Кижы приезжала. Он был трижды женат и все-таки разошелся. Рассказал в тот день, что как только узнал, что она ушла от мужа и уехала, сразу начал искать ее в Петрозаводске и не нашел. И только в тот жаркий день, через много лет они встретились. Обменялись адресами и договорились, что кто умрет первым, другой обязательно приедет хоронить.

*Романова (Теленкова) Мария
Ивановна (1899—1986).
Ранее 1920 г.*

*Карнакова (Серова) Лидия Григорьевна
на фоне своего дома. Деревня
Телятниково. 1960-е гг.*

Я приехала к тете Марусе как раз в тот момент, когда она вернулась с похорон. Он умер первым. Вот такая судьба младшей дочери Маньшина Петра Нестеровича — Марии Петровны».

Тетя Шура:

«Одна из родных сестер моей бабушки Серовой Агафьи Петровны (в девичестве Маньшиной) — Александра Киселёва в детстве была очень

шаловливым и необузданным ребенком. За непослушание ее родители отправили на три года в Клименецкий монастырь. В нашем роду существует семейная легенда, что Петр Нестерович и Ирина Григорьевна дали обет одного ребенка обязательно определить в монастырь. Вот тетю Шуру и отдали.

До монастыря нужно было добираться пешком, а это очень далеко и приходилось идти не только по дороге, но и лесом. Особенно было страшно, если встречались незнакомые люди. Увидев незнакомца, она издали всегда громко кричала: „Здравствуйте, я Петра Нестеровича дочка“. А Петр Нестерович был известный в Кижях человек: имел свою мельницу, плотничал, шил кижанки и соймы.

В монастыре кормили плохо, но благодаря своему характеру и озорству, она умела добывать еду, а чтобы никто не знал, прятала ее в келью. После молитвы, когда уже все спали, она в своей келье брала простыню, накрывала ею икону со словами: „Вот теперь господь не видит“. После этого съедала свой персональный ужин.

Тетю Шуру выдали замуж в Подъельники за Егора Киселёва. Егор был хорошим столяром, работы его сохранились. С ним она прожила всю жизнь. Детей у них не было. После его смерти она жила одна. Озорная, шумная, всегда веселая. Говорила очень громко, поскольку

была глуховата. Нам, тогдашним детям, она казалась смешной и доброй. Ее озорство сохранилось до старости.

С приездом тети Шуры в бабушкином доме становилось шумно и весело. Мы всегда очень радовались встрече с ней, любили ее байки, анекдоты, которых было множество, а главное — кавказские конфеты. Она нас часто ими угощала. Теперь таких нет.

Тетя Шура жила в Кондопоге. На каждый праздник пекла пироги и пока горячие, как она говорила, по почте отправляла их своей племяннице Карнаковой Лидии Григорьевне, нашей крёснущке, чтобы порадовать ее. Можно представить, какие пироги получала крёснущка. Она выбрасывала их прямо на почте. Несколько раз просила не присылать пироги, на что тетя Шура отвечала, что Кондопога не далеко. Крёснущка хвалила пироги и никогда не говорила, что все выбрасывала.

Оптимизм тети Шуры не пропал никогда. В 90 лет она стала терять зрение и все твердила: „Привязалась проклятая катаракта, как я в 100 лет книги читать буду“.

Беда на нее обрушилась неожиданно. Свою квартиру она завещала соседке, которая за ней ухаживала, но соседка умерла раньше, чем она. Наследник продал квартиру вместе с тетей Шурой. Будучи в таком солидном возрасте, она подала в суд и выиграла. Но здоровье было уже подорвано. В итоге инсульт, от которого она уже не оправилась. Дочь Маньшина Петра Нестеровича — Киселева Александра Петровна умерла в 92 года».

Деревня Сычи (Прохновская)

В 1563 г. однодворной деревне «в наволоке Прохновская» жил Васюк Ефимов Сычев¹⁴⁷, разросшийся род которого (10 семейств) продолжал жить в деревне в начале XX в.:

1. Кичугин Михаил Логинович
2. Абрамов Михаил Семенович
3. Абрамов Илья Семенович
4. Абрамов Дмитрий Прохорович
5. Абрамов Павел Иванович

¹⁴⁷ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 132.

Справа налево: дом Пословых, дом Абрамовых, дом Бытовых, дом Абрамовых, дом Вавилиных, дом Балагуриных. Деревня Сычи. 1950-е гг.

6. Балагурина Марья Степановна
7. Балагурин Осип Савельевич
8. Бытов Трофим Антонович
9. Бытов Яков Иванович
10. Носов Кузьма Прокопович
11. Носов Федор Прокопьевич
12. Носовы Петр и Никита
13. Послов Василий Петрович
14. Послов Григорий Иванович
15. Вавилин Василий Харитонович
16. Абрамов Иван Семёнович¹⁴⁸

Род Кичугиных прослеживается с 1616 г.¹⁴⁹, а родословие остальных семей можно проследить с 1720 г., со времени первой ревизии¹⁵⁰.

От прозвища своего первопоселенца поселение получило свое новое название Сычѣвская, а потом и Сычи известное по документам с середины XIX в. В течении всего XVIII и XIX в. многие из крестьян переходят в деревню из соседних поселений — Телятниково и Керкостров.

В настоящий момент сохранилась часть застройки конца XIX — начала XX в., особый интерес представляет дом Абрамовых: типичный

¹⁴⁸ *Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 35.*

¹⁴⁹ *Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 186.*

¹⁵⁰ *Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—1726 гг. Л. 280—281.*

*Слева направо: дом Балагуриных, дом Вавилиных, дом Абрамовых.
Деревня Сычи. 1950-е гг.*

старинный дом. В деревне до начала XX в. стояла мельница, принадлежавшая В. Х. Вавилину.

*Ветряная мельница*¹⁵¹

1. Деревня: Сычи
2. Владелец: Вавилин Василий Харитонович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса мельницы: яма, забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Число толкачей: 12
8. Сколько лет существует: мельница построена в 1908 г. (работали все, за исключением цевочного колеса и крыльев, силами своего семейства. Работа мастера: крылья, толчая (оплата мастера и его содержание — 75 руб.); колесо, шестерня (оплата работы 12 руб.). Работали из своего материала. Амбар и прочее делали сами)
9. Ремонт: в 1910 г. амбар перестраивали, вал новый, крылья новые
10. Число наемных рабочих: нет
11. Число рабочих дней в году: 100
12. Сколько раз в году мельница работает круглые сутки: не работает

¹⁵¹ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 120—121.

13. Производительность по поставке на рабочий день (10—12 час.): при сильном ветре — 25 пуд., при среднем — 12 пуд.

14. Сколько переработано зерна на год для себя: ржи — 80 мер

15. Сколько переработано на заказчика в год: заработано: в 1916 году — 20 руб., в 1915 году и раньше — 50 руб.

16. Плата за помол с меры: 1916 г. — 5 коп., 1915 г. — 3 коп., 1910—1912 гг. — 2 коп.

17. Сколько дней в году работает толчея: 70—80 дн.

18. На сколько обычно толкачей: работают обычно 4 гнезда

19. Сколько переработано овса для себя: 25 пудов

20. Какая взимается плата за толчение: за 3 меры: 1916 г. — 25 коп., 1915 г. — 15 коп., 1910—1912 гг. — 10—12 коп.

Кузница принадлежала Послову Григорию Ивановичу¹⁵².

Житель деревни Кузьма Антонов в середине XIX в. владел лодкой для перевозки скота в г. Петрозаводск и груза, размером 4 сажени 2 аршина, грузоподъемностью 200 пудов¹⁵³.

Из народных мемуаров

БАВИЛИНА Галина Михайловна родилась в 1936 г. в деревне Сычи. По 7-й класс училась в Жарниковской школе и в школе-интернате Сенной Губы, а десятилетку оканчивала в Петрозаводске. В Петрозаводском государственном университете получила специальность инженера-механика лесной промышленности. Работала инженером-конструктором на Онегзаводе и в различных организациях города Волжский Волгоградской области. В 1982 г. вернулась в

Петрозаводск, где работала в КарНИИЛПе. Живет в Петрозаводске. Многолетний участник фольклорного ансамбля заонежан «Куделюшка» и автор книги «История моей семьи».

¹⁵² Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.

¹⁵³ Ведомость о судах и лодках... 1867 г. Л. 23.

Слева направо. Первый ряд: баня Вавилиных, дом Бытовых, дом Абрамовых, дом Пословых. Второй ряд: дом Вавилиных, дом Бытовых. Деревня Сычи. 1950-е гг.

Дом Вавилиных и их наследники:

«В деревне Сычи до 1963 г. стоял красивый двухэтажный дом типа кошель Вавилина Тимофея Васильевича и его сыновей: Харитона, Георгия (Егора) и Василия.

У меня всегда возникал вопрос: „Каких женщин они ввели в новый дом?“ Жены вели большое крестьянское хозяйство, рожали детей. Семьи были многочисленными. У Харитона жена была Ларионова Меланья Ивановна (1809—1892) из деревни Вертилово.

Спустя много поколений их внучатая племянница Гвоздева Жанна Владимировна (в девичестве Ларионова) работала в музее-заповеднике „Кижы“, а сейчас поет в ансамбле „Куделюшка“.

У Георгия жена была Августина (Устина) Яковлевна из знаменитого дома крестьянина-середняка Елизарова. Она родилась в 1841 г. в деревне Серёдка. Дом ее родителей перевезли в музей-заповедник на остров Кижы. Их сын Иоанн Егорович (1879—1937) был архимандритом. Он прошел большой путь служения Богу. Начинал послушником в Клименецком монастыре, а закончил священником Рождественской церкви в деревне Казаново Волоколамского района Московской области. Был осужден 26 сентября 1937 г., а на следующий день убит на Бутовом полигоне в Московской области, где тогда расстреливали служителей церкви. Реабилитирован и занесен в книгу памяти „Подвиг веры“, 2016—2021 гг.

*Вавилин Иван Васильевич с женой
Агафьей Егоровной и детьми:
Валентиной (первый ряд), Николаем
и Натальей. Г. Ленинград. 1927 г.*

У Василия жена была Евдокия Панфиловна (1848—1900) из деревни Кургеницы. Они имели 11 детей. Среди сыновей были Петр и Иван.

Петр был женат на Ковалёвой Анне Петровне из Сеной Губы. Спустя несколько поколений их внук Гоккоев Павел Игоревич работал в музее-заповеднике „Кижы” руководителем службы по транспортному и хозяйственному обеспечению.

Иван, мой дед, был женат на Вавилиной Агафье Егоровне (в девичестве Симеоновой) из деревни Шлямино (1880—1942). У нее старший брат Мирон Егорович подарил большой колокол, весом 102 пуда 35 фунтов Кижской

Преображенской церкви. А спустя четыре поколения их внучатый племянник, Валерий Кирьянов, работает сотрудником музея-заповедника „Кижы”.

Старший сын Ивана и Агафьи Михаил, мой папа, женился на Пословой Аполлинарии Семёновне (1909—1993), которая тоже жила в деревне Сычи. Они имели пятерых детей. К 1936 г. построили новый дом. Сейчас в нем летом живет их дочь Нина, которая пишет стихи, посвященные родному краю. Как наследница, она родовой дом отремонтировала.

История большого дома Вавилиных трагична. В период коллективизации его национализировали, когда создавали колхоз. Дом приспособили под пекарню и жилье для колхозников. Когда сгорел дом Кичугиных, то их тоже поселили туда. Началась война, и дом стали использовать для жилья переселенцев. Семья Новгородцевой Анны

Михайловны (в девичестве Рябининой) проживала в нем до прихода финнов и отправки в лагерь.

Папа до войны был председателем колхоза „Красная заря“. В него входили Сычи и Телятниково. Погиб на Ребольском направлении. Там же похоронен 29 октября 1941 г.

Мама до войны была счетоводом. Во время войны с детьми и бабушкой Агафьей, ее свекровью, попала в концлагерь Петрозаводска. После освобождения столицы Карелии в 1944 г., ее председателем направили восстанавливать колхоз „Красная Заря“. Маме пришлось одновременно работать и счетоводом. Позже она ухаживала за овцами. Скотный двор был размещен на первом этаже дома Вавилиных. Поэтому можно сказать, что история нашего родового дома — это история колхоза в Сычах.

Мама стала часто болеть. Поэтому заботиться о животных приходилось ее младшей дочери Алевтине. До школы она по сугробам в темноте шла поить и кормить овец с фонарем. Стадо насчитывало до 200 голов. Их всех содержали в двух нижних избах и горнице дома Вавилиных. Потом Алевтина шла завтракать и в школу. Из пятерых детей к тому времени в деревне она осталась одна. Мама была награждена медалью „Мать-героиня“. А за хорошую работу в колхозе по уходу за овцами ее премировали поездкой в Москву на сельскохозяйственную выставку.

Алевтина Михайловна и муж Юрий Хамбаевич построили для семьи дом в деревне Сычи. Их старшая дочь Светлана с 1994 г. периодами работает в музее-заповеднике „Кижы“. Сейчас она специалист сувенирного отдела музея. Внучка Анастасия работает внештатным экскурсоводом, а внучка Кира подрабатывает летом в магазине во входной зоне острова Кижы.

*Аполлинурия Семеновна
Вавилина (в дев. Послова).
1930-е гг.*

Я несколько лет тоже работала во время отпуска внештатным экскурсоводом музея-заповедника „Кижы“. По выходу на пенсию была приглашена фирмой „Петроинтур“ поработать начальником рейса на теплоходе „Московский-2“. Во время водной прогулки давала путевую информацию. Маршрут был разработан вдоль северной части острова Кижы. А с 2003 г. я — участник фольклорного ансамбля „Куделюшка“.

Для местных жителей Кижы — это была, прежде всего, деревня, погост с магазином, с пекарней, с сельским советом, с пристанью в летнее время, с кладбищем, с закрытыми церквями. Правда, старушки всегда крестились на Спаса. Ныне знаменитая церковь была для нас ориентиром, как еловая роща, такой же естественной, как сама природа, как часовни в деревнях, как пустые огромные крестьянские дома. С появлением реставраторов произошли большие перемены на острове и в сознании людей. Стал значим сам остров и музей с жемчужиной деревянного зодчества».

Деревенский праздник:

«Дети моего возраста, когда вернулись из фашистских концлагерей в деревни, увидели пустые, разгромленные жилища. Людей в деревне не осталось, еще шла война; тех, кто выжил, разбросала судьба.

Из пятнадцати домов в деревне вернулись неполные семьи только в четыре дома, да еще в три дома стали приезжать летом.

Мне в 1944 г. было восемь лет, я пошла в первый класс. Все, что было до войны, — полный пробел. Маму направили восстанавливать колхоз, — она была председателем — и мы ее почти не видели: все в работе и по командировкам. Старшей Наде было тринадцать лет, брату Вите — одиннадцать, Але — четыре, Нине — шесть.

Мы вернулись домой поздней осенью в холодный пустой дом. Маме некогда было нас накормить, мы были предоставлены себе. Да и что мы могли услышать, увидеть из прошлой жизни? Спасала нас рыба, которую ловил брат.

К этому времени оставалось только два почитаемых праздника.

Рождество. Устанавливали елку, мастерили из бумаги игрушки, готовили концерт — кто что может. Мамочка по ночам перешивала нам что-то из старого на новое — и обязательно что-нибудь припасала и стряпала. Рано утром соседка, бабушка, приходила славил Христу

(слов не помню). Приходили соседи, садились на лавки и ждали. Был концерт, мама плясала дробь, а потом всех угощала чаем. Общих песен не было.

Второй праздник — Пасха. В доме везде мыли, убирали, чтоб было чисто. Мамочка опять по ночам шила летние обновки, всем троим младшим одинаковые. Были крашенные яйца. Я помню, как с ножом ходила и с камней срезала лишайник, в нем мама красила яйца. Они получались пестрые, красивые. В луковой шелухе красили позже (в первый год, вероятно, лука не было). Рано утром смотрели, играет ли солнце: если играет — хороший знак.

*Федор Кругов и Иван Вавилин (справа),
сын Вавилиных Ивана Васильевича
и Агафьи Егоровны. 1930 г.*

Летом был религиозный праздник для двух деревень — Ильин день. Мы бегали к тетушкам есть калитки.

Осенью, когда колхоз стал набирать силу, справляли отжин. Устанавливали около часовни Ильи Пророка столы в один ряд. Из свежего урожая ржи, из муки, варили кашу-загусту. Ели горячей из большой миски, а в середине был кусок масла. Ложкой брали кашу и макали в масло. Было вкусно. Я не помню, чтоб пели песни, хотя среди колхозников семья Ласточкиных, говорят, была голосистой.

Конечно, была и другая еда на столе, но мне она не запомнилась.

О выпечке не буду говорить, т. к. сама этим не занималась. Расскажу, что готовили из овса. Пекли хлеб-овсянник. Он был повседневный. Блины ели горячими с маслом, сметаной, молоком, грибами,

ягодами, икрой, простоквашей. Варили овсяный кисель. Его разливали по тарелкам и, когда он застывал, ели с молоком. А если ели кисель горячим, то с маслом, и добавляли сыр. Из овса делали толокно. Овес в чугунах с водой и солью запаривали в печи, процеживали, на противнях подсушивали, мололи, сеяли. Толокно было вкусное. Его использовали при выпечке. Пряженые пироги ели с толокном и с брусникой. Мы в детстве делали халву. Брали на большую ложку муку, смешивали с растительным маслом и песком. Очень вкусно. В горнице топилась лежанка, мы пекли картошку, на ложке варили из сахарного песка карамель».

«Я помню...»:

«Война — самое чудовищное, что может быть в жизни... Прошло 65 лет, как закончилась Великая Отечественная война.

Мне было четыре года, когда она началась. Но я не могу вспомнить конкретно этот момент. Я не могу вспомнить папу, как его провожали на фронт. Он погиб 29 октября 1941 г., защищая тракт Кочкома-Реболы, там же на 43 км трассы он похоронен.

Но хорошо помню, как услышала пугающее слово „финны“, их крики. Это они на лыжах в белых одеждах пришли в нашу родную деревню Сычи, в наш дом. Хорошо помню, как нас увезли на лошадях в другую деревню. Нам ничего не разрешили взять с собой, только то, что было на себе. Мама закутала нас в большие платки, младшую — в одеяло. Помню, как везли нас на открытых грузовиках через озеро в город. Ехали стоя, а наши мамы крепко держали нас, прижимая к себе. Не было слез, причитаний, но лица у всех были окаменевшие, в глазах — ужас. Это меня очень удивило и испугало.

Нас поместили в лагерь № 3, за колючую проволоку в два ряда с часовыми на вышках. Лагерь размещался в Петрозаводске на Промышленной улице. Сейчас на этом месте стоят современные коттеджи. Поместили нашу семью в большую комнату, где уже были незнакомые люди. Нам достался угол у дверей. Рядом с нами размещались старички из Подпорожья, которые умирали на наших глазах. Мы жили рядом, выдергивая из половиков тряпочки.

Мама обнаружила, что наши ноги искусаны вшами. Шерстяные, домашней вязки чулки до колена мама выбросила в печку, мы остались

босые, а шел январь. Позже я тяжело заболела. Отравилась хлебом, что нам давали. Он был с зеленой плесенью. Бабушка выковыривала ее, стараясь нас уберечь, но свою любимую внучку сберечь не смогла. Нас у нее было пятеро — от 10 лет до одного года. Было очень мучительно, хотелось пить, а мне лишь смачивали губы.

Сестра позже объяснила, что давали норму воды — пол-литра на всю семью. Люди умирали, а по утрам их собирали и увозили на лошади. Помню свою первую потерю, мою подружку Надю, она была моей троюродной сестрой, потом не стало любимой бабушки Агафы.

Мы все время боялись, что нас отнимут у мамы по причине, что она скрывает детей коммуниста. Младшую Алю мама скрывала в соседнем доме. Финны хотели ее у нее забрать.

Финны „боролись“ за гигиену. Устраивали банные дни. Нас всех — детей, подростков, женщин, стариков, наголо стриженных, загоняли всех вместе в парилку с чудовищной температурой, где долго держали. Полуголодные, обессиленные взрослые лежали на полу, спасаясь от жары. Мыться приходилось очень быстро, еще быстрее надевали на себя горячую одежду, которая подвергалась обработке, а в домах, куда мы возвращались, еще долго пахло серой.

Росли мы босоногие, голодные под присмотром одинокой старенькой тети Вари из деревни Ямка и старшей сестры Нади. Маму рано увозили на работу, когда мы еще спали, привозили, когда мы уже спали. Зато мы видели ее в банный день.

Надо сказать, что взрослые всеми силами помогали друг другу и берегли детей. Мамина знакомая работала в госпитале и предупреждала маму, чтобы она скрывала больных детей и не отдавала их в госпиталь, давала ей лекарства.

Так она вылечила меня, когда я отравилась. Когда в лагере умирала кормящая мать, находилась другая женщина, которая спасала ребенка. Из нашей деревни умерла мама двухмесячного мальчика Юры Кичугина, его выкормила и воспитала другая мать, у которой умерла грудная девочка. Спасая женщину, батюшка взял ее в церковь на работу.

Положение лагерников улучшилось, когда приехал Красный Крест. Потом прошел слух, что нас хотят уничтожить. Это очень пугало, но сделать это финны не успели. Зато заминировали город.

Было много жертв. Помню, как финны покидали город — они шли и шли мимо по Вытегорскому шоссе. Люди бежали, кто куда. Я была дома одна. Прибежала тетушка Тася, мамина сестра, схватила меня за руку со словами: „Бежим встречать“. Мы бежали на пристань, у Ивановских островов уже показались наши корабли.

Я, семилетняя девочка, еле успевала бежать за молодой женщиной. В итоге она меня потеряла на горячей пристани. Я стояла на горящих бревнах, плакала, гарь разъедала глаза. Кто-то вывел меня, я до темноты бродила среди людей, была на митинге, но как-то пришла домой.

Финляндия и в годы войны была богатая страна, я и тогда это понимала. Она воевала со мной, но меня берегла судьба. Видимо, Господь Бог не так просто сберег меня. Значит, я нужна для выполнения возложенных на меня дел. Наша память нужна, чтобы потомки знали правду о войне, но не для мести.

Только сила любви может победить зло на земле»¹⁵⁴.

ВАСИЛЬЕВА Любовь Анатольевна

родилась в Ленинграде в 1956 г. Окончила Ленинградский государственный университет, кандидат экономических наук. Работала в научно-исследовательском институте, потом на государственной службе в администрации Ленинградской области. В настоящее время находится на заслуженном отдыхе. Лето проводит в деревне Сычи.

Два знаменитых кижских рода:

«Наш родовой дом Абрамовых стоит на самом берегу Сычевской губы и является старейшим в деревне. Дом пережил революцию, коллективизацию, раскулачивание, две войны и финскую оккупацию во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. И сегодня поражают размеры, красота и прочность дома, толщина бревен, ширина

¹⁵⁴ Гвоздева Ж. В. Остров Кижы в воспоминаниях жителей Заонежья (По материалам из научного архива музея-заповедника «Кижы») // Кижский вестник. Вып. 15. Петрозаводск, 2015. С. 165.

*Вид на дом Абрамова в д. Сычи.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5408*

лавок, огромные пространства жилых помещений, каких не встретишь в городских квартирах. Такой дом был нужен для большой семьи, что в те времена было обычным явлением. Дом имеет 18 окон с резными наличниками, обшит и покрашен охрой, украшен резным „полотенцем“ и причелинами, резными балясинами на крыльце и балконе верхнего этажа. На „полотенце“ под коньком крыши вырезан год постройки — „1900“.

Дом основал Абрамов Иван Егорович, у которого была жена с Волкострова — Степанова Акси́нья Трифо́новна. Он начал строительство, но, не достроив, скоропостижно скончался в Петрозаводске, а его собачка сама нашла дорогу и прибежала в деревню. У Ивана Егоровича было пятеро детей. Трое сыновей, возмужав, ушли из семьи, дочь вышла замуж в Сенную Губу, а на сына Павла легли все заботы о доме.

В доме всегда жили умные и добрые люди, воспитывали уважение и ответственность в своих детях. На сарае шили лодки, хранили сено и хозяйственную утварь. Жили традиционной северной жизнью. Трудились не покладая рук. Сеяли хлеб, ловили рыбу, держали скот. Дружили с соседями. Помогали друг другу. Детей не неволили.

Васильева Любовь Анатольевна (слева) со своей крестной, Виноградовой Анастасией Павловной (1920—2004), младшей дочерью Абрамова Павла Ивановича. Деревня Сычи. 1995 г.

В конце 30-х гг. XX в. все дети Павла Ивановича жили и учились в Ленинграде или в Петрозаводске. Дочь Павла Ивановича, моя бабушка Евдокия, вышла замуж за Васильева Николая Алексеевича из деревни Васильево. Венчались в Преображенской церкви и уехали в Ленинград. У них родился сын Анатолий — мой отец. Поэтому по линии отца я еще происхожу из знаменитого кижского рода именно „тех“ Васильевых из деревни Васильево на Кижском острове.

Павел Иванович еще как-то до войны взял к себе на весь год совсем юного внука Анатолия, у которого страдали легкие от ленинградского климата. Сшил ему небольшую „кижаночку“ и дал коня. Когда соседи просили эту лодку или коня, то он всегда говорил, показывая на маленького мальчика: „Спросите у хозяина!“

К сожалению, Великая Отечественная война и оккупация погубили старшее на тот момент поколение Абрамовых. Федор Иванович умер в блокадном Ленинграде, и мой дедушка по отцу Васильев Николай Алексеевич тоже. Под Медвежьегорском погиб сын Павла

Ивановича, Василий Павлович. Павел Иванович с супругой Ириной Яковлевной с Волкострова и Матвей Иванович умерли в лагере в Петрозаводске, Афанасий Иванович — сразу после войны.

Но все же потомки Абрамова уже в седьмом поколении живут в доме, бережно сохраняя его и нематериальное духовное наследие — составляют словарь старинных заонежских слов. Они никогда не знали, что такое пионерский лагерь, потому что с детства каждое лето с удовольствием проводили в Сычах, навещаясь в Кижы.

Когда мы были детьми, на знаменитом сегодня острове рос горох, потом кукуруза, создавался музей. Наша семья внесла большой вклад в формирование его коллекции. В музей-заповедник „Кижы“ был вывезен целый баркас различной утвари: сани, ткацкий стан, прялки и многое другое. Наш дом — самый почитаемый и любимый „член нашей семьи“. Все мы надеемся, что дети, внуки и более далекие потомки будут заботиться о своем родовом гнезде, любить и восхищаться Заонежьем!»

ПЕТРАКОВА Ирина Владимировна (в девичестве Виноградова) родилась в 1948 г. в Ленинграде. Получила высшее образование в Ленинградском электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина) по специальности «инженер электронной техники». Работала по специальности в НИИ медицинской лабораторной техники, в вычислительном центре завода Радиотехнического оборудования, позднее в производственных коммерческих структурах. В настоящее время на пенсии.

Дом Абрамова:

«В доме Абрамова живет уже седьмое поколение большой семьи. Хочется сказать немного о нашем старшем поколении — детях Абрамова Павла Ивановича и его супруги Ирины Яковлевны. Они прожили честную трудовую жизнь. Старший сын Василий, призванный на Великую Отечественную войну, погиб и похоронен под

Дом Абрамова, построен в 1900 г. в д. Сычи.

Музей-заповедник «Киж». НВФ-5401

Медвежьегорском. Старшая и средняя дочери, жившие еще до войны в Ленинграде, помогали родителям в Сычах, поддерживали материально, любили и уважали их. Пережили блокаду. Старшая Евдокия с сыном Анатолием была эвакуирована, потом вернулась в Ленинград. Средняя дочь Александра всю блокаду и после нее работала шлифовщицей на Ленинградском оптико-механическом заводе (ГОМЗ), имела высочайший шестой разряд.

Все жили дружно, поддерживали друг друга и не забывали о младшем брате Николае. А он о них. Их родители скончались в оккупации в финском концлагере в Петрозаводске, где оказались вместе с 17-летним сыном Николаем. Он стал свидетелем их кончины. Во время похорон был стеган плетью финским охранником. Родители умерли, не зная, когда окончится война, не зная, что две дочери в блокаде.

Младшая сестра Анастасия, моя мама, училась в школе автоматчиков под Петрозаводском и по окончании должна была участвовать в партизанском движении Карелии. Но судьба распорядилась по-своему: ее призвали на комсомольскую работу, и ей довелось работать

с Ю. В. Андроповым, который в годы войны руководил карельским комсомолом.

После войны она вышла замуж за Владимира Виноградова, прошедшего и финскую, и Отечественную, награжденного боевыми орденами и медалями офицера, ставшего моим отцом. Мама окончила Высшую финансовую школу в Ленинграде и работала по специальности до достижения пенсионного возраста.

Их брат Николай взял в жены Пертякову Александру Николаевну из Усть-Яндымы, которой тоже досталось от финских оккупантов. Совсем молодой ей пришлось работать на лесозаготовках, что, конечно, сказалось на здоровье. Николай с семьей жил в Петрозаводске, а сестры в Ленинграде, но это не разрывало семейных уз. Они летом встречались в Сычах, вместе приводили в порядок опустошенный дом, который без должного присмотра уже начинал разрушаться.

На Волкострове нам сшили новую „кижанку“. Это была прекрасная лодка, большая, устойчивая и очень легкая в управлении.

Наше старшее поколение было щедрым на взаимопомощь. В деревне нет бани? Совместными усилиями построили общественную.

Приехали музейные работники и спросили, есть ли что-то для музея? От души передали сани, прялки и всякую утварь. Пожалуйста, показывайте людям, пусть молодые знают, как жили до них.

Сможете ли спеть старинные песни? Пожалуйста, записали на магнитофонную пленку заонежские обрядовые песни.

У соседей беда? Все на помощь.

Вот такой был случай. Шла очень сильная гроза, и, когда уже казалось, что она закончилась, у нас в доме начали заниматься обычными делами. Брат Анатолий понес бутылку с шампанским по случаю какого-то семейного праздника, чтобы охладить ее в озере. Моя мама подбирала воду в избе, т. к. крыша текла в сильные дожди. В общем, кто чем занимался.

И вдруг вспышка молнии, и одновременно страшный громовой удар. Это молния попала в телеграфный столб посреди деревни, а ветви разбежались в разные стороны. Брата ударило по пальцам. Он в это время как раз был в воде у берега. А мама в избе увидела, как ответвление молнии исчезло в подполье. Вдруг по деревне раздалась

Слева направо. Первый ряд: Алевтина Галиева (в дев. Вавилина), Светлана Галиева, Андрей Савинич, Нина Вавилина. Второй ряд: Надежда Чехонина (в дев. Вавилина), Наталья Савинич (в дев. Послова), Аполлинария Вавилина (в дев. Послова). Деревня Сычи. 1976 г.

крики. В нашу сторону побежали люди. Мы подумали, что загорелся старый дом. Нет, оказалось, что молния ударила и в дом Вавилиных, и от этого удара пострадала Вавилина Надежда Михайловна. Сбежались все. Сестра Надежды Нина ночью сбежала за врачом в Клиново. В результате спасали Надежду, спасли!

И еще о взаимопомощи. Однажды в непогоду перевернулась лодка с людьми, которые ехали из Петрозаводска. И Бытова Валентина Васильевна, которая была в их числе, прибежала босиком по острову Сычевец и стала звать на помощь. Без колебаний нашлись спасатели, поехали на лодках, помогли, чем могли, но одного человека спасти не удалось. Это все невеселые истории.

Но и веселиться наши сычане умеют. Родители ходили на танцы в Жарниково, собирались с ровесниками на посиделки. А наш дом

*Виноградова (в дев. Абрамова) Анастасия Павловна
и Виноградов Владимир Арсентьевич. Деревня Сычи.
Вторая пол. 1990-х гг.*

праздновал свое 100-летие всей деревней. Застолье, песни, танцы под патефон. Разбежалось перо, но надо заканчивать. Прошедшим летом я и Любовь Анатольевна совершили переход по Онежскому озеру на катере. А это совсем не то, что на „Метеоре” или „Комете”. Вода, вот она, рядом громадина, силища!»

Раздел 4. ДЕРЕВНИ БОЛЬШОГО КЛИМЕНЕЦКОГО ОСТРОВА

С востока от острова Кижы расположены земли самого большого в Кижской волости острова — Клименецкого. Подобно всем землям в окрестностях Кижей он был заселен в незапамятные времена. Деревни его столь же древние, как и во всей округе, — все они значатся в документах еще с XVI в. На севере острова, у самого выхода в открытое озеро расположены две деревни — Кургеницы и Лахта, уже в XVII в. они были одними из самых крупных поселений в округе. Крестьяне этих деревень в большинстве своем были староверами, имели «справные» хозяйства, большие красивые дома. Крепкие традиции крестьянской жизни дожили до наших дней. Семья Корниловых, из которой происходит один из сказителей Кижской волости Симеон Корнилов, в тяжелые годы Второй мировой войны сохранила семейный архив и часть библиотеки, бережно хранившейся в семье с XVIII в. В начале XX в. в деревне Кургеницы крестьянин Горин владел кожевенным заводом, который обрабатывал кожи для всей Кижской округи.

Будучи, подобно всем кижанам земледельцами и рыболовами, жители деревень Клименецкого острова владели различными ремеслами. Среди них были кузнецы, столяры, паркетчики. Многие большую часть года проводили в Петербурге, приезжая домой только на лето. Древние традиции кузнечного ремесла сохранились даже в названии одной из деревень — Кузнецы. В деревнях Кургеницы и Лахта 34 человека занимались выжигом извести в XIX в. Владели крестьяне и промысловыми лодками для перевозки разного груза. На одной из таких лодок, принадлежавшей крестьянину Ошевневу, приехал в Кижы П. Н. Рыбников, первооткрыватель былинной традиции в Заонежье.

Слава Кижской волости связана с именем выдающегося сказителя Трофима Григорьевича Рябинина, жителя деревни Потаневщина, что расположена на Клименецком острове. Благодаря встрече с ним и другими сказителями из Кижей Заонежье стали называть «Исландией русского эпоса». Традиция эта имеет в Кижях очень древние корни. По документам XVI в. в деревне Гивеснаволоок, что недалеко от Потаневщины, жил Коржава — скоморох.

В деревнях Клименецкого острова находится одна из самых древних часовен в окрестностях острова Кижы: часовня Знамения Богоматери (деревня Корба), построенная в XVIII в. В XIX в. в деревне Воробьи под огромными елями была возведена часовня Кирика и Иулитты, которая и сейчас встречает каждого, кто подъезжает к деревне.

*Улица в д. Кургеницы. 1943 г.
Финский военный фотоархив «SA-Kuva»*

Деревня Кургеницы (Севняги)

Известна с XVI в.: «дер. в Курвине ж наволоке на Сявнеге»¹. В ней был один житель крестьянин Филипко Федоров Курлов, от прозвища которого, возможно, и произошло второе название поселения — Кургеницы.

Через 20 лет поселение состояло уже из шести дворов, и в четырех из них жили сыновья основателя деревни — Вешняк, Федко, Филимонко и Михалка Филипповы. В XVII в. уже 5 семей деревни составляли этот род, находясь между собой в пятой степени родства. В последующие десятилетия деревня очень быстро разрасталась и превратилась в одно из самых крупных поселений округи: в 1616 г. в ее составе было 10 дворов, а в 1678 г. — 20.

¹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 132

**Часовня Положения Честного Пояса и Риз Богородицы
в д. Кургеницы. 1960-е гг.**

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-2459

Предания, которые бытуют до сих пор среди жителей Кургениц, так представляют основание поселения: «Первый здесь Кургилов построился, потому и назвали — Кургеницы. Он в лесах строился: беглый был, от солдатской службы раньше бегали. Потом старообрядцы пришли, здесь распоселились — эти тоже боялись у полового берега жить, вдоль речки селились, опасались. Втемнях в озеро выплывут, сети бросят. Втемнях опохожают... Вот жизнь-то была! Распоселились, лес вырубил — речка высыхать стала. Надо к озеру селиться: за водой далеко ходить... Деревня к воде вышла. Сейчас вдоль берега живет»². Это предание, записанное от И. А. Прохорова, находит подтверждение в истории поселения. Самая старая часть деревни действительно расположена достаточно далеко от берега озера, а многие жители Кургениц принадлежали к даниловскому толку старообрядчества.

По списку дворохозяев в 1911 г. в деревне Кургеницы проживало 28 семей. В настоящий момент удалось установить, что, по крайней

² Криничная Н. А. Северные предания (Беломорско-Онежский регион). Л., 1978. С. 30.

мере, три из них — Корниловы, Дегтярёвы и Филины ведут свой род от потомков Филипки Курлова. Предком Корниловых и Дегтярёвых был Вешняк Филиппов, а Филиных — Михалка Филиппов. Возможно, последние в своей фамилии сохранили имя родоначальника. Дело в том, что одна из уменьшительных форм от имени Филипп — Филя, а значит и фамилию можно расшифровать как «Филины дети».

В XIX в. Корниловы, Дегтярёвы и Филины были одними из самых крепких хозяев в деревне.

Симеон Корнилов был одним из сказителей, которых записывали П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг в 60—70 г. XIX в., и принадлежал к зажиточной староверческой семье. Вот как описывал сказителя П. Н. Рыбников: «Это слепой старик лет пятидесяти, живет в своей избе с родными и кормится доходами с участка, который отдает внаем: участок у него очень хороший и приносит ему порядочный доход. Пересказы петых им былин очень интересны». Симеон Корнилов жил в это время со своими племянниками — сыновьями умершего в 1859 г. брата Ивана.

По просьбе П. Н. Рыбникова племянник сказителя Иван Иванович Корнилов записал четыре текста, в том числе былины «Оратай», «На Соколе-корабле», «Илья и Сокольничек».

7 июля 1871 г. в деревне Дудкин Наволок на острове Кижы А. Ф. Гильфердинг записал от сказителя пять текстов былин, в том числе «Илья Муромец и Сокольничек», «Дюк», «Настасья Никулична».

Дом Дегтяревых. Нач. XX в.

Дом Ремезовых. Нач. XX в.

Надежда Григорьевна Горбунова (в девичестве Корнилова) передала в 1994 г. в музей «Кижы» семейный архив Корниловых.

По воспоминаниям Надежды Григорьевны, в доме всегда было много книг, они занимали комнату, которая по площади составляла «полдома». В ее памяти сохранились «длинные полки с книгами в кожаных переплетах».

Грамотность членов семьи повлияла на их общественное положение в деревне. Долгое время, в конце XIX в. Иван Иванович Корнилов был волостным писарем. Об этом свидетельствуют материалы семейного архива и многочисленные документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия. Второй из племянников сказителя — Андрей Иванович Корнилов с 15 лет жил и работал в Петербурге, подобно многим мальчикам из заонежских деревень. Из столицы Андрей Иванович присылал в деревню деньги на оплату налогов и ежегодно приезжал на время сельскохозяйственных работ, о чем сохранились многочисленные пометки в его записной книжке. В Петербурге на Разъезжей улице в доме № 25 жил в 1879—1890 гг. и Иван Иванович Корнилов.

Семейная традиция исполнения былин перешла от Симеона Корнилова к его племяннице Федосье Ивановне Корниловой, по мужу

Ольхиной. От Федосьи Ольхиной во время экспедиции 1926 г. «По следам П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга» под руководством Ю. М. Соколова было записано два отрывка былин. Вспоминая своего дядю, которого в 1871 г. записывал А. Ф. Гильфердинг, она рассказывала, что дядюшка ее был речистый, памятный, грамотный, знал много. Когда сын Александра II, Николай Александрович, «был проездом в Кижях и списывал былины, то на Кижский наволок были тогда свезены Трофим Григорьевич Рябинин, Василий Петрович Шевелёв (Щеголёнок) и дядюшка наш Семён Корнилович Корнилов».

*Семья Ефремовых. Не позднее
9 августа 1916.*

Музей-заповедник «Кижь». КП-3872

В начале XX в. это было самое крупное поселение в Кижской волости, состоявшее из 28 дворов:

1. Филин Тимофей Иванович
2. Савельев Егор Антонович
3. Ремесов Николай Степанович
4. Павлов Федор Ильич
5. Горин Андрон Васильевич
6. Горин Степан Иванович
7. Титов Кузьма Иванович
8. Горин Матвей Михайлович
9. Прохоров Захар Степанович
10. Прохоров Иван Егорович
11. Орехов Матфей Иванович
12. Варшутин Павел Петрович

13. Рисанов Филипп Гаврилович
14. Привалихин Степан Панфилович
15. Титовы (Наследники Бориса. Хозяйство ведет мать наследников)
16. Якимов Матфей Васильевич
17. Якимов Федор Васильевич
18. Калинин Никифор Митрофанович
19. Якимов Петр Федорович
20. Баранова Татьяна Ивановна
21. Корнилов Григорий Петрович
22. Сазонов Михаил Иванович
23. Сазонов Григорий Тимофеевич
24. Сазонов Антон Тимофеевич
25. Дегтярёв Василий Григорьевич
26. Мотов Василий Иванович
27. Мотов Ларион Петрович
28. Титов Афанасий Иванович³

Ефремовы.
1900—1910-е гг.
Музей-заповедник «Кижь».
КП-4850/9

Кургеницы всегда были одной из самых труднодоступных деревень Кижской волости. Первоначально ее дома были поставлены в глубине, на большом расстоянии от берега озера. Этому есть объяснения — холодные северные ветра заставили жителей укрыться за лесом. Такое расположение домов послужило основой предания об основании деревни староверами. Поселение основали как минимум за сто лет до реформы патриарха Никона в 1654 г., тем не менее, действительно в этой деревне жило много староверов, а в одном из домов (у крестьянина Ремезова) была устроена староверческая молельня, где по праздникам собирались для молитвенного служения приверженцы «древлего благочестия»

³ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 70.

из окрестных деревень. Вот как описывается это событие в документе XIX в.: «При посещении друг к другу совершается общее с собравшимися вечернее и утреннее молитвоприношение и Богослужение, затем в угощение пришедшим дается от хозяина дома в вечеру ужин, а поутру после Богомоления обед, после того угощения приходящие родственники и знакомые расходятся по своим домам»⁴.

Часть исторической застройки поселения конца XIX — начала XX в. сохранилась до сих пор, особенно в центре деревни. В Кургеницах жил сказитель Симеон Корнилов. Корниловы были староверами, владели грамотой. Иван Корнилов долгое время служил волостным писарем. В корниловском доме была обширная

библиотека, в которой, помимо прочего, были прижизненные издания Крылова и Пушкина, новейшие журналы по сельскому хозяйству и т. п. Потомки этой семьи во время Второй мировой войны вывезли в эвакуацию часть семейного архива и библиотеки, сохранив этот бесценный материал для потомков. Рядом с Кургеницами располагались известковые разработки. В деревне стояла ветряная мельница и кожевенный завод. Последний был совсем небольшим и обслуживал нужды крестьян волости.

Кожевенный завод

1. Число гонов: 5
2. Число кож: —

*Корнилова Татьяна Ивановна
и ее дочь Евдокия Петровна.*

1920-е гг.

Музей-заповедник «Кижы».

КП-4195

⁴ По прошению крестьянина Великогубской волости, Сенногубского общества, деревни Петровской Андрея Савельева о притеснениях, делаемых ему и другим раскольникам при отправлении богослужения. 1888 г. // НА РК. Ф. 1, оп. 10, д. 73/26, л. 3.

3. Название деревни: Кургеницы, общество Кижское
 4. Владелец: Горин Стефан Иванович
 5. Местополучение главного сырья производства коры, дегтю: покупали у Каргополов деготь 6 пудов — по 2 рубля пуд
 6. Сведения по истории завода: год основания 1910
 7. Завод работает: от себя
 8. Местополучение сырых кож: из разных мест
 9. Место покупки сырых кож: не покупают
 10. Замочка начальная: 1 ½ недели
 11. Золение (первое): 7 дней
 12. Распрямление одной кожи: 50— 60 мин.
 13. Золение (вторичное): 7 дней
 14. Очистка одной кожи (в черне) от шерсти: 12 мин.
 15. Вторичная и окончательная очистка кожи от шерсти и мздры: 12 мин.
 16. Промывка очищенных кож: ½ дня
 17. Квасят: 7—10 дней
 18. Дубление: 2 месяца
 19. Сушка выдубленных и смазанных шкур: при хорошей погоде: 1 неделя, при плохой: 2—3 недели
 20. Мятье кож и протирание гладилкой: 7 дней
 21. Обычное начало и конец производства: от 3—4 месяцев
 22. Сколько завалов кож делают за период производства: 5 раз
 23. Состав завала:
 - лошадиных больших: 20—25
 - коровьих средних: 200—250
 - опойковых: 300 шт.
 - выростковых: 150 шт.
 24. Место сбыта изделий: на продажу не отправляют (?). Делают из кож разной местности крестьян⁵
- Ветряная мельница.
1. Название деревни: Кургеницы
 2. Владелец: Дегтярев Василий Григорьевич
 3. Тип мельницы: козловая

⁵ Статистические сведения о кожевенных заводах по Петрозаводскому уезду. 1916 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 50/458, Л. 59.

Шестой справа в шинели и в фуражке с кокардой Корнилов Григорий Петрович. 1915—1918 гг.

Музей-заповедник «Кижы». КП-4850/11

4. Назначение: амбар
5. Основание мельницы: ряжиевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Число толкачей: 12
8. Сколько лет существует: 20 лет
9. Ремонты: —
10. Сколько израсходовано на ремонт: 50 руб. с материалом и работой
11. Характер и стоимость текущего ремонта: смена крыльев, лобовое колесо
12. Сумма ежегодной страховки: нет
13. Число рабочих дней в году: 70 дней
14. Круглые сутки работает: 25 дней
15. Производительность поставка: —
16. Сколько переработано в год на себя: ржи — 100 мер, овса — 60 мер
17. Сколько переработано на заказчика: работают мало

Василий Федорович Дегтярев.
Не позднее 21 марта 1918 г.
 Музей-заповедник «Кижы».
 КП-4780/9

18. Сколько дней в году работает толчея: 20 дней

19. На сколько толчей: при хорошем ветре — на все, при плохом — на 2 толчеи

20. Сколько переработано овса: 60 мер⁶

В деревне было две кузницы. Одна принадлежала Рисанову Андрею Гавриловичу, а вторая Дегтярёву Василию Григорьевичу⁷.

Дмитрий Яковлевич Дегтярёв был хорошим предпринимателем. Он в начале XIX века переселился из деревни в столицу, где занимался столярным делом, но в петербургское гражданство переписался только в 1844 г. вместе со своими сыновьями Василием, Николаем, Александром и Гаврилом. По мнению Я. А. Балагурова, Дегтярёв имел в столице столярную мастерскую⁸.

Его сын Гаврила Дмитриевич стал купцом 2 гильдии и в 1867 г. владел столярной мастерской и питейным заведением в собственном доме по адресу река Фонтанка, дом 90⁹. Питейное заведение или питейный дом — заведение, ведущее торговлю спиртным, в котором посетители приходят преимущественно с целью выпить и пообщаться. Питейные дома были своеобразными клубами для простонародья. К 1870 г. хозяйство Дегтярёва значительно расширилось: помимо традиционной столярной мастерской он содержал два питейных заведения

⁶ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 150.

⁷ Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.

⁸ Балагуров Я. А. Приписные крестьяне Карелии в XVIII—XIX вв. Петрозаводск, 1982. С. 218.

⁹ Справочная книга о лицах, получивших на 1867 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867. С. 132.

и винный погреб¹⁰. С 1868 до 1870 г. Г. Д. Дегтярёв был присяжным экспертом ремесленной управы¹¹.

Большое число жителей деревни имели дополнительный доход от ремесленных заработков. Больше всего крестьян трудилось на известковых разработках — 26 человек, кроме того 8 из них занимались извозом, 7 малярными работами и практически все рыболовством. Из 11 столяров только один работал в волости, остальные традиционно уходили на заработки в столицу, как и трое портных¹². Среди жителей упоминаются: кузнец П. М. Баранов, столяры — Н. А. Привалихин и И. К. Филин, а также сапожник И. Ф. Титов. В 1905 г. накануне череды последующих войн и революций на ее улице стояло 26 домов, в которых жили 216 человек, имевших в хозяйствах в общей сложности 52 лошади, 98 коров и 85 овец.

Из народных мемуаров

ДЕГТЯРЁВА (в девичестве — Горина) Евдокия Матвеевна

Родилась 14 марта 1899 г. в деревне Кургеницы Кижского прихода, умерла после 1995 г. в селе Великая Губа.

Бесёды и игрища:

«Тогда девушек много было да парней много. На одну бесёду не помещались. В Кургеницах дом занимали у Орехова Матьвея и в Лахты у Кузьмы. Тожа бедняк быу, дак оны держали бесёды, а им платили. В избе Козьмы Кочанова печка была чёрна, дак сидели старик и старуха на печке, обои оны в саже. Парни и девушки соберутся около семи часов — восьми и все там живут, тогда ашо танцев не было, все кадрили. Дак уж до 11, до 12 часов... Вот соберутся, их пар 6, 4 — вот и ходят. Танцевали ланцы. А шестерку тоже, да я уж и забыла. Теперь уж все забыто. Ничего не помнишь. В игры всякие играли. Платили за бесёду ...

¹⁰ Справочная книга о лицах, получивших на 1870 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867. С. 162.

¹¹ «Желающий получить звание мастера представляет цеховой управе пробную работу. Управа, призвав в качестве экспертов присяжных мастеров..., свидетельствует представленную пробную работу и признав его достойным звания мастера свидетельствует управе о выдаче испытываемому аттестата...» Коммерческая энциклопедия М. Ротшильда. Т. IV. СПб., 1901. С. 234.

¹² Кустарные промыслы... С. 23, 59, 94, 115, 118, 176.

Дом Филиных с лавкой «Мелочная торговля» в подклете.

Нач. XX в.

Они не брали деньгамы, а брали как? Вот кто масла принесет, кто муки принесет — вот чего брали оны.

Весна придет, мячком играли. Вот соберутся парни, девушки и вот мячком играли. Там на середины деревни быу крест большой, так вот около этого креста и играли. Мячок такой резиновый быу. А потом шили мячки. Эдакие — из тряпок набивали, и такима играли. И тут хоровод делали. Девушки встанут, за ручки захватятся, кругом вертятся, сделают там как свадьбу. Оденутся как? Сарафаны, — тогда не были этих юбок, — сарафан, передник, кофта. А на головы платок. Как тепло, дак у кого коса хорошая, без платка».

Крестьянское хозяйство:

«Вместях-то жили, дак хорошо. Было хозяйство хорошее, пока не было разделенности, я как девушкой была. А как разделились оны — по три коровы досталось, по лошади. Я недалеко от Кургениц вышла замуж (смеется)... в самы Кургеницы. Отец мой — Матвей Михайлович Горин. А я тоже была Горина. А замуж вышла — Дехтярёва была. Замуж вышла, там шесть коров было, три лошади было. Одна

лошадь выезжала, вот на той лошади только ездили, молодая такая была. И шесть коров, овец много держали. По двенадцати держали, по десять держали овец. А девушка как замуж выдет, дак в придано давали корову».

Деревня:

«В Кургеницах сколько двухэтажных было домов? У Титовых двухэтажный, у Екимовых двухэтажный быу, а больше нету ни у кого. Все остальные одноэтажны делали дома. Лавки держали Титовы и Филины. У Филина дом одноэтажный, но дом богатый был, большой. Фатерья большие, да горница, да через сени ашо. Титовы... У него было шесть сыновей. Сам седьмой да две дочки. Дак оны жили очень хорошо. Дом был двухэтажный, и все у них кругом было выделано: колодец сделанный был, от берега недалеко. Деревня большая была, да красива деревня была!

А зимой — праздник Рожество, дак все собирались в Кургеницы. В праздник гостей берут, девушек, вот если я девушка, дак чтоб девушек познакомить, берут в гости. Держат неделю, а то и больше. У меня с Сенные Губы было две сестры, ездили ко мне в гости, и две недели жили. Наряжоныма ходили, катались на лошадях, приедут и живут две недели. А их две недели угощают и кормят. И лошади стоят во двори, там хозяин их кормит, а парни гуляют. Днем катаются, а потом наряжоныма ходили. Сделают невесту такую, ленту привяжут и песни поют. С музыкой, глаза закрыты — узнавайте! Кто узнае, а хто и не узнае. Да, и я девушкой была, дак тоже ходила наряжоныма.

Была часовня в Кургеницах, хороша была! И колокольня была хороша, когда Паска, так всю неделю звонят. Неделю целу звонят. Часовня была на середины деревни, место очень красивое и дубровка! И вот в воскресенье собираются тут. Очень красива деревня была. А теперь не похожа и на деревню. А тоугда Курьгеницы всем нравились».

Пицца:

«Пироги пекли белы, потом налитушки с черного теста ... Такие круглы, сверьху начинку делали с картошки. Потом сметану кладут, спекут, намажут маслом. Бела пекли только по праздникам, когда

Семья Ефремовых.

Не позднее 9 августа 1916 г.

Музей-заповедник «Кижы». КП-3872

с рисом пироги, с горохом, со пшенной. На неделе не пекли. Калитки пекли эдаки ... пшенной начинают ... туды картошкой, вот таки калитки. Калитки кажно воскресенье пекли да на неделе ищо спекут. А на праздник назывался рядовик. Белы блины такие толсты пекли, намажут, сыром насыплют и потом эдак режут, как гости придут. Стопкой блины кладовают. А руськи печки были, если что в печку кладовают греть ... А печку топят, она до вечера печка...

Загусту делали из черной муки. Загусту делали, а ели простоквашу, да в простоквашу кладут брусники, да песочку.

Она густая, да как ложкой возьмешь, а вся, ляй, туда и спустишь. Скот держали, так не то, что на праздник, в воскресенье делали колюбаки. С черного теста колюбаки делали. Нарезут эдак кусочками, вымоют не в одной воды, потом обтекется, и вот в черной муки кисло тесто делают, и колюбаки пекут. Четыре угоука. Здесь завернешь, здесь защиплешь. А хороши колюбаки! Вкусны. Лучше, чем тушенка. Она ведь там в своем соку пекется. А как разрежешь, такой запах хорошей пойдет! И рыбники пекли. Рыбники тыи продолговасты. Мякушки пекли. Хлебцы мы ведь пекли, не покупали. Хлеб пекли. Колубы пекли. Не называли лепешками, а колубы. Из житной муки пекли, житна да бела мука смешашь да на простокваше. Месят да на сковороды пекут. Еще уху варили, суп варили, дак налимы хороши! Раньше рыбу не жарили. Жарили уж это перед войной. Ряпушку, сиги стали жарить. Раньше ряпушку на зиму солили в бочки. Потом из бочки доставают, когда рыбники пякут.

Грибы собирали в лесу. Но их не солили, только сушили. Грибной суп варили. А грибов не солили. Если скотину забивали, мясо солили и вялили. На стенку набьют гвоздей да повесят, а потом сетку кладовают, чтобы птицы не клевали. Вот оно и вялится. А вялено мясо ащо лучше, токо доуго вариться. Печки руськи были, дак в печку кладут да там и выпарится. На лето вялили. Когда косишь, дак это вяленое мясо и варят».

За столом:

«Ой, скатеретки кладовали ... сами ткали, как кушать садятся — и скатеретка. Неделю кушают, а потом снимают, чисту кладовают. Вот. Дома все кушали вместе за одним столом. С обчей тарелки ели ... У самовара золонка сидела, чай наливала. А я как девушкой была, дак я наливала. Чашки чайные хранили ... чайны были шкапы. Деревянный такой шкаф, и там и чашки, и тарелки да ложки, да вилки. Теперь у кажнага тарелка, это у нас обчая ... Вот на середины стола начерпають и ложкамы доставают и едят. Не было тарелок отдельно»¹³.

ПРОХОРОВ Владимир Иванович родился в 1960 г. в Кургеницах. Потомственный заонежанин. Учился в начальной школе в деревне Кургеницы, а потом в школе-интернате в Сенной Губе. Окончил медицинское училище в Петрозаводске. Служил на Северном Кавказе. После свадьбы 10 лет с семьей жил в Ленинграде, где работал водителем автобуса. В 1994 г. перевез семью в Петрозаводск. Перед пенсией работал в пожарной части на острове Кижи. В настоящее время проживает в Петрозаводске, но каждое лето проводит в родной деревне.

Моя жизнь — Заонежье:

«Родился я в деревне Кургеницы в семье Ивана Андреевича и Ольги Никифоровны Прохоровых. Отец у меня уроженец Кургениц, а мама из Усть-Яндымы, Петрова в девичестве.

¹³ Калашникова Р. Б. *Крестьянские мемуары...* С. 151—153.

Слева направо: Прохоров Иван Андреевич, Фролов Александр Прокопьевич, Сергей Баранцов, Назарьев Евгений Алексеевич и Дмитрий Горин. Остров Кижы. Нач. 1980-х гг.

В семье нас было четверо детей, я самый младший. Две старших сестры и старший брат родились в деревне Олений Остров, что на острове Южный Олений. Отец там работал на известковом карьере и мотористом, и мастером буровзрывных работ, и даже начальником карьера.

В 1956 г. родители вернулись с Оленьих в Кургеницы, так как производство на карьере к середине 50-х годов сворачивалось. Иван Андреевич и Ольга Никифоровна вступили в колхоз „Имени 1 Мая“. Отец стал работать скотником, а мама дояркой.

В 1959 г. колхоз „Имени 1 Мая“ влился в совхоз „Прогресс“, который местные, шутя, называли совхоз „40 лет без урожая“. Вместе с тем, в деревне в то время кипела жизнь. И скотный двор был, и маслозавод, и магазин, и даже электричество от дизельного генератора. Это сейчас мы о нем мечтаем, а в то время оно было обыденным. Правда, включали его только два раза в день: утром и вечером.

Сейчас деревня полупустая, а раньше и детворы, и молодежи здесь много жило. Мы с братом Петром озорниками были, всякие ша-

лости придумывали и ребят на них подбивали. Всегда во главе стояли, но на нас никогда не думали, потому, как родителей очень уважали.

Помню, привязали мы как-то нитку капроновую к гвоздику оконного штапика в доме бабы Дуси Павличенко. Нитка длинная была. Натянули мы ее, а сами в траве спрятались и канифолью по нитке туда-сюда водили. Звук жужжащий получался, и баба Дуся на улицу выбежала посмотреть, что происходит, а мы всей гурьбой хохотали в траве.

На следующий день баба Дуся в деревне рассказывала, что кто-то всю ночь на крыше в „жизики“ играл. Что такое „жизики“, мы до сих пор не знаем. Так вот никто из взрослых и подумать тогда не мог, что Вова и Петя Прохоровы к этому причастны.

Во второй половине 60-х годов отец стал работать пожарным в музее „Кижы“. Пожарной части в те годы еще не было. Отец был первым пожарным отдельного пожарного поста, который располагался прямо у церквей, где сейчас стоит катер МЧС.

В издании „От первого лица. Сборник воспоминаний о Кижях“, составленном Борисом Гуциным в 2016 г., заместитель директора музея Николай Долголенко говорил о работе отца так: „Очень ответственно относился к работе пожарник Прохоров Иван Андреевич. Когда я был уже заместителем директора, то вспоминаю, как во время учебных пожарных тревог, которые я время от времени объявлял, Иван Андреевич моментально заводил мотор и подавал воду в нужное место. За его работу всегда можно было быть спокойным“.

Отец слыл знатным рыбаком и заядлым охотником. Рыбу умел ловить и ловил много. У меня сохранились его мережи и сети. До сих пор ходят легенды о том, как метко он стрелял.

Филин Сергей Николаевич (слева) и Прохоров Иван Андреевич с четырьмя добытыми волчицами у дома Аникиных (Мошниковой). Деревня Ямка. Нач. 1980-х гг.

*Прохоров Иван Андреевич, (сидят)
К. П. Клинов, Т. Е. Гаврилова. 9 мая 1980 г.*

В 1978 г. родители переехали в деревню Ямка и жили в доме Мошниковой (ныне Аникиной) на втором этаже. Мама работала почтальоном, а потом тоже устроилась в музей. Работала там кладовщиком, за конюшной следила, да и вообще огромное количество обязанностей выполняла. Ольга Никифоровна уважаемым человеком

на острове была. Почтовое отделение, кстати, в то время было в деревне Боярщина. Ну, а отец так и проработал пожарным до пенсии. Дом в Кургеницах долгое время пустовал, и одно время отец хотел его даже продать, но Бог уберег. С 1997 г. мы с семьей каждое лето проводим в этом доме, следим за ним, огород держим.

Начальную школу я окончил в деревне Кургеницы. Школа была в соседнем доме, так что опаздывать на уроки не приходилось. Сейчас этот дом принадлежит семье моей сестры — Варёновой Лидии Ивановны. Учительница у нас строгая была. Ее звали Колганова Евдокия Константиновна. Она многому нас научила. Вообще наша школа сильной в округе считалась.

Потом до 8 класса учился в школе-интернате в Сенной Губе. Домой наши деревенские ребята приезжали на выходные и на каникулы, а на неделе жили в Сенной Губе. Дядя Женя Назарьев даже аэросани сам сделал, чтобы в распутицу нас возить. Рукодельником он знатным был.

После школы я поступил в медицинское училище в городе Петрозаводске, так сказать, по стопам старшей сестры Валентины Ивановны и старшего брата Петра Ивановича, которые тоже окончили медучилище. После выпуска меня отправили работать в село Паданы Медвежьегорского района. До армии я работал там фельдшером.

Начальная школа в деревне Кургеницы. Слева направо первый ряд: Татьяна Левичева, Татьяна Хайдина, Владимир Прохоров, Михаил Дегтярев, Николай Левичев, Александр Назарьев; второй ряд: Юрий Косенков, учитель Колганова Евдокия Константиновна, Сергей Елизаров, Николай Дегтярев. 1969 г.

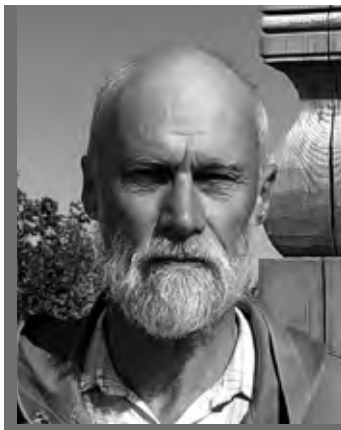
Военную службу проходил на Северном Кавказе. Ну а после армии вернулся к родителям. В то время они уже жили в деревне Ямка. Работал я, как и отец, пожарным на острове. В 1982 г. я встретился с будущей супругой Костиной Валентиной Анатольевной. На день рождения я пригласил Александра Назарьева, а он пришел со своей избранницей Татьяной (в девичестве Костиной), которая, в свою очередь, пригласила младшую сестру Валентину. Так мы и познакомились.

Валентина принадлежит к древнему роду Костиных, потомков Ольхиных — основателей деревни Ямка. Каждое лето Валентина с сестрой Татьяной и со своей бабушкой Костиной Евдокией Степановной приезжала в дом Костиных, который построил их прадед в деревне Ямка.

В сентябре 1983 г. мы поженились и уехали жить в Ленинград к родителям Валентины. У нас двое детей: сын Андрей и дочь Ольга.

В Ленинграде я окончил автошколу и десять лет работал водителем автобуса в первом автобусном парке. В 1994 г. наша семья переехала в Петрозаводск. Очень тянуло меня на родную землю.

В Петрозаводске сначала я трудился водителем в пароходстве, ну а потом устроился в пожарную часть на острове Кижы и проработал там до пенсии, до 2006 г. Сейчас мы с супругой каждое лето проводим в Кургеницах. Дети приезжают к нам в деревню на выходные и в отпуск».

ВАРЁНОВ Олег Иванович родился в г. Батуми в 1954 г. Окончил среднюю школу в Луганской области. Там же работал на заводе слесарем-сборщиком и плотником. В 1977 г. переехал в Карелию и поступил на службу в пожарную часть по охране музея «Кижы», где отработал всю жизнь до пенсии. Сейчас на заслуженном отдыхе, занимается домашним хозяйством. Увлекается историей, этнографией и фольклором.

Моя жизнь на кижском взморье:

«Познакомился я со своим будущим тестем, Прохоровым Иваном Андреевичем, когда поступил на службу в Пожарную часть по охране музея-заповедника „Кижы“ в 1977 г. Он был родом из деревни Кургеницы. Там же проживала и моя будущая жена Лидия Ивановна. В этом же году, в сентябре, мы поженились. Регистрация проходила в Сенной Губе, в сельском совете, куда мы добирались на лодках. Свадьбу играли в Кургеницах. Собралось много гостей, родственников, сотрудников музея. Даже директор музея-заповедника „Кижы“ Ионова Валентина Матвеевна была у нас на свадьбе.

От музея нам было предоставлено служебное жилье в Дудниково. Ключ от квартиры с красной тесьмой нам торжественно вручила директор во время застолья. Там мы прожили до 1981 г., когда осенью переехали на остров Кижы в деревню Ямка. Сначала нас разместили в доме Вичурина, затем в доме Берёзкиной. В настоящее время живем в доме Маньшина.

В начале 1990-х гг. на острове Кижы была открыта школа, в которой учились дети сотрудников музея и наши дети. Дочка, правда,

училась с первого класса в Великой Губе, так как пошла в школу в 1989 г., когда на острове Кижы еще такой возможности не было. В зимнее время приходилось возить ее за 18 километров на лошади или на снегоходе „Буран“, а в распутицу преодолевали это расстояние по льду только пешком.

Раньше для того, чтобы жить в деревне, необходимо было иметь свое хозяйство.

Поэтому сначала мы обзавелись овцами. Потом мама Лидии Ивановны, Ольга Никифоровна, подарила нам нетель, из которой через год выросла корова. Бывало в нашем хозяйстве и по две коровы. Имели лошадь, на которой пахали все огороды в деревнях Ямка и Васильево. Скотину держали вплоть до лета 2015 г.

В 80—90-х гг. XX в. свое хозяйство было у семи семей в деревне Ямка: у Назарьевых, Прохоровых, Клиновых, Степановых (Алексея Ивановича и Николая Ивановича), Солнцевых и Варёновых. Также хозяйство имели две семьи в деревне Васильево: Егоровы и Гавриленко. Каждая семья, кроме животных, содержала огород под картофель и грядки для всяких овощей. Сено для домашних животных косили вручную косами-стойками, как и сто лет назад.

Почти у каждого дома можно было увидеть лодку-кижанку. Одни были со стационарным двигателем (Л-3 или Л-6), другие с подвесным мотором. Но повсюду уже появлялись лодки и катера из алюминия с более мощными моторами.

Праздники отмечали весело. Ходили друг к другу в гости. А 9 мая участвовали в митинге у братской могилы, около Кижского погоста, на котором чествовали ветеранов Великой Отечественной войны и поздравляли их с Днем Победы».

*Прохоров Иван Андреевич
на празднике ремесел вяжет сеть.
Остров Кижы. 1980-е гг.*

Варенов Олег Иванович на празднике ремесел точит веретено. Остров Киж. 1980-е гг.

Варенова Лидия Ивановна у дома Ошевнева демонстрирует прядение. Остров Киж. 1980-е гг.

Кижское взморье:

«Дело было в 60-х гг. прошлого столетия. Один кижский мужик с женой и дочкой летом по путевке поехал первый раз отдыхать на Черное море. Кто бывал, тот знает — отдых у моря не предполагает никаких других занятий, кроме как ничегонеделание. И для этого надо иметь привычку и сноровку. Утром, если повезло с погодой, идешь на море плавать и загорать, и так до обеда. Потом идешь обедать. С обеда опять на море. Затем идешь на ужин. После ужина прогулка перед сном и в люлю. И так в течение месяца.

Правда, если такой отдых бывает разбавлен какими-либо экскурсиями, походами по достопримечательностям, то это вносит разнообразие в ничегонеделание. От такого отдыха человеку, не имеющему сноровки и привычки, можно и устать.

А наш кижский мужик не имел ни привычки, ни сноровки, ни умения в ничегонеделании. Ведь жизнь в деревне не предполагает ничегонеделания. Все от

мала до велика чем-то заняты. Взрослые весь день на работе, дети помогают взрослым. А летом вообще не до отдыха, когда сенокос. Надо для колхоза сена заготовить, а после уж и для своей скотинушки. Ребятам и искупаться то некогда, только если отец разрешит. Ну а взрослым и подавно, не до купания. Каждая минута на счету. Косили, как говорят „от Петрова до Покрова“. Особенно тяжело было, когда рабочих рук не хватало.

Осенью грибы-ягоды. Сбор урожая овощей. Зимой другие заботы-радости: сена привезти, дрова из лесу, сети, что с осени поставлены, опохожать. Весной, еще по насту, дров заготовить на следующую зиму. А позднее, когда лед станет от берегов отходить, начинается охота на щуку. И так в течение года, как говорится, „делов, хоть в шапке спи“.

Промаялся наш мужик на этом отдыхе месяц и дал себе такой зарок — „отдыхать только на кижском взморье“. И ведь сдержал слово».

Конь Васька:

«Удивительную историю когда-то рассказала моя жена Лидия Ивановна. Было это накануне распутицы, в октябре, в конце 1960-х годов, в деревне Кургеницы.

Умер местный житель. Родственников уведомили о случившемся, и на похороны попали ближние и дальние. У покойного было пятеро сыновей. Трое жили в Петрозаводске и поэтому приехали быстро. Младший из сыновей служил в армии, а один из старших проживал в Краснодарском крае, откуда добираться было очень долго. Все уже собрались, прибыл и младший из армии, а старшего все нет и нет.

Тогда на остров Кизи можно было прилететь на самолете АН-2, который садился на воду и причаливал к плавучему деревянному плоту.

Наступил день похорон. Все было готово, чтобы ехать на кладбище, до которого километра три по лесной дороге. Гроб с телом поставили на дровни, в которые был запряжен конь по кличке Васька, и похоронная процессия двинулась.

Конь, обычный колхозный трудяга, которому была привычна тяжелая деревенская работа, пройдет несколько десятков метров

*Такие гидросамолеты летали в Кижии
в советское время*

и станет. Пройдет и станет. Как будто тянет непомерно тяжелый воз с сеном.

А в это время старший сын уже вылетел из Петрозаводска, о чем уведомил почтового работника на острове Кижии.

Конь же, как и прежде, немного пройдет и станет, пройдет и станет.

И вот в небе над островом закружил самолет и,

сделав несколько кругов, пошел на посадку.

А в это время конь, который, казалось бы, с большим трудом тащил дровни по дороге, вдруг пошел не останавливаясь, как будто ждал того, кто находился в этом самолете и спешил на похороны к отцу.

У плота, к которому причалил самолет, уже ждала почтальон на лодке-кижанке, на которой она доставила приехавшего на похороны до деревни Кургеницы. Пришлось ему бегом догонять своих. И все-таки сын успел проститься с отцом».

НАЗАРЬЕВ Александр Евгеньевич родился в деревне Кургеницы в 1959 г. Учился в начальной школе деревни Кургеницы, потом в школе-интернате в Сеной Губе. Служил в ГДР. После армии работал трактористом на острове Кижии. Женился и девять лет прожил в Ленинграде, где работал на экскаваторе. От работы получил квартиру в городе на Неве. Но как только появилась возможность, обменял квартиру и вернулся со всей семьей в Карелию, в Петрозаводск.

Позднее, когда работал в музее-заповеднике «Кижии» на должности

рабочего, выучился на печника. Сейчас на пенсии, но продолжает работать печником в Кижях.

Не помню в деревне ни одного скандала:

«Моя прапрабабушка Баранова Татьяна Ивановна (в девичестве Ошевнева) была родом из дома Ошевнева, знаменитого не только в Кижях, но и далеко за пределами. Бабушки и дедушки по матери не знал. Дедушка погиб на фронте, бабушка умерла в финском концлагере. Отец с матерью, братом и сестрой приехал в деревню Кургеницы из деревни Яндомозеро. Точнее, переехала бабушка Серафима Васильевна с дочкой и младшим сыном, а отец, Евгений Алексеевич, приехал в Кургеницы прямо из армии. Дедушка по отцу, Алексей Григорьевич, тоже погиб на фронте.

Ходит красивая легенда, что тогдашний председатель колхоза «Имени 1 Мая» старался привлечь в Кургеницы молодых парней не только как рабочую силу, но и с целью исправить демографическую обстановку. Девоч в деревне было много, а парней после войны раз-два и обчелся. Так в колхозе появились мой отец и его хороший приятель Назаров Федор Васильевич, оба трактористы.

Здесь отец познакомился с Барановой Людмилой Александровной, а его приятель с Филиной

Лидией Павловной. В результате, на свет появились мы с братом Виктором и наши хорошие подруги детства и юности Галина, Татьяна, Марина и Ольга Назаровы. Наши матери, Людмила Александровна и Лидия Павловна, тоже были хорошими подругами.

Хочется отдельно сказать несколько слов о председателе колхоза Сарафанове Василии Андреевиче, который являлся родным

Баранов Иван Иванович, его сестра Анна Ивановна (в центре) и жена Баранова Татьяна Павловна. 1910-е гг.

дедушкой Тамары и Елены Рождественских, хорошо известных в музее „Кижы“. Дом председателя, „первого после Бога“ человека на деревне, ничем не отличался от домов рядовых колхозников и даже от дома моей прабабушки Татьяны, жены врага народа. Ее муж, Баранов Иван Иванович, был арестован и расстрелян в 1937 г.

Колхоз в Кургеницах, по словам современников, был довольно богатым. Майские, ноябрьские и новогодние праздники, а также свадьбы и дни рождения отмечали шумно и весело всей деревней. Но когда он влился в совхоз „Прогресс“, жизнь стала затухать. Мы оказались на „задворках империи“. Закрылись ферма, маслозавод и школа.

Люди стали разъезжаться, кто в Петрозаводск, кто в Великую Губу. Наш отец, работавший бригадиром в совхозе, тоже перешел на другую работу. Сначала устроился в пожарную часть острова Кижы, потом плотником в реставрацию. Позже работал в Кижях трактористом, где я его и заменил в 1980 г., вернувшись из армии. А он опять перешел в пожарную часть. Таким образом, моя жизнь оказалась связана с Кижами с тех пор и по сей день.

За свою жизнь в Кургеницах я не помню ни одного случая скандала между жителями. Мужики без проблем ладили с сенокосами, которых у нас было немного, отмечали праздники всей деревней в совхозном клубе, который в 1973 г. сгорел.

Всех своих земляков я вспоминаю с огромной теплотой, как ныне живущих, так и уехавших».

*История одной любви*¹⁴:

«Эта романтическая история длиной более шестидесяти лет начиналась в военные годы. Но обо всем по порядку...

В деревне Кургеницы в крепкой крестьянской семье, главой которой был Федор Матвеевич Дегтярёв, росли два сына: Василий и Павел, и дочь Софья.

Старший — Василий — был отдан в учение в Питер, а после революции вернулся в родные места и работал заведующим складом „Райпотребсоюза“ в Великой Губе. Было у него трое детей: Ольга, Антонина и Евгений. Старшая дочь Ольга — главная героиня нашей истории.

¹⁴

История одной любви. Интервью. Подготовила Т. Николюкина // Кижы. №3 (21). 2006.

Ольга Дегтярёва, окончив школу в Кургеницах, собиралась стать учителем физкультуры и поступила в Петрозаводское педучилище. Окончание учебы и выпускной бал трагически совпали с началом войны. 22 июня райком комсомола отобрал четырех лучших выпускниц педучилища, в том числе и девятнадцатилетнюю Ольгу, для работы по эвакуации детей-детдомовцев вглубь России. Организацией этого сложного дела занимался лично Юрий Андропов — в то время секретарь райкома комсомола. Поставленную перед ними задачу девчата выполнили с честью: по бурному осеннему Онежскому озеру под бомбежками переправили детей в тыл.

Рассудив, что для женщины на войне самая востребованная специальность — медицина, Ольга поступила на курсы сандружинниц. Военное командование оценило ее твердый характер, живой ум, уровень образования, и военная судьба Ольги Дегтяревой привела ее на спецкурсы ВНОС (воздушное наблюдение и оповещение самолетов). Она в совершенстве овладела специальностью радиста и научилась распознавать все типы самолетов. Далее — фронтовые дороги Украины, Белоруссии, Польши. За мужество и отвагу молодая заонежанка неоднократно награждалась и поощрялась, а марте победного 1945 г. встретила свое счастье.

Весна. Польша. Один-единственный раз уговорили подружки Лёлю — голубоглазую блондинку — пойти на вечер в соседнюю воинскую часть, где полным-полно красивых летчиков. Именно здесь и пересеклись пути заонежской девушки Ольги Дегтярёвой и украинского парня Михаила Сидоренко, штурмана дальнего тяжелого бомбардировщика. В тот же вечер она выбрала его, и больше они не расставались. Первая встреча — и на всю жизнь! Супругами они стали 9 Мая под залпы победного салюта, сфотографировались и послали фото каждый своим родителям.

В 1958 г. Михаил Григорьевич покинул авиацию и с семьей переехал в Запорожье — поближе к боевым друзьям-однополчанам. Город тогда бурно развивался, и технически грамотные специалисты были очень нужны. Так и трудились добросовестно, пока позволяло здоровье, Михаил Григорьевич — в „Запорожгоргазе“, а Ольга Васильевна — на заводе „Гамма“. Но неизменно каждый год во время отпуска красивая супружеская пара приезжала в Карелию. До сих пор для Ольги Васильевны

Петрозаводск — самый любимый город, а Кургеницы — самое родное место на Земле. Мама Ольги Васильевны Евдокия Дегтярёва прожила очень долгую жизнь — почти до 100 лет. В Кургеницах в отчем доме каждое лето гостят внуки, правнуки и другие родственники Евдокии Дегтярёвой.

Супругам Сидоренко уже за восемьдесят, их дочь Галина со своей семьей живет в Ростове. У Ольги Васильевны и Михаила Григорьевича два внука, две внучки и правнучка Алёнка.

Семейное счастье длиной более шестидесяти лет — удел избранных судьбы. До сих пор любящий муж иначе как Лёлечка свою супругу не называет и дарит ей цветы просто так — без повода».

ПИЛИПАК (Корнилова) Анастасия Григорьевна (1931—2022). Деревня Кургеницы

«В 1941 г. мне было десять лет, шел одиннадцатый. За три недели до начала войны пригласила нас средняя сестра Мария на свою свадьбу. Она тогда жила у нашей тети в Петрозаводске и работала в швейной мастерской, которая находилась напротив Зарецкой церкви (Крестовоздвиженский собор. — Прим. редакции). Маруся была комсомолкой и большой активисткой, ходила на учебу в Красный Крест.

Мы с мамой приехали в Петрозаводск из Заонежья, из деревни Кургеницы.

Свадьба была скромная, так как жили они в маленькой комнате в коммуналке по ул. Малая Подгорная, потом она была переименована в ул. Свердлова. На свадьбе были только самые близкие. Жених был военный, в каком звании — не знаю, так как тогда не было погон, а были лычки, в этом не разбиралась. Звали жениха Михаилом, красивый молодой человек, хорошо воспитан.

В разгар свадьбы пришел солдат с запиской к жениху, и пришлось ему покинуть свою свадьбу, все расстроились, но продолжили праздновать, думая, что он вскоре вернется, но он так и не вернулся. Мама

уехала домой, а меня оставила, потому что были летние каникулы. И я гостила то у тетки, где жила сестра, то ходила в гости к бабушке с дедушкой — это мамины родители, они жили на ул. Пушкинской в своем частном доме.

22 июня я была у тети, было воскресенье — прекрасный солнечный день. Сестры мои Надежда и Мария рано утром ушли в лес, на природу — так раньше отдыхала молодежь. Брат мой Иван учился в ремесленном училище по специальности „кузнец,“ и практику проходил на Онежском заводе. Мы с тетей Евдокией Петровной пошли на Зарецкое кладбище на могилку бабушки. Только вышли на площадь Кирова, подошли к Гостиному двору, народ толпиться начал, в рупоре слышно выступление М. И. Молотова, он призывал всех на защиту нашей Родины — это было 12 часов дня.

Вскоре меня отправили домой в деревню к родителям, началась мобилизация мужчин и женщин на фронт. Старшую сестру Надежду отправили на оборонные работы, а Мария взяла паспорт и пошла в военкомат, ей было в то время 18 лет, прихватила членский билет Красного Креста и попросилась на фронт. Она попросилась на фронт с намерением встретить там своего любимого Михаила, но, увы, этого не случилось.

Началась эвакуация населения, заводов и предприятий подальше от войны. Онежский завод и его работников отправили в г. Свердловск. Брат тоже эвакуировался с заводом, ему тогда было 16 лет. Там, конечно, тоже было несладко — голодно и холодно. В 1942 г., как только этим мальчишкам-ремесленникам исполнилось 17 лет, они всей группой пошли в военкомат проситься на фронт. Взяли их, обучали военному делу три месяца и отправили на фронт. Они были десантниками, их забрасывали в тыл врага, и они должны были там наносить ему урон.

А летом и осенью 1941 г. враг быстрыми темпами завоевывал наши города и села, началась сплошная эвакуация населения, мы в Заонежье видели страшное зарево пожара — горел Петрозаводск — это выполнялось распоряжение ничего не оставлять врагу: взорваны были все мосты, предприятия, Гостиный двор и еще много других зданий. Пожар был страшный, потому что в городе было много деревянных домов.

С оборонных работ на моторной лодке вернулись к себе в деревню девушки, в том числе и моя старшая сестра Надежда и мама младшая сестра Ольга. В тот год Онежское озеро замерзло рано, уже в ноябре, и как только оно встало — наехали финны, расселились по всем деревням Заонежья.

В одно раннее утро нас разбудила стрельба из автоматов. Отец нас всех собрал в кучу за русскую печь, там было место, где можно было спрятаться от шальных пуль. Оказалось, из Песчаного на лыжах в маскхалатах пришли наши партизаны, открыли огонь по финским солдатам-часовым. Завязался бой, но силы были неравные, наших партизан был небольшой отряд. Партизаны подошли со стороны поля, где стояли гумна, в которых сушат снопы, забрались на крыши и оттуда начали палить. Наши партизаны были все убиты, а у финнов были раненые и убитые. Своих убитых финны перенесли в часовню, чтобы потом увезти в Финляндию, а раненых срочно увезли в Финляндию. А для погибших партизан наши мужики в поле вырыли большую могилу, в которой их всех и похоронили.

После этого случая финское начальство засуетилось, и был дан приказ вывезти жителей из всех деревень, находящихся в окрестностях Кижей, в концлагеря в Петрозаводск. Лагерей было шесть. Приказ финского начальника был таков: брать с собой носильные, самые необходимые вещи и еды на неделю. Давали на семью одну подводу, и что сможешь, то и вези. В нашей семье было шесть человек.

Папа взял сундук с ценными, как он считал, книгами, а остальное все осталось дома. Из нашего дома позже все пропало: дорогую мебель из горницы, фарфоровую посуду финны увезли, и иконы в серебряных окладах, а икон у нас много было, в горнице все стены завешаны. На чердаке была комната-библиотека: полные стеллажи бесценной литературы, так как у отца моего в Питере жили дядья богатые, они еще до революции присылали книги в кожаных переплетах с крючочками, журналы в глянцевом оформлении „Пчела“ и „Нива“ — и это все пропало.

Выехали мы из дома, приехали в деревню Кузнецы, там сидели целую неделю. Финны ждали, пока середина Онежского озера замерзнет, тогда нас погрузили на бортовые машины и повезли в Петрозаводск.

Приехали ночью, поселили в доме по несколько семей в одном помещении за колючей проволокой — концлагерь № 4 — это по ул. Кузьмина и Новозагородной. Колодец был за территорией лагеря, и чтобы набрать воды, были определенные часы. За водой стояли в очередь.

Началась наша голодная и холодная жизнь, народ начал болеть, завелись вши, большая смертность была. Потом наш концлагерь стали расселять, и нас перевели в концлагерь № 6 — это на Перевалке, там тоже по несколько семей из разных деревень жили. Семьи были не только из Заонежья, но и из Свири, из Вознесенья. Там начали бороться с вшами, обрабатывая нашу одежду в спецкамере, стригли наголо. В 1942 г. началась большая смертность от голода и болезней. Собирали мужчин, которые еще могли работать, вели под конвоем в Пески, и там они рыли большие траншеи, куда свозили всех умерших, а там друг на друга складывали по всей траншее доверху и засыпали землей. Вот такое было захоронение наших ни в чем неповинных людей.

Потом умер мой отец, опух от голода, ноги стали как бревна, появились громадные язвы. Никому не было до этого дела, никто нас не лечил. Барак наш находился вблизи ограждения из колючей проволоки, мама пыталась у проходящих мимо людей добыть хлеба и масла для папы в обмен на единственную оставшуюся у нас драгоценную вещь — золотой браслет в виде сплетенной косы с двумя подвешенными на цепочках сердечками — мамин свадебный подарок. Но ее обманули, за браслет дали только коробку сухих галет. Мама горько плакала из-за этого обмана. Папе это уже не помогло, он умер в октябре 1942 г. Мы остались с братом Александром и мамой, которая тоже болела, у нее был порок сердца, но финны не считались с этим. Мама была направлена с одной из женщин на распиловку дров на Военной улице, где были военные госпитали, пищеблок, столовая для ходячих раненых солдат. Нужно было пилить метровку и забрасывать в люк, где находилась топка. Пилили двуручной пилой, очень уставали, но надо было выполнять дневную норму. Их иногда подкармливали кухонные работники. Главным поваром была финка Лотта, она очень злая была и строгая, запрещала подкармливать наших женщин, но если она куда-нибудь уходила, работавшие на кухне карелки брали у них котелки и наливали им остатки

супа и каши вперемешку, чему наши женщины были очень рады и благодарны этим кухонным работникам. Карелов и вепсов финны считали своими родственными народами и в концлагеря не сажали. Этот военный больничный городок находился там, где сейчас находится один из выставочных залов музея „Кижы“ и церковь, т. е. в районе улицы Федосовой.

В 1944 г. мама умерла от сердечного приступа, не дожив два месяца до освобождения Петрозаводска и Карелии. Ей было 44 года, мы остались сиротами. Нас с братом Александром и нашу старшую сестру Надежду приютила папина сестра Евдокия Петровна.

28 июня прибыли наши войска и освободили нас из концлагеря. Я была очень больна после смерти мамы, думала, что умру, но случилось чудо: у нашего барака остановился отряд наших солдат, и один военный спросил, что со мной: вид у меня был страшно истощенный. Сестра рассказала ему о смерти нашей мамы, и что я с тех пор плачу и уже два месяца не встаю с постели. Этот военный сказал, что он врач. Прослушал мое сердце, помассажировал мои больные ноги и сказал, что у меня сильное нервное потрясение и дал из своих запасов пол-литровую бутылку лекарства — натирать ноги и еще маленькую бутылочку какой-то настойки, чтобы пить. Велел очень строго все выполнять и в теплую погоду выносить меня на солнышко. Тетя распустила свою шерстяную кофту, из этой пряжи сестра связала мне две пары чулок. Я заново училась ходить, сначала с табуреткой, потом по стеночке. Брат сделал мне клюшку, когда я уже смогла сама ходить. Вот так все вместе они меня и выходили.

В 1944 г. вернулась средняя сестра Мария, она была на Карельском фронте ранена в голову и в ногу, после госпиталя ее демобилизовали.

В 1945 г. вернулся брат, он тоже был ранен и контужен. Все вместе мы жили у тети, только не было с нами наших родителей.

А как радовались мы, когда кончилась война! Весь народ радовался и ликовал, день был солнечный, на пл. Кирова был митинг, а потом играла музыка, все танцевали, началась мирная жизнь»¹⁵.

¹⁵ Пилипак-Корнилова А. Война нас сделала сиротами // Кижы. № 3 (65). 2010. С. 2.

Деревня Лахта

Известна с XVI в.: «дер. в Кижях в лахте на Курвине наволоке»¹⁶.
На тот момент в ней было 3 двора, а в начале XX в. 22:

1. Коченев Степан Иванович
2. Пальчиков Илья Моисеевич
3. Староверов Егор Михайлович
4. Хайдина Анна Афанасьевна
5. Ефремов Иван Семенович
6. Серов Иван Иванович
7. Пальчиков Иван Потапович
8. Серов Петр Герасимович
9. Дегтярёв Василий Федорович
10. Дегтярёв Федор Иванович
11. Чижиков Афанасий Григорьевич
12. Чижиков Павел Григорьевич
13. Пальчикова Анисья Павловна
14. Староверов Михаил Степанович
15. Коченов Кузьма Андреевич
16. Иевлев Павел Захарович

Дом Богданова Степана Константиновича в д. Лахта

¹⁶ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 132.

17. Иевлев Игнатий Филиппович
18. Богданов Иван Семенович
19. Богданов Степан Константинович
20. Хайдин Владимир
21. Серов Василий Иванович
22. Серов Григорий Иванович¹⁷

Среди крестьян было, как и во всех деревнях больше всего столяров — 9 человек, 7 из которых работали в Петербурге, а 2 в Петрозаводске, четверо сапожников и башмачник ушли в столицу, а двое осели в Петрозаводске. Портные — 4 человека трудились в деревне, 2 — в столице и один — в Петрозаводске. Пять человек занималось извозом¹⁸.

Из народных мемуаров

ГОРИН Александр Васильевич родился в 1963 г. в городе Петрозаводске, а все детство провел в деревнях Лахта и Кургеницы. Окончил восьмилетнюю школу в Сенной Губе, а 10 класс — в интернате Великой Губы. В училище № 19 г. Петрозаводска получил специальность электромонтажника. Служил на Северном флоте. Работал на «Тяжбуммаше» и в строительных организациях Петрозаводска. Ушел из жизни в 2021 г. Памяти А. В. Горина посвящается его рассказ, который публикуется без сокращений.

«Будет на твоём, Сашка, веку шук!»:

«Родовой дом в деревне Лахта построил мой дед Андрей по линии отца Горина Василия Андреевича. У деда в Кургеницах было еще полдома. Но бабушка не очень хотела жить далеко от воды. Поэтому он построил еще один, но уже на берегу.

Мама рассказывала, что дед занимался перевозкой муки. Дергал для этих целей свою сойму. Даже в Санкт-Петербург возил товар,

¹⁷ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 70.

¹⁸ Кустарные промыслы... С. 23, 62, 66, 94, 115, 118.

но уже на лошадях. Со своей будущей женой, моей бабушкой Аней, там и познакомился. Она была из Петербурга, где работала прислугой.

Бабушка была прирожденным коммерсантом. Могла, не выходя из-за стола, продать стог сена. Мне рассказывали такую историю. Придут к ней люди с другой деревни и говорят: „Анна Исаковна, вот там-то стоит стог сена, — опишут его. — Три рубля...“ Та все запомнит и на честном слове отдаст деньги. А зимой у кого-нибудь сено кончится. Вот к ней приезжают и говорят: „Исаковна, у тебя говорят, сено есть“. Да, у меня стоит стог там-то, там-то. 5 рублей. Коммерческая жилка работала...

Последние 20 лет жизни дед Андрей слепым был, но при этом оставался очень крепким по телосложению. На ощупь самостоятельно мог по всему дому ходить...

Моим родителям тоже досталось. Детство они провели в концлагере. Когда финны в деревню пришли, то сказали: „Быстро собирайтесь. Ничего не берите с собой, кроме документов. Вот все, что сможете на себе унести, то и берите“. Бабушка рассказывала, что одевали все, что смогли на себя одеть. Десять кофт, десять штанов, несколько шапок. В руки ничего нельзя было брать, разве что сумочку какую-нибудь с документами. И еду нельзя было брать с собой. Тогда были очень сильные морозы, и через Онего их везли на грузовых машинах-полуторках. Маленьких детей сажали снизу, чтобы им теплее было.

Моя мама Лидия Павловна вспоминала, что в лагере они сильно голодали. В пищу потребляли все, что только было возможно. На расстоянии вытянутой руки за колючей проволокой трава была съедена. Но маленькие дети под колючую проволоку пролезали. У заключенных в Петрозаводске родственников много было. Как-то раз

*Александр Горин с окунем.
Деревня Лахта. 1968 г.*

Слева направо: Александр и Виктор Назарьевы, Александр Горин, Сергей Демченко. Деревня Лахта. 2015 г.

маленький дядя Володя ушел к родне в город. Он должен был вернуться засветло. Ведь на вышках сидели часовые и проверяли. А тут чего-то он задержался, но когда все-таки прибежал, то ему бросили фуфайку на колючую проволоку, чтобы можно было через нее перемахнуть. Финны сразу заметили, что кто-то проскочил. Стали везде светить прожектором и стрелять. Потом пошли по всем баракам проверять. А мальчик тем временем быстренько прибежал, разделся и лег. Но никто его не сдал...

Во время оккупации финны „здорово побезобразничали” в Заонежье. В нашем доме в Лахте выделявали свиные и телячьи шкуры. В полу до сих пор остались отверстия для стока. Хороший жилой дом они использовали для хозяйственных нужд. А у бабушки, маминой мамы, в Кургеницах в войну финны вообще дом сожгли. Это был родовой дом Дегтярёвых. Мама ведь в девичестве Дегтярёва была. Потом рядом новый дом построили...

После войны, когда мои родители поженились, то первое время в городе Сортавала жили. Отец там бухгалтером работал. Потом

*Горины Александр Васильевич и Людмила Петровна. Деревня Лахта.
Июнь 2021 г. Автор: Игорь Георгиевский*

родители вернулись в дом деда Андрея в Лахте. Отец устроился бухгалтером на Оленьем острове, где тогда известковые разработки были. Тут старшие брат с сестрой, а позднее и я, воспитывались. В нашем доме очень часто устраивались вечерние посиделки. Кто пряд, кто вязал, а кто-то вышивал. Все это сопровождалось душевным пением, под звуки которого я и вырос.

Еще у меня была сестра Галя, но она утонула в четыре года. Был такой случай. Дети катались на финских санках и попали в промоину. Ребята, что постарше выбрались, а Галю не смогли вытащить. Всего их там четверо было.

Мой родной отец рано умер, когда мне только десять месяцев исполнилось. Поэтому у мамы тяжелая жизнь была. До семи лет я в деревне все бегал по бабушкам-дедушкам. Оставляли где могли, с кем могли, потому что мама работала. С родными братом и сестрой у меня большая разница в возрасте. Сестра на 12, а брат на 16 лет старше меня. Поэтому у них тогда уже своя жизнь была. Они учились и работали в Петрозаводске.

Уже в три года я по каменному мосту через болото к бабушке в Кургеницы бегал. Раньше по этому мосту даже на лошадях ездили. Это сейчас все заросло.

Рыбачить начал очень рано. Рыбачил со всеми, с кем можно. До школы уже бегал со спиннингом. Ловил с берега. Брали меня и соседи на рыбалку. Жил здесь раньше на берегу такой Екимов Иван Петрович, тоже родственник наш. Вот он меня с собой, мелкого, на лодке под парусом брал. Ездили мы, дорожки запускали. Приезжали на луду. А он мне говорил: „Кидай, кидай, кидай!“. Вот я кидал и ловил, а он помогал саком. Рыбы тогда много было. И щуки крупные были. Одна даже сломала бамбуковый спиннинг, видимо, сачка испугалась. У меня было много слез, психа. А он сказал: „Будет на твоём, Сашка, веку щук!“ Так что рыбу с раннего детства умел ловить. Поэтому-то соседи про меня говорили, что если уж Саша Горин приехал без рыбы, то значит, рыбы нет! Раньше много ловили, а сейчас нам достаточно в свое удовольствие съездить на рыбалку, поймать немного на уху, вытащить щучку и покушать.

Еще с детства помню, что, где у нас сейчас забор, раньше стоял скотный двор. Там быков держали, а мальчишки их с удовольствием дразнили, а потом убежали. А один огромный бык с кольцом в носу всех в страхе держал. Он такой злой был, что его даже не выпускали. Поэтому девчонки вообще боялись мимо этого хлева ходить.

Когда мне было лет пять, мама вышла замуж за Назарьева Евгения Алексеевича. Витя Назарьев тоже стал вместе с нами жить в этом доме в Лахте. Мы с тех пор с ним очень близкие и по жизни идем вместе. И с Сашей Назарьевым хорошо общаемся, конечно же. Поскольку я своего отца не помнил, то сразу называл Евгения Алексеевича папой. Он очень хороший человек был, многому меня научил в жизни, и рукоделию, и всему. А еще он хорошим печником был и вообще на все руки мастером. Русская печка в нашем доме в Лахта тоже им сложена. Я его считаю как своего родного отца.

Пока жили в Лахте, то в Кижы добирались всякими путями. И на лодках ездили, и на лыжах ходили. Но это очень тяжело было. Потом жилье на острове Кижы дали, и мы все перебрались поближе к работе родителей. Но и наш дом в Лахте сохранился. Потом от мамы по дарственной он перешел на меня, сестру и брата (на троих). Сейчас

у меня сестра есть, а брата уже нет в живых. Его доля оформлена на племянника.

В Ямке мы все с родителями под одной крышей жили. Тогда с нами и Саша Назарьев, и Таня были. Старшие дети приезжали, помогали родителям, чем могли. Семья у нас очень большая, родственников много, но все очень сплоченные, все друг за друга. Это очень удивляло мою жену Людмилу Петровну, которая сама родом с Урала. Когда мама тяжело болела и ей было очень плохо, то все родственники у нее по очереди в больнице ночевали.

Наш дом, что в Лахте, что на Ямке всегда гостеприимным был. Всех, кто заходил, приглашали за стол чаю попить. Хоть люди и отказывались, но на столе всегда угощение стояло. Рады были, когда люди соглашались сесть за стол. По поводу и без повода или просто так люди приходили пообщаться.

Родители всегда держали коров. Мама много пекла и вообще очень хорошо готовила: калитки, рыбники, пироги разные. Считалось обычным делом, когда на день рождения у нее собиралось до 50 человек. Среди них были многочисленные родственники из Лахты и Кургениц. Егоровы на острове Кижы тоже наши родственники. А у бабушки по маминой линии было 8 сестер и один брат.

В 7 лет, как положено, я пошел в сенногубскую школу-интернат. Директором тогда был Ржановский Борис Иванович. В то время в Кургеницах школа уже была закрыта. Начальной подготовки у меня практически не было, но восьмилетнюю школу в Сенной Губе окончил хорошо и получил там все необходимые навыки.

Дома родители тоже готовили нас к взрослой жизни. Мы все с 1 класса были приучены к заготовке сена. Косить и убирать надо было много. Уходили в поля на целый день. Вите, мне и Саше были даже по росту сделаны грабли и косы. Все деревенские работы мы с детства знали. Но наши дети тоже все это могут.

9 и 10 класс окончил в интернате Великой Губы. Добирались в школу по-всякому: по льду на лошадях, по воде на лодках и вокруг на машине. Бывало, и по липовецкой дороге возили. А в распуту пешком ходили.

После школы устроился на работу в „Тяжбуммаш“. От предприятия направили на учебу в училище № 19 Петрозаводска, где получил

специальность электромонтажника. Немного поработал, поучился. Призвали в армию. Служил на Северном флоте. Много там повидал. В Николаеве с завода получали новый корабль, перегоняли его на Север. Служба многое мне дала. Вообще по жизни мне было легко идти. А помогало то, что уже с 1 класса прошел школу жизни в интернате и общежитии. Поэтому легко вливался в любой коллектив.

После службы вернулся на „Тяжбуммаш“. Но надо было решать жилищный вопрос, поэтому в мае 1985 г. перешел в строительную организацию „КСК“ на Южной промзоне на должность рабочего-формовщика. Не прошло и недели, как к нам на предприятие по направлению приехала Людмила Петровна, моя будущая жена. Я тогда изделия производил, а Людмила Петровна меня контролировала. Она работала лаборантом, а потом и в ОТК. Так мы и познакомились.

Были молодые, поэтому особо не раздумывали и вскоре поженились. Родственники Людмилы Петровны очень долго ехали с Пермской области, но все-таки добрались, и мы все дружно отгуляли свадьбу в Петрозаводске. Ее папа был знатным шахтером с 43-летним стажем, кавалером трех орденов шахтерской славы. Добывал самый лучший уголь антрацит в Кизеловском угольном бассейне. Сейчас, правда, там все шахты позакрывали.

После свадьбы нам с горем пополам дали семейную комнатенку в общежитии. Немного там пожили, и летом 1987 года родился сын Игорь. Сын рос, и мы начали задумываться о расширении жилплощади. Старался работать хорошо, участвовал в комсомольских соревнованиях. В результате от предприятия получил однокомнатную мало-семейную квартиру.

На „КСК“ с женой мы долго проработали. Потом ушел в „Технотек“, где делали пустотные плиты по финской технологии и на финском оборудовании. Мы там запускали новую линию. Могу с гордостью сказать, что примерно половина новых домов в Петрозаводске построена с нашим участием. А Людмилу Петровну все „сватали“ к нам на должность начальника лаборатории. В конце концов, она согласилась и стала в „Технотеке“ и начальником лаборатории, и начальником ОТК, и инженером. По работе ей пришлось много поехать по стройкам.

С „Технотека” я ушел в „КСМ”. Там открывали такую же линию по производству пустотных плит по финской технологии. Требовались хорошие специалисты, поэтому начальника и многих других моих товарищей туда тоже переманили. В результате мы успешно запустили линию.

Через некоторое время опять вернулся в „Технотек”, откуда и вышел в 55 лет вместе с женой на пенсию. Не стал задерживаться на работе ни на один день и нисколько не жалею об этом. Работа была тяжелая. С бетоном иногда надо было и с лопатой поработать. Не все ведь по финской технологии. Я отдал государству свое здоровье, а государство дало мне пенсию. А жена еще поработала. К ней до сих пор часто обращаются за консультацией и зовут обратно. В своей сфере она явно преуспела ...

Прошлый год у нас сумбурный был. Только этим летом удалось домом позаниматься. И крышу делали, и в бане пол перестилали. Мужской работы в деревне очень много!

Летом к нам приезжала дочь племянника с молодым человеком. К сожалению, нет уже в живых ни брата, ни его единственного сына, моего племянника. Сестре сейчас уже 70 лет. Она живет в Белоруссии, и ей трудно добираться. Но она бы приехала, если бы не пандемия коронавируса. Ведь тут похоронены родители, и на Родину тянет.

Сын у нас уже взрослый, состоявшийся человек. Имеет медицинское образование, работает фельдшером на скорой помощи в городской больнице. Дед по маминной линии всю жизнь тоже фельдшером работал. Поэтому можно сказать, что мой сын пошел по стопам своего прадеда, а это уже кижская династия.

Завершая свой рассказ, хочу еще одну историю вспомнить. Раньше по деревням цыгане ходили. Вот одна цыганка в детстве мне нагадала, что „этот парень” проживет долго, но в 30 лет ему плохо будет. Так оно и случилось. Я чуть не умер в этом возрасте, когда мне операцию делали. А про сестру сказала, что эта девка дальняя. И действительно, сестра вышла замуж в Белоруссию...»

ЕКИМОВА Анна Михайловна (урожденная Ефремова)

Родилась в 1910 г. в деревне Лахта Кижского прихода. Умерла в 1990 г. в Петрозаводске.

Жатва:

«Жатва была, жали ... Когда походили жать, тогда крестили глаза, садились на скамеечку дома в кухне и благословясь походили, а когда приходили на поляну, тогда старшая, свекрова хоть там, скажет: „Рай-рай-рай и полянка в край, железная снасть на тебя пришла!“. Вот такие слова говорили и начинали жать. Первую пясть домой приносили и хлытали по стенам. Это потому приносили, что не было бы клопов и тараканов. Этой первой пястью ржи хлытали по стенам, кругом, как солнышко ходит.

Жали все, полянья-то все рядом, перед друг другом жали, чтобы не отстать друг от друга, ой, там уже по два снопа, а у нас еще один, ой, у золовки-то там сноп, а у меня еще не целый! Когда уж выжнем, тогда был отжин. У кого были взяты жнеи чужие, скали пироги дома, уже жнеи на поляны, а пироги уже дома скут. А когда у кого еще много жатья, кто дожинал, дак приходили, звали жней, вот приходили к нам: „Сватья, отпусти ты баб пожать, чтобы нам отжин сделать скорее, рожь надо дожать!“ Ну а свекрова говорит: „Нет, нет, бабы устали, не могут“. А я вот говорила: „Маменька, я не устала, спусти меня!“ — „Да иди-иди!“ Это там такой день! Там перед друг другом, это был такой день жаркий, все старались, что поляна дожать надо, что жнеи взяты специально, что дожать. Вот когда дожинали, тогда приходили домой к хозяевам, у хозяев пироги насканы с сыром с сухим, вот этот творог сушенный, с этим творогом пироги все скали. Угощенья, когда кончали, тогда хозяйева давали всем жнеям по рублю, деньги — расчет. Вот с этим рублем пришла я домой и подавала свекровы рубль этот: „Маменька, возьми рубель“. Она мне отвечала: „Поедешь в церковь — поставишь свечку! Денег я не возьму“».

Выгон скота:

«Стояла в воротах там свекрова или мама, стояли в воротах со свечечкой зажганной, свечечка церковная, и вот благословляли и говорили: „Коровушки-матушки, в лесах днюйте, а дома ночуйте!“ „Господи благослови!“ — скажут и перекрестятся взади. Как скотинушка последняя выйдет со двора, все крестили».

Часовня в Кургеницах:

«Там в Кижях Спасова церква и Покров Пресвятая Богородица, а в Кургеницах — часовня, большая часовня, хорошая была, имени она Поясу Пресвятой Богородицы и Рождеству Богородицы. Вот два праздника было, в Кургеницах праздновали. Священник приезжал, служба была. Да как приезжал? Ездят мужчины пожилые за ним. На Рождество съезжают на лошади, а осенью в праздник съезжают на лодке. Священник сослужит службу, а потом ходит по домам служить, батюшку водят под ручку: „Батюшка, к нам, батюшка, к нам!“ Вот так. Священник молебен служит дома, дома зажигают свечку у иконы. В квартирах деревенских батюшка служит.

А так каждое воскресенье в часовню ходили, женщина одна держала ключ, девушек брали часовню мыть. Была колокольня, колокола хорошие были, после Паски целую неделю звонили в колокола, часовня закрыта, а колокольня-то не закрыта, вот и звонили все. Ой, как звонят-то, как приятно, когда звонят в часовне, да колокола-то какие хорошие да всякими разными бендебрюшками такими: „Бах-бах-бауа!“. Хоть пляши под этот колокол, такие были колокола хороши! Там в часовне в этой держали купель, такая купель на ножках, в ней крестили детей. Крестил священник. Едут за священником, надо ехать в Кижы, священника в деревне ведь не было. Съезжают в Кижы за священником.

Деревня была хороша, весела.

Больше вспомнить нечего, больше и не вспомнить. Часовня была, в часовне праздник, тоже такая была старушка, ходила в часовню, руководила там праздником. Вот и в праздники приходили в часовню. А так около часовни было гулянье все. Вечерамы, весной вечерамы, в праздники. Деревня была хороша, весела. Семьдесят домов было раньше. Тогда все говорили, что семьдесят, и я так запомнила. Там еще две деревни, другая была маленькая деревенька рядом, через речку такая. Лахта. Скота много держали. Держали по три, по четыре коровы, дак, считайте, по три коровы, и семьдесят дворов, дак сколько? Репу садили, дак в лесу такое репище делали. Нарубят лесу, потом этот лес жгали, и на этот пепел сыпали, вот эту репну, репну семена. Вот это в лесу только репа была, а в деревнях редко в котором огороде есть репочка, это очень редко было. Каждый хозяин так. Редко у кого в лесу

не было репища, называлось — репище. Из репы пару парили. А это резали репу в горшок и кладовали тушиться в печку, вот это называлась пара, репная пара. Еще делали такие пироги репны. А капусту... капусту редко садили, потом уж перед самым колхозом стали немножко капусту, а так не садили капусту. А рыба, рыба ловилась всяка. Весной дак ловилось много щук. Зимой ловилось много налима, летом шел окунь хороший. Большинство сушили рыбу, и большинство солили. Дома сушеная рыба хранилась, на печке грядки есть, мешки навешают с сушеной рыбой с этой. А соленую рыбу в чуланах. Щуку солили. Уж в самы последни годы стали ряпушку солить немножко, дак маленькую квашеночку ряпушки посолили. Ягоды были, ягоды толкли. Бруснику вот эту толкли, без песку, безо всего, большие-большие бочки это ягод этих брали. И ягоду эту хранили все в кладовке. С ягод с этих делали кисель. Тогда ведь морсы-то не варили. Клюквенный кисель варили, брусничный кисель варили. Клюкву, тую брали, морозили все, тую мерзлой все ели. Ни варенья, ничего не делали, не-а. Малину так брали, ели, пока малина есть в лесу. Брали малинник на зиму, эту траву-то эту малинову, где малина-то растет. Вот это брали как лекарство. Чернику сушили большинство. Сушеную чернику заваривали все зимой, когда болеют. Дак мало там черники-то было, что наберут, то скорее съедят. Это у нас была семья, я тринадцатым человеком пришла в семью, дак там по пясточке — это тринадцать пясточек! Много там черники засушишь!

Еще веников помногу брали. Веников по пятьдесят штук брали. Всю вышку завешают вениками! Рябину последние годы тоже стали немножко делать, знаешь, на палочку насадят, как садок такой делают, и вешали под крышу, там у нас был чердак такой, дак с чердака с окон. Это кто скаат: „У-у-у! Сколько рябины-то навешали!“ Колодцы были, колодцы были чуть не у каждого дома. А на чай все с берега носили. Хоть мы жили на горы, а дале-еко берег был, все равно два ведра, три ведра в день — это нужно было на чай».

Детские игры:

«Из берестав плели такие мячики, берестяны, как я была девочкой, помню, только и играли так. Внутри кладовают камешек какой. Вроде как маленько лабайдает там. Ну, гремит немножко так.

Около часовни было место хоро-оше! Можно было танцевать и играть. Еще ходили, у часовни тут были гумна, называли — гумно, там молотили в этом гумне, дак, в эти гумна ходили еще гулять. Кадрель там ходили танцевали. Правда, еще в рюхи, я и забыла. В рюхи играли. И большие играли, и взрослые, и подростки в рюхи играли. Большинство летом вечерамы. Еще играли по четырем углам. Скаат: „Бабушка-старушка, продай уголок!“ Ой, что же на ответ? Ой, забыла, что на ответ-то. Вот, в прятки играют, дак считалочки говорят. Загадки загадывали. Была такая, беседа называлась. Нанимали бесёду эту. Там домик такой был маленький, нанимали эту бесёду, девочки масло носили за бесёду, ребята там деньги платили. Хозяйке бесёдной, она была маленька очень старушка, дак звали Маулушка. Вот эта беседа, когда с прялочкамы там ходим, договоримся, все там девочки, что давайте с пряlichem завтра придем на беседу, ну, вот. Когда сядем по лавкам, а огонь горит на этой, на полке под потолком. Вот так. Тут и пряliches кладут, тут и потанцуем, а ребята провожать пойдут, прялицы наши понесут. И смеются... Деревня была большая. Весела! Хороша была деревня»¹⁹.

Деревня Гивес-наволок (Гивес новолок)

Известна с 1563 г.: «дер. в Погачиницах же словет на Гивечь наволоке)»²⁰. В это время в ней было 2 двора. К 1678 г. деревня приобрела название «Гивес наволок»²¹, которое сохранила до начала XX в. В 1933 г. в списках населенных мест деревня поименована как «Евес наволок»²².

В XVIII в. история деревни связана со становлением знаменитого Данилово-Выголексинского монастыря, центра российского беспоповского толка старообрядчества. Гаврила Семёнов, один из крестьян деревни Гивес наволок, родившийся в около 1676 г.²³, был среди основателей и первоначальников Выговской обители. Гаврила Семёнов

¹⁹ Калашникова Р. Б. *Крестьянские мемуары...* С. 163—165.

²⁰ *Писцовые книги Обонежской пятины...* С. 129.

²¹ *Переписная книга Заонежских погостов...* 1678 г. Л. 337 об.

²² *Список населенных мест КАССР по материалам переписи 1933 г. Петрозаводск, 1935.* С. 70—71.

²³ *Переписная книга Заонежских погостов...* 1678 г. Л. 337 об.

Украинцев (Митрофановых) уехал на восток России, некоторое время жил в Приуралье на р. Обве, потом в Тобольске, в Сибири в уединенной пещере, в Кошутской и Ишимской пустынях. Обосновавшись в 1720-х гг. на демидовских заводах, Гавриил помогал монастырю хлебом и деньгами, проявил себя как деятельный администратор и опытный рудознатец. При его участии в 1723 г. было открыто знаменитое Колывано-Воскресенское медное месторождение на Алтае и построены одноименные заводы. В 1729 г. приказчиком на эти заводы был назначен другой брат Гаврилы, Никифор, стараниями которого было найдено месторождение серебра и золота. Пользуясь покровительством Акинфия Демидова, Гаврила Семёнов открыто проповедовал старообрядческое учение. Гавриил Семёнов пришел на Выг в 1696 г., а скончался в Сибири в 1750 г., 75 лет от роду и был похоронен на берегу озера Таватуй. Могила его сохранилась до настоящего времени. Первоначально на могиле стояла часовня, сейчас возвышается деревянный восьмиконечный крест. До недавнего времени таватуйские старообрядцы-поморцы совершали на могиле Гаврилы Семёнова положенные молитвословия.

Брат Гаврилы Семёнова Никифор Семёнов появился на Выге в 1701 г., а с 1759 по 1775 г. был настоятелем Данилово-Выголексинского общежительства. Еще один из братьев — Иван Семёнов был послан к старшему Гавриилу в Сибирь, где проповедовал «древлецерковное благочестие» и проведя так десять лет скончался во время, так называемой Елунинской «гари» в марте 1723 г. при деревне Елунина в окрестностях Томска²⁴.

К началу XX века деревня достигла 7, а потом и 8 дворов, в которых в 1905 году проживало 44 человека (23 мужчины и 21 женщина), в хозяйствах содержалось 14 лошадей, 25 коров и 4 овцы²⁵. В деревне были лавка и кузница²⁶, принадлежавшие Медведеву Михаилу Евсеевичу²⁷. В начале XX века в деревне жили:

²⁴ Воробьева С. В. *Кижские крестьяне первонасельники Выгореции.* // Рябининские чтения. 2007. Петрозаводск, 2007. С. 15—19.

²⁵ *Список населенных мест Олонецкой губернии (по сведениям за 1905 г.).* Петрозаводск, 1907.

²⁶ *Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях...* 1916 г. Л. 1.

²⁷ *По прошению крестьян Великогубской волости кижского общества дер. Гивес-наволоок, о не утверждении плана, составленного Уездною Управой на эту деревню. 1913—1915 гг.* // НА РК. д. 89/87, план (вкладыш).

1. Захаров Иван Захарович
2. Федотова Дарья Степановна
3. Федотов Петр Павлович
4. Кругов Антон Елизарович
5. Медведев Михаил Авсеевич
6. Лебедев Гавриил Петрович
7. Чаморов Федор Степанович
8. Медведев Ефим Иванович²⁸

Крестьяне помимо земледелия и рыболовства владели ремеслами. Паркетчик, токарь и портной работали в Петербурге, а два сапожника трудились в деревне²⁹.

В настоящий момент деревня не сохранилась.

Деревня Ошевнево (Угриш наволок)

Деревня известна с 1582 г.: «деревня, что был починок на Агришьнаволоке»³⁰. Это было однодворное, недавно появившееся поселение. До 1646 г. в деревне только один дом, но к середине XVII в. в ней ставят дворы два брата Венедикто Микитин и Еремко Микитин³¹. Род первого сошел на нет к 1811 г., а второй брат стал основателем знаменитого в кижской округе рода Ошевневых, из которого вышел строитель дома Ошевнева. С этого дома началось формирование архитектурной экспозиции музея.

Этот дом 1876 г. постройки был первым памятником архитектуры, перевезенным на остров Кижь. В его

Ошевнев Михаил Никитич.

1900—1910-е гг.

Музей-заповедник «Кижь».

КП-5036

²⁸ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 60.

²⁹ Кустарные промыслы... С. 23, 26, 62, 94.

³⁰ История Карелии XVI—XVII вв. С. 148.

³¹ Переписная книга Заонежских погостов И. П. Писемского, Л. Г. Сумлина и подъячего Я. Еуфимова. 1646 г. // РГАДА. Ф. 1209, оп. 1, кн. 980, л. 130.

Ошевневы

декоративном убранстве прослеживается сильное влияние барочной архитектуры Петербурга. Из беседы с Федором Васильевичем (1888 г. р.) и его женой Марией Ефимовной (1897 г. р.), посетившими свой бывший дом в Кижях в августе 1970 г., стало известно много интересного из истории этого крестьянского дома.

Судя по их рассказу, дом строили сами Ошевневы. Когда Федор родился, дому было уже 12 лет. Дом был построен на Большом Клименецком острове в деревне Ошевнево,

расположенной в двух километрах от острова Кижы и состоявшей из четырех домов. Дом стоял высоко на пригорке, недалеко от берега. Рядом с домом стояли баня, рига и ледник для хранения рыбы. Амбара не было. Косая изгородь охватывала огород и дворовую часть дома.

В кладовой, находящейся под избой второго этажа, был установлен станок для изготовления дранки. В кладовой на сарае держали хлеб (рожь, овес), а осенью хранили мясо. В нижних сенях также была устроена кладовая. На крыльце, огражденном перилами, были скамейки³².

У Нестора Ошевнева, строителя дома, было восемь сыновей, двое из которых связали свою жизнь со столицей. В 1856 г. Петр Нестеров был переведен в царское купечество, а через 20 лет Степан перечислен в купечество 2 гильдии Петербурга.³³

Согласно купеческим книгам Петр Нестерович Ошевнев с 1867 г. по 1872 г. торговал в Гостином дворе Петербурга шелковыми материалами в лавке № 99, а затем в лавке 141 по Перинной или Большой суровской линии.³⁴ В 1875 г. его дело переходит к брату Степану,

³² Гуцина В. А. *Знаменательные даты из жизни дома Ошевнева. 130 лет дому Ошевнева (1876—2006 гг.)* // Кижы. 2007. 6 (24).

³³ НА РК. Ф. 4, оп. 18, д. 77/761, л. 70 об. — 71, 1858.

³⁴ *Алфавитный указатель жителей С.-Петербурга на 1867—1868 гг.* СПб., 1867—1868. С. 356; *Справочные книги о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям за 1867—1872 гг.* СПб., 1867—1872. С. 258, 268, 309, 327, 338.

который держал лавку № 135 в Гостином дворе, торгуя лентами и кружевами³⁵. С 1876 г. Степан Ошевнев полноправный член 2 купеческой гильдии. В это время он жил в доме № 55 Заешникова по Невскому проспекту. В 1876 г. Степан Нестеров Ошевнев пожертвовал на святой престол в церковь Преображения Господня серебряный позлащенный крест в 50 рублей, серебряный футляр для закрытия Святого Ковчега³⁶.

К 1880 г. Степан женился, и в этот год у него родился сын Николай. С 1880 по 1890 гг. Степан Нестеров жил с семьей в собственном доме по Клинскому проспекту, 18 и торговал в Гостином дворе лентами, кружевами и мануфактурой в лавках № 95 и 136.

Вероятно, Степан Нестерович Ошевнев умер в 1891 г., поскольку в документах исчезает его имя, но в Петербурге осталась жить его жена, купеческая вдова и домовладелица. Всего во владении Александры Алексеевны Ошевневой в 1909 г. было 3 дома³⁷. Их сын Николай Степанович Ошевнев стал гражданским инженером и архитектором, и с 1915 до 1931 г.³⁸ жил на Спасской ул., д. 17 (после революции ул. Рылеева). Н. С. Ошевнев умер в блокаду в феврале 1942 г.³⁹

Еще один из сыновей Нестора Максимовича Иван состоял на должности церковного старосты с 1875 г.⁴⁰

³⁵ «Ошевнев Степан Нестерович, 26 л., крест. Олонецкой губ., Петрозав. уезда, Кижской вол., дер. Ивис-Наволок; в купеч. сост. со 2 пол. 1874 г. Жит. Моск. ч. 1 уч., в доме Заешникова, № 55, по Невск. пр. Торг. лентами и кружевами в Гостин. дворе, под № 135». (Справочная книга о лицах, получивших на 1875 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1875. С. 453).

³⁶ Знаменательные даты из жизни дома Ошевнева. 130 лет дому Ошевнева (1876—2006 гг.) // Киж. Апрель, 2007.

³⁷ *Весь Петербург: Адресная и справочная книга на 1909 год.* СПб., 1909. Подольская ул. 18—20, управ. Соколов Владимир Алексеевич. Ропшинская ул., 18, Петербургская часть. Клинский пр., 20—18. Соколов Владимир Алексеевич. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020042/view/?#page=1803>; <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020042/view/?#page=1854>; <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020042/view/?#page=1862>.

³⁸ *Весь Петроград: Адресная и справочная книга на 1917 год.* Петроград, 1917. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020038/view/?#page=1441>

³⁹ «Место проживания: пр. Нахимсона (Владимирский пр.), д. 5. Дата смерти: февраль 1942 г. Место захоронения: неизвестно» Блокада. Возвращенные имена. Книги памяти России. Т. 22. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://viz.nlr.ru/blockade/book/16/14780>.

⁴⁰ «Церковный староста Иван Нестеров Ошевнев состоит на должности с 31 марта 1875 года». Из церковной летописи Кижского погоста 1 января 1876 года. Знаменательные даты из жизни дома Ошевнева. 130 лет дому Ошевнева (1876—2006 гг.) // Киж. 2007. С. 6 (24).

Г. Санкт-Петербург, пр. Клинский, д. 18—20. Дом, которым владел С. Ошевнев

В 1856 г. в Покровскую церковь поступила на престольную одежда, «сшитая из пожертвованого парчевого покрыва... по умертвию кр. Антона Максимова Ошевнева»⁴¹. Этим крестьянином была в свое время пожертвована в ту же церковь «плащаница писанная на полотне самой высокой работы»⁴², которая сейчас хранится в фондах музея «Кижы». Антон Максимов Ошевнев был родным братом строителя дома, который сейчас украшает экспозицию музея «Кижы».

Во второй половине XIX в. в деревне стояло три двора, все они принадлежали Ошевневым. Их хозяева относились к двум веткам одного рода, который разделился в 1795 г.⁴³ В хозяйстве Нестора Максимова с сыном Никитой было пять лошадей, 11 коров и 10 овец, у его родственника Матфея Егорова Ошевнева было 3 лошади, 7 коров и пять овец.⁴⁴ Самым бедным был Степан Васильев Ошевнев, который жил в доме без служб⁴⁵ и имел одну лошадь и одну корову. У Нестора Ошевнева рядом с домом стоял амбар.

⁴¹ Кижский приход... Приходно-расходные книги. Л. 42.

⁴² Там же. Л. 22.

⁴³ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 141—143.

⁴⁴ Список о числе скота... 1877 г. Л. 115.

⁴⁵ Страховая опись... Л. 67.

В 1867 г. при составлении сведений о промысловых лодках в списки был занесен Егор Васильев Ошевнев. Он владел лодкой размером 4 сажени, 2 аршина (для перевозки разного груза), грузоподъемностью 250 пудов, которая давала доходу 30 рублей в каждую навигацию. Скорее всего именно на этой лодке приехал в Кижскую волость Павел Николаевич Рыбников, русский этнограф, фольклорист, труды которого открыли миру глубину и богатство, сохраненного устной традицией, эпического наследия северных земель Руси. Егор Ошевнев занимался также крашением холста и сукна⁴⁶. Возможно, эта традиция в его семье была продолжена и в начале XX в.⁴⁷

Ошевнев Иван Михайлович. 1920-е годы.
Музей-заповедник «Кижы». КП-5037

В начале XX века в деревне жили:

1. Иван Нестеров
2. Василий Кузьмич
3. Михаил Нестерович
4. Тимофей Егорович
5. Андрей Андреевич⁴⁸

В настоящий момент деревня не сохранилась.

⁴⁶ Ведомость торговых и промышленных заведений, находящихся в Кижской волости. 1867 г. // НА РК. Ф. 14, оп. 2, ед. хр. 1/20, л. 21.

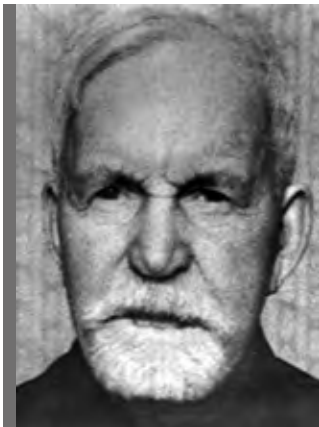
⁴⁷ Кустарные промыслы... С. 92.

⁴⁸ Список домохозяев Петрозаводского уезда...1911 г. Л. 16.

Из народных мемуаров

«Семейная легенда Ошевневых сохранила память о прадеде — слепом Несторе Максимовиче. У него было четыре сына. Утром он давал каждому сыну наказ выполнить определенную работу, а вечером проверял, что и как ими сделано. Четко и точно руководил Нестор Максимович работой взрослых сыновей, ведя хозяйство до самой смерти.

*Федор Васильевич
Ошевнев*

Одно поколение сменялось другим. С 16 лет в доме жил Василий Кузьмич Ошевнев (1860—1924). В его семье росло семеро детей — два сына и пять дочерей. Ошевневы держали шесть мереж, рыбачить ездили обычно два раза в неделю на весельных лодках в Песчаное (в 40 км от Большого Клименецкого острова). Ловили красную рыбу — лосося, щук, лещей, ряпушку. Свежую рыбу отправляли пароходом для продажи в Петрозаводск.

В 1888 г. в семье Ошевневых родился сын Федор. В 26 лет он женился на Марии Ефимовне Денисовой. Венчались они в 1914 г. в Преображенской церкви. В это время, по воспоминаниям Марии Ефимовны, в доме жили: ее свекор Василий Кузьмич со свекровью, 80-летний дядя свекра с женой, три золовки и дальняя родственница — старушка Екатерина Ивановна Ошевнева. Для нее в летнее время была выделена светелка, а зимой всей большой семьей жили в зимней избе.

Родители Федора Васильевича похоронены на кижском погосте.

Из беседы с Федором Васильевичем (1888 г. р.) и его женой Марией Ефимовной (1897 г. р.), посетившими свой бывший дом в Кижях в августе 1970 г., стало известно много интересного из истории этого крестьянского дома. Крепкий, кряжистый, совсем седой Федор Васильевич в свои 82 года в прежние времена делал на заказ лодки, сапожничал, был хорошим плотником.

В семье Федора Васильевича Ошевнева было восемь детей, пятеро из них умерли в раннем возрасте.

В 1929 г. семья Ошевневых сдала в колхоз трех телят, лошадь, четырех овец и трех коров (одну оставили).

Через год, в 1930 г., Федор Васильевич уехал на Оленьи острова на известковые разработки, где проработал до 1937 г.

В 1937 г. Ошевневы с тремя сыновьями (Александром, Иваном и Павлом) и сестрой Федора Васильевича переехали в Соломенное, а потом — в Петрозаводск»⁴⁹.

Деревня Глебово (Деревня в Паховичах на Глебове острове)

Поселение известно с 1563 г. В это время это было однодворное поселение и, судя по названию в более поздних документах, она располагалась на небольшом островке: «Деревня в Паховичах на Глебове острове»⁵⁰. Подобно многим деревням острова, она позднее переехала и в XVIII в. уже располагалась на Клименецком острове. За все время своего существования это было маленькое поселение в два двора.

Часть жителей деревни Глебово принадлежали к посадским г. Олонца с XVII в.⁵¹ В 1720 г. к этой деревне приписан в качестве посадского Елизар Федосеев Ольхин с сыном⁵², а в конце XVIII в. в деревню из Петрозаводских мещан переписан его внук Петр Лазарев Ольхин⁵³.

История деревни связана с образованием и первыми десятилетиями становления центра беспоповского толка старообрядчества Данилово-Выголексинского общежительства, основанного в 1699 г. на севере Карелии на р. Выг.

Помимо основателей общежительства Данилы Викулича, Петра Прокопьева, Симеона и Андрея Денисовых, особую роль на первых этапах жизни обители и распространении старой веры играл Лука Федоров сын Приезжего. Посадский человек деревни Глебово⁵⁴, он пришел в киновию практически с момента ее основания в конце XVII в.

⁴⁹ Дом Ошевнева. Легенды и были // Киж. 6 (24). 2007.

⁵⁰ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 177.

⁵¹ Карелия в XVII веке... С. 112.

⁵² Сказки о приписных посадских людях... 1723 г. Л. 151.

⁵³ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 143—143 об.

⁵⁴ «В деревне на Глебове острове [посадских] Лучка Федоров сын старинный Приезжего к деревни участок деда и отца его...» (Коновалов И. Указ. соч. С. 173).

*Федосья Ивановна и Иван Иванович
Ольхины. Лето 1926 г.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4196*

Лука Федоров был Выговский «нарядник» — человек, в чьем ведении была вся хозяйственная и торгово-промышленная деятельность пустыни. Он же ведал строительством соседней Лексинской женской обители. Позднее в монастырь переехали мать Луки Федорова, его жена и дочь.

В 70-х г. XIX в. в деревне жили Ольхины, которые имели дом со службами, амбар⁵⁵, 4 лошади, 8 коров и 5 овец и Никита Ольхин, потомок первопоселенца этой деревни. Его хозяйство было значительно меньше — одна лошадь, одна корова и одна овца⁵⁶. Ольхину принадлежала ветряная мельница.

Ветряная мельница

1. Местонахождение: деревня Глебово
2. Владелец: Ольхин Иван Иванович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: —
5. Основание корпуса: —
6. Число крыльев: 6
7. Сколько лет существует: 50 лет
8. Ремонты: в 1900 г. строили амбар

⁵⁵ Страховая опись... Л. 67.

⁵⁶ Список о числе скота... 1877 г. Л. 115—116.

9. Сумма, израсходованная на ремонт: 50 руб.
10. Ежегодная сумма страховки: общая
11. Число наемных рабочих: —
12. Число рабочих дней в году: 50 дней
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: —
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): —
15. Сколько переработано зерна за год для себя: 150 мер ржи, 45 овса
16. Сколько переработано на заказчика в год: 50 мер ржи, 60 овса
17. Плата за помол с меры: 2—5 коп. с меры
18. Сколько дней работает толчея: при хорошем ветре: 40 дней, при плохом — 10 дн. (на все толкачи)
19. Сколько переработано овса за год: 60 мер
20. Какая плата за толчение: 2—5 коп.
21. Число толкачей: 10
22. Стоимость мельницы по показанию владельцев: 150 руб.⁵⁷

В середине XIX в. Иван Васильевич Ольхин владел лодкой для перевоза муки и разного груза, размером 3 сажени и 1 аршин, грузоподъемностью 150 пудов, дававшей доходу в год 3 рубля⁵⁸.

В 1926 г. участники экспедиции братьев Ю. Соколова и Б. Соколова встречались с Федосьей Ивановной Ольхиной, племянницей сказителя Симеона Корнилова, и записали от нее два отрывка былин.

В настоящее время деревня не сохранилась.

Деревня Маньшино (Хамшеева)

Деревня известна с 1563 г. Для того времени это большое поселение в четыре двора⁵⁹. К середине XIX в. в деревне стояло 3 дома все дома были со службами, то есть с хозяйственными частями⁶⁰.

⁵⁷ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 144.

⁵⁸ Ведомость о судах и лодках, находящихся в Кижской волости... 1867 г. Л. 23.

⁵⁹ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.

⁶⁰ Страховая опись... Л. 67.

По количеству скота все домохозяйства имели по 1—2 лошади и 3—4 коровы⁶¹.

В начале XX в. в деревне жили только крестьяне Маньшины:

1. Маньшин Петр Нестерович
2. Маньшин Иван Дмитриевич
3. Маньшин Григорий Петрович
4. Маньшин Кирилл Ермолаевич
5. Маньшин Никита Григорьевич⁶²

Никита Григорьевич Маньшин еще во время войны был церковным старостой Кижского погоста.

В деревне стояла мельница, принадлежавшая Петру Нестеровичу Маньшину:

1. Местонахождение: деревня Маньшино
2. Владелец: Маньшин Петр Нестерович
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Число толкачей: 14
8. Сколько лет существует: с 1913 г.
9. Ремонты: —
10. Сумма, израсходованная на ремонт
11. Указать характер ежегодного ремонта: правка пестов
12. Ежегодная сумма страховки: нет
13. Число наемных рабочих: —
14. Число рабочих дней в году: 150 дн.
15. Сколько раз мельница работает круглые сутки: 90 дн.
16. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.)
17. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 90 м., овса — 90 м., жита — 4 м.
18. Сколько переработано на заказчика в год: 600 м.
19. Плата за помол с меры: 3—5 коп.
20. Сколько дней работает толчея

⁶¹ Список о числе скота... 1877 г. Л. 115—116.

⁶² Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 65.

21. На сколько толкачей: при хорошем ветре — на все
22. Сколько переработано овса за год: 500 мер
23. Какая плата за толчение: 5—10 коп.
24. Мельница стала 200 руб. с материалом и работой⁶³

Из народных мемуаров

СПИРЕВА Светлана Ильинична, правнучка Михаила Ивановича Маньшина, хозяина и строителя дома, украшающего деревню Ямка на острове Киж

Из истории рода Маньшиных:

«История нашей семьи тесно связана с Кижамми. На территории музея-заповедника в деревне Ямка стоит дом, который называют по имени последнего владельца — Пономарёва. Считается, что он был отобран во время раскулачивания, — это не так. Этот дом стоял когда-то в деревне Маньшино на Большом Клименецком острове, а построил его мой прадед — Михаил Иванович Маньшин. Семья прадедушки была большая: три сына и четыре дочери. Хозяйство крепкое: на „кижанке“ под парусом Михаил Иванович возил в Петрозаводск на продажу рыбу, масло, сметану. Прабабушка Варвара умерла в родах и похоронена на Кижском погосте у самой колокольни. Когда началась реставрация церкви, могилу заровняли, но мой дедушка Григорий Михайлович, когда приезжал на Киж, всегда приносил к колокольне цветы. После смерти жены Михаил Иванович женился, его вторую жену звали Мария, вместе они растили

*Маньшин Михаил Иванович (в центре)
с семьей. 1920-е гг.*

⁶³ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 151.

Женщины из семьи Маньшиных. Слева направо: жена Александра Маньшина — Валентина, Мария (тетя Маруся), Александра (тетя Шура). Фотография также к рассказу «Тетя Маруся».

Деревня Маньшино. 1939 г.

Музей-заповедник «Кижы». КП-5640

семерых детей от первого брака, общих детей у них не было.

Дедушка Григорий Михайлович родился в 1897 г., был отдан в Питер в учение, как тогда говорили, „в мальчики“. Выучился на сапожника, а его брат Иван на портного. Сестра их Елизавета была замужем за Иваном из знаменитой семьи сказителей Рябининых.

Мою прабабушку по другой линии звали Анастасия Федоровна Малькова. Она родилась в деревне Мальково, вышла замуж в деревню Воробьи за Егора Федоровича Ковина. Его потом

расстреляли в Сандармохе. Моя бабушка Александра Егоровна Маньшина (Ковина) родилась в Воробьях. В семье было семеро детей: сын (погиб в Отечественную войну) и шесть дочерей. Бабушка вышла замуж за Григория Михайловича Маньшина. Семья деда какое-то время жила в Кургеницах, там моя мама Мария Григорьевна окончила два класса, а потом семья перебралась в Петрозаводск. Это еще до войны было. Дед работал на тракторном заводе, от завода получил квартиру в доме на углу улиц Гоголя и Красноармейской. Этот бревенчатый двухэтажный дом был снесен в начале 80-х годов, сейчас на его месте стоит рекламный щит. Дед был мастер на все руки, кроме сапожного дела знал и столярное, сам делал мебель. Собственноручно сделанные шкаф, комод и диван, покрытые

черным лаком, он перевез из родительского дома в свою городскую квартиру.

Когда началась война, дед ушел на фронт, а бабушка со своими двумя детьми и племянницей уехала в Маньшино, а потом из оккупированного финнами Заонежья семья попала в лагерь на Перевалке. Вместе с бабушкиной семьей в лагерь попали и пять ее сестер, все с детьми. Им, можно сказать, повезло — все выжили. После освобождения в 1944 г. вернулись в дом на ул. Гоголя, который был полностью разграблен: во время финской оккупации там была конюшня.

В освобожденном городе проводились „аукционы“, если можно это так назвать. Имущество, которое удавалось обнаружить, выставлялось на всеобщее обозрение. Если кто-то находил свои вещи и мог это доказать по каким-то особым приметам — имущество бесплатно возвращали, а если хозяева не находились, то вещи продавали желающим их приобрести. Так в нашу семью вернулись шкаф, комод и диван, сделанные бабушкой, — бабушка их узнала, да и подпись деда на них была.

После войны дед продолжал работать на ОТЗ, на пенсию уходил с должности начальника пожарной охраны. Все послевоенные годы дом в Маньшино стоял пустой, мы ездили туда только летом.

Тогда в Заонежье ходили пароходы „Урицкий“ и „Володарский“. Гостили у родственников в деревне Серёдка. Пароход шел до Погоста, причал был как раз напротив церквей, а когда проплывали мимо Серёдки — махали с палубы, чтобы нас заметили и вывезли с Кижей на лодке. На Кижях мы останавливались у Никиты Маньшина — кижского плотника — в доме, который стоял у Погоста.

Спирева Светлана Ильинична, правнучка Маньшина Михаила Ивановича, (в центре) и родня из д. Серёдка у стен Кижского погоста. 1957 г.

А в деревне Маньшино дед приводил меня в наш дом и говорил: „Походи, поищи, может, найдешь подарочек от бабушки“. Я ходила по дому, он казался мне огромным. И действительно, „подарочек от бабушки“ нашла: в щели за печью были спрятаны чайные ложечки — очень красивые! Дедушка мечтал после выхода на пенсию переехать жить в Заонежье, но не позволило здоровье. В конце 50-х г. он продал дом Пономарёвым, деньгами, хоть и совсем небольшими, поделился с родней. Умер Григорий Михайлович Маньшин в 1966 г.

В 70-х г. бабушкина младшая сестра Мария Егоровна рассказала нам, что дом из Маньшино перевезен на Кижы и собран в деревне Ямка.

Последний хозяин Пономарёв в доме не жил, он купил его, можно сказать, „на дрова“ — дом был в очень плохом состоянии, но потом перепродал его музею. Дом отреставрировали, он продолжает жить — это замечательно! Мне очень хочется, чтобы и людям, приезжающим на Кижы, была известна настоящая история дома: кто его строил, кто в нем жил»⁶⁴.

Деревня Воробы (Мечаковская)

Известна с XVI в.⁶⁵: «дер. в Пахиничах Мечаковская». В одном из двух дворов поселения жил Васюк Иванов Мечаков, а во втором Иванко да Васюк Гавриловы дети Мечаковы. От прозвища этих крестьян и произошло первое название поселения, которое сменилось в 1850 г. на Воробьёвская, а в 1911 г. на Воробы. Это название деревня получила по имени Васки Васильева сына Воробьёва, сына Васюка Гаврилова, жившего здесь в XVII в.⁶⁶ Видимо у его отца было некрестильное имя «Воробей», распространенное в это время⁶⁷. Этот род прервался к 1678 г., когда его представители ушли жить в Ошту⁶⁸. В это же время в деревне появился крестьянин Федка Артемьев, сыновья которого в начале XVIII в. получили прозвище «Воронов и Воронин»⁶⁹, потомки которых до сих пор живут в деревне.

⁶⁴ *Вторая жизнь старого дома. Интервью. Подготовила Т. Николюкина // Кижы. 5 (23). 2006.*

⁶⁵ *Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.*

⁶⁶ *Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 177.*

⁶⁷ *Веселовский С. Б. Указ. соч. С. 72.*

⁶⁸ *Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 338 об.*

⁶⁹ *Сказки о приписных посадских людях... 1723 г. Л. 276 об. — 277.*

Общий вид на д. Воробы с юга. В центре часовня. 1979 г.
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5372

В самом конце XVII в. в деревне было 8 дворов⁷⁰, но в начале XVIII в. их осталось только четыре⁷¹. Хозяева остальных умерли.

В 1911 г. в деревне жили:

1. Воронин Сергей Евстигнеевич
2. Воронин Владимир Трофимович
3. Воронин Михаил Евдокимович
4. Воронцов Федор Акатович
5. Воронцов Алексей Иванович
6. Ковин Федор Иванович
7. Ковин Михаил Иванович
8. Копушков Иван Корнилович
9. Трофимов Федор Федорович
10. Копушков Василий Корнилович
11. Громов Николай Федорович
12. Юрьев Афанасий Иванович
13. Горин Макар Кузьмич⁷²

Воронины и Воронцовы потомки Федки Артемьева. Ковины, Трофимов, Юрьев, Копушков потомки посадских людей этой деревни, переписанных из мещанского сословия в крестьянское в 1795 г.⁷³ К сожалению, в настоящий момент не удалось установить крестьянские семьи, из ко-

⁷⁰ Коновалов И. Указ. соч. С. 116.

⁷¹ Переписная книга Оштинской половины... 1707 г. Л. 68—68 об.

⁷² Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 17.

⁷³ Ревизские сказки Кижской вотчины... 1795 г. Л. 148—155.

Вид деревни Воробы с воды. 1984 г. Автор Бойцов Б. П.

Музей-заповедник «Кижы». НВФ-13295/42

торых они переписались в посад. Предки Горина М. К. являются выходцами из деревни Кургеницы⁷⁴.

С 1867 по 1916 гг. в деревне работала кузница, принадлежавшая Федору Федоровичу Трофимову⁷⁵. В ней занимались выковкой кос и сошников.

Из народных мемуаров

АФОНИНА Людмила Борисовна, потомок родов Воронцовых и Рябининых

Акакий Воронцов:

«„От каждого порога к Питеру дорога” — так говаривали наши предки.

Отправляли молодых людей, подростков 12—15 лет в столицу учиться ремеслу, так как трудно было прокормиться в северных краях только крестьянским трудом. Кто-то возвращался, а кто-то оставался в Санкт-Петербурге. Одним из таких крестьянских детей был мой прапрадед Акакий Воронцов.

Акакий Стафеевич Воронцов родился 17 апреля 1813 г. в деревне Воробы.

В 1827 г. Акакий получил увольнение от Кижского сельского общества, которое приняло на себя исполнение за него заводских

⁷⁴ Ревизские сказки Кижской трети Кижской волости 7-й ревизии. 1816 г. // НА РК. Ф. 4, оп. 19, д. 10/95, л. 58 об. — 61.

⁷⁵ Ведомость торговых и промышленных заведений... 1867 г. Л. 2; Кустарные промыслы и списки жителей Петрозаводского уезда. 1875 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 2, д. 9/119, л. 20—30; Сведения о торгово-промышленных и промысловых заведениях... 1916 г. Л. 1.

*Семья Ворониных из д. Воробыи. 1900 г.
Музей-заповедник «Кижы». КП-4147*

работ. Он отправился в Санкт-Петербург, где стал заниматься кондитерским ремеслом. Занятие кондитерским ремеслом шло успешно, Акакий Стафеевич был избран Императорским торговым обществом „старшиною пряничного, постильного и горчишного цехов с 1844 по 1848 год и Рядским старостою на Нижегородской ярмарке 1846, 1847, 1848 годах, каковыя должности исправлял с обстоятельностью без упущения“. Его кондитерские изделия поставлялись к Императорскому двору, „за конфетные изделия он удостоился наград от их императорских высочеств государыни цесаревны и великой княгини Елены Павловны“. Первая жена Анна Миновна 1821 года рождения, дочь крестьянина Мины Григорьева. Детей у Акакия Стафеевича и Анны Миновны не было.

Вторая жена Анастасия Петровна 1831 г. рождения из деревни Сявнега.

Впервые фамилия Воронцов встречается в ревизских сказках Кижской волости Кижского мирского общества 1850 г. В документ записана семья Акакия Стафеевича Воронцова: сам Акакий, его жена

*Солдаты Русской армии:
Алексей Макарович Горин
(справа) и [Николай].
1914—1918 гг. (?)*

*Музей-заповедник «Кижы».
КП-5038*

*Иван Герасимович Рябинин-Андреев
с женой Марфой Петровной и зятем
Афанасием Федоровичем
Воронцовым. 1916 г. (?)*

Музей-заповедник «Кижы». КП-7633

Настасья Петровна, сын Петр, мать Ирина Савиновна и незаконно-рожденный сын матери Иван Богданов.

Когда и почему Акакий Стафеевич стал носить фамилию Воронцов?

По семейным преданиям кто-то из его братьев, это мог быть Лука, который был в рекрутах с 1824 г., служил у графа Воронцова конюш-енным и спас графу жизнь, когда однажды его лошадь понесла. За это граф Воронцов даровал право носить его фамилию, и это право мог-ли передать Акакию, как самому младшему и любимому.

А может этот случай произошел с самим Акакием, учитывая его близость к Императорскому двору.

В 1853 г. в Санкт-Петербурге у Акакия Стафеевича и Настас-ьи Петровны Воронцовых рождается сын Василий. Акакий пишет стихотворение, в котором просит его Императорское Величество

„о восприятии от купели новорожденного его сына“ О связах Акакия Воронцова с императорской семьей говорит то, что „стихотворения своего сочинения он подносил в разное время их императорским высочествам, государю наследнику цесаревичу, великим князьям Константину Николаевичу и Михаилу Николаевичу и великой княгине Екатерине Михайловне, за что удостоаваем был денежными наградами и благодарностью“.

К 1867 г. Акакий Стафеевич имел сойму озерную, поднимающую 400 пудов, стоимостью 40 руб. и приносящую за лето доход в 30 руб.

Согласно страховым описям за 1868 г. Акакию Воронцову с братом Иваном принадлежал дом со службами страховой стоимостью 160 рублей и два амбара со страховой стоимостью 10 рублей.

Он активно участвовал в жизни Кижского сельского общества. Его часто приглашали быть восприемником у новорожденных детей или поручителем на венчании. Занимался Акакий Стафеевич и благотворительностью. В Описи прибывных вещей, поступивших в кижскую Покровскую церковь в апреле 1865 г. имеется запись о пожертвованиях, сделанных крестьянином Акакием Воронцовым: „Поступило в церковь, присланных из Санкт-Петербурга крестьянином деревни Пахинского берега Акакием Воронцовым:

- 1) напрестольный ковчег медный в аплике с финифтевыми изображениями;⁷⁶
- 2) дароносица медная в аплике;
- 3) напрестольный крест с финифтевыми изображениями, медный в аплике;

Часовня Кирика и Иулиты в д. Воробьи.
1976 г. Автор Федоров М. И.
Музей-заповедник «Кижи». НВФ-14950/2

⁷⁶ «В аплике» (от франц. «applique» — ‘приложенный’) — накладного серебра.

- 4) венцы с финифтевыми изображениями медные в апплике;
- 5) водосвященная чаша медная в апплике с крышкой;
- 6) кадило медное в апплике в ней 5 фунтов”.

В документах о подготовке ремонта Преображенской церкви на острове Кижы за октябрь 1867 г. имеется запись: „Крестьянин Акакий Воронцов просил разрешения строить церковь в другом месте, но не получил его, а мог вместо этого использовать запасы для ремонта Кижской церкви”. Часовня Кирика и Иулиты в деревне Воробьи была построена на средства Акакия Воронцова.

26 марта 1875 г. газета „Олонецкие губернские ведомости” сообщила об устройстве маяка крестьянином Воронцовым на собственные средства на острове Б. Клименецкий. Акакий Воронцов так и не пере-

шел в городское сословие. До самой смерти он числился крестьянином Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда, Кижской волости. Дата смерти Акакия Стафеевича не установлена. По семейным преданиям он умер в Санкт-Петербурге. После его смерти жена Настасья Петровна переехала в Воробьи вместе с сыновьями Федором и Николаем. Николай был младшим сыном Акакия Воронцова. Дату его рождения найти не удалось. По всей видимости, он родился в Санкт-Петербурге. Женат не был. Жил вместе с братом Федором Акакиевичем. Был знаменитым заонежским звонарем-виртуозом: „Особенно ему удавался праздничный или, как называли его местные прихожане, „воронцов-

*Жительница д. Воробьи Багаева
Анастасия Марковна. 1983 г*

ский звон”. Он стремился показать в этом звоне все богатство звучания колоколов, создавая мелодикоритмический рисунок, воспроизводящий плясовые наигрыши. Местные жители говорили: „Как слышишь воронцовский звон, так и хочется плясать”.

В 1916 г. Афанасий Федорович Воронцов (внук Акакия Стафеевича Воронцова) женился на Пелагее Ивановне, дочери известного русского сказителя Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева. Так породнились два известных заонежских рода. В августе 1968 г. старшие научные сотрудники музея „Кижы“ Б. А. и В. А. Гуцины во время экспедиции в деревне Воробьи-Маньшино обнаружили на чердаке одного из домов старые царские грамоты XIX века с благодарностью поставщику его Императорского Величества кондитеру А. Воронцову. Грамота не была взята из-за плохого состояния и непонимания в тот момент связи какого-то кондитера с деревней Воробьи»⁷⁷.

Деревня Потаневщина (Потаневская)

Известна с XVI в.: «дер. на Святом наволоке на Горке Потакинская»⁷⁸ в два двора, и такой она останется до 1678 г. В это время поселение расширилось до пяти дворов⁷⁹. Первая ревизия 1720—1726 гг. фиксирует 6 дворов в поселении, а к 1911 году она разрастается до восьми домов:

1. Михеев Василий Осипович
2. Дьяков Михаил Ильич
3. Дьяков Андрей Ильич
4. Рябинин Кирик Гаврилович
5. Клопов Андрей Иванович
6. Рябинин Григорий Степанович
7. Дьяков Никита Иванович
8. Елизаров Федор Яковлевич⁸⁰

Самый древний род деревни — семья крестьян Клоповых, их родословие начинается с 1646 г.⁸¹ Все остальные семьи появились в деревне позже, переехав из соседних деревень. Дьяковы, бывшие священнослужители, были переписаны в 1726 г. из деревни Окуловской (Наволоки); Рябины, потомки Трофима Рябинина происходили из сенногубской деревни Западные Гарницы, Елизаровы в 1782 г. были

⁷⁷ Афонина Л. Б. Акакий Стафеевич Воронцов. Заонежский крестьянин. Петербургский кондитер. Меценат. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/956>.

⁷⁸ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.

⁷⁹ Переписная книга Заонежских погостов... 1678 г. Л. 346.

⁸⁰ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 31.

⁸¹ Писцовая книга Заонежских погостов... 1616—1619 гг. Л. 348.

Дом Клопова в д. Потаневщина

переведены из деревни Корба (Анисимовская), в которой их род прослеживается только с 1678 г.

Исторические события XVIII в. заделали и деревню Потаневщина. В 1771 г. крестьянин Емельян Калистратов вместе с другими кижанами был сослан на поселение в Сибирь⁸². Его жена и трое малолетних детей остались в деревне и вскоре они все умерли. Именно в эту семью пришел примакком Елизар Михеев, предок Елизаровых.

Самым крепким хозяйством в 70-х гг. XIX в. было хозяйство Елизаровых. Рядом с большим домом стоял двухкамерный амбар на воде — единственный во всей деревне. Скота у Елизаровых было достаточно: 4 лошади, 7 коров и 10 овец. Чуть меньше скота было у Трофима Рябинина с сыном Гаврилой: 3 лошади, 6 коров⁸³. В деревне из восьми домов два были без хлебов.

Ремесленников в деревне было немного: столяр работал в своем уезде, слесарь, он же пастух, трудился в своей волости, так же, как и портной⁸⁴.

Подобно многим жителям кижских деревень семьи из деревни Потаневщина отправляли своих мужчин на заработки в Петербург.

Летом 2012 г., во время реставрационных работ на Преображенской церкви, из-под опоры каркаса была вынута надгробная плита

⁸² *Ревизские сказки Кижской трети... 1782 г. Л. 137—137 об.*

⁸³ *Список о числе скота... 1877 г. Л. 116—117.*

⁸⁴ *Кустарные промыслы... С. 21, 119, 167.*

с надписью: «На сем месте погребено тело раба Божия Санкт Петербургского купца Трофима Ивановича Никулина родившегося в сей Кижской волости в деревне Потаневской. Прибыл он из Санкт-Петербурга сюда на родину в мае месяце 1835 г., а скончался 22 сентября того же года на 51 году от рождения». Эта фамилия известна исследователям истории Преображенской церкви: Родион Васильев Никулин, столичный купец, в 1821 г. пожертвовал серебряную лампаду и «одни лучшие ризы парчовые стоят 400 рублей...»⁸⁵.

Первоначально крестьяне Никулины жили в деревне Телятниково, их фамилия, по-видимому, произошла от имени предка Микулы (Никулы) Юрьева⁸⁶. Его правнук Василий Тимофеев вместе с сыном Родионом в 1795 г. переписался в Санкт-Петербургское мещанство⁸⁷, сословие городских обывателей, мелких торговцев и ремесленников.

С отъездом Василия Тимофеева в столицу в деревне на хозяйстве остался его брат — Иван. Дела Василия Тимофеева Никулина в столице, видимо, пошли хорошо. В начале XIX века он уже купец 3 гильдии, владеющий собственным домом на Троицкой улице (ныне ул. Рубинштейна)⁸⁸. На тот момент это была южная окраина города.

Род занятий купцов Никулиных в Петербурге в начале XIX в. пока определить не удалось, но в 1822 г. вдова Василия Тимофеева —

Надгробие Трофима Никулина на кладбище Спасо-Кижского погоста

Надгробие Февронии Трофимовой на кладбище Спасо-Кижского погоста

⁸⁵ *Документы и материалы...* С. 34.

⁸⁶ *Книга переписная дворцовых крестьян... 1720—26 гг.* Л. 281.

⁸⁷ *Ревизские сказки Кижской вотчины...* 1811 г. Л. 72.

⁸⁸ *Адресная книга Санкт-Петербурга на 1809 год.* Спб., 1809. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000020060/view/?#page=292>.

Авдотья Федорова, продолжала жить в том же доме на Фонтанке и содержала в нем торговую, т.е. общественную баню⁸⁹.

В 1828 г. переписался в петербургское купечество внучатый племянник Василия Никулина — Илья Трофимов⁹⁰, а в 1834 г. прошение подал отец Ильи — Трофим Иванов Никулин, написав, что «с малолетства находясь не малое время в городе С. Петербурге у родного дяди его Санкт-петербургского купца Василия Никулина занимался торговлею и его промыслом». По духовному завещанию дяди ему досталось в собственность «недвижимое имение в С.-Петербурге состоящее и разные при оном торговья заведения»⁹¹. Жил Трофим Никулин в Петербурге в доме дяди «в Московской части 2-го квартала в собственном доме под № 147».

В документе перечислены члены семьи просителя, среди которых помимо сына Ильи, получившего столичное гражданство в 1828 г., назван зять Трофима Никулина — Симион Акинфов с малолетними детьми: Федором и Николаем⁹². Процедура перехода в купеческое сословие, видимо, была соблюдена, но успел ли Трофим Никулин полноценно вступить в права — неизвестно, поскольку в 1835 г. он умер на родине в деревне.

Его зять Симеон Акифов окончательно перебрался с семьей в Петербург только в 1844 г., после смерти в 1842 г. первой жены — Февронии Трофимовой, дочери Трофима Никулина, погребенной под одной плитой с отцом.

⁸⁹ Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга с планом и таблицей пожарных сигналов на 1823 г. СПб., 1822. Л. 63. Первые бани в столице строились близ рек и водоемов отдельно от жилых домов. В 1720 г. на Мойке за счет казны сооружено около 30 так называемых торговых (платных) бань. Все здания бань в XVIII в. были деревянными. В начале XIX в. некоторые горожане имели домашние бани (в 1815 в столице было 480 домов с ванными комнатами), но особое распространение получили публичные («торговые», «народные», «общие») бани. В 1815 г. в С.-Петербурге была 21 торговая баня, а в 1849 г. уже 40. Бани именовались по фамилии владельцев («Талевские», «Фоминой» и пр.), по месту расположения («Троицкие» — в Троицком переулке) или по отличительным особенностям зданий («Красные»). В настоящий момент удалось найти упоминание, что в 1837 г. в доме № 51 второго квартала на Фонтанке была расположена Никулинская баня. Возможно, это то самое заведение, которое содержала вдова Василия Никулина (Адресная книга Санкт-Петербурга на 1837 год. СПб., 1839. С. 1429).

⁹⁰ О переписке крестьянина Кижской трети деревни Потаневской Ильи Трофимова Никулина в Санкт Петербургское гражданство. 1828 г. // НА РК. Ф. 37, оп. 5, д. 175/1622, л. 193—194.

⁹¹ Дело о переписке приписных к олонецким заводам крестьян в гражданство и другие уезды и звания. 1833—1840 гг. // НА РК. Ф. 37, оп. 1, д. 45/463, л. 42—42 об.

⁹² «Семейство просителя по вновь произведенной 8-й переписи... состоит... в следующих душах: проситель Трофим Иванов Никулин — 48, его сын Илья, переписан в С.Петербургское гражданство в 1828 году, Трофима Иванова зять Симион Акинфов 35, Симоновы сыновья: Федор 4х и Николай 2х лет» (Там же. Л. 43).

Семья Никулиных продолжала жить в столице, по меньшей мере, вплоть до 1917 года. Семен Акинфеевич Никулин, состоявший в купечестве второй гильдии с 1846 года, с 1867⁹³ по 1880 год жил в собственном деревянном доме № 46 по Большому Самсоньевскому проспекту на Выборгской стороне, где в конце XIX века держал мелочную лавку⁹⁴.

Младший сын от первого брака, Николай также состоял в купечестве с 1860 г. до смерти в 1869 году. Род его занятий в купеческих книгах не обозначен.

Внук Семена Акинфеевича Михаил Федорович некоторое время служил приказчиком у купца Дедова, а с 1874 года содержал чайный и табачный магазины в доме купца Кокина по Екатерининскому каналу (канал Грибоедова), где и жил. Позднее он открыл еще один чайный магазин, и какое-то время торговал мануфактурным товаром⁹⁵. В конце XIX — начале XX веков Михаил Никулин, помимо чайной торговли держал меблированные комнаты «без стола» на Крюковом канале⁹⁶. Его брат Александр с 1883 года стал торговать суровским товаром на Разъезжей улице⁹⁷.

Купеческая семья Никулиных являлась одной из самых крупных благотворителей на церкви Кижского прихода в течение всего XIX века. В основном они жертвовали одеяния для священников⁹⁸.

В Метрических книгах Введенской церкви Санкт-Петербурга несколько раз упоминаются выходцы из кижских деревень. Этот храм, заложенный в 1837 и разрушенный в 1933 г., находился между домами 45 и 47 по Загородному проспекту, напротив Витебского вокзала

⁹³ *Справочная книга о лицах, получивших на 1867 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. Санкт-Петербург. 1867. С. 251.*

⁹⁴ «Мелочные лавки. В них можно достать все: хлеб и пироги; соленые огурцы и яблоки; деревянное масло и лимонад; папирсы, нитки, иголки, чай, сахар, сливки, пряники, колбасы, ветчину, соленую рыбу и пр., и пр. — Все тут найдется, причем вам продадут и полпуда сахара и два кусочка, фунт чая и два золотника... На вывеске пишется: «овощенная и мелочная лавка». На боковых вывесках рисуют: хлебы разных сортов, банки с вареньем, яблоки, виноград, сахарные головы и пр. Торгуют эти лавочки с шести часов утра до двенадцати часов ночи». Электронный ресурс: <https://foto-history.livejournal>.

⁹⁵ *Справочная книга о лицах, получивших на 1878 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. Санкт-Петербург. 1878. С. 499.*

⁹⁶ *Весь Петербург на 1898 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Промышленные и торговые предприятия города С.-Петербурга. СПб., 1898. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vivaldi.nl.ru/bx000020020/view/?#page=597>.*

⁹⁷ *Суровский товар — это шелковые, бумажные и легкие шерстяные ткани.*

⁹⁸ *Справочная книга о лицах, получивших на 1883 год купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. Санкт-Петербург. 1883. С. 416.*

**Трофим Григорьевич
Рябинин**

**Семья сказителя К. Г. Рябинина.
Заонежье, д. Потаневщина. 1926 г.
Музей-заповедник «Кижы». КП-3000**

и являлся полковой церковью лейб-гвардии Семёновского полка. В одной из таких записей упоминается житель деревни Потаневщина Никита Иванович Дьяков, который владел в Петербурге лавкой, торговавшей портновским прикладом⁹⁹.

Особую известность деревня Потаневщина имеет у всех любителей русской словесности. Именно здесь жил знаменитый былинный сказитель Трофим Григорьевич Рябинин (1801—1885).

В 1860 г. былины Т. Г. Рябинина записал П. Н. Рыбников, а в 1871 г. А. Ф. Гильфердинг. В общей сложности от сказителя было записано двадцать три былинных сюжета, в том числе классический вариант былины «Вольга и Микула». Он родился в деревне Западные Гарницы (Дмитровская).

Впервые родовая фамилия сказителя упомянута в Ревизской сказке 1782 г.¹⁰⁰

В 1820 г. Трофим Григорьевич Рябинин женился на дочери Петра Панкратова Клопова из деревни Потаневской. Вскоре после

⁹⁹ *Документы и материалы...* Л. 22, 31—34, 45.

¹⁰⁰ *Весь Петербург на 1911 год: адресная и справочная книга г. С.-Петербурга.* СПб.: издание А. С. Суворина, 1911. Электронный ресурс: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000050132/view/?#page=1322>.

женитьбы Т. Г. Рябинин переехал в деревню Потаневщина¹⁰¹, в семью жены. Накануне прихода Трофима Рябинина в деревню Потаневщина¹⁰² семья Клоповых¹⁰³ состояла из двенадцати человек. Тесть Рябинина жил вместе с семьей своего младшего брата Ерофея.

В 1829 г., после смерти Петра Клопова «большаком», то есть, главой семьи стал Трофим Григорьевич Рябинин. Только в 1858 г. семьи Рябининых и Клоповых разделились.

Шестидесятые годы XIX в. были очень насыщенными в судьбе Трофима Григорьевича Рябинина. В 1861 г. в Кижы приехал П. Н. Рыбников. Знакомство со сказителем произвело на собирателя очень

сильное впечатление. Рябинин предстал перед ним как человек, исполненный чувства собственного достоинства, вызывающий глубокое уважение и несомненный интерес не только как знаток древнего былинного эпоса, но и как незаурядная личность. Исследователи фольклора неоднократно приводили в своих работах фрагмент из «Записок собирателя», посвященный Рябинину: «Через порог дома переступил старик среднего роста, крепкого сложения, с небольшой седеющей бородой и желтыми волосами. В его суровом взгляде, осанке, поклоне, поступи, во всей его наружности с первого взгляда были заметны спокойная сила и сдержанность»¹⁰⁴.

**Рябинин Михаил Кирикович
с женой. 1918 г.**

Музей-заповедник «Кижы».
КП-3052

¹⁰¹ Ревизские сказки... Кижской трети... 1782 г. Л. 322.

¹⁰² Тесть Трофима Рябинина жил в деревне Серёдка. Это разночтение объясняется достаточно просто: в 60-х гг. XIX в. в Кижской волости произошло своеобразное укрупнение поселений. Три деревни — Потаневская (5 дворов), Посад (3 двора) и Серёдка (13 дворов) получили в официальных документах общее название «Серёдка». С этого времени и до наших дней эта путаница с деревнями продолжается. Для многих местных жителей «Серёдка» — это весь берег от деревни Потаневщина до деревни Корба.

¹⁰³ В разных документах встречаются два варианта названия: Потаневская и Потаневщина.

¹⁰⁴ Фамилия «Клоповы» впервые появилась в ревизии 1834 г.

Константин Алексеевич и Анна Филипповна Елизаровы

**Елизаров Григорий Алексеевич.
Нач. 1910-х гг.**

В 1871 г. он выступал в Петербурге, исполняя старины перед столичной публикой в Императорском Географическом обществе. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» так описывала исполнителя: «Рябинин — старик-раскольник, 80 лет, крестьянин Олонецкой губернии, одетый в сибирку, с длинной седой бородой и с глубоко впавшими глазами, придающими ему почтенный и серьезный вид»¹⁰⁵. В 1872 г. Т. Г. Рябинин был награжден серебряной медалью с надписью «за полезное». Это был первый случай награждения крестьянина правительственной наградой за исполнение былин. Несмотря на широкую известность, которую получил сказитель среди образованного столичного общества, следующие годы Т. Г. Рябинин вел обычную крестьянскую жизнь с ее каждодневными заботами.

Выдающийся сказитель Олонецкой губернии скончался 14 февраля 1885 г. «от старости»¹⁰⁶. Из потомков Трофима Рябинина в 1911 г. в деревне Потаневщина жили семьи Кирика Гавриловича и Григория Степановича¹⁰⁷. Михаил Кирикович Рябинин был прославленный в округе свадебный дружка.

¹⁰⁵ Рыбников П. Н. Заметка собирателя. // Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. Т. 1. М., 1989. С. 57.

¹⁰⁶ Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 5 декабря, № 335.

¹⁰⁷ Там же. Л. 236.

Из народных мемуаров

ЕЛИЗАРОВА Анна Константиновна (1917—2001)

*Семья. Дом Елизарова*¹⁰⁸:

«Дом наш строили прадеды. Деда — два брата Иван Яковлевич и Федор Яковлевич. (Значит, имя прадеда Яков — Л. Т.)

Жили в доме братья Григорий Алексеевич Елизаров и Константин Алексеевич Елизаров.

В избе жил Константин Алексеевич с женой Анной Филипповной. У них было шестеро детей — Анна, Клавдия, Федор, Виктор, Павел и Василий.

В горнице на сарае (сарайна горница) жил брат Григорий Алексеевич, когда приезжал из Ленинграда с женой Марией Ивановной и четырьмя детьми: дочкой и тремя сыновьями. Работал он на военном заводе. В Питер уехал еще мальчиком. Он был на два года старше отца Анны Константиновны.

Дом Елизаровых был построен в деревне Потаневщина. Стоял рядом с нынешним домом Елизаровых перед березой. Крыльцо выходило на озеро. Баня (байна) была и амбар. До колхозов держали в разное время четыре-пять коров, потом — одну-две. Корова раньше была у каждого. В огороде сажали картошку, лук, свеклу, морковь, брюкву. Огурцы садили. Сеяли хлеб. Жали, молотили и веяли сами. Веялку купили только в 1930 г. Был у нас и сепаратор. Вставали мы и начинали работать рано, в 5—6 утра.

Родители умерли в 1934 г. (мама) и в 1937 г. (отец)».

Деревни:

«В соседней деревне Посад стояли дома Утицыных, Широковых, Потёмкиных.

¹⁰⁸ Дом Елизаровых сейчас стоит в основной экспозиции музея-заповедника «Кижь».

*Елизарова Клавдия
Константиновна*

*Слева направо: Клавдия Константиновна,
Виктор Константинович и Анна
Константиновна Елизаровы. 1951—53 гг.*

В Серёдке жили Калгановы — четыре семьи. Матвей Капитонович бедно жил. Сын его привез из Ленинграда богатую невесту, нахвастав, что две лавки у него и девять коров. Она приехала, посмотрела и уехала в Ленинград обратно. Он с лица-то приманливый был, а дом у него был с черной печкой. Фамилия у него была Стёпик, потом сменил на Калганова.

На носовине Клименецкого острова стоял домик бабки Фёклы Дьяковой. Она перевозчиком работала. Перевозила к Серым и в Воробьи. На Лонгасах стояли два больших Романовских дома, Лысановский дом и дом Мясниковых.

У церкви в 1940-е гг. магазин был. Тут же была и пекарня. Хлеб пекла Дуся Ларионова из Вертилово»¹⁰⁹.

Деревня Посад (Перевесье)

Известна с 1563 г.: «дер. на Святом же наволоке словет на Перевесье»¹¹⁰. Второе название деревни «Посад» восходит к XVIII в. и связано с тем, что часть жителей были переписаны в мещанское сословие,

¹⁰⁹ Трифонова Л. В. Воспоминания жителей деревни Ямка... С. 152—153.

¹¹⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 129.

*Вид с озера на д. Посад (Середка).
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5371*

то есть в городские жители, а к 1795 г. возвращены в состав сословия государственных крестьян. Многие посадские жили на два дома — часть семьи оставалась в деревне на крестьянском хозяйстве. Посадские становились в дальнейшем или купцами, или мещанами, но довольно часто вновь переходили в крестьянское сословие. В 1911 г. в деревне было только три дома:

1. Широкова Иринья Федоровна
2. Калганов Игнатий Петрович
3. Утицын Василий Егоров¹¹¹

До сих пор в деревне стоит дом крестьян Широковых, а дом Утицыных (Потёмкиных по последнему владельцу) разрушился уже в 80-х гг. XX в. Это был последний дом-кошель в кижских деревнях. Эта деревня хорошо видна на фото 1943 г. из финского военного архива.

Из народных мемуаров

ШИРОКОВА Мария Егоровна (урожденная Ковина)

Родилась в 1911 г. в деревне Воробьи, умерла в 1997 г. в Петрозаводске. Мария Егоровна выросла в зажиточной крестьянской семье, в 1930 г. вышла замуж за сына богатой торговли Кижской волости Татьяны Лукиничны Широковой в деревню Посад. Муж — Иван Павлович Широков-Малахов (1911—1950 гг.) В музее хранятся предметы из дома Широких — фотографии, кровать, люлька, весы с набором гирь, датируемые второй половиной XIX в.

¹¹¹ Сведения о крестьянских хозяйствах... 1911 г. (Ошевнево, Оятевщина). Л. 32.

Замужество:

«У меня свадьбы не было. Я ушла молча. Не выдавали родители, что большое хозяйство было. Девять коров было, две лошади. Эта как половина колхоза. Вот отец не выдавал, плакал: „Куда ты идешь-та? Тебя не хватит на неделю. Ты такая щупленька, столько там работы!“ Но... как говорит пословица, мил по душе, проживем и в шалаше. Нет, все равно пойду! Пойду! Пришла, привыкла работать, так не боялась ни работы, ничего. А потом колхоз. Колхоз... мы с невесткой радуемся: „Слава Богу! Все-таки полегче будет в колхозе!“ А свекрова голосом как плачет! Девять коров отдать надо в колхоз! Ну, нам с невесткой оставили, как две семьи... по коровы. Ей корову и мне корову, остальное подтелки, ну, овцы, овец не сдавали. Колхоз был богатый... для тех, кто работал. У нас была вот невестка с мужем, я с мужем — четверо, свекор да свекрова — шестеро, и у невестки сын был, шел ему пятнадцатый год — вот семь человек. Работали в колхозе, как станут

зерно давать: „Ну, Широких все оберут!“ Так Широких не два и не три человека и работают. Семь человек дак!»

Новый дом:

«У свекровы был раньше большой дом, она в нем держала школу. Потом в Олений остров его продала. Свекрова хотела выстроить дом как у сестры в Леликове — каменный, белый. Сестра замужем была за Клееровым. Она сказала: „Я от тебя не отстану! Я тоже такой выстрою!“ Пока денежки копила, война началась, и денежки у ней ухнули! Все равно сказала: „Робята, все-таки я хоть деревянный, а построю дом“. Наняла мужиков, было

*Утицын и четверо неизвестных
мужчин. Нач. XX в.*

Музей-заповедник «Кижы». КП-5477

уже обложейно сделано. Вдруг идут от северика такие в годах мужики. Но откуда оны все знали?! „Хозяйка, — говорят, — не у места дом ставишь, надо бы тронуться немножко в гору. — А чего же? — Не будет здесь хозяина в доме. А чужие будут ездить, кому захочется“. Ладно. Обложейно сделано... Свёкор говорит: „Разломаем все!“ Но плотники не дали, сказали, что у них самое дорогое сделано. Поставили дом. На Новый год свекор убрался, деверя забрали в 37-м году, мой помер в 50-м году. И вот нет хозяина.

Когда первый венец поставили, свекрова всем купила по красной рубахе (их было четыре плотника). Мода была эта — мужикам красны рубахи летом держать. Когда выстроили, стали поднимать коневое, так, говорит, на каждый угол повесила опять по белой рубахе. Плотникам. Так плотники сказали: „Хозяйка, будешь без окутки спать в комнатах“. Комнаты очень теплы».

Деревня Серёдка:

«Нынче в Серёдке 24 дома нету. Вот считая от Елизаровых и до конца. Поставь-ка 24 дома! У нас как было работы сильно много, хлеба росли много. У кого какая семья была, кто как работал. Было таких три дома, что совсем не работали. Пойдешь на работу, они лежат на улицы, загорают. А потом вечером придешь с работы, они придут: „милостинку!“

Отец Нюры Елизаровой — дядя мой. Нюрына мама и мой папа — оны братан и сестрея, от братьев дети. Ближняя семья... родня. Нуньто не считают родни. Но все равно Нюрка приезжала ко мне сюда, поплакали вместе, погоревали, вспомнили все. Прошло, улетело стороной... Я осталась с семерыма ребятами от мужа, она осталась с пятерыма, родители — мать умерла, отца забрали, вот мы с ней погоревали тут, поплакали, все вспомнили».

Рыбная ловля:

«У меня свекор да свекрова ездили к Оленьим островам, сетки спустят вечером, а утром опохажают. Приедут, навезут — лосось, пальга, судаки, гарькус, сиги, щуки огромны такие! Щука беспокойна, ее заводят в лодку. Лодку прикривят, вода идет в лодку, вот щуку заводят по воды в лодку, нет, так она сетку сорвет и уйдет. Очень сильна она! А остальные все спокойные.

Красна-то рыба, как сделают рыбник, так корка вся промаслится сквозь, как маслом намазана. Вкусно! Внук мой ездил два раза туда, в тое место. Так не-ет! Я говорю ему: „Миленький, на удочку лосось да пальга не берет, сетки надо! В Онего ехать — надот ловушки хороши, а не с удочкамы. Эдак сидите дома!“ Ну, у нас было пять сеток ряпушковых, пять онежских да еще этих восемь али десять, черт знает сколько. Раньше не ловили удочкамы. Был невод, неводом ловили, вот в сенокос некогда заниматься ловлей, придешь с работы, невод запустишь на три, на четыре вари. Да и рыбы раньше много было. Теперь... куда-то вся рыба девалась?»

Колдун Першин:

«Такой невидный старичок был, невысокого росту, толстенький такой. Семья у него была, жена, дети. Хозяйство было. Вот у моей тетки, она ткала, постлала на лед полотно, и украли. Вот они к Першину приехали, говорит: „Ты можешь найти, кто украл?“ Першин

*Дом Потемкиной (Утицыных) в д. Посад (Середка).
Музей-заповедник «Кижы». НВФ-5370*

сказал: „Сейчас можете ехать домой, сделаю без вас. Твой холст разрезанный! Утром рано ищи около дому своего!“ Она домой приехала, утром выстали, полотно подброшено, но раскроено уже. На кальсоны, на рубахи разрезано все кусками. Она снова к нему

пришла: „Не можешь ли показать личность?“ Он говорит: „Надо было сразу! Теперь не могу“.

Дядя евонный, тот был колдун хороший, знающий. Когда Першин умер, после войны, дочь его старшая говорит: „Теперь все умерло, я вам, значит, скажу, я все слышала и видела. Я расскажу, как дядя учил

отца нашего колдовать, а мы, говорит, слышали с девками, с сестрами. Он говорит, что если берешь колдовство, не трусь, струсишь, мы с тобой оба погибнем! Спрашивает: „Не струсишь? — Нет. — Ну, смотри, держи себя в руках, если хочешь принять”. Вот приходят они ночью на пролубу, и там старший пошептал у пролубы. „А теперь, — говорит, — держись! Кто поднимется из воды — целуй! Если струсишь, то нам с тобой смерть!” Оттуда выходит гажья голова, змеина голова, дядя подтыкивает: „Целуй!” Ну, он там тыкнулся только. „— Дальше что? — Дальше еще будет страшнее! — Тогда не надо, пойдем, мне не надо колдовства, мне не вынести и не выдержать, мы с тобой погибнем. — Да, тогда, — говорит, — ты одну часть только будешь знать! — Пусть одну часть, хоть ничего не буду знать, а не могу я, мне не вынести!” Вот он и знал только немножко. А дядя у него был — знал много...»

Свадебная порча:

«В наше время, как были мы девушками, пойдешь на свадьбу, мама наказывает: „Не стойте в дверях! В дверях не стойте, на пороге не стойте! И идете в свадебную квартиру, ногами за порог не задевайте!” Портёж полагали в порог двери, в петли. И портёж этот переходил, если невесту звать Машей, пойдет другая Маша, и он может ей перейти.

Видела я, как свадьбу останавливали. Мы вот сидим здесь, а к нам пришел соседний старичок Михайло Ильич Дьяков. А с любого места венчаться ездили в нашу церковь, в Кижы. Вот мы смотрим — о, невеста едет, поезд идет! Шесть-семь лошадей, вершника два верхом. А дорога раньше была с Сенной самым берегом, потому что озеро-то зимой поло, вода-то не мерзнет, едут самым бережком. Дедка говорит: „Ребята, хотите я свадьбицу вам остановлю? Смотрите! — Ой, деда, не сделать тебе, не сделать! — Смотрите!” Поезд подъезжает, он выбежал, вершник подъезжает — конь на задние ноги, второй то же самое. Конь даже с оглобли выходит. А свекр мой дедке: „Долго будешь издеваться?! Иди — спусти свадьбу! Не хо-орошо делаешь, зачем обижать людей-то? Уж знаешь, дак терпи или делай что-нибудь друго”. Были такие вредители. А что против них? Свадьба не знает, в чем дело, почему так сделано, что лошади не идут, на задние ноги становятся да ржут... Мы: „Деда, нам расскажи! — Нельзя, а то не будет действовать

мое дело, в пользу не пойдет". Песня-то есть досюльня-преддосюльня „По Дону гуляет“, вот это из жизни взято, вся свадьба и вписана в эту песню. Ее любили петь»¹¹².

Деревня Серёдка (Яковлевская)

Известна с XVI в. Ее первое название: «дер. на Святом же наволоке словет Шулятниковская»¹¹³. В 1582 г. ее название меняется: «деревня Яковлевская Тетюхина на Святом наволоке, Шулятниковская»¹¹⁴. В это время два ее двора стояли пусты. Постепенно деревня возрождалась и к началу XX в. стала одной из самых больших в округе — 14 дворов:

*Деревня Серёдка, за ней вдали деревня Воробьи, слева деревня Посад.
1943 г. Финский военный фотоархив «SA-Kuva»*

1. Калганов Семен Васильевич
2. Калганов Михаил Антонович
3. Калганов Евдоким Егорович
4. Потёмкин Степан Дмитриевич
5. Калганов Василий Васильевич
6. Калганов Игнатий Петрович
7. Калганов Владимир Васильевич
8. Комиссаров Иван Никифорович
9. Калганова Любовь Тимофеевна
10. Гусев Николай Яковлевич

¹¹² Калашникова Р. Б. *Крестьянские мемуары...* С. 157—160.

¹¹³ *Писцовые книги Обонежской пятины...* С. 130.

¹¹⁴ *История Карелии XVI—XVII вв.* С. 147.

11. Калганов Яков Тимофеевич
12. Горбачёв Яков Филиппович
13. Калганова Екатерина Амосовна
14. Першин Петр Алексеевич¹¹⁵

В деревне была мелочная лавка — владелец Яков Филиппович Горбачёв¹¹⁶.

Братьям Горбачёвым принадлежала ветряная мельница¹¹⁷:

Ветряная мельница

1. Местонахождение: деревня Серёдка
2. Владелец: братья Горбачёвы
3. Тип мельн.: козловая
4. Назначение: амбар
5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем
6. Число крыльев: 8
7. Сколько лет существует: с 1911 г.
8. Ремонты: —
9. Сумма, израсходованная на ремонт: —
10. Ежегодная сумма страховки: 2 р.
11. Число наемных рабочих: —
12. Число рабочих дней в году: 150 дней
13. Сколько раз мельница работает круглые сутки: —
14. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.): 50 мер
15. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 120 мер, овса — 50 мер
16. Сколько переработано на заказчика в год: 600 мер
17. Плата за помол с меры: 3—5 коп. с меры
18. Сколько дней работает толчея: 10 дн. на все толкачи
19. Сколько переработано овса за год: 900 мер (овса)
20. Какая плата за толчение: 3—5 коп.
21. Сколько переработано овса за год: 180 мер
22. Мельница обошлась в 180 руб. с материалами и работой

¹¹⁵ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 32.

¹¹⁶ Сведения о крестьянских хозяйствах, характеристика урожайности земли Петрозаводского уезда, Великоубской волости (дер. Волкострова, дер. Серёдка, Бишево, Морозово). 1911 г. // НА РК. Ф. 27, оп. 3, д. 16/160, л. 173.

¹¹⁷ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л.130.

В деревне Серёдка, в доме сказителя Леонтия Богданова останавливался П. Н. Рыбников во время своей поездки в Заонежье. Леонтий Богданов был первым из сказителей, которых услышал собиратель: «Много я впоследствии слышал редких былин, помню древние превосходные напевы. Пели их певцы с отличным голосом и мастерской дикцией. А по правде скажу. Не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтия на Шуйнаволоке»¹¹⁸.

Сейчас на месте утраченной деревни стоит один современный дом и шаторвая мельница, которую перевезли из Толвуи.

Из народных мемуаров

АГАПИТОВА Ирinya Степановна (урожденная Потёмкина)

Родилась в деревне Серёдка 17 апреля 1900 г., умерла в середине 1990-х гг. в Петрозаводске. Родилась и выросла в бедной семье, рано лишившись родителей. Была два раза замужем, второй раз вышла замуж в деревню Воезнаволоку.

Бесёды:

«На Покровской неделе и с Мальково парни, и мы из деревни Серёдка едем, оны уж нас встречают: „Пожалуйста, девочки!“ Ну вот, разденемся. На печку фуфаечки свои кладем. Хозяйка там примет нашу одежду: „Ну, давайте, девочки, давайте в кадриль сходите!“ Вот пойдём без парней в кадриль сходим. В кандриль сходят, потом назывался круг. На лавках сидят парни, и какая девка нравится парню, ей скажут, что не пойдет ли она в круг. Вот, например, меня, дак: „Иришка, иди!“ Иришкой звали-то. Я, когда нравится, пойду, а не нравится — я и не пойду. Потом начнем своима играми играть. „Корольки“. Вот спросят: „Король — служба, что мне делать нужно?“ Он там куда-нибудь пошлет тебя, сходишь, выполнишь задание. Или скажет — поцеловать, так и скажет — двенадцать или сколько раз поцеловать. Кончалась бесёда в десять, в одиннадцать. Крикнут: „Домо-ой!“ Все домой. Бесёды игримы были в неделю два раза: в четверик, в воскресенье. А остальные с пряличкой сидишь, прядешь. Парни придут, посидят, то в карты поиграют,

¹¹⁸ Рыбников П. Н. Заметка собирателя... С. 53.

то так поразговаривают. В такие бесёды уж не плясали. Мы в своей деревне к старушке бабе Кате ходили. Она ничего не просила. Одинокая была старушка, говорит: „Девки, носите мне по полону дров!“ Ну, все по полону дров принесем, и вот бесёда будет потеплее. Игрима бесёда отдельно была. Старушка тоже одинокая жила, дак она пускала. Ей там парни оплачивали. На бесёды нас, ой, чего-то мало отпускали! В воскресенье да в четверик, вот по каким дням, а в каждый день — не-е! Пряличья в каждый день. Надо пряхть, и пряхть, пряхть и пряхть... Потом ткали.

Ходили девушки в сарафанах, сорочка белая, передник. Ну, коса заплетена да бантик и все. Все своими руками, на руках все шили. Складочки складывали хорошенькие, ляпочки хорошенькие. Я вот посмотрю по телевизору, как там ходят, дак вот в таких сарафанах не ходили».

Приданое:

«У нас ведь раньше была мода такая: надо женихову всю семью дарить. Вот, например, я выходила, дак я своей свекрови тринадцать сорочек дала. В подарках».

Гаданье в Святки:

«Бывало, слушали. Если мать у меня пекет блины, это было в само в Рождесьво, до Крещения Господня. Стараемся, я с подругой-то со своей украсть по блину, чтобы мать не видела. И пойдём на дорогу свалимся. Лежишь, блин так держишь в руках и слушаешь. Слушаем, выдем ли замуж. Если выдем, то услышим свадебный поезд. А звону-то раньше много было! Как свадьба-то еде по девять лошадей да больше девяти! Колокольчиков много было! Вот свалимся так на снег и смотрим, слушаэм, вот. Если услышим, что звону много: „Аксёшка, я замуж выду!“ Скаже: „Я тоже слышала“. Всим хотелось замуж тогда выходить! Искали женихов».

Святки. Наряжены:

«Ой, всяко оденутся, чтобы не узнали. Одежу меняли. Шубья одявали. Все на свете. На лицо платок одявали да всяко. Наряжены. От деревни к деревне ходили. У кого если есь парень, она гуляе с им:

„Девки, сходимте туда, к нему на квартиру!“ Придут, у него там в лес уехано, а мать-то дома. Вот так матери спляшут. Так мать и скажет: „Жалко, Ваньки дома нету. Он бы дал метку!“ Вот так раньше говорили. Помучил бы там, накошелил бы. В снегу бы покатали бы да всяко бы...

Пришли как-то к нам в фатеру наряжены. Говорим: „Давайте с нами ужинать!“ Головамы трясут — не будут ужинать. А самы сели рядом Пети — Петя-то на углу сидит — да палкамы до его дотрагивают. А он и говорит, покойничек: „Дайте волю, девки, я как поправлюсь да я уж дам вам метку!“ А сам в Крещенье помер».

Крещенье:

«В Крещенье все равно в церковь сходят, воду очищают, и берешь воды, и вот помоисся. У меня мать так девять раз окупалась в Крещенье Господне. Девять раз. Выпешут йордан большой, вода на лед выступает. Кладут досочку... Вот надо ей окупаться. А у ей завет был положенный, что она детей много рожала мертвых. Привяжут кушак, вот стоит мужчына, за кушак держит. Священник читает, поет и крест купают. Как только третий раз батюшка крес вымое, в йордане окупает, эти купальники вси в воду падут. Кругом так обернутся, этот мужчына за кушак их поднимет, и оны в церкоф бегом бежат».

Сев:

«Мы остались от родителей, и я пошла... у нас богатый такой был, Горбачёв. Я пошла, пришла: „Дядюшка Гриша!“ Он говорит: „Что, Ирина, скажешь?“ Я говорю: „В какой мне день сеять начать-то?“ Он говорит: „Если ты навозу снесла на поляну, дак хоть в любой день сей — хлеб вырастет. А если не возишь навозу, дак хоть в Пасху сей, дак тиби ничего не будет!“ Вот такое слово на всю жизнь запомнилось. Зато коров держали для чего? Для этого навозу надо было, для земли».

Жатва:

«Если кто бедно живет или у кого денег нету, например, у меня, дак я брала под жатье. Александра Егоровна... у ей магазин был небольшой. Вот прийду к ней, она говорит: „Ириша, возьми чего-нибудь“. „Дак отдать, к тиби надо прийти жать“. „Ладно, день-два пожнешь, ничего такого!“ Я под жатье брала. Подошву, мне ребятам сапоги шить,

или еще что... А другие помногу жнут, вот Широких дом, та хозяйка брала и по десять жней. Но и сами работали. Тут у Горбачёвых было три дочки, дак они также с нами вместе ходили.

В сенокос песен не пели. В сенокос работали так, что друг друга не видишь. Так старались сена накосить, скотину накормить. В жатву пели. Красиво было, потому что осень. Кончим рожь жать, отжин справляем. Чаю поставишь, пригласишь людей чай попить. Пироги варили — всяких: и белых, и черных, с толокном, с сахаром. Я нечасто песни пела. Я все любила, когда тихая погода, тогда любила песни петь. Если поедешь, да тиха погода, да сидишь на лодке, на корме, вот тут песню споешь. А так нет».

Корбов день:

«Называется Корбов день. Часовенка была в ельнях. На Корбов день приезжали гулять на Серёдку. У нас очень даже красиво такое поле было, называлось ригачна. Рига эта — калгановска, гладко место такое, и народу там столько — о-ой! Девушки ходят стайками. А парни тоже артелью. Парни все больше стоят, а девушки гуляют. Торговали конфетами. У нас бабушка Михеевна корбовьска да дедка Захар — оны торговали. Если копейку даит родители, дак на копейку тебе столько надавают конфеток! Робятам больше копейки не давали денег.

Вот у нас на Серёдке, на Щельи гулянка была. Девушки, которы богаты, у их шелковые платья все. Оны так и ставятся, друг другу так под ручку стоят рядом. А парни — внизу оны. Кто пойдет в кругах заводить? Один пойдет. Он скаже: „Иринья Степановна, Анна Михайловна...“. Всих соберет, так и пойдут, он туда сведет, там уж другой идет, остальных забирают. Круг образовывался. Если я с им играю, гуляю, я к тому и становлюсь. Как это все пройдет, опять круг распустится, девки приходят, на свое место ставятся. Вот раз-два сходят, а потом пойдут парамы своима разойдутся.

Девки видь раньше одевались хорошо, душегрейки были, ой! Этаки! Как накрахмаленны... идут, так один шум ведется. Ходили, одявались в сетках. Сетки у богатых. А у нашего брата не было. Девушки ходили с одной косой, голова красива такая! Всяки разны ленты были, красота! Головы наладят дак это прямо, ой! В косы хорошую ленту брали... волосища были большия. Головушки-то были такие хорошеньки!»

Гармошка:

«Бывало, вот как придут с работы, помяни Господи всех! Придут с работы и сразу надо взять идти коровушек доить. А Василий Иванович, вот Малюткин, он возьмет гармошку. Вот под коровой сижу — хоть пляши! Коров дою — хоть пляши! Как он хорошо играл, покойничек! Викторушка наш играл, да и Коля играл, но не так выходило, как у Васи покойнаго».

Праздники в Кижях:

«Осённый Спасов день. А в церкви в Кижях большая служба была. Отовсюда люди съезжались. Господь ведат, кто и не приедет! Церков есь Покров и Спасовска — Святитель Многомилостлив. Это Многомилостливый Спас Святитель. Образу такому. И вот такая служба была. Ой, даже на улице служили! Не только что в церкви. Отовсюду священники приезжали. Владыка приезжал. На этот праздник только съезжались, на Спасов день. Люди-то были набожны. У кого ись родня, дак тот приеде хоть откуда. У каждого лодка была! Если есь слободно время — он к празднику едет, а нету... У каждого своя работа была.

А Покров приходили уже в зимной одеже. В Покров совсем другое дело. Отовсюда тожа на лодках приезжали. Служба шла. Свечки покупали да ставили. Если мни нао молебен сослужить, так я платила деньги в кассы. А в кассах напишут записку да передадут священнику, а там священник службу кончает, он идет к Пресвятой Богородице Скоропослушницы, вот у этой Послушницы кресту и молился. Мало ли какое горе есть, дак вот Скоропослушница выручала все».

Возвращение с рыбной ловли:

«В Онего уезжали. Говорили: „Храни вас Господь! Дай вам, Господи, доброго здоровья, хорошей рыбалки!“ Там видь никакой весточки нету, только смотрели в острова люди. Как только увидят, паруса забелели, оттуда идут, люди говорят: „Идут вси! Лед пешать!“ У нас так волна-то большая, так эта волна-то в берег хлыщет, так столько намерзнет льду-то этаго, так пешали лед этот. Место делали про лодки. И вот как к берегу подходят лодки, бросают канат с лодки, всей деревней... ух! Зато приедут, и икры привезут, и всего на свете привезут. Бочкамы. 18 пудов солили. Это на зиму себе»¹¹⁹.

¹¹⁹ Калашникова Р. Б. Крестьянские мемуары... С. 153—157.

Деревня Корба (Анисимовская)

Известна с XVI в.: «дер. Онисимовское на Пахинском ветрегу»¹²⁰. В документах первой ревизии она значится «дер. Анисимовской Корбы»¹²¹. В начале XX в. состояла из 16 дворов:

1. Баяников Федор Лукич
2. Гагарин Михаил Петрович
3. Власов Андрей Евдокимович
4. Власов Дмитрий Иванович
5. Приезжий Иван Федоров
6. Приезжий Иван Иванов
7. Юдин Захар Михайлович
8. Трусов Иван Алексеев
9. Трусов Николай Алексеев
10. Гагарин Петр Васильевич
11. Гагарина Пелагея Яковлевна
12. Прохоров Василий Кузьмич
13. Прохоров Ефим Семенович
14. Прохоров Федор Кузьмич
15. Юдин Леонтий Михайлович
16. Юдин Макар Иванович¹²²

Деревня Корба, 1943 г.
Финский военный фотоархив «SA-Kuva»

¹²⁰ Писцовые книги Обонежской пятины... С. 132.

¹²¹ Книга переписная дворцовых крестьян... 1723—26 гг. С. 487 об.

¹²² Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 33.

В деревне находится одна из самых древних часовен окрестностей острова Кижы — часовня Знамения Богородицы XVIII в.

В деревне Корба жили родственники уже упомянутого первоначальника Выгореции Луки Федорова сына Приезжего. Это были тоже посадские Кастьянко Кирилов сын Приезжий, Ивашка Лексеев, за которыми оставался старинный отцовский земельный участок¹²³. Несмотря на то что большинство представителей этого рода ушли на Выг, в деревне продолжала жить часть семьи, которая в XIX в. сохранила древнее прозвище в виде фамилии «Приезжие»¹²⁴.

Список ремесленных профессий крестьян деревни Корбы обширен: четыре столяра, один плотник и пятеро портных работали в Петербурге; лодочник, мастер по изготовлению грабель, лопат, вил, ручек к лопатам, топорам и косам, метл, веников, щеток для чесания льна и т. п. работали в деревне¹²⁵. В 1905 г. на 12 домов и 114 жителей приходилось 23 лошади, 45 коров и 3 овцы¹²⁶.

Часовня Знамения Пресвятой Богородицы в д. Корба. 1943 г.
Финский военный фотоархив «SA-Kuva»

¹²³ Коновалов И. Указ соч. С. 173.

¹²⁴ Приезжейко — некрестильное древнерусское имя.

¹²⁵ Кустарные промыслы... С. 21, 29, 33, 67, 94.

¹²⁶ Список населенных мест Олонецкой губернии (по сведениям на 1905 г.). Петрозаводск, 1905. С. 6.

ЕРМОЛИНА Алевтина Михайловна

(в девичестве Июдина) родилась в 1941 г. в деревне Корба. Окончила семилетнюю школу в Жарниково, а в восьмом, девятом и десятом классах училась в Великой Губе. Продолжила обучение в Петрозаводском библиотечном техникуме и посвятила себя библиотечному делу. По распределению отработала три года в лесном поселке Мурто Суоярвского района. Потом вернулась в Петрозаводск, где устроилась в Национальную библиотеку Республики Карелия. Прошла там трудовой путь от младшего до главного библиотекаря. Общий стаж превышает 36 лет. За долголетний добросовестный труд неоднократно награждалась почетными грамотами. Сейчас на заслуженном отдыхе.

Детство:

«Когда началась война, мне было всего шесть месяцев отроду. Уже в феврале 1942 г. мы с семьей оказались в концлагере № 6 города Петрозаводска с мамой, папой и бабушкой в очень маленькой комнатухе барака. Прежде, чем лечь спать, каждый раз приходилось освобождать место на полу, повесив два имевшихся стула на огромные гвозди, вбитые в стены. Школьная партка заменяла нам стол. В углу дымила печурка, у порога стояли два ведра с холодной водой.

Основное воспоминание этого периода — голод. Пожевали бы и травы, но и ее не было в лагере, только тропинки на песке. Трава лишь вдали за забором, оборванная на расстоянии вытянутой руки. Здесь от лишений и голода мы потеряли бабушку.

День освобождения города встречали так. Ребята, что постарше, нашли где-то бумажные пакеты — несколько упаковок. Снимали их из пачек, надували и стучали по ним. Раздавался хлопок, как выстрел.

*Июдин Петр Макарович (крайний
справа) среди сослуживцев.
1914—16 гг.*

Музей-заповедник «Кижы». КП-5525

Это был наш салют Победы! Радость, беготня, крики, суматоха. Свобода!

Первое впечатление, когда нас привезли обратно в Заонежье: все вокруг красиво, вольготно, воздух чистый. По голубому небу бегут легкие облачка, подгоняемые ласковым ветерком.

Приехали домой в свою деревню Корба, а на встречу бежит наш кот! Где он жил — не знаем. В соседних деревнях, также, как и у нас, долго не было ни одного жителя. Мы все так ему обрадовались, ведь он в одиночестве пережил всю войну!

Поднимать колхоз „Красные Кузнецы“, где отец был председателем, было трудно,

голодно. Выручала рыба, которой развелось очень много. В нашем заливе появилась мелкая рыбешка, которую называли — „корбой“. Все в Заонежье о ней знали. Ловили ее наволочками, мешками, ведрами, голыми руками. Но она как появилась, так и исчезла, как будто была дана для нашего выживания.

Мама кормила младшеньких, а сама не успевала поесть. Я боялась, что она все время голодна, и учила ее как надо быстро чистить рыбу: „Оторвать голову и хвостик, а все остальное сразу в рот!“ А она смеялась и говорила, что вдруг косточка попадет маленькому в горлышко, и он подавится, что будем делать? Тогда я принималась помогать ей тщательно выбирать косточки.

Маму мы все очень любили. Если где-либо находили ягодку, наперегонки неслись к ней, чтобы угостить. Она была ласковая, трудолюбивая, добрая, хорошо пела. Голос ее был чистый и звонкий, знала

много песен, особенно русских народных, некоторые из них я больше никогда не слышала в другом исполнении. Если случалось, что она забывала текст песни, мы просили, чтобы она рассказала содержание своими словами. Она то шила, то вязала для всех, то штопала, и много вкусно готовила.

Вечерами мы собирались в одной комнатке при семиленной керосинке. Света от нее немного, но мы все вместе и нам хорошо. Семья к тому времени стала состоять из шести человек: папа, мама, два брата и моя сестра. Ребята, кто учился, готовили домашние задания, а остальные слушали мамины напевы.

Папе редко удавалось побыть с нами. Он много работал: косил, пахал, сеял, возил дрова, сено. Кроме того, к нему часто приходили с просьбами о помощи, за советом, за разрядкой по работе на следующие дни.

Когда я немного научилась грамоте, начала вечерами читать вслух. Первыми были сказки Александра Сергеевича Пушкина.

Папа тоже слушал нас, потихоньку мастера нам обувь на ноги. В дело шли старые шинели, шлепанцы, рваные сапоги, калоши и разное другое рвань. Первые туфельки мне купили в шестом классе, а до этого бегала босиком или в том, что сшил папа.

Я в семье старшая, для всех детей нянькой была. Труднее всего мне приходилось с младшим братом. Он родился крупный, тяжелый, а у меня силенок было маловато, носить на руках его не могла. Захватывала малыша за ступни ног у своего плеча, голова вниз, а руки по траве, и бегу играть с ребятами в деревню. Ведь я еще сама была ребенком,

*Поклонный крест
у д. Корба. 1943 г.
Из архива Л. Петтерссона*

Во втором ряду справа: уроженка д. Корба Федосья Симеонова (в дев. Гагарина) в кругу родных. В первом ряду: её дочь Настя и мама Марья. 1915—1917 гг.

и мне хотелось быть со всеми вместе.

Несмотря ни на что, — голые, босые, голодные — жили весело и дружно.

Мы повзрослели, появилось новое поколение.

Есть в нашей деревне праздник „Корбов день“, в июле, первое воскресенье после праздника святых Петра и Павла. Готовимся все: кто столы, кто на столы, а ребята свое выступление — поют, танцуют, сценки придумывают!

Приезжают на праздник гости, родственники, друзья, знакомые. Для них звучат поздравления, устраиваются игры, конкурсы, водные раз-

влечения — прыжки, заплывы, лыжи, ватрушки. Звучит гимн деревни.

Все, как всегда, в наших руках!»

Петровский гвардеец:

«Когда я была еще маленькая, папа мне рассказывал семейную легенду о петровском гвардейце из деревни Корба. Вот что он говорил.

Здесь был очень сильный, здоровый мужик. Когда всей деревней выходили на гульбище, на праздник, например, на Корбов день, или на другой какой. Ведь праздников-то много было! И мóлодежь все к нему приставала и прицеплялась, что он такой большой, тяжелый и здоровый, а он только и говорил: „Отойди, зáшибу!“

Вот как-то зимой он поехал в лес за сеном. Лошаденка устала, снег глубокий, а в горку надо тянуть. Через некоторое время она совсем встала. Он и говорит: „Ой, голубушка, ничего-то ты не можешь. Дай-ка я тебе помогу!“ Потом подошел, распряг лошадь,

отвел ее в сторонку, привязал к дереву. Сам взял оглобли. За оглобли вытащил сани на хорошую дорогу. Ну а теперь, голубушка, давай-ка ты работай! Запряг лошадь и доехал до деревни. Вот такой сильный был мужик!

А еще с ним другая история приключилась. Идет гульба какая-то. Молодежь сговорилась и кричит ему: „Мы тебя сегодня по́бьем. Вот, отбивайся, как можешь!“. Стали на него, как собачонки, со всех сторон наскокивать, а он рукой машет и говорит: „Отойди, за́шибу!“. Ну и ничего не сделали. Приняли, что он здоровый, сильный — и все.

Но решили все-таки опять его подначить. Говорят ему: „Вот ты баню эту можешь повернуть как-нибудь?“ — „Мóгу! Мóгу!“ И взял за один угол баню и развернул на 180 градусов! Ребята глаза и выпучили. Стоят, смотрят и не знают, что дальше делать. А дальше, давайте вы гурьбой поставьте на место. Тужились, пыжились, но ничего не смогли сделать. А он один взял и поставил баню на место!

Этот человек долго жил в Корбе. А потом после того, как узнали, что он перенес баню за угол и что он здоровый и высокий, ну и интересный, вероятно, был, увезли его в Петрозаводск. А после до деревни докатились слухи, что его взяли гвардейцем в охрану Петра Великого!»

Первомай по-деревенски:

«С наступлением весны солнышко начинало пригревать, снег таять, а жизнь и настроение пробуждаться от зимнего сна. Именно в это прекрасное время в Корбу приходил праздник Первомай! В первый день мая молодежь собиралась за деревней на высоком, каменистом склоне под названием „Гажье поле“. Старшим было по 15—16 лет, но суровые времена и тяжелый труд заставляли рано взрослеть.

Место оправдывало свое название: южный склон из булыжников действительно прогревался быстрее, чем другие опушки, и его облюбовало змеиное царство. Но ранней весной для цариц местных полей земля еще холодная — они появлялись позже, а для ребятешек подогретые большие валуны очень привлекательны для прыжков босыми ногами с камня на камень.

„Взрослые“ весельчаки собирали на гулянье всех ребят из соседних деревень, в том числе из Кузнецов, Потаневщины, Посада

и Серёдки. „Вскладчину” накрывали небогатый стол, приносили все, что могли добыть из дома.

„Мелкие” собирали валежник. Костры разводили у „пожарных водоемов”, находили выбоины, наполненные талой водой, чтобы в случае чего можно было затушить непокорный огонь. Ведь быт был деревянным — и постройки, и посуда, и хозяйственная утварь. Все остерегались беды, понимая опасность пожара.

От души веселились, пели, играли, бегали, прыгали — шуму и пистку хватало на всю округу!!! Иногда заходили и родители. Наш папа Июдин Михайло Иванович играл на балалайке, показывал, как ее держать, как „бренчать”. Мама Настасья Ефимовна красиво пела. А мы, их дети: Алька, Женька, Олька и Вовка — были безумно счастливы».

ЕРМОЛИНА (ИЮДИНА) Анна (Алевтина. — Прим. редакции), родилась в деревне Корба

Про Киж:

«Родилась я в деревне Корба, что в пяти километрах от Кижей. В то время это был Заонежский район Кижского сельского совета, так что свидетельство о моем рождении выдавали в Кижях.

Помещение сельского совета располагалось в большом двухэтажном доме, где сейчас стоит дом Ошевнева. Это был не единственный двухэтажный дом в Кижях. Были там и одноэтажные дома, хозяйственные постройки, бани, амбары, причалы, лодки-„кижанки” — большие и маленькие. Большие — с тремя парами весел: одни на верхней, вторые — на средней, третьи — кормовые. И паруса у них большие — в носу лодки и на середине. Это рыбацкие „кижанки”, которые выезжали на ловлю рыбы в Малое Онего, ездили через Большое Онего в Петрозаводск. Таких лодок я больше не вижу у Кижских берегов.

В роковой, грозный 1941 г. — от роду в один год — вместе с родителями и почти всеми жителями Заонежья меня увезли в концлагерь г. Петрозаводска.

Вернулись мы домой в 1944 г. В то время сообщение поддерживали грузопассажирские пароходы: „Роза Люксембург”, „Урицкий”, „Володарский”. Это были черные, дымящие пароходы, шлепающие деревянными колесами, шум от которых был слышен далеко. Выгружали

Семья Манасеева, прославленного капитана пароходов «Урицкий», «Вересаев» и других. Слева направо в первом ряду: Галина, супруги Ольга Николаевна и Федор Васильевич, Мария, Сергей; во втором ряду: Виктор, Раиса, Зоя

нас (в буквальном смысле) изможденных, измученных голодом, еле передвигающих ноги на причале „Кижы“, который был тогда напротив церкви. Без посторонней помощи многие идти не могли.

Я была не по годам маленькая, худющая, „ходячая мумия“. Позже, в третьем классе, весила 14 килограммов. Меня выносили на руках. Первое, что я тогда увидела и запомнила на всю жизнь — это летящие купола, очень красивые и мелкие белые облачка. Низа церкви я не видела, поэтому освещенное солнцем, все это летело, переливалось, было похоже на сказку. Потом меня опустили на землю, а я, не отрываясь, смотрела вверх.

Позже мама рассказывала, что я долго выпрашивала, что же это такое было. Она вынуждена была свозить меня снова в Кижы. А это осуществить тогда было не так-то просто. Не было лодки, нужно было ее найти, нужно было выбрать погоду без ветра и дождя, освободиться от домашних хлопот, а главное — что-либо приготовить поесть и найти физические силы, чтоб прогresti 10 километров на лодке туда и обратно.

Видимо, сильно я надоела своими расспросами, что меня отвезли в Кижы. Тогда и увидела я весь ансамбль целиком. Да еще

**Ермолин Иван Макарович на сенокосе
в д. Корба. 1961 г.**

получила некоторые объяснения от мамы. (Данные о ее рождении и крещении, вероятно, были записаны в книгах Кижской церкви. Она родилась в деревне Корба, там же вышла замуж и прожила в деревне 60 лет.)

Память у меня была отличная, поэтому Кижы в различных вариациях, в разные времена года, вижу, закрыв глаза, как будто они стоят передо мной в настоящий момент.

Особенно красив ансамбль весной, когда деревья по берегу еще не дали листьев, а поля позеленели низкой, яркой весенней зеленью, как подстриженной под гребенку. Раннее утреннее солнце освещает купола почти снизу. Они сияют. Церковь возвышается на овальном светло-зеленом холме. Кругом тишина и покой, и ничто ни на озере, ни на острове не мешает взору. Мы — на озере, и это видение — сказка, только уже в 16 лет.

Моментов таких много. Кижы, — то летом — в яркую солнечную погоду, то во время бури, дождя, в окружении молний осенью, то зимой — полосками от лыж и саней на мягком слепящем снегу, с сильным морозом в кружевах инея, с металлическими куполами, с деревянными, с обшивкой и без нее.

Есть в этом ансамбле много магического, что притягивает к себе и не отпускает всю жизнь»¹²⁷.

Деревня Кузнецы (На Пахтачовской Мандери Кузнецовская)

Поселение известно с 1563 г., когда в ней жили только два крестьянина, но уже к следующему описанию 1582 г. деревня достигает уже 6 дворов и в дальнейшем становится одной из самых крупных во всей волости:

¹²⁷ Анна Ермолина (Июдина). Притяжение Кижей. // «Кижы». Март 2005. С. 6.

Деревня Кузнецы

1. Ляпсин Василий Яковлевич
2. Ляпсин Егор Евстигнеевич
3. Петров Алексей Иванович
4. Петров Василий Герасимович
5. Петров Афонасий Яковлевич
6. Петров Василий Герасимович
7. Полев Владимир Тимофеевич
8. Даниловы наслед. Петр Михайлов
9. Савин Алексей Васильевич
10. Савин Петр Иванович
11. Савин Матвей Петрович
12. Савин Павел Захарович
13. Вавилин Ефим Васильевич
14. Вавилин Тимофей Васильевич
15. Захарьев Яков Иванович
16. Захарьев Иван Иванович
17. Башкиров Григорий Данилович
18. Башкиров Петр Васильевич¹²⁸

По списку дворохозяев можно видеть, что состав жителей — это родственные, разделившиеся семьи. В 70-х гг. XIX в. в деревне стояло два амбара на 12 домов¹²⁹, обеспеченность скотом семей была средняя. Большая их часть имела только одну лошадь, правда коров в хлевах было побольше от одной до 9. Самым зажиточным крестьянином деревни был Ефтифей Иванов Ляпсин, который имел 4 лошади, 9 коров и 5 овец.

Ветряная мельница

1. Название деревни: Кузнецы
2. Владелец: Савин Алексей Васильевич
3. Тип мельницы: козловая
4. Назначение: амбар
5. Число крыльев: 6
6. Сколько лет существует: 12 лет

¹²⁸ Список домохозяев Петрозаводского уезда... 1911 г. Л. 34.

¹²⁹ Страховая опись... Л. 74.

7. Ремонт: перекрывали крышу, перемена основания мельницы (70 руб.)

8. Основание мельницы: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем

9. Ежегодная сумма страховки: общая 30 коп.

10. Число рабочих дней в году: 100 дней

11. Сколько работает круглые сутки: 50 дн.

12. Производительность поставка (10—12 час.): 15 мер

13. Сколько переработано зерна в год на себя: ржи: 25—30 мер, овса — 30 мер

14. Сколько переработано зерна в год на заказчика: 200 мер

15. Плата за помол: 2—4 коп.

16. Сколько дней в году работает толчея: —

17. Сколько переработано овса: —

18. Плата за толчение: 5—0 коп. с меры

19. Число толкачей: 8

Стоимость всей мельницы: 26 руб. по случаю¹³⁰.

Ветряная мельница

1. Местонахождение: деревня Кузнецы

2. Владелец: Полев Тимофей Стефанович

3. Тип мельн.: козловая

4. Назначение: амбар

5. Основание корпуса: ряжевая клетка 1,00—1,00 саж., забутованная камнем

6. Число крыльев: 8

7. Сколько лет существует: 10 лет

8. Ремонты: —

9. Сумма, израсходованная на ремонт: —

10. Указать характер ежегодного ремонта: перемена крыльев

11. Ежегодная сумма страховки: общая

12. Число наемных рабочих: —

13. Число рабочих дней в году: —

14. Сколько раз мельница работает круглые сутки: —

15. Производительность поставка за раб. день (10—12 час.):

¹³⁰ Сведения о водяных и ветряных мельницах... 1916 г. Л. 146.

16. Сколько переработано зерна за год для себя: ржи — 52 меры, овса — 50 мер
17. Сколько переработано на заказчика в год: —
18. Плата за помол с меры: —
19. Сколько дней работает толчея: —
20. Сколько переработано овса за год: —
21. Какая плата за толчение: —
22. Сколько переработано овса за год: —
23. Хозяина мельницы не оказалось, сведений получить не мог¹³¹.

К сожалению, в настоящий момент невозможно установить происхождение названия поселения, поскольку в доступных источниках не отмечены кузницы в деревне. О существовании кузницы в конце XVII в. свидетельствует документ, опубликованный Р. Б. Мюллер, из текста которого понятно, что кузницы были как в деревне Кузнецовской, так и в деревне Корба¹³².

В настоящий момент осталось только два дома поселения.

¹³¹ Там же. Л. 148.

¹³² Челобитная крестьянина Кузнецовской деревни кижского погоста Дмитрия Стафеева о привлечении к суду крестьян Бажена Федорова и других за неуплату ему кортомных денег за наковальню и землю и невыполнение обязательств по постройке кузницы и др. См.: Карелия в XVII веке... С. 253—254.

Часть 3. СЕННАЯ ГУБА. СЕННОГУБСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО

В Новгородское время большинство земель в районе Сенной Губы принадлежали посаднице Марфе Борецкой.

В 1654 г., в непосредственной близости от главных храмов Кижского погоста, на Сенной Губе была построена церковь во имя Святого Николая, и образован новый приход. С этого времени на тер-

**Никольская церковь
в Сенной Губе. 1943 г.**

Финский военный фотоархив «SA-Kuva»

ритории Кижской волости существовали два церковных прихода. В 1810 г. на месте обветшавшей деревянной Никольской церкви была построена каменная церковь с деревянным десятиглавым завершением. Этот храм до недавнего времени являлся своеобразной архитектурной прелюдией многоглавия кижских церквей. В 1848 г. рядом с Никольским храмом была построена каменная Тихвинская церковь. В настоящий момент после пожара 1982 г. Никольская церковь не восстановлена, силами музея «Кижы» выполнены

только противоаварийные работы. Тихвинский храм после Второй мировой войны был перестроен, лишившись своего однокупольного завершения. Сейчас силами добровольных пожертвований он приобрел первоначальный вид.

Кладбище рядом с храмами знаменито тем, что на нём похоронен знаменитый русский сказитель Иван Трофимович Рябинин. На месте его погребения установлен памятник.

В течение многих лет в церквях Сенногубского прихода служили священники Ржановские.

Из народных мемуаров

РЖАНОВСКИЙ Александр Валерьевич

родился в 1956 г. в деревне Сенная Губа в семье потомственных учителей. Первый класс окончил в Сенногубской школе, а остальные девять — в Медвежьегорской средней школе № 1, куда директором был назначен его отец. Имеет два высших образования: педагогическое и управленческое. Работал в школе № 2 Медвежьегорска учителем русского языка и литературы, заведующим РОНО, заместителем главы города. Сейчас на пенсии, но продолжает

заниматься общественной работой — руководит КРОО «Заонежская сторона». С 2017 г. проживает в Петрозаводске, но каждое лето проводит в родной деревне.

Преемственность поколений:

«Известно, что в Заонежье никогда не было крепостного права. И это нашло своё отражение в жизни местных крестьян. Ведь только свободный, духовно свободный человек мог создать бессмертные шедевры деревянного зодчества, создать и сохранить в поколениях творения устного народного творчества.

Сегодня, когда мы любимся сокровищами кижского музея, когда читаем и слушаем былины, сказки и плачи, то душа переполняется гордостью за своих предков, и возникает чувство ответственности перед их памя-

*Ржановский Василий
Васильевич.
1930-е годы*

*Жена В. В. Ржановского — Фаина
Андреевна. 1930-е гг.*

Родовой дом Ржановских, построен в 1880 г. Сенная Губа, 2020 г.

Автор: Ольга Севан

тью за сохранение того богатейшего наследства, которое они нам оставили.

Духовность, нравственность, свобода и чувство справедливости — вот те реперные точки, которые определяли жизнь заонежан. Но эти критерии не возникали у людей сами по себе. Они появлялись в результате как жизни в крестьянском сообществе, так и в результате подвижнической деятельности других людей.

Поучительна в этом плане жизнь и деятельность династии заонежских священнослужителей и учителей Ржановских. Они служили людям во многих деревнях Заонежья, но их родовым гнездом по праву считается деревня Сенная Губа. Именно здесь в 1880 г. настоятель Сенногубского прихода протоиерей Ржановский Василий Стефанович построил свой дом, который является оплотом семьи до сих пор. Своей любовью к людям, стремлением им помочь, поддержать в трудную минуту он заслужил уважение и любовь односельчан, которые не дали расстрелять его как священника в 1918 г. А ведь Василий Ржановский был еще и учителем, обучая в церковно-приходской школе местных детей, но это было не только обучение, но и воспитание. Стремление служить людям, любовь к родному краю отец Василий передал и своим детям. Из его двенадцати детей десять стали учителями, большинство которых всю жизнь проработало в школах Заонежья.

В сенногубской школе работали учителями Парасковья Васильевна и Елизавета Васильевна Ржановские, а их брат Василий Васильевич Ржановский был директором этой школы. Продолжил династию сын Василия Васильевича — Валерий Васильевич Ржановский, который также был директором школы и учил детей истории. Его и других учителей с особой теплотой до сих пор вспоминают их бывшие ученики. В то время сенногубская школа была одной из лучших в Карелии. Ученики не только получали хорошие знания, но и имели свой театр, ездили с экскурсиями в другие города, т.е. обучение шло вместе с воспитанием.

Продолжили учительскую династию Ржановских сыновья Валерия Васильевича — Александр и Виктор».

Деревня Леликово (Аренцовская и Лирикова)

Две деревни, расположенные на Малом Леликовском острове, известны с 1563 г. До второй половины XIX в. это было два поселения. Которые «по смежности угодий» и по тому что «в натуре являются одним поселением», объединили под общим названием «Леликово».

8 сентября 1886 г. в деревне была освящена церковь во имя Иоанна Крестителя, построенная по плану архитектора А. В. Малова. Постройка храма производилась под непосредственным наблюдением олонецкого губернского архитектора

С. Б. Ньюхалова¹. По данным приходской книги церковь в Леликово была построена по инициативе прихожан и дарителей. По рассказам

*Церковь Иоанна Предтечи
в д. Леликово. 1943 г.
Финский военный фотоархив «SA-Kuva»*

¹ Олонецкие губернские ведомости. № 73. 24.09.1886.

деревенских жителей, одним из дарителей был житель Царского Села купец П. Н. Демидов². Сейчас храм возрождается тщанием прихожан.

Из народных мемуаров

НАГУРНАЯ Светлана Викторовна

(в девичестве Рогова) родилась в 1968 г. в г. Петрозаводске. В 1990 г. окончила филологический факультет Петрозаводского государственного университета (отделение финского и русского языков и литературы), в 1993 г. — аспирантуру Института языкознания РАН (Москва). Кандидат филологических наук. С 1990 г. работает в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, с 2009 г. — ученый секретарь.

Родные берега:

«Леликово... В детстве это было то единственное и дорогое место, где мы с сестрой проводили каждое лето. Родились мы в апреле (Марина постарше меня минут на сорок), а в июне уже были в Леликово. Поэтому в деревне оказались в возрасте двух месяцев — летние старожилы!

Деревня расположена на Малом Леликовском острове, напротив Большого Леликовского; географически это юго-запад Заонежья. Насколько большой остров — на этот вопрос леликовцы отвечают приблизительно: километра два в ширину и четыре в длину. Выезжая после зимы на катере или „комете“ из Большого Онего в сторону Кижских шхер, стараешься не пропустить момент, когда слева по курсу появляется шпиль Леликовской церкви и виднеется белый каменный дом купца Клеерова. Вот она, долгожданная встреча: с радостным волнением ждёшь мгновения, когда переступишь порог старого

² Архитектор Малов пожертвовал план и чертежи храма. Один из леликовцев, петербургский столярный подрядчик И. Ф. Клееров, пожертвовал весь иконостас с работой и массу церковной утвари; другой однодеревенец, также торгующий в Петербурге — паркетный пол.

В центре: Черепова Мария Федоровна с сыном Петром на фоне своего дома. Деревня Леликово. Кон. 1950-х – нач. 1960-х гг.

бабушкиного дома и вдохнешь родной запах деревенской избы — печка, большой деревянный стол, бабушкина кровать в углу. Вспоминаю слова моего дяди, Петра Ивановича, о том, что здесь, в деревне, тебе даже мох улыбается.

Воспоминаний детских лет много, но, наверно, основное — это бабушка. Наша бабушка Маня, добрая, заботливая, говорящая на своем особенном языке: „Что схудоумились? Худоумка на сарае хрѳбандает“. Кто такой этот худоумка? С опаской ступая по скрипящему полу на сарае, я каждый раз оглядывалась — вдруг появится худоумка?

Утром бабушка потчевала нас простоквашей с земляникой. В моей детской памяти нет ничего вкуснее этой кружки простокваши с ягодами. Земляника росла в поле, и, чтобы собрать ее, бабушке нужно было встать пораньше и пройти от нашего дома уж как минимум до „елок“. Елки — это своеобразный водораздел, середина острова, граница между домами и полем. У бабушки были большие ноги, но каждое утро, когда поспевала земляника, бабуля собирала ее для нас, своих внúчат. Повзрослев, мы стали ходить за ягодами зáполье, в основном за малиной. Малинников в Леликово много, это сейчас все

заросло травой, а когда-то к нам на остров за ягодами приезжали и из других деревень. Подвязав корзинки на поясе, чтобы удобнее брать малину, мы шли к забóрьям. Забóрья, или рóвницы, — неотъемлемая часть леликовского пейзажа: земля здесь очень каменистая, и, чтобы посеять рожь, крестьяне складывали раньше ка́менья в ровницы. Полевая малина не крупная, но сладкая и ароматная, хотя в корзинке оказывались, конечно, и рохляки — неспелые ягоды.

Ромашково-васильково-лютиковое разноцветье и аромат леликовского поля — это особое ощущение. На ромашках можно погадать и узнать самое сокровенное: „Любит — не любит, плюнет — поцелует; к сердцу прижмет — к черту пошлет, своей назовет; любит искренне — сомневается, ждет свидания — надсмехается” (этому научила тетушка). Украшением букета из полевых цветов безоговорочно были балаболки — очаровательные, со множеством желтых лепестков купальницы, напоминающие маленькое солнышко. Переходя от одного забóрья к другому, можно случайно наступить на „цыганский табак” — причудливый такой гриб, выпускающий из себя пыль. Можно спугнуть из травы тетерку или увидеть высоко парящего в небе ястреба — гордого и недосыгаемого хищника. Мы знали, что ястреб опасен, но бояться — не боялись его никогда. Как и не боялись встретить в поле гадюку, потому что раньше га́дьев на острове не было. Бабушка говорила, что от змей оберегает церковь — необычайная красавица, гордость леликовцев, прикрывающая свою грациозность и красоту густой листвой вековых берез.

Бабушка — Черепова Мария Федоровна, в девичестве Воронцова, была родом из деревни Воробьи, что недалеко от Кижей. Родилась в большой семье. Ее мама, Мария Антоновна (по рассказам бабушки — статная, степенная, по характеру спокойная и уравновешенная) родила семнадцать детей. Бабушкин дед по отцу, Воронцов Акат Стафеевич, имел кондитерскую в Петербурге, успешно вел торговые дела и даже был вхож в императорское семейство, членам которого писал стихи собственного сочинения. Активно участвовал в жизни Кижского сельского общества, занимался меценатством и на свои средства выстроил в Воробьях часовню Кирика и Иулиты.

В Леликово бабушка переехала, выйдя замуж за деда, Черепова Ивана Петровича. А познакомились они во время престольного

Деревня Леликово. 1942 г.

Слева виден пожар, произошедший по вине финских солдат, которые в пьяном состоянии топили печь в одном из занятых ими домов

леликовского праздника на Иванов день, 7 июля. Иванов день был особо почитаем в деревне. В канун праздника парни и девушки собирали „ночное“: залихватская молодежь баловалась, прятали в сараи молоко и „кабушки“ из творога; днём было гулянье. В былые годы по традиции жители кижской округи приезжали на престольные праздники в соседние деревни. Конечно, Леликово и Воробьи соседними деревнями не назовешь, но так вот свела судьба бабушку с дедом на счастливые пятнадцать лет.

Дом Череповых — один из самых больших в деревне — находился в северном конце. Череповых было несколько братьев, поэтому хозяйство считалось крепким, рабочих рук хватало. Бабушка показывала нам в детстве огромный валун, который лежал в основании сгоревшего во время войны дома.

Вообще тема войны для леликовцев очень горькая и больная. Деревня, как многие другие в Заонежье, была оккупирована финнами, а жители вывезены в концлагеря в Петрозаводск. Бабушка оказалась в лагере с четырьмя детьми, самая младшая из которых мама — ей было только несколько месяцев. Тётушка Валентина, рассказывая о суровой и голодной жизни „под финнами“, всегда очень переживала, тягостные были воспоминания. С тех лет остались у нее в памяти слова „Anna leirää“ — „Дай хлеба“. Мама, которой к моменту освобождения Петрозаводска было всего три годика, помнит, как ходила с котелком просить у финских солдат кашу. В лагере умерли бабушкины

родители, Мария Антоновна и Федор Акатиевич. В качестве причины смерти в финских архивных материалах указано „vatsatauti” — желудочное заболевание, хотя понятно, что умерли они, как и тысячи других оказавшихся в лагерях заонежан, от голода.

Дед был призван на фронт в начале войны, долгое время считался пропавшим без вести. Однако не так давно из материалов военного архива Финляндии удалось выяснить, что часть, в которой он воевал, в сентябре 1941 г. попала в окружение под селом Медведь в Новгородской области, и дедушка оказался в немецком плену. Датой его смерти указан январь 1942 г. В честь земляков, воевавших на фронте, леликовцы установили памятную плиту, где выбиты имена солдат.

До войны дед был председателем колхоза. По воспоминаниям маминых старших сестёр Александры и Валентины, он был трудолюбивый, доброго нрава, очень любил бабушку и детей. Когда ребятня баловалась, а бабушка сердилась, наказывал их „понарошку” — накидывал на шалунов шубу и ремнем слегка „проходил” по краям шубы, чтобы не задеть детей.

Если говорить об истории возникновения Леликово, то бабушка рассказывала переходившее из уст в уста народное предание о том, что „в далёкие времена от рекрутского набора спрятались здесь три беглеца”. Эта же история была записана в Леликово в 1931 г. во время экспедиции студентов Этнографического отделения Ленинградского историко-лингвистического института: „На этом месте, где теперь деревня, был непроходимый лес. Говорят, что сюда прибежали трое человек. Они будто бы надеялись пробыть здесь около года, ... до тех пор, пока кончится рекрутский набор... Потом прибежали еще несколько человек, потом еще... Тогда порешили обратно не возвращаться, и начали устраиваться на этом острове”. Такие истории, видимо, были нередки в Заонежье, а уж правда или нет, что деревня пошла от трёх бежавших рекрутов, нам доподлинно не известно.

Важным событием в жизни деревни стало строительство церкви „во имя святого Предтечи и Крестителя Христова Иоанна”, освящение которой состоялось в 1886 г. Храм строился на деньги крестьян и благотворителей, в их числе были уроженцы Леликово Илья Коросов и Иван Клееров. И. П. Коросов, будучи членом

Вторая слева Рогова (Черепова) Светлана Ивановна, третья слева Козлова (Мореходова) Анна Егоровна. 1960-е гг.

строительного комитета, поехал в Санкт-Петербург за помощью „земляков-торговцев”. Одним из первых на просьбу откликнулся И. Ф. Клееров, пожертвовав средства на иконостас и церковную утварь. Впоследствии Клееров помогал приобретать учебники для церковно-приходской школы, вскоре открытой при храме. Любопытно, что в числе благотворителей церкви был царскосельский купец Демидов Петр Никитич.

Иван Федорович Клееров, ведя торговлю в Санкт-Петербурге и Новгородской губернии, не забывал родные края. В Леликово он выстроил большой дом из бело-розового кирпича, служивший для его семьи летней дачей. Бабушка рассказывала, что кирпичи при строительстве склеивались яичным желтком, дом строился на века. Часть дома, где находилась конюшня, деревянная, а фасад — каменный, величавый. В детстве, играя в прятки, мы нередко забегали в просторные комнаты клееровского дома, где сохранились печи с необычной, царской красоты изразцовой облицовкой.

В послевоенные годы в доме Клеерова летом располагался пионерский лагерь. Первоначально он находился на территории Клименецкого монастыря. По соседству, в бывшем доме Коржавина жили воспитатели и медперсонал. Коржавинский дом деревянный, но его

фасад был не менее красивым — с резными балясинами и резными ставнями.

Наряду с Леликовской церковью дом Клеерова — визитная карточка деревни. Свидетель многих исторических событий, сейчас он находится в полуразрушенном состоянии и, заброшенный, стоит немым укором бесхозяйственности и невниманию.

Помимо церкви, в деревне еще в 1930-е гг. на каменном мосту, который соединяет Малый и Большой Леликовские острова, стояла небольшая деревянная часовня, на которой была надпись — „1829 год, июня 17 дня“. По воспоминаниям, прежде в часовне проходили службы по случаю выгона скота, засухи или пожара. Кстати, Большой Леликовский остров бабушка называла Тамбич-островом. Сейчас многие названия леликовских пожней, наволоков, луд, загубовин уже забыты, среди них — Сельнаволок, Терех-пожня, Мур-губа и другие.

История деревни была щедра на самые разные события — в 1908 г. открылась потребительская лавка, через два года — создана ферма по производству масла. Однако, занимаясь повседневной хозяйственной жизнью, леликовцы оставались хранителями богатых духовных ценностей. В конце XIX в. Леликово посещал известный российский фольклорист, член Петербургской академии наук А. Ф. Гильфердинг, записавший здесь былины, вошедшие в золотую коллекцию русского фольклора. Позже, в советское время, участниками различных экспедиций, в том числе и столичных, в деревне были записаны не только былины, но и сказки, причитания, свадебные песни и многое другое. Во время экспедиции 1931 г., о которой упоминалось выше, студенты записали от жителей Леликово эпические песни, прибаутки, тексты плясовых, многочисленные частушки:

Утка сера, шейка бела
 Тихо по морю плыла.
 Девка смело к парню села,
 Разговору завела.
 Или:
 Купи, маменька, на платье,
 Постарайся, кумачу.
 Кто не носит мне конфеты,
 С тем я знаться не хочу.

Леликовская общественная пристань. Середина 1960-х гг.

Помнится, как бабушка, уже в городской квартире, пряла шерсть и пела печальную песню о судьбе вдовушки, похожую на ее собственную. Жаль, что тогда мы, будучи детьми, не понимали, что эти песни — бесценная народная культура, которая уйдет вместе со старшим поколением. Кстати, у бабули был красивый голос, даже во время оккупации в Петрозаводске ей было дозволено петь по воскресеньям в церкви на Волховской на службах (служил в церкви бывший леликовец батюшка Макаров).

Бабушка была глубоко верующим человеком. В углу над кроватью у нее всегда стояли иконки, она строго соблюдала посты, посещала, уже живя в Петрозаводске, церковь. По словам моей мамы, Роговой Светлана Ивановны (в девичестве Череповой), из всех праздников, отмечаемых в деревне (в том числе и советских), бабушка по-настоящему признавала Пасху. На Пасху обязательно дарила дочке „обнову“. Вечером с соседками они собирались на пасхальную службу в доме у Дарьи Васильевны Мореходовой, так

как церковь была закрыта к началу 1930-х гг. Служба начиналась в одиннадцать вечера, после чего женщины проходили вокруг храма Крестный ход.

Имелись у леликовцев и свои деревенские обряды и традиции. Девушки ворожили. Гадания были приурочены в основном к календарным праздникам. На праздник Крещения девица выходила вечером на улицу, завязывала на платке узелок, приговаривая: „Приди, суженый, развяжи узелок“. Суженый должен был присниться в эту ночь. Также гадали и на Петров день, только накануне девица до петухов должна была набрать цветов и положить их под подушку. При этом призывала суженого, сняв крестик и не произнося ни одной молитвы, иначе ничего не сбудется. Верили в гадание на картах. Гадала на картах и моя бабушка, всегда сняв до этого крестик.

В Маковеев день, 14 августа, пекли рыбники и калитки. После богослужения, когда еще работала церковь, священник трижды окунал в озере крест, а верующие заходили в воду, чтобы окунуться в „святой“ воде.

Поверья были связаны в основном с повседневными нуждами крестьян: считали, например, что если впереди стада идёт рыжая корова, будет хорошая погода, если черная — то „нёпогодь“. Труд, быт и отдых деревенских жителей сопровождали мифические существа — ригочник, баенник, амбарник, домовый. Перед тем, как начать топить баню, бабушка обращалась за разрешением к домовому:

Домовой царь-батюшка, домовая царица-матушка,
Ваши детушки и нянюшки, ваши служанушки,
Разрешите баню протопить.

Так же она обращалась к домовому и после бани, но уже со словами благодарности.

Бабушка трудилась в колхозе вплоть до его закрытия. В 1964 г. из-за болезни дети перевезли ее в Петрозаводск. Дети Марии Федоровны (троих уже нет с нами) переняли от нее упорство и любовь к труду. Старшая дочь, Александра Сизова, проработала всю жизнь учительницей. Средняя, Валентина Горшкова — „тетушка“, была настоящим кладезем народной мудрости, помнила массу приговорок, потешек и разговаривала с нами на своём заонежском языке. Сын Петр Черепов, заядлый и неутомимый рыбак, талантливый

спортсмен, мастер спорта по лыжным гонкам, преподавал в Речном училище. Наша мама, Рогова Светлана Ивановна, отработав свыше 50 лет врачом-цитологом, только прошлым летом вышла на пенсию. За свой многолетний труд, высокую квалификацию и трудовые заслуги она удостоена звания „Заслуженный врач Республики Карелия“».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Памятные книжки губерний и областей Российской империи появились в XIX в. и сразу стали библиографической редкостью. Эти официальные справочные издания, содержащие статистические, исторические и этнографические сведения за определенный год, пользовались невероятным спросом. Они позволяли во всех подробностях воссоздать картину повседневной жизни губернии и отдельного населенного пункта. Сведения о составе жителей, состоянии природы особенностей быта, культуры и экономики делали такую книгу пособием по исторической географии.

Все это относится и к «Памятной книжке Кижской волости», в которой использовалась методика временных срезов. В ней выявлены наиболее значимые события в истории Кижской волости с XV в. и по настоящее время.

Рассказы местного населения рисуют картины жизни и деятельности кижан на примере нескольких поколений. Биографии их даны подробно, события изложены так, как их помнят и оценивают сами рассказчики. Нет грубой редакционной правки. Сохранен почти без изменений язык рассказчика. Не теряются, казалось бы, мелкие, незначительные детали. Именно это убеждает в достоверности услышанного и записанного.

Обращает внимание, как много общего в рассуждениях жителей, даже независимо от возраста. Меньше всего внимания они уделяют личным трагедиям, но никто не забывает упомянуть добром тех, кто помог в трудную минуту. Поэтому так много имен, упоминаний родственных отношений. О них нельзя не сказать. Семейные связи поддерживают людей, оказываются крепче любых жизненных катастроф. Своих родных люди уважительно называют по именам и отчествам. Сохранение большой семьи не мешает появлению и развитию малой. Точно так же повышение

уровня образования в целом у жителей, членов семьи и соответственно, выбор других, более интеллектуальных занятий не разделяют людей.

У местных жителей сохранилось любовное, трепетное отношение к природе. Ощущается горечь потерянного от варварского отношения людей к окружающему миру. Но есть и понимание ситуации, и желание все исправить.

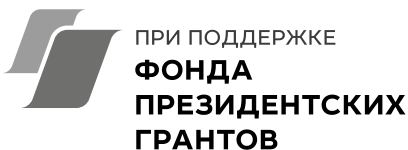
В данной книге в кратком изложении представлен результат многолетней кропотливой работы по изучению истории деревень Кижской волости на основе исторических документов, с одной стороны. С другой стороны, это подведение первых итогов двухлетней целенаправленной деятельности музея-заповедника «Кижский» по взаимодействию с местным населением.

Авторами-составителями в сотрудничестве с местным сообществом в рамках одной книги были решены сразу несколько сложные задачи. Впервые удалось собрать, систематизировать и ввести в научный оборот информацию по истории деревень в органичной связи с народными мемуарами.

Воспоминания о славном и трагическом прошлом родного края позволят гидам эмоционально окрасить любую экскурсию музея-заповедника «Кижский» и стать основой для разработки дополнительных программ по Кижскому ожерелью. А местные жители смогут познакомиться с былым величием родного края, о котором рассказывают их соседи и предки, а также исторические документы.

Все это должно побудить людей к возрождению и развитию своей деревни, возвращению к родным очагам.

*Издание подготовлено в рамках проекта
«Мирской сход старост — как драйвер развития
исторической территории Кижской волости»,
реализованного за счет средств Фонда Президентских грантов*

Памятная книжка Кижской волости

Авторы идеи, составители:

Воробьева Светлана Васильевна,
Кириянов Валерий Александрович

Под общей редакцией С. В. Воробьевой и В. А. Кириянова

Подписано в печать 04.12.2022. Формат 60 × 90/16.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 22. Тираж 500.

Отпечатано в типографии издательского дома ПИН
Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Балтийская, 5б

«Задумка подготовить издание, посвящённое кижским деревням, появилась после многочисленных отзывов о серии публикаций исторических очерков в социальной сети ВКонтакте. Книга представляет собой новый опыт создания провинциального справочника, который в XIX – начале XX в. регулярно выпускался в губерниях Российской империи. Особенность „Памятной книжки Кижской волости“ – в сочетании сведений из истории деревенской жизни, почерпнутых из архивных источников, и воспоминаний местных жителей». (В. А. Кирьянов).

В оформлении обложки использована картина
Л. А. Альгиной «Вид на Кижский погост из окна дома Клиновых».
Деревня Клиново, 1992 г.